

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 14, № 2, 2021

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная, отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Санир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (HESS), Центр исследований индустриализации (СЕМІ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штопка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Коньки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калащикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода журнала – 6 раз в год

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 08.00.00 – экономические науки; 22.00.00 – социологические науки.

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала направляются в Библиотеку Конгресса США и в Германскую национальную экономическую библиотеку.

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volinc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 14, no. 2, 2021

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Szompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

M.F. Sychev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda, Russia)

O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. К чему ведет бездуховность правящих элит?	9
--	---

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Макарова М.Н. Моделирование социально-демографической асимметрии территориального развития	29
---	----

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Борисов В.Н., Почукаева О.В. Анализ и прогноз конкурентоспособности российской инвестиционной техники на рынках дальнего зарубежья.....	43
Леонидова Е.Г. Туризм в России в условиях COVID-19: оценка экономического эффекта от стимулирования спроса для страны и регионов	59

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Гайнанов Д.А., Гатауллин Р.Ф., Атаева А.Г. Методологический подход и инструментарий обеспечения сбалансированного пространственного развития региона.....	75
Иванова М.В., Козьменко А.С. Пространственная организация морских коммуникаций Российской Арктики.....	92
Советова Н.П. Цифровизация сельских территорий: от теории к практике	105

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Шабунова А.А., Короленко А.В., Нацун Л.Н., Разварина И.Н. Сохранение здоровья детей: поиск путей решения актуальных проблем	125
Тырсин А.Н., Васильева Е.В. Моделирование взаимосвязи факторов формирования спроса на рабочую силу и ее предложения	145
Фролова Е.В., Рогач О.В., Рябова Т.М., Медведева Н.В. Ограничения социального партнерства власти и бизнеса в практике формирования туристической привлекательности муниципальных образований РФ	156

МИРОВОЙ ОПЫТ

- Черных Е.А. Социально-демографические характеристики и качество занятости платформенных работников в России и мире 172
- Сухоцкая Л., Пасэк М., Блихаж М., Леонидова Г.В. Социально-психологическая поддержка пар при лечении бесплодия (на примере польского исследования) 188

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

- Шматова Ю.Е. Психическое здоровье населения в период пандемии COVID-19: тенденции, последствия, факторы и группы риска 201

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

- Мотрич Е.Л. Рецензия на: Демографическая ситуация и демографическое поведение населения Вологодской области: I региональный демографический доклад 225

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 227
- Правила приёма статей 238
- Информация о подписке 244

CONTENT

EDITORIAL

Ilyin V.A., Morev M.V. Where Does the Soullessness of the Ruling Elites Lead? 9

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

Makarova M.N. Modeling Socio-Demographic Asymmetry of Territorial Development 29

INDUSTRIAL ECONOMICS

Borisov V.N., Pochukaeva O.V. Analysis and Forecast of Competitiveness
of Russian Investment Equipment in the Foreign Markets 43

Leonidova E.G. Russian Tourism during the COVID-19: Assessing Effect
of Stimulating Domestic Demand for the Country and Regions' Economy 59

REGIONAL ECONOMY

Gainanov D.A., Gataullin R.F., Ataeva A.G. Methodological Approach and Tools
for Ensuring Region's Balanced Spatial Development 75

Ivanova M.V., Koz'menko A.S. Spatial Management of the Shipping Routes
in the Russian Arctic 92

Sovetova N.P. Rural Territories' Digitalization: from Theory to Practice 105

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Shabunova A.A., Korolenko A.V., Natsun L.N., Razvarina I.N. Preserving Children's
Health: Search for the Ways of Solving Relevant Issues 125

Tyrsin A.N., Vasilyeva E.V. Modeling the Interrelation between Formation Factors
of Labor Demand and Its Supply 145

Frolova E.V., Rogach O.V., Ryabova T.M., Medvedeva N.V. Limitations of Social
Partnership between Authorities and Business in Forming Tourist
Attractiveness of Municipalities of the Russian Federation 156

GLOBAL EXPERIENCE

- Chernykh E.A. Socio-Demographic Characteristics and Quality of Employment
of Platform Workers in Russia and the World 172
- Suchocka L., Pasek M., Blicharz M., Leonidova G.V. Social and Psychological Support
of Couples in Treating Infertility (Case Study of the Polish Research) 188

SCIENTIFIC REVIEWS

- Shmatova Yu.E. Mental Health of Population in the COVID-19 Pandemic:
Trends, Consequences, Factors, and Risk Groups 201

SCIENTIFIC REVIEWS. OPINIONS

- Motrich E.L. A Review of the Report: Demographic Situation and Demographic
Behavior of the Population of the Vologda Oblast: 1st Regional
Demographic Report 225

PUBLIC OPINION MONITORING

- Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society 227
- Manuscript Submission Guidelines 238
- Subscription Information 244

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

К чему ведет бездуховность правящих элит?

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. 21 апреля 2021 года Президент РФ В.В. Путин огласил очередное Послание Федеральному Собранию РФ, в котором озвучил ключевые направления развития страны на ближайшую перспективу. Обращение главы государства носило преимущественно социальный характер и было ориентировано на решение внутренних проблем: комплексную поддержку населения и бизнеса в «постковидный» период, восстановление нормального функционирования экономики и социальной сферы, возможности государства по поддержанию здоровья граждан и улучшению демографической ситуации. Президент затронул многие действительно важные и востребованные широкими слоями российского общества проблемы, дал поручения Правительству РФ и руководителям регионов, озвучил конкретные меры поддержки людей, находящихся в сложной жизненной ситуации. Между тем, вопросы внешней политики и позиционирования России в рамках международных отношений остались фактически за кадром обращения главы государства. Президент лишь непрозрачно намекнул о том, что «организаторы любых прово-

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. К чему ведет бездуховность правящих элит? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 9–28. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. Where does the soullessness of the ruling elites lead? *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 9–28. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.1

каций, угрожающих коренным интересам нашей безопасности, пожалеют о содеянном так, как давно уже ни о чем не жалели», «красную черту» в отношениях с Россией «мы будем определять в каждом конкретном случае сами». Однако, как отмечают многие эксперты, вместе с победой Д. Байдена на президентских выборах в США началась кульминационная фаза борьбы глобальных сил за возвращение постепенно утрачиваемых ими на протяжении последних десятилетий доминирующих позиций в мире, за однополярную или многополярную форму будущего мироустройства, перспективы перехода мировой цивилизации от модернизма к постмодернизму. В этих условиях как никогда актуализируются вопросы, связанные с цивилизационным самоопределением России, пониманием, какое государство мы строим и что препятствует эффективно реализовывать в стране принципы социального государства, многие из которых были закреплены поправками к Конституции РФ в июле 2020 года.

Ключевые слова: властвующие элиты, геополитические отношения, бездуховность, государство, постмодернизм.

Рассматривая понятие «бездуховность» применительно к эффективности государственного управления, прежде всего необходимо очертить предметное поле данной категории. Отметим, что духовность или бездуховность — это свойство личности, а не характеристика какой-либо социальной группы. В этом смысле указанное понятие ближе к психологии, а не социологии, в связи с чем, анализируя степень духовности / бездуховности властвующих элит, их мотивы и поступки, мы говорим именно об определенных личностных качествах, имеющих, тем не менее, комплексные (социальные, экономические, культурно-исторические и т. д.) последствия, в том числе — глубокое проникновение самой бездуховности от отдельных социальных групп (в частности властвующих элит) в широкие слои населения.

«Бездуховное общество, — как отмечают некоторые эксперты, — это общество, в котором нет высоких идей, нет мечты, нет надежд на будущее, общество, в котором убиты все высокие нравственные идеалы и моральные ценности. В бездуховном обществе опущены на уровень примитива культура, кинематограф, театры, литература, изуродовано образование, зато процветает криминал, агрессия, незаконие и насилие. Это общество, в котором правят только материальные ценности и полностью

«Духовность — это мораль, развернутая во времени. В движении. Но если мораль — это понятие общественное, то **духовность — это, в первую очередь, сущность, принадлежащая личности**»¹.

«Духовность — свойство души человека, состоящее в **преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными**»².

«Как нам представляется, процесс духовно-этического развития человека можно определить как **процесс становления его личности**»³.

игнорируются запросы духа и души человека. **Бездуховность — это среда, в которой правящая элита, не обладающая душевными и духовными качествами, чувствует себя очень хорошо и комфортно, руководствуясь только своей аморальностью и безнравственностью**»⁴.

Таким образом, в контексте вопросов эффективности государственного управления бездуховность можно трактовать как личностную характеристику отдельных представителей властвующих элит, утративших ощущение морально-нравственной ответственности перед обществом, перед призванием защищать и отстаивать национальные интересы страны в связи с приоритетом личных, корыстных интересов.

¹ Бузмакова Т.И., Кирилина Т.Ю. Духовность и нравственность российской молодежи в социологическом измерении // Социальная политика и социология. 2013. Т. 1. № 3 (94). С. 169–183.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

³ Виноградова И.Е. Мораль. Нравственность. Духовность. В поисках смысла // Вестник Костромского государственного университета. 2006. № 3.

⁴ Мамыченко А.В. Замена элит. Новые люди креативного государства. Профессиональный парламент. Кн. 2. С. 90.

Важно также отметить, что бездуховность — это неотъемлемая часть «общества потребления» как стадии капитализма, на которой находится современный мир и Россия в частности, а также яркий атрибут эпохи постмодерна, к которому мировое сообщество неумолимо движется под давлением глобальных элит. В этом смысле бездуховность следует анализировать с геополитической точки зрения, то есть как один из аспектов целенаправленной гибридной политики, реализуемой представителями глобальных элит на протяжении уже нескольких веков. Процесс формирования либеральной идеологии «берет начало еще в Средневековье, достигает зрелости в Новое время вместе с появлением капиталистического общества и сегодня доходит до своей последней стадии»⁵.

Именно геополитический аспект бездуховности российских элит заставляет нас обращать внимание на эту проблему. На протяжении многовековой истории Россия неоднократно сталкивалась с бездуховностью элит, что каждый раз приводило к разрушению государственности при непосредственном участии заинтересованных в нем зарубежных стран.

✓ В «Смутное время» (1598–1613 гг.) бездуховность властвующих элит, усугубляемая шведско-польской интервенцией, обусловила наступление периода «безвластия, разлада во всех слоях общества, голода и всеобщих несчастий»⁶, когда обладатели царского престола на Руси попеременно сменяли друг друга (Б. Годунов, Лжедмитрий I, В. Шуйский, Лжедмитрий II) вплоть до прихода к власти первого представителя династии Романовых (Михаила Романова).

✓ В период распада Российской Империи (начало XX века) речь шла о **неспособности** элит справиться с комплексом внутренних и внешних противоречий, во многом по причине тяжелых экономических, социальных, политических, военных потерь в ходе участия в Первой мировой войне, что в результате привело к Первой русской революции 1905 г., Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. и в конечном итоге — тотальной смене правящего режима.

«Мировые лидеры, главы крупнейших корпораций – Big Tech, Big Data, Big Finance и т. д. – объединились и мобилизовались, чтобы победить своих оппонентов – Трампа, Путина, Си Цзиньпина, Эрдогана, аятоллу Хоменеи и других. Началом стало вырывание победы у Трампа с использованием новых технологий – через „захват воображения“, введение цензуры в интернет и махинаций с голосованием по почте. **Приход Байдена в Белый дом означает, что глобалисты переходят и к дальнейшим пунктам. Это должно затронуть все области жизни – глобалисты возвращаются к тому месту, где их остановил Трамп и другие полюса поднимающейся многополярности...**»⁷.

✓ Развал Советского Союза (конец 1980-х — начало 1990-х гг.) стал следствием **сознательного предательства** властвующими элитами национальных интересов страны ради своих личных целей. При активном участии США, с которыми СССР пребывал в состоянии «холодной войны», произошел распад государственности.

Как мы видим, в различные исторические периоды бездуховность властвующих элит приобретала разные формы, однако она всегда имела место, сопровождалась иностранным вмешательством и заканчивалась распадом государственности.

⁵ Дугин А. Манифест великого пробуждения // Завтра. 2021. 7 марта. URL: https://zavtra.ru/blogs/manifest_velikogo_probuzhdeniya

⁶ Смутное время на Руси в 1598–1613 годах. Цари и дела их // Историземли.рф. 2020. 23 октября. URL: <https://историземли-рф.turborpages.org/xn--e1adcaacuhnujm.xn--p1ai/s/sample-page?>

⁷ Дугин А. Манифест великого пробуждения // Завтра. 2021. 7 марта. URL: https://zavtra.ru/blogs/manifest_velikogo_probuzhdeniya

События, происходящие на геополитической арене в последние годы, вынуждают нас проводить исторические параллели. Как отмечают эксперты, с момента объявления на Давосском форуме в мае 2020 года курса на «Великую перезагрузку»⁸ глобальные, наднациональные⁹ элиты фактически анонсировали свой агрессивный реванш тем событиям, которые на протяжении XXI века становились все более очевидными: становление многополярного мира, укрепление международных позиций России, Китая, выход из-под западного влияния Турции, Ирана, Пакистана, Саудовской Аравии, победа Д. Трампа на президентских выборах в США в 2016 году.

Отправной точкой практической реализации политики «Великой перезагрузки» можно считать победу Д. Байдена на выборах Президента США в 2020 году. Последовавшая за этим эскалация конфликта на Донбассе и, в целом, российско-американских отношений (включая двустороннюю высылку дипломатов, резкие публичные высказывания американского президента в адрес В.В. Путина, двусторонние экономические санкции, масштабные передвижения войск к месту потенциальных боевых действий) не случайны, а являются прямым следствием целенаправленной политики глобальных либеральных элит по укреплению своих позиций в мире.

При этом необходимо отметить, что их цель — не только Россия, а мировое господство во всех сферах жизни: политике, экономике, бизнесе, культуре, информационно-ценностном поле и т. д. Цель глобальных элит — тотальный контроль над человечеством как таковым вне зависимости от его национальной, религиозной или какой-либо другой принадлежности; превращение «человека разумного» в «человека служебного» (вкладка 1).

Именно для этого предпринимаются шаги по стиранию границ национальной, религиозной, гендерной, социокультурной идентичности. Интенсивно культивируются ценности, следствием которых является депопуляция населения (например, приоритет материального благосостояния как цели и смысла жизненного успеха, вследствие чего рождение нескольких детей становится обременительным, таким образом, создаются условия для минимизации числа детей в семье; или вседозволенность, приводящая к пренебрежению нормами морали и нравственности, в итоге — к противоправному поведению, однополым бракам, распространению конкретных негативных социальных явлений, таких как алкоголизм, наркомания и т. д.). Мировое сообщество искусственно подводится к глобальному экзистенциальному кризису, для того чтобы социум «утратил ясное представление о том, чего же он хочет», и, следовательно, у глобальных элит была возможность диктовать человечеству свои правила (вкладка 2).

⁸ Идея «Великой перезагрузки» впервые прозвучала в докладе К. Шваба и Принца Чарльза Уэльского на Всемирном экономическом форуме в Давосе (май 2020 г.).

⁹ «Наличие надгосударственных элит и их структур — имманентная черта капитализма как системы. Суть в том, что в экономическом плане капитализм — единое целое без границ, а в политическом — сумма разделенных государств. У крупной буржуазии, особенно финансовой, всегда есть интересы за пределами их стран, их реализация требует нарушения политических границ. Систематически это возможно лишь при наличии структуры, носящей закрытый наднациональный характер и влияющей на государства в закрытом режиме... В начале XIX в., с окончанием наполеоновских войн наднациональные структуры Запада тесно переплелись друг с другом и оформилась невиданная до тех пор уже не просто международная (международными были союзы государств), а мировая сеть» (Источник: Фурсов А.И. Чтобы выжить, нам нужна более сложная элита // Культура. 2020. 10 ноября. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/country/329883-istorik-andrey-fursov-chtoby-vyzhit-nam-nuzhna-bolee-slozhnaya-elita/>).

Вкладка 1

**Материалы круглого стола Министерства обороны РФ
«Психологическая оборона. Война за историю – война за выживание» 25 августа 2020 г.**

...пред-война идет сегодня, и мы ее не выигрываем. Этот пред-этап – подготовка второго этапа этой войны – прямого порабощения. Сегодня ситуация колонизации и порабощения заменилась технологическим порабощением. Раньше вы это делали с помощью военной силы, а сегодня – технологически. Простой пример – интернет. Что такое интернет? Это цифровой гулаг, в чистом виде. Только если раньше людей хватили, за колючую проволоку помещали и охраняли, то сюда все эти люди пришли сами. Они сами пришли в этот цифровой гулаг и очень комфортно там живут. Человеку объяснили, что все написано в Википедии, учиться не надо, все есть в интернете, а дальше мы выстраиваем общество из людей, головы которым можно отрезать через простую вещь – вырубив рубильник. И все, вопроса больше нет.

Вторая вещь – когнитивная. Что такое любая цветная революция? Это есть **использование когнитивных технологий для управления массовым сознанием.** Что сначала надо? Одурачить. Упростить вашу систему до ЕГЭ-образования, чтобы вы на тесты отвечали, то есть одурачить вас по максимуму, потом раздать вам айфоны и повесить спутник. Противодействовать этому можно очень простым способом – рубильник. Раз – и все, и тогда ничего не работает. ...

Сегодня идет слом системы базовых моральных принципов и насаждение альтернативных норм. Это происходит повсеместно путем уничтожения традиционных систем семьи и брака, снижения авторитета религии. Взамен этим базовым системам предлагается абсолютизация свободы личности: дети важнее родителей, не существует авторитетов, исчезает уважение к старшим, в интернете можно говорить и призывать к чему угодно – от теракта до самоубийства, ведь это свобода личности.

Такая абсолютизация свободы личности используется как «кувалда» для разрушения государственного суверенитета. А суверенное государство, на самом деле – это единственный инструмент, институт, способный обеспечить права личности и ее свободу. **В результате происходит замена организованного цивилизованного сообщества совокупностью легкоуправляемых отдельных индивидов. Параллельно идет сокращение рождаемости путем внедрения в массовое сознание представлений, отрицающих естественное продолжение жизни. Это идеология ЛГБТ, семей без детей и т. д.**

Мечта элит, управляющих миром, всегда была такая – вывести некий подвид «служебных» людей, которые обладали бы ограниченным самосознанием, меньшими потребностями. Сегодня впервые в истории цивилизации появилась технологическая возможность выведения такого, назовем его, «служебного» человека.

Источник: доклад М.В. Ковальчука на круглом столе Министерства обороны «Психологическая оборона. Война за историю – война за выживание» 25 августа 2020 г. URL: <https://ok.ru/mirovoznren/topic/152400692997072>

Михаил Валентинович Ковальчук – член-корреспондент РАН, президент Курчатовского института; физик, специалист в области рентгеноструктурного анализа.

Экзистенциальный кризис в современном мире

Большинство жителей мира утратили веру в преимущества капитализма и боятся того, что западная демократия теряет свою эффективность, следует из отчета авторов исследования Edelman Trust Barometer, проведенного в октябре – ноябре 2019 года. В ходе исследования было опрошено более 34 тыс. человек в 28 странах мира, и 56% согласились с тем, что капитализм в его нынешнем виде приносит больше вреда, чем пользы.

О своем разочаровании в современном капитализме заявили более половины респондентов в таких, казалось бы, благополучных странах, как Франция (69%), Италия (61%), Испания (60%), Нидерланды (59%), Ирландия (57%), Германия (55%), Сингапур (54%) и Великобритания (53%). В России с тем, что от капитализма больше вреда, чем пользы, согласны 55% опрошенных. Из числа включенных в исследование стран существенно меньше половины пессимистов только в Японии (35%).

Авторы исследования отмечают, что пессимистические взгляды на капитализм преобладают среди представителей всех возрастов и с любым уровнем доходов, почти с одинаковым пессимизмом смотрят на него мужчины и женщины (57% и 56% соответственно). Рост общего пессимизма сопровождается снижением доверия к основным социальным институтам. 57% участников опроса заявили, что органы власти служат интересам «немногих», веру в то, что правительство работает в общих интересах, сохраняют только 30%.

Авторы исследования полагают, что причиной снижения уровня доверия являются рост неравенства и боязнь людей за свое будущее. В среднем лишь 47% верят в то, что через пять лет они сами и их семьи будут жить лучше, чем сейчас... В развитых же странах улучшения жизни ждет едва каждый третий. В некоторых же наиболее развитых странах доля оптимистов и того ниже: в Японии – 15%, во Франции – 19%.

Источник: Большинство людей в мире разочаровались в капитализме и своем будущем // РБК. 21.01.2020.
URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/3526130>

«В современном мире у США лишь два серьезных врага – Китай и Россия. При этом говорить о России как о серьезном экономическом конкуренте США пока не приходится, но для Вашингтона очень важное значение имеет идеологическое противостояние с нашей страной. **Россия стала тем „другим“ государством, которое американская пропаганда наделяет самыми негативными чертами.** Что касается Китая, то он представляет собой серьезного конкурента в сфере экономики, но для политического противопоставления Китай слишком далек и плохо известен американцам»¹⁰.

«... Китай продолжит оставаться экономическим соперником, Россия – врагом, Европа будет более или менее скрытым конкурентом»¹¹.

Россия, наряду с рядом других стран, – лишь препятствие на пути глобальных элит в уничтожении идентичностей Человека и превращения его в «серую массу» однородного плебса, обслуживающего интересы «золотого миллиарда». Однако препятствие, пожалуй, наиболее опасное, поскольку Россия обладает паритетом ядерного вооружения и представляет собой наиболее реальную силу, противодействующую установлению однополярного мира. В связи с этим в публичной риторике США Россия является не экономическим соперником, а именно идеологическим врагом.

Таким образом, обострение международных политических отношений, которое мы наблюдаем в последние годы и особенно остро в последние месяцы, – это не только борьба за территории Украины, не только выяснение отношений между Россией и США, а **очередной**

(возможно, кульминационный) этап многовековой борьбы за будущее мира, его многополярную или однополярную форму существования, доминирующую систему ценностей, которой впоследствии будет придерживаться большая часть, а может быть и все человечество.

Возникает логичный вопрос – какое отношение российские элиты и вообще внутренняя ситуация в стране имеют к амбициям «коллективного Запада» по установлению мирового господства и способности российской дипломатии и ВПК противостоять им? Если сегодня разворачивается кульминационная фаза исторического процесса выяснения отношений на международной арене, то причем здесь многочисленные представители экономических и политических элит России, преследующих сугубо личные интересы материального обогащения (на что неоднократно обращали внимание эксперты, оценки которых мы приводили в предыдущих статьях¹²)?

«Как показал контент-анализ СМИ, за 1996–2021 годы к уголовной ответственности были привлечены 34 губернатора, в том числе 19 действующих.

В 2020 году Следственный комитет России передал в суды уголовные дела в отношении 466 высокопоставленных чиновников, включая 130 градоначальников, 116 муниципальных и 10 региональных депутатов, 48 членов избирательных комиссий, 38 следователей МВД и 17 – Следственного комитета, 15 прокуроров и 7 судей... к реальному лишению свободы приговорили лишь 18% из 8 тыс. осужденных коррупционеров, к условному лишению свободы – 35%, а к штрафу – 40%»¹³.

¹⁰ Полонский И. Кто главный враг США: Китай или Россия? // Военное обозрение. 2018. 11 октября. URL: <https://topwar.ru/148186-kto-glavnyj-vrag-ssha-kitaj-ili-rossija.html>

¹¹ Мнение специалиста по национальной безопасности проф. Д. Йончева (источник: Итоги выборов в США: Россия – враг, Китай – соперник, Европа – конкурент // Inosmi.info. 2020. 7 ноября. URL: <http://www.inosmi.info/itogi-vyborov-v-ssha-rossiya--vrag-kitay--sopernik-evropa--konkurent-bnr.html>).

¹² См., например:

Микульский К.С. О политэкономических основах современного российского общества // Общество и экономика. 2017. № 12. С. 5–9; Коротаев С.А., Шкаратан О.И. Постсоветская государственность и общество. Ст. 3. Укрепление государственности и социальный контракт между обществом и властью // Общественные науки и современность. 2018. № 1. С. 70; Ильин В.А., Морев М.В. Что оставит В. Путин своему преемнику в 2024 году? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 9–31.

¹³ Сухаренко А. Губернаторский трамплин: из кресла на нары // Независимая газета. 2021. 23 марта. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2021-03-23/3_8109_kartblansh.html

Ответ на этот вопрос подводит нас к раскрытию сути и современной специфики бездуховности властвующих элит. Действительно, вряд ли хотя бы один из десятков проворовавшихся чиновников имел цель ослабить экономический потенциал нашей страны, вряд ли думал о национальных интересах, исторических противостояниях, будущем страны и уж тем более человечества.

В этом случае так же, как и во многих более масштабных и долгосрочных проблемах России, таких как «олигархический капитализм», который привел к запредельному неравенству, пробуксовывание национальных проектов, реформирование науки и образования, рост тревожности и неуверенности в будущем среди населения¹⁴, следует искать следы и «пятой», и «шестой» колонн.

«Шестая колонна – либералы во власти, олигархи и та значительная, если не основная, – часть российской элиты, которая, будучи формально лояльной патриотическому курсу Президента Путина, органически связана с Западом и безмерно тяготеет к этому курсу...»

Хитрый план шестой колонны – сохранить любой ценой связи с Западом. За планом явно стоял не Путин, но Путин его принял. Это не могло ни к чему привести, ни к чему и не привело. Мы потеряли 7 лет, а наши противники их приобрели...

Так как шестая колонна фактически победила, не началось и духовного преображения России. Идеологию отложили, занялись техническими вопросами, контроль над политическими процессами оказался в руках технократов. Смыслы были вынесены за скобки. Началась стагнация, где на первый план выходили примитивные развлечения и стремительно разраставшаяся от скуки и безыдейности коррупция»¹⁵.

Эти явления современной жизни возникли не в результате сознательного подрыва национальных интересов, а в результате их элементарного игнорирования, неспособности или нежелания властвующих элит увидеть за своими действиями далеко идущие последствия для суверенитета и других национальных интересов государства. Извлечение прибыли – главный элемент в системе ценностей капитализма, и никакие национальные интересы не могут его перевесить для людей, которые разделяют, исповедуют и активно лоббируют либерально-капиталистическую систему ценностей.

Томас Джозеф Даннинг (1799–1873; британский деятель профсоюзного движения, публицист): «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»¹⁶.

Российские элиты ощущают себя и реально являются частью элит глобальных, потому что имеют с ними финансовые и семейные связи, разделяют и активно лоббируют их интересы, образ и стиль жизни, встраиваются в международные монополии, «заражая», таким образом, российское общество бездуховностью и ведя его за собой по капиталистическому пути от стадии «общества потребления» к стадии пост-модерна.

¹⁴ См.:

Ильин В.А. «Капитализм для своих» – источник социального неравенства в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 9–23; Ильин В.А., Морев М.В. Национально ориентированная ротация элит – важнейшее условие реализации национальных проектов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 9–25; Ильин В.А. Некрасивая история... // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 2. С. 9–21; Ильин В.А., Морев М.В. Оценка населением региона эффективности государственного управления в 2000–2018 гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 9–38.

¹⁵ Дугин А. Геополитика Новороссии 7 лет спустя // Официальный сайт Изборского клуба. 09.04.2021. URL: <https://izborsk-club.ru/20918>

¹⁶ Dunning T.J. Trade's Unions And Strikes: Their Philosophy And Intention. London: Published by the author, and Sold by M. Harley, No. 5, Raquet court Fleet street, E.C., 1860, pp. 35–36.

Слепо копируя нововведения, якобы повышающие эффективность организации жизни, здравоохранения, образования, они забывают или игнорируют тот факт, что для глобальных сил Россия всегда была лишь «идеологическим врагом» и одновременно «лакомым куском» как территория, обладающая огромными запасами полезных ископаемых и природных ресурсов. Поэтому неудивительно, что по многим ключевым аспектам национального развития и национальной безопасности постсоветская Россия существенно «проигрывает» самой себе образца советского периода. **В частности, по состоянию проблемы социального неравенства Российская Федерация в 2015 году достигла уровня 1905 года**¹⁷ (таблица).

«[Государственная воля] размывается двумя потоками. Первый – коррупционный, с которым все понятно. А второй, примыкающий к первому, – гораздо хуже. Это желание дружить с Западом, быть „просвещенным европейцем“, боязнь, что назовут „недемократом“, „авторитарным душителем свобод“. Таким представителям элиты хочется ездить на Запад, чтобы попутешествовать, „поесть в горных альпийских деревушках нежнейшего крафтового сыра недорого“ (практически дословно цитирую), приобрести там собственность, детей учить „по-настоящему“ и так далее.

Если бы государственная воля этим всем не размывалась, то было бы у нас примерно как в Китае... Надо понимать, что Китай – это страна, управляемая компартией, живущая по пятилетним планам. **Там бутафория с как бы частными компаниями нужна, только чтобы создавать фасад для Запада.** Практически все миллиардеры, эффективные „стартаперы“ и ведущие частные управленцы в КНР – члены КПК... и они исполняют все партийные предписания»¹⁸.

Динамика доли доходов в России

Категория населения	1905 г.	1990 г.	2015 г.
10% самых богатых	45	25	45
40% со средним доходом	35	45	40
50% с низким доходом	15	30	18

Составлено авторами по: Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016 / National Bureau of economic research. Cambridge, MA August, 2017. P. 4.

Очень важный момент, объясняющий, как именно действует целенаправленная стратегия глобальных сил по «насаждению» бездуховности в российских элитах, а следом за ними и среди широких слоев населения, заключается в латентном характере процесса. **Это игра на стимулировании не антипатриотических настроений (которые всегда можно увидеть и ограничить в рамках законотворческой деятельности), а определенных личностных качеств, присущих капитализму и обществу постмодерна: эгоизма, алчности, безудержного стремления к увеличению дохода, окружения себя предметами роскоши и комфорта, и одновременно – вседозволенности, индивидуализма, готовности игнорировать нормы морали и нравственности ради достижения личных целей.**

В реальном, эмпирическом измерении это выражается в несопоставимых размерах финансового и иных видов неравенства среди населения: стартовых условий развития, возможностей рассчитывать на справедливость

По данным ФНИСЦ РАН, за период с 2012 по 2019 год доля россиян, считающих, что «страна нуждается в переменах, в новых реформах в экономической и политической жизни», увеличилась на 29 п. п. (с 28 до 57%). Удельный вес тех, кто считает, что «страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены», снизился на 29 п. п. (с 72 до 43%)¹⁹.

¹⁷ Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016 / National Bureau of economic research. Cambridge, MA August, 2017.

¹⁸ Фефелов А., Ашманов И. Цифровая битва началась // Завтра. 2021. 14 января. URL: https://zavtra.ru/blogs/teifrovaya_bitva_nachalas_

¹⁹ О насущных проблемах нашей жизни и взаимодействии регуляторов, бизнеса и граждан. Отчет по итогам массового социологического исследования. Т. 1 / ФНИСЦ РАН. М., 2019. С. 9.

социальной (в том числе правовой) защиты, **в конечном итоге подпитывает неудовлетворенность общества эффективностью государственного управления. Растет потребность в переменах или, в худшем варианте, – в поддержке акций, организуемых несистемной оппозицией. Как и с любой другой болезнью, бороться с этим можно, только работая над причинами, а не последствиями развивающейся патологии.**

Конкретный пример и следствие «заражения» бездуховностью – нарастающая динамика числа долларовых миллиардеров. Их количество за последние 14 лет (с 2006 по 2020 год) в России увеличилось с 60 до 102 чел., а их капитал – со 153 до 278 млрд руб. в среднем на одного миллиардера (*вкладка 3, табл. 1*). При этом существуют **десяти- и даже стократные** разрывы между уровнем средней заработной платы рядовых сотрудников и размером вознаграждений представителей управленческого звена в ключевых банках и металлургических компаниях страны (*вкладка 3, табл. 2*), размеры дивидендных выплат превышают доходы бюджета регионов, в которых базируются корпорации (*вкладка 3, табл. 3*). Ситуация не меняется уже много лет, многочисленные экспертные мнения о недопустимости столь вопиющего неравенства в России остаются просто «за кадром» актуальной повестки властвующих элит, которые сами являются бенефициарами сложившейся ситуации.

Более глубокие последствия этого – устойчивая восходящая динамика негативных оценок населения по поводу большинства основных аспектов жизни, включая не только экономическую и социальную ситуацию, но и моральное состояние общества (*вкладка 4, табл. 4*), а также высокий уровень аполитичности населения, что касается, помимо реального участия в общественно-политических мероприятиях, и самого представления людей о возможностях влияния на политическую ситуацию в стране (*вкладка 4, табл. 5*).

«...следует готовиться к активной „экспансии ценностей“: „Кто не с нами – тот против нас“ в совершенно эталонной форме, причем для вывода насчет против достаточно несовпадения по любому из множества пунктов. Исход этой экспансии, разумеется, не предопределен ни в одну из сторон. Но готовность встречать ее как одну из, если не самую главную, форму противостояния ближайших лет тем необходимее»²⁰.

На фоне разрушенной элитами 1990-х гг. советской системы ценностей и так до сих пор и не выстроенной системы ценностей новой постсоветской России механизм латентного насаждения бездуховности работает фактически без всяких препятствий. Гибридная война, в которую вовлечена Россия с 2000 года (с начала президентских сроков В.В. Путина), особенно явно – с 2007 года (после «мюнхенской речи» Президента РФ на международной конференции по вопросам политики и безопасности²¹), – это не только различного рода инсинуации, наподобие ситуации на Украине, информационных вбросов, экономических санкций, скандалов вокруг российского спорта, притеснений русскоязычного населения за рубежом, попыток переписать историю и т. д., **но и насаждение ценностей «общества потребления», постмодернизма, включая бездуховность как главный атрибут этих стадий капитализма. Если Россия – «идеологический враг», то и победа над ней должна быть прежде всего идеологической.**

«Специфика духовности и бездуховности в России, особенно в XXI в., связана с кардинальными переменами в ее экономической и социальной жизни, происшедшими в конце XX в. В результате этих перемен в России, во-первых, стало больше свободы, но стало и больше произвола. Во-вторых, на развалинах Советского Союза сформировалось общество потребления по западному типу»²².

²⁰ Мухин В. США меняют противника в новой холодной войне // Независимая газета. № 44–45. 2021. 5 марта.

²¹ Ежегодная мюнхенская конференция по вопросам политики и безопасности. 10 февраля 2007 г. Полный текст выступления В.В. Путина представлен на официальном сайте Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

²² Стерледева Т., Стерледев Р. Духовность и бездуховность как вызов и риски для России // Власть. 2013. Т. 21. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnost-i-bezduhovnost-kak-vyzov-i-riski-dlya-rossii>

Вкладка 3

Таблица 1. Динамика численности и состояния долларовых миллиардеров в России

Год	Численность, чел.	Состояние, млрд долл.	Состояние, млрд руб.*	В среднем на одного миллиардера, млрд руб.
2006	60	337,3	9168,4	152,8
2007	100	521,7	13355,5	133,6
2008	32	102,1	2542,3	79,4
2009	62	265,0	8400,5	135,5
2010	101	432,7	13141,1	130,1
2011	96	376,1	11057,3	115,2
2012	110	426,8	13269,2	120,6
2013	111	422,2	13426,0	121,0
2014	88	337,0	12940,8	147,1
2015	77	282,6	17224,5	223,7
2016	96	386,3	25882,1	269,6
2017	96	386,4	22565,8	235,1
2018	106	417,7	26189,8	247,1
2019	100	425,1	27504,0	275,0
2020	102	392,3	28371,1	278,1
2020 в % к 2006	1,70	1,16	3,09	1,82
Среднегодовые данные за 2006–2020 гг.	89	367,4	16335,9	177,6

* Состояние, указанное в журнале «Forbes» в долларах, переведено в рубли по курсу, установленному Банком России.
Источники: данные журнала «Forbes»; расчеты ВолНЦ РАН.

За период с 2006 по 2020 год число долларовых миллиардеров в России увеличилось с 60 до 102 чел., а их капитал – со 153 до 278 млрд руб. в среднем на одного человека.

Таблица 2. Сравнение ежемесячных доходов управленцев металлургических компаний и банков с доходами рабочих (сотрудников), 2019 год

Компания	Вознаграждения на одного сотрудника правления в месяц, млн руб.	Средняя заработная плата в месяц одного сотрудника (рабочего), тыс. руб.	Вознаграждения к средней заработной плате, раз
Газпромбанк	21,5	22,1	972,9
Сбербанк	52,7	104,8	502,9
ВТБ	16,8	145,0	115,9
Альфа-банк	17,2	161,2	106,7
Северсталь	5,8	62,0	93,5
Открытие	10,1	121,3	83,3
НЛМК	4,1	60,8	67,4
Мечел	1,3	37,6	34,6
ММК	2,6	61,5	42,3
Тинькофф	5,7	140,0	40,7

Источники: Эксперт. 2020. № 10 (1154). С. 36–38; открытые отчеты о корпоративном управлении.

Размер вознаграждений сотрудников правления Газпромбанка превышает среднюю заработную плату работников в 973 раза; Сбербанка – в 503 раза; корпорации «Северсталь» – в 94 раза.

Таблица 3. Соотношение собственных доходов бюджета региона и дивидендов корпораций в период с 2011 по 2020 год

Предприятие	Дивидендные выплаты, млрд руб.			Регион	Собственные доходы бюджета региона, млрд руб.			Соотношение дивидендов и собственных доходов бюджета, %
	Всего за 2011–2020	Среднегодовые данные за 2011–2020	2020 к 2011		Всего за 2011–2020	Среднегодовые данные за 2011–2020	2020 к 2011	
ПАО «Северсталь»	631,9	63,2	6,4	Вологодская область	578,3	57,8	2,0	109,3
ПАО «НЛМК»	585,9	58,6	10,8	Липецкая область	490,8	49,1	1,8	119,4
ПАО «ММК»	242,2	24,2	3,3	Челябинская область	1368,8	136,9	1,8	17,7

Источник: открытые отчеты о корпоративном управлении.

Общий объем дивидендов ПАО «Северсталь» за период с 2011 по 2020 год оказался на 9,3% больше собственных доходов Вологодской области; дивиденды ПАО «НЛМК» – на 19,4% больше собственных доходов Липецкой области. Доля дивидендов Магнитогорского комбината составила 17,7% от общего объема собственных доходов Челябинской области.

Вкладка 4

Таблица 4. Динамика оценки «ухудшилось» относительно положения дел в различных сферах жизни российского общества, 2014–2020 гг., % (ранжировано по оценкам «ухудшилось» в 2020 году)

Сферы жизни российского общества	2014 октябрь*	2019 июнь	2020 сентябрь	Изменение (+/-), 2020 к...	
				2019	2014
Уровень жизни населения	30	60	68	+8	+38
Состояние экономики страны в целом	24	41	62	+21	+38
Моральное состояние общества	38	46	56	+10	+18
Ситуация в социальной сфере (здравоохранение, образование, культура)	34	45	49	+4	+15
Международное положение страны	40	37	41	+4	+1
Ситуация в области прав и свобод, развитие демократии	18	24	32	+8	+14
Борьба с коррупцией, законность и правопорядок	25	28	31	+3	+6

* В 2014 году россиян просили оценить изменения, произошедшие в различных сферах жизни общества за последние 10 лет, во всех остальных случаях оцениваемый период варьировался от 2 до 5 лет. В таблице представлены варианты ответа (сферы жизни) с наиболее высокой долей негативных оценок по данным на 2020 год (без учета варианта ответа «Пенсионное обеспечение», по которому нет данных за 2014 год).
Источники: Российское общество в условиях пандемии: информационно-аналитический доклад ФНИСЦ РАН. М., 2020. С. 13.; расчеты авторов.

В 2020 году, по сравнению с 2019 и 2014 гг., в целом по России увеличилась доля негативных оценок относительно состояния дел во всех основных сферах жизни, особенно материального положения населения и экономики страны в целом (за последние 6 лет на 38 п. п.; с 30 до 68 и с 24 до 62% соответственно), а также морального состояния общества (с 2014 по 2020 год — на 18 п. п., с 38 до 56%).

Таблица 5. Отношение населения к политической системе, 2018 год, %

Вопрос, ответ	Россия	Германия	Франция	Великобритания
<i>Справочно: численность населения, млн чел.</i>	144,37	83,13	67,06	66,83
В какой мере в рамках нынешней политической системы у таких людей, как Вы, есть возможность влиять на политику? (варианты ответа: «совсем нет»; «очень мало»)	80	50	69	61
В какой мере нынешняя политическая система нашей страны позволяет таким людям, как Вы, сказать свое слово в решении о том, в каком направлении действовать правительству? (варианты ответа: «совсем нет»; «очень мало»)	70	50	65	56
Обращались ли Вы к конкретному политику или в общенациональные или местные органы власти? (вариант ответа: «нет»)	93	81	87	81
Вы голосовали на последних выборах? (вариант ответа: «да»)	49	79	58	74

Источник: данные Европейского социального исследования. URL: http://www.ess-ru.ru/fileadmin/templates/doc/Wave_9_2018/Comparative_labels_wave9-2018_rus.xls
Из 20 государств, участвовавших в исследовании, отобраны страны с наибольшей численностью населения (по данным Мирового банка на 2019 год. Источник: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL>)

Согласно последним данным Европейского социального исследования (2018 г.), жители России по сравнению с гражданами наиболее населенных стран Западной Европы значительно чаще говорят о том, что они не могут участвовать в политике (80%), влиять на деятельность правительства (70%), не обращаются к конкретным представителям органов власти на местах (93%) и реже участвуют в выборах (49%).

К сожалению, следует констатировать, что эту часть («невидимый фронт») гибридной войны Россия не выигрывает. Если в 1990-х гг. мы могли говорить о том, что общество стало жертвой «фантомных»²³ элит, захвативших власть, фактически разворовавших страну и категорически подорвавших доверие общества государству, то сегодня само общество (прежде всего молодое поколение, выросшее в постсоветский период) ставит личные интересы во главу угла, все больше готово нарушать закон и нормы морали и нравственности ради достижения личного успеха.

Это, в частности, видно по морально-нравственным установкам «самодостаточных»²⁴ россиян, которые **«не могут добиться успеха без отказа от моральных ориентиров»**²⁵, поэтому более половины из них считают, что «личные интересы – это главное для человека» (67%), «для того чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступить через моральные принципы и нормы» (54%).

Не это ли является показателем проникновения «метастаз» бездуховности все глубже внутрь государственного «организма», постепенно распространяющихся от высших, элитарных слоев российского общества на широкие слои населения? Причем мы оставляем за рамками анализа гротескные формы бездуховности, которые все чаще попадают на экраны телевидения: от набирающего обороты виртуального мошенничества, когда более предприимчивые граждане, пользуясь высокими технологиями, «разводят» менее предприим-

чивых сограждан, особенно пенсионеров, до онлайн-убийств животных и людей ради так называемого «хайпа» в виртуальной среде...

Другими словами, мы не можем игнорировать все более очевидную тенденцию, связанную с нарастанием в российском обществе эгоизма, индивидуализма и вседозволенности, даже несмотря на то, что в нем все еще сохраняются традиционные духовно-нравственные ценности (семьи, патриотизма, справедливости, державности), что убедительно показала масштабная поддержка российским обще-

«За шесть месяцев 2020 года число случаев телефонного и интернет-мошенничества в России выросло на 76% по сравнению с первым полугодием 2019 года. За период с 2016 по 2020 год число случаев мошенничества с банковскими картами увеличилось с 96 до 8053»²⁶.

«За 12 месяцев к ноябрю 2020 года мошенники могли обманым путем получить как минимум 0,8–1 млрд рублей у пользователей сайтов объявлений и служб доставки в России... только крупнейшие мошеннические группировки могли получить больше 660 млн рублей за счет 111 тыс. переводов с банковских карт обманутых россиян. Сейчас это второй по размеру сегмент обмана после банковского. DLBI изучила Telegram-каналы 116 активных группировок – при том, что всего их, по подсчетам компании, больше 200. В этих каналах публикуются все операции переводов с банковских карт жертв обмана. Пострадали клиенты 78 банков, 81% транзакций проходит через Сбербанк»²⁷.

²³ Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.

²⁴ Краткая характеристика «самодостаточных» россиян:

✓ люди, которые «нацелены жить и обеспечивать себя и семью самостоятельно, без целенаправленной апелляции к государству» (источник: Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социс. 2015. № 12. С. 5–6);

✓ «существенная по масштабу социальная группа, выражающая собой тренд на формирование активистской доминанты в российском обществе» (источник: Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем? Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского исследования. М., 2015. С. 16.;

✓ «самодостаточная часть общества локализуется в основном среди молодых и хорошо обеспеченных россиян... отличительными чертами „самодостаточных“ россиян являются молодость, активность, деловая предприимчивость, материальная и социальная успешность» (источник: там же).

²⁵ Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социс. 2015. № 12. С. 13.

²⁶ Число дел о мошенничестве рекордно выросло на фоне пандемии // РБК. 31.08.2020. URL: <https://www.rbc.ru/society/31/08/2020/5f48ea169a79477e21e25d9d>

²⁷ Таиров Р. Эксперты оценили объем мошенничества за год на сервисах объявлений в сумму до 1 млрд рублей. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/finansy-i-investicii/413309-eksperty-ocenili-obem-moshennichestva-za-god-na-servisah>

ством поправок к Конституции 1 июля 2020 г. И даже несмотря на то, что нивелирование гендерных границ, половой принадлежности и прочих «ценностей» постмодерна, которые на Западе уже почти стали нормой, для большинства россиян сегодня является чуждым и категорически неприемлемым.

Как отмечают эксперты, «у „коллективного Байдена” ... в целом есть вполне рациональная стратегия»²⁸, поэтому, насколько конкретны цели глобальных элит, настолько же реалистичны и результаты, которых им удалось достичь в «упразднении форм коллективной идентичности»²⁹ в виде стирания гендерных, возрастных, национальных и иных различий с целью превращения «человека разумного» в «человека служебного».

Главным, а может быть и единственным, препятствием для дальнейшего проникновения в российское общество прозападных ценностей «общества потребления» является идеология, которая в РФ находится под официальным конституционным запретом³⁰. Во многом поэтому пока российская идея представляет собой аморфное понимание патриотизма, работающее безотказно, но только в кризисных ситуациях.

Попытки сформулировать основные постулаты российской идеологии есть, и с ними сложно не согласиться: «духовные скрепы»³¹, «русский мир»³², «глубинное государство»³³,

«русские коды»³⁴ — понятия, имеющие непосредственное отношение к идеологии нового постсоветского государства. Но пока что они имеют характер разрозненных концепций; в них нет единства и системности (в том числе и из-за конституционного запрета на официальную государственную идеологию); они не «сидят в головах» у простых граждан, поэтому, даже будучи во многом созвучными друг другу, не работают так, как на самом деле должна работать Большая Идеология для Большой Страны — консолидировать общество, причем не только в кризисные моменты истории.

Опасения главы государства по поводу доминирования единой идеологической точки зрения вполне понятны и обоснованны. В.В. Путин в своей первой программной статье отметил: «Там, где есть государственная идеология как нечто официально благословляемое и поддерживаемое государством, там, строго говоря, практически не остается места для интеллектуальной и духовной свободы, идейного плюрализма, свободы печати. А значит, и для политической свободы»³⁵. Тем не менее, в этой же статье он называет «Российскую идею» главным «шансом на достойное будущее», а также говорит о том, что «достижение необходимой динамики роста — проблема не только экономическая, но и в определенном смысле идеологическая. Точнее, идейная, духовная, нравственная»³⁶.

²⁸ Дугин А. Геополитика Новороссии 7 лет спустя // Официальный сайт Изборского клуба. 09.04.2021. URL: <https://izborsk-club.ru/20918>

²⁹ Дугин А. Манифест великого пробуждения // Завтра. 2021. 7 марта. URL: https://zavtra.ru/blogs/manifest_velikogo_probuzhdeniya

³⁰ Ст. 13 Конституции РФ гласит: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

³¹ Выступление В.В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай». 19.09.2013 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>

³² Этот термин фигурировал еще в древнерусских источниках, но современную его трактовку чаще всего относят к первой половине 1990-х гг. и связывают с именами П.Г. Щедровицкого и Е.В. Островского. В современном понимании точного определения понятия «русский мир» нет. Поначалу это была культурно-историческая идея международного, межгосударственного и межконтинентального сообщества, направленная на объединение разобщенных русскоязычных соотечественников; с 2000-х гг. — характеристика не только культурной, но и геополитической реальности.

³³ Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. 2019. 11 февраля. URL: https://ng-ru.turbopages.org/ng.ru/s/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html

³⁴ Проханов А. Идеология как откровение // Официальный сайт Изборского клуба. 05.03.2021. URL: <https://izborsk-club.ru/20746>

³⁵ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 31 декабря. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html

³⁶ Там же.

По мнению экспертов, вслед за «марксовским» пониманием идеологии как «манипулятивной технологии государственного управления» в России ликвидируется идеология, представляющая собой инструмент «сознания общества именно как совокупного, целостного социума... Именно такая идеология определяет и воспроизводит базовую модель единства данного социума, главные модели поведения и мышления его членов, основные паттерны согласованного взаимодействия классов, социальных групп и страт друг с другом, важнейшие образцы социальных коммуникаций, обеспечивает выживание и развитие социума в истории, составляет важнейший компонент совокупной системной мощи данного государства»³⁷.

«В 1991 году у советского государства оставалась мощная армия с ядерным и термоядерным оружием, многочисленные дивизии, стратегические ракеты, десятки тысяч танков, сильные спецслужбы с богатым опытом противодействия внутренним и внешним врагам, все еще вторая экономика в мире, КПСС с 18 миллионами членов... Но поскольку консолидирующая идеология в советском обществе куда-то исчезла, испарилась, СССР рухнул... и его десятки и сотни миллионов жителей, раскрыв рты, с безразличием наблюдали, как быстро превращаются из „великого народа“ в толпу»³⁸.

Попытки лично В.В. Путина сформулировать основы государственной идеологии (или национальной идеи), несмотря на его роль в политической системе и оценках общественного мнения, ограничиваются элитой и остаются лишь публичной риторикой на фоне реально выстраиваемой ими идеологии «кумовского

«Китай – социалистическая страна. В материалах последнего съезда партии у них зафиксировано, что главный противник для них – капитализм. А мы что строим? Так о какой дружбе может идти речь?»³⁹

капитализма». В этом отношении Россия существенно уступает Китаю и вряд ли может серьезно рассчитывать на глубокий идеологический тандем с ним в условиях нарастающей геополитической напряженности. Ситуацию в стране усугубляет еще и нестабильность внутренней политической обстановки, связанной с новым политическим циклом, который наступит после выборов в Государственную Думу в 2021 году и выборов Президента РФ в 2024 году.

«За 25 лет в России построен т. н. блатной капитализм. Нам навязали модель экономики, и по факту мы отдали свое будущее в чужие руки...»

Идеологически мы решили переходить к рыночной экономике. И нам навязали некую модель переходной экономики. Даже в статистике появилась формулировка „переходные экономики“: были экономики развитых стран, развивающихся, а вместо социалистических экономик появились переходные. И эта ложная на самом деле философия привела к тому, что мы зашли в тупик... Понимаете, тогда было меньше паразитической прослойки. Сегодня под видом топ-менеджеров, прислуги разнообразной, протокола, личных самолетов и дворцов в итоге на одного с сошкой приходится семеро с ложкой... вместо американского современного капитализма мы получили то, что в литературе, кстати, хорошо известно. Под названием, извиняюсь, стону capitalism, то есть блатной капитализм, когда ни государство толком не работает, ни рынок не работает...

Приход Владимира Владимировича спас страну от развала, что уж говорить. Он восстановил вертикаль власти, он сумел вернуть государству конституционные полномочия, обеспечить единство страны. В экономике наступило тогда маленькое чудо – повысились цены на нефть, и вдруг оказалось, что мы можем на чисто сырьевых запасах так легко катиться на волне мировой экономики... Дали стабилизацию. Стабилизацию в административной системе, в управлении, в политике и в экономике. Но эта стабилизация закрепила те порочные элементы системы управления экономикой, которые сформировались на тот момент»⁴⁰.

³⁷ Султанов Ш. Мистика идеологии // Завтра. 2021. 3 марта. URL: https://zavtra.ru/blogs/mistika_ideologii

³⁸ Там же.

³⁹ Интервью президента Академии геополитических проблем генерал-полковника Л. Ивашова газете «Аргументы недели» (источник: Угланов А. Россия все еще может остановить войну в Донбассе // Аргументы недели. 2021. 6 апреля).

⁴⁰ Глазьев С.Ю. Мы отдали свое будущее в чужие руки // Официальный сайт Российской академии наук. 08.12.2016. URL: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=08375c9b-f9a9-46ad-972d-ee33c182ded2&print=1>

Таким образом, ответ на главный вопрос, который мы заложили в название статьи, можно проанализировать с двух ракурсов:

1. Первый ракурс — тактический. Он заключается в том, что в настоящее время (а именно с победой Д. Байдена на президентских выборах в США) начинается этап реализации наднациональными элитами агрессивной политики по возвращению постепенно утрачиваемой ими власти над человечеством. В данном контексте бездуховность российских элит создает угрозу национальной безопасности как неспособность эффективно отвечать на наиболее важные запросы общества — в достижении социальной справедливости, динамичном развитии уровня и качества жизни, вследствие чего утрачивается внутренний потенциал для консолидации общества и власти.

2. Второй ракурс, с которого можно взглянуть на последствия бездуховности властвующих элит, — стратегический, более глубокий. Он заключается в том, что все достигнутые успехи в процессе выстраивания новой, многополярной модели мироустройства оказываются под угрозой исчезновения. С этой точки зрения мы можем говорить, что бездуховность российских элит — явление, сопровождающее страну на протяжении фактически всего периода выстраивания новой постсоветской государственности, вследствие чего ее корни уже начали глубоко распространяться во все слои российского общества. **Бездуховность становится частью повседневной жизни, во многом благодаря отсутствию внятной, четко упорядоченной, разделяемой большинством населения идеологической (или идейной) системы. Пока такой системы нет, «российское общество продолжает гибридный транзит в социокультурное никуда» — по колее «капитализма для своих»⁴¹.**

«Обладая низкими моральными качествами (а порой и полным их отсутствием), а также гипертрофированной тягой к присвоению материальных богатств, **правлящая элита не нуждается в высоких духовных ценностях (таких как человечность, идейность, самопожертвование), они мешают ей находиться у власти... Исходя из этого, правящая элита насаждает в своей среде и в окружающем обществе тотальную бездуховность, лишая людей высоких человеческих качеств.**

Элите нужно, чтобы народ не задавал ей неудобных вопросов о безнравственности самой власти, не делал острых высказываний об аморальности „высшего общества“, с этой целью **правлящая элита создает вокруг себя бездуховное пространство**, которое, как ядовитое поле, распространяется на весь народ, стремясь отравить общественные отношения. **Граждане, оказавшиеся в разлагающей атмосфере бездуховности, так же как и элита, должны стать безыдейными, алчными, агрессивными, но только по отношению друг к другу.**

Правящей элите не составляет большого труда создать массовую бездуховность в масштабах всей страны, поскольку в ее руках сосредоточены все средства массовой информации — телевидение, радиовещание, пресса, интернет. Руководящей элите подчиняются все ключевые министерства, регулирующие духовную жизнь народа в государстве. Элита назначает своих ставленников в министерства образования, науки, культуры, соцразвития и т. д., изначально определяя для них деструктивную политику, направленную на разложение общества в специально создаваемых условиях бездуховности»⁴².

⁴¹ Лапин Н.И. О поиске способов существенных перемен жизни к лучшему: дискурсы профессионалов и алгоритм изучения способов, предпочитаемых населением // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 83.

⁴² Мамыченко А.В. Замена элит. Новые люди креативного государства. Профессиональный парламент. Кн. 2. 2017. С. 90.

Оптимизм в данной ситуации внушает то, что проблема идеологии, цивилизационной самоидентичности России, как, безусловно, одного из ведущих центров многополярного мира, все больше осознается и артикулируется отечественными учеными, экономистами, общественными деятелями⁴³. Их конкретные предложения далеко не всегда остаются услышанными, однако очевидно, что они формируют определенную критическую массу, отражая, в том числе, и запрос российского общества на уверенность в будущем (как внутри страны, так и во внешней политической ситуации).

Именно эта критическая масса, на наш взгляд, привела к изменению либеральной Конституции 1993 года, сделав ее более социальной, нацеленной на реализацию национальных интересов и широких слоев населения. Это был важный шаг, не только для того чтобы консолидировать общество в период эпидемиологического кризиса, связанного с распространением Covid-19, стабилизировать политическую систему страны в условиях конституционного ограничения президентских сроков В.В. Путина, но, в глобальном историческом контексте, для того чтобы сформировать заслон на пути дальнейшего развития в России ценностей «общества потребления» и автоматического продвижения по откровенно гибельному для нее пути – к стадии постмодерна.

В настоящее время нужен реальный переход от декларируемых целей и задач развития к их практической реализации, для чего требуется активное продолжение национализации элит как «комплекса системных решений и действий, направленных на переориентацию статусных по-

«Национализация элит в широком смысле – это стратегическая целевая установка этих решений и действий – сформировать по-настоящему национально ориентированную элиту, которая сможет сделать страну сильной и обустроенной...

Национализация элит – жизненная потребность, которая диктуется объективной реальностью, экономической целесообразностью и характером геополитической ситуации. Ее суть проста: если хочешь оставаться в элитной среде, быть успешным в крупном бизнесе, уверенно чувствовать себя в статусе лица высокого политического или социально-гражданского уровня, то должен быть готовым к **существенному ограничению своих политических, экономических и гражданских свобод, быть способным к осознанному подчинению своего частного интереса интересу общественному.** В этом заключается главная социальная предназначенность и демократического правового государства, и социально ориентированного бизнеса, и гражданского общества, и духовно зрелого творческого сообщества»⁴⁴.

зиций, образа жизни и действий конкретных представителей элиты на интересы общества и решение жизненно важных проблем своей страны и собственного государства»⁴⁵.

Только так можно осуществить разворот на 180 градусов от общества постмодерна к обществу «реального гуманизма»⁴⁶, от государства олигархического капитала к социальному государству, «опирающемуся на российские (общие и регионально особенные) и учитывающее исторически апробированные зарубежные его формы и методы»⁴⁷.

⁴³ См., например:

Лапин Н.И. Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех» // Вестник Института социологии. 2018. № 27. С. 105–136.

Делягин М.Г. Новая русская идеология // Официальный сайт М. Делягина. 05.02.2021. URL: <https://delyagin.ru/articles/191-materialy-mgd/88332-novaja-russkaja-ideologija>

Глазьев С. Идеология или смерть! // Завтра. 2020. 20 августа. URL: https://zavtra.ru/blogs/ideologiya_-_razmishleniya

Проханов А. Идеология как откровение // Официальный сайт Изборского клуба. 05.03.2021. URL: <https://izborskclub.ru/20746>

⁴⁴ Латов Ю.В. Дискурс о «национализации элит» как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 128–138.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Лапин Н.И. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 27.

⁴⁷ Лапин Н.И. Формирование социального государства – способ успешной эволюции общества // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 7.

Представляется, что на сегодняшний день только Президент способен продолжить линию укрепления основ российской идеи, которую он озвучил еще в 1999 году (в статье «Россия на рубеже тысячелетий») и которая нашла реальное воплощение спустя 20 лет в инициированных им поправках к Основному Закону.

«... Мне представляется, что **новая российская идея родится как сплав, как органичное соединение универсальных, общечеловеческих ценностей с исконными российскими ценностями, выдержавшими испытание временем...**

Ключ к возрождению и подъему России находится сегодня в государственно-политической сфере. **Россия нуждается в сильной государственной власти и должна иметь ее...** Сильная государственная власть в России – это демократическое, правовое, дееспособное федеративное государство»⁴⁸.

В 2012 году был опубликован доклад коммуникационного холдинга «Минченко-консалтинг», где была показана действующая схема верхнего уровня правящих элит, названная экспертами «Политбюро 2.0».

Вероятно, за последние почти 10 лет в «Политбюро 2.0» не произошло существенных трансформаций, так как в стране не наблюдается радикальных изменений эффективности экономического развития и улучшения качества жизни широких слоев населения.

Сегодня сложно предсказать, как будет развиваться международная ситуация и какие решения будут приняты главой государства в

«Правящая элита России может быть описана в модели советского коллективного властного органа – Политбюро ЦК КПСС. Это конгломерат кланов и групп, которые конкурируют друг с другом за ресурсы. И роль Владимира Путина в этой системе остается неизменной – это роль арбитра и модератора...

В 2000-е годы под влиянием ряда факторов... сформировался стиль принятия политических решений, который все больше напоминает модель советского Политбюро, или „Политбюро 2.0“. Переходу к данной модели способствовал упор на создание госкорпораций – «национальных чемпионов», сделанный и в политике, и в экономике.

Специфика „Политбюро 2.0“ заключается в том, что оно, во-первых, практически никогда не собирается на общие совещания. Во-вторых, формальный статус его членов не всегда соотносится с реальным влиянием на процесс принятия решений. И в-третьих, вокруг „Политбюро 2.0“ сформировались несколько элитных кругов, которые можно условно обозначить как „силовой“, „политический“, „технический“ и „предпринимательский“. Эти круги, с одной стороны, являются опорой „Политбюро 2.0“ в процессе властвования, а с другой стороны, сами соперничают друг с другом за влияние на „Политбюро 2.0“...»⁴⁹

отношении модернизации системы государственного управления. Однако очевидно, что современные условия диктуют Президенту необходимость реализации новых задач по обеспечению достойной конкурентоспособности Российской Федерации как во внутреннем социально-экономическом развитии, так и на внешней политической арене.

Литература

1. Бузмакова Т.И., Кирилина Т.Ю. Духовность и нравственность российской молодежи в социологическом измерении // Социальная политика и социология. 2013. Т. 1. № 3 (94). С. 169–183.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
3. Виноградова И.Е. Мораль. Нравственность. Духовность. В поисках смысла // Вестник Костромского государственного университета. 2006. № 3. С. 149–153.
4. Мамыченко А.В. Замена деструктивных элит. Новые люди креативного государства. Профессиональный парламент. Кн. 2. Астрахань: Волга, 2018. 647 с.

⁴⁸ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 декабря.

⁴⁹ Большое правительство Владимира Путина и «Политбюро 2.0»: доклад // Коммуникационный холдинг «Минченко-консалтинг». 2012. С. 3–4.

5. Микульский К.С. О политэкономических основах современного российского общества // Общество и экономика. 2017. № 12. С. 5–9.
6. Коротаев С.А., Шкаратан О.И. Постсоветская государственность и общество. Ст. 3. Укрепление государственности и социальный контракт между обществом и властью // Общественные науки и современность. 2018. № 1. С. 59–74.
7. Dunning T.J. *Trade's Unions and Strikes: Their Philosophy and Intention*. London, 1860.
8. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. *From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016*. National Bureau of Economic Research. Cambridge: MA August, 2017.
9. О насущных проблемах нашей жизни и взаимодействии регуляторов, бизнеса и граждан. Отчет по итогам массового социологического исследования. Т. 1 / ФНИСЦ РАН. М., 2019. 121 с.
10. Российское общество в условиях пандемии: информационно-аналитический доклад / ФНИСЦ РАН. М., 2020. 68 с.
11. Стерледева Т., Стерледев Р. Духовность и бездуховность как вызов и риски для России // Власть. 2013. Т. 21. № 8. С. 78–82.
12. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.
13. Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социс. 2015. № 12. С. 4–16.
14. Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем? Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского исследования. М., 2015. 23 с.
15. Лапин Н.И. О поиске способов существенных перемен жизни к лучшему: дискурсы профессионалов и алгоритм изучения способов, предпочитаемых населением // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 77–89.
16. Лапин Н.И. Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех» // Вестник Института социологии. 2018. № 27. С. 105–136.
17. Латов Ю.В. Дискурс о «национализации элит» как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 128–138.
18. Лапин Н.И. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 23–34.
19. Лапин Н.И. Формирование социального государства – способ успешной эволюции общества // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 3–11.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

Where Does the Soullessness of the Ruling Elites Lead?

Abstract. On April 21, 2021, President V.V. Putin once again addressed the Federal Assembly of the Russian Federation and outlined the country's key upcoming development areas. Presidential Address was mostly social and aimed at solving domestic problems: comprehensive support for population and business in the “post-covid” period, restoration of the economy and social sphere's normal functioning, as well as the ability of the Government to maintain health of citizens and improve the demographic

situation. The President touched upon many important issues that were demanded by a wide range of Russian society, gave instructions to the Government of the Russian Federation and regional authorities, and announced specific measures to support people in difficult life situations. Meanwhile, the issues of Russia's foreign policy and its positioning within the framework of international relations remained basically outside this Presidential Address. The President only hinted that "those behind provocations that threaten the core interests of our security will regret what they have done in a way they have not regretted anything for a long time", "we ourselves will determine in each specific case where the red line will be drawn with regard to Russia". However, as many experts note, after the victory of J. Biden in the US presidential election, there was the beginning of the culmination of the struggle between global forces for the return of dominant positions in the world that they have gradually lost over the past decades, for a unipolar or multipolar form of the future world order, prospects for the transition of world civilization from modernism to postmodernism. In these conditions, the issues related to Russia's civilizational self-determination and awareness of a kind of the state we are building, reasons that prevent us from effectively implementing the welfare state principles in the country, many of which were embodied in the amendments to the Constitution of the Russian Federation in July 2020, become more relevant than ever.

Key words: ruling elites, geopolitical relations, soullessness, state, postmodernism.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Deputy Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Моделирование социально-демографической асимметрии территориального развития*

Мария Никитична

МАКАРОВА

Институт экономики УрО РАН

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: Makarova.mn@uiec.ru

ORCID: 0000-0001-6144-6178; ResearcherID: H-7717-2017

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы моделирования социально-демографической асимметрии методами пространственной эконометрики. Его актуальность связана с нарастающими диспропорциями демографической динамики в региональном пространстве, что, несомненно, требует научного осмысления и разработки соответствующих управленческих решений. Целью исследования является обоснование методических положений по моделированию социально-демографической асимметрии территориального развития на примере конкретного региона. В ходе анализа отечественных и зарубежных публикаций по исследованию асимметрии территориального развития, в т. ч. социально-демографической, предложена типология методологических подходов и методов ее моделирования и оценки, обоснована необходимость применения методов пространственной эконометрики, преимуществами которых выступают не только возможность оценить наличие самого феномена асимметрии, но и определение связей между изучаемыми территориальными образованиями, рассмотрение их взаимовлияния в условиях неравномерности развития регионального пространства. Расчет глобального и локальных индексов Морана на примере системы расселения Свердловской области позволил получить следующие результаты: подтверждено наличие социально-демографической асимметрии в виде пространственной автокорреляции показателей численности населения муниципальных обра-

* Публикация подготовлена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-821.2020.6 «Оценка социально-демографической асимметрии территориального развития в контексте трансформации регионального пространства».

Для цитирования: Макарова М.Н. Моделирование социально-демографической асимметрии территориального развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 29–42. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.2

For citation: Makarova M.N. Modeling socio-demographic asymmetry of territorial development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 29–42. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.2

зований региона; предложена типология муниципальных образований по их вкладу в формирование социально-демографической асимметрии, что дало возможность определить точки агломерационного притяжения, а также показать наличие прямых и обратных пространственных взаимосвязей между ключевыми территориями; обоснована тенденция усиления социально-демографической асимметрии в результате увеличения роли Екатеринбургской агломерации и падения значения двух других точек притяжения в системе расселения. Полученные результаты могут быть полезны заинтересованным специалистам для обоснования мер по регулированию социально-демографического и пространственного развития региона за счет использования позитивных и нивелирования негативных эффектов социально-демографической асимметрии.

Ключевые слова: социально-демографическая асимметрия, население, пространственное моделирование, система расселения, регион, территориальное развитие.

Введение

Неравномерность распределения природных ресурсов и тяготеющих к ним производительных сил, обладающих историческими, национальными и социокультурными особенностями развития, обеспечивает значительные различия в уровнях социально-экономического развития территорий не только в границах страны в целом, но и зачастую в рамках одного региона. Для описания данного феномена в региональной экономике используются различные термины: диспропорции, дифференциация, неравенство и пр., отражающие структурные, иерархические, качественные и другие стороны неравномерности. Комплексной категорией, учитывающей различные аспекты неравномерности, выступает асимметрия. Под ней понимаются устойчивые во времени и пространстве отклонения в условиях и результатах развития территорий, сокращение которых обеспечивает выравнивание качества жизни населения, а в долгосрочном плане способствует устойчивому социально-экономическому развитию в целом.

Особенно ярко на региональном уровне проявляются диспропорции демографической динамики: одни территории демонстрируют устойчивый рост численности населения, повышение качества человеческого капитала и трудовых ресурсов, что стимулирует экономический рост, в то время как другие переживают отток населения, снижение качества человеческого капитала и замедление социально-экономического развития в целом. Это позволяет говорить о социально-демографической асимметрии территориального развития и трансформации регионального пространства. Однако, несмотря на то что феномен социально-демографической асимметрии территориаль-

ного развития является наблюдаемым и очевидным, в науке он осмыслен, на наш взгляд, недостаточно. В связи с этим цель нашего исследования заключается в обосновании методологических положений по моделированию социально-демографической асимметрии территориального развития на примере конкретного региона.

Теоретический обзор

Обзор теоретических подходов к осмыслению пространства и асимметрии как его неотъемлемого свойства в предыдущих публикациях позволил нам определить социально-демографическую асимметрию следующим образом [1]:

— как процесс несимметричного воспроизводства человеческого капитала на различных территориях региона, обеспеченный неравномерной динамикой протекания демографических процессов (рождаемости, смертности, миграции) и развития соответствующей инфраструктуры (здравоохранения, образования, культуры и т. д.);

— как результат размещения населения в пространстве региона в виде неоднородной системы расселения, трансформирующейся под влиянием комплекса факторов различной природы (природно-климатических, научно-технологических, социально-экономических, политических, институциональных и пр.).

Такое комплексное ее понимание позволило привлечь широкий круг исследований для обоснования типологии методологических подходов и методических инструментов для оценки социально-демографической асимметрии территориального развития. За основу при систематизации методологических подходов были взяты критерии наличия схожести объектов ис-

следования, аналогичности методологического аппарата, близости целей и задач исследования, специфических черт и особенностей. Полученная типология методологических подходов и методов оценки представлена на *рисунке 1*.

На уровне методологии оценки социально-демографической асимметрии можно выделить нормативные, индикативные и компаративные подходы. Нормативные подходы предполагают сравнение достигнутого уровня развития региона с отдельными нормативами, определенными законодательными актами на федеральном, региональном или муниципальном уровне, и в этом смысле однородность и устойчивость развития обеспечиваются выполнением соответствующих нормативов. Индикативные подходы опираются на оценку целевых показателей, заданных различными программами и проектами развития, достижение которых на всех территориях обеспечивает сбалансированное (симметричное) развитие. Наиболее часто применяемым методом является оценка эффективности и результативности выполнения программ.

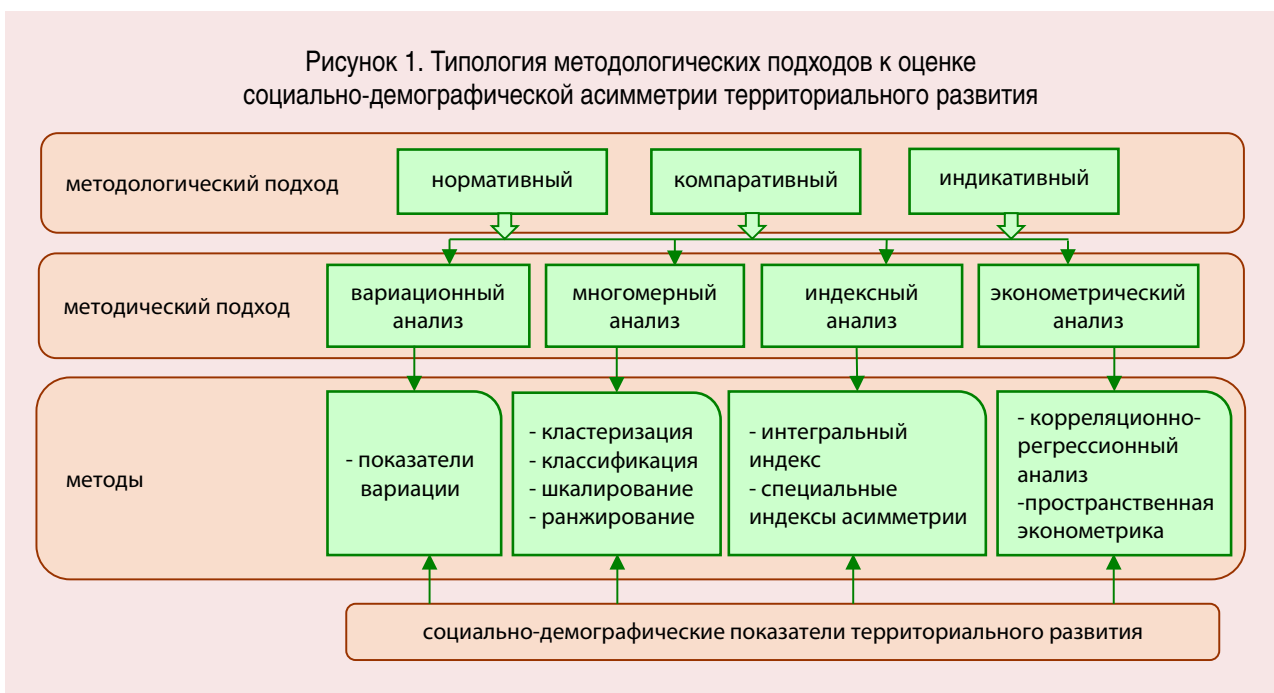
Компаративные подходы преимущественно направлены на сравнительный анализ текущего положения в различных территориях, что позволяет применять широкое разнообразие методов оценки. Преимуществом компаративного подхода выступает большая свобода в выборе показателей и методов оценки в зависимости от

целей исследования, а наличие значительного числа общедоступных статистических данных повышает уровень доверия к проведенным оценкам и позволяет верифицировать полученные результаты.

В зависимости от целей анализа могут быть выбраны различные методические подходы к оценке социально-демографической асимметрии. К первой группе относятся методики вариационного анализа показателей социально-демографического развития, основным преимуществом которых является возможность оценить степень неоднородности значений анализируемого показателя. Кроме того, расчет показателей вариации возможен как для абсолютных, так и для относительных показателей [2]. Для оценки асимметрии территориального развития используется расчет размаха вариации (амплитуды колебаний) [3; 4; 5], среднего квадратического отклонения [6], коэффициента вариации [7; 8] или анализ нескольких показателей вариации в комплексе [9; 10; 11]. Применение показателей вариации позволяет сопоставлять асимметрию территориального развития в различных разрезах, а также в динамике.

Вторую группу методических подходов к оценке социально-демографической асимметрии развития составляют методы многомерного анализа, которые имеют в качестве

Рисунок 1. Типология методологических подходов к оценке социально-демографической асимметрии территориального развития

основной цели осуществление типологизации территориальных образований в соответствии с учетом интенсивности проявления пространственных различий (асимметрии развития). В зависимости от задач исследования и доступности математического инструментария ученые используют ранжирование и кластеризацию [12], мультипараметрическую структурную диагностику [13], теорию графов [14] и другие. Среди их ключевых преимуществ следует отметить возможность выявления малоприметных, скрытых факторных воздействий, допустимость сравнений территориальных систем в комплексе изучаемых параметров, возможность выработки стратегических и тактических решений, касающихся управления территориальными системами разного уровня, и их сегментирования для выработки управленческих мер и разработки новых алгоритмов принятия решений.

В третью группу методических подходов к оценке социально-демографической асимметрии входят методики, основанные на вычислении интегральных индексов и оценке их неоднородности, представляющие собой процедуру отбора наиболее существенных показателей, используемых в дальнейшем для сравнения территориальных систем, факторную оценку состояния территориальной системы, внутрирегиональных различий по отдельным показателям, а также формирование интегральных показателей для последующей типологизации территорий [15]. Преимуществом данного подхода является то, что он дает возможность получить обобщающий показатель по каждому из исследуемых направлений (сфер), представляя некое методологическое единство частных показателей; позволяет сравнивать и распределять территориальные образования как по одному из изучаемых направлений проявления асимметрии, так и по нескольким [16]. Однако наличие значительного количества показателей приводит к увеличению объема и трудоемкости расчетов, затрудняет оценку влияния каждого фактора на изменение результирующего показателя, а также снижает возможности сопоставления результатов различных исследований между собой.

Четвертую группу подходов составляют методики, основанные на комплексном применении статистических методов для анализа терри-

ториальных различий, использующие различные методы математического моделирования. Во-первых, исследователи оперируют определением «средних стандартов», вычисляют отклонения текущих значений показателей от стандартов и оценивают вклад каждого показателя в формирование уровня неравномерности [17]. Это позволяет выявить величину межтерриториальных различий, установить стадию неравномерности, которой соответствуют обнаруженные различия, выделить территории с более высоким уровнем развития и отстающие территории, а также основные факторы, стимулирующие или тормозящие развитие территорий.

Во-вторых, применяются различные модификации методов корреляционно-регрессионного анализа (построение регрессий на панельных данных, например распределения Ципфа [18; 19; 20], анализ процессов конвергенции/дивергенции развития территорий [21]) и пространственной эконометрики (например построение пространственной автокорреляционной модели Морана [22; 23; 24]). Они популярны за рубежом и только недавно начали проникать в отечественную практику пространственных исследований [25]. Вместе с тем, именно они позволяют не только оценить наличие и степень диспропорций территориального развития, но и определить связи между изучаемыми территориальными образованиями и рассмотреть их взаимовлияние. В связи с этим именно методы пространственной эконометрики выбраны нами в качестве методического инструментария исследования.

Данные и методы

Данные

Объективным индикатором оценки социально-демографической асимметрии как результата расселенческих процессов является численность населения. Это один из немногих показателей, для которых можно сформировать достаточно длинный ретроспективный ряд на уровне муниципальных образований, что позволяет искать закономерности в пространственном размещении населения и его динамике с помощью математических методов. Поскольку система расселения достаточно инертна, а на ее трансформацию требуется значительный период времени, нами выбран наибольший из доступных периодов, состав-

ляющий тридцать лет, начиная с самых ранних статистических данных (перепись 1989 г.) и заканчивая наиболее свежими данными о численности населения муниципальных образований на начало 2019 г.,¹ на основе которых рассчитываются локальные и глобальный индексы Морана. Матрица весов сформирована с учетом расстояний между центральными населенными пунктами муниципальных образований, рассчитанных по автодорогам согласно информации специализированных сайтов². Выбор стандартизированной матрицы связан, во-первых, со сложившейся практикой аналогичных исследований, когда именно расстояния по автодорогам признаются в качестве эквивалента для оценки удаленности точек в социально-экономическом пространстве; во-вторых, с доступностью данных и относительно простым алгоритмом расчетов по сравнению, например, с оценкой изохрон.

Методы

Социально-демографическая асимметрия отражает неоднородность системы расселения региона, что позволяет привлекать методы пространственной эконометрики [26] для визуализации неравномерности пространственного развития и формирования групп схожих и различающихся территорий. Одним из них является метод моделирования пространственной автокорреляции Морана [27; 28], включающий расчет глобального и локальных индексов Морана.

Глобальный индекс Морана позволяет оценить наличие или отсутствие пространственной автокорреляции между значениями показателей соседних территорий и рассчитывается по формуле (1) [29]:

$$IG = \frac{\sum \sum (x_i - \bar{x})(x_j - \bar{x})}{\sum (x_i - \bar{x})^2} = \frac{N}{\sum \sum w_{ij}}, \quad (1)$$

где N – число территорий; w_{ij} – элемент матрицы пространственных весов для территорий i и j ; x_{ij} – значение показателя для конкретной территории; $\bar{x}$ – среднее значение для показателя.

¹ <https://www.citypopulation.de/en/russia/ural/admin/> (дата обращения 26.05.2020).

² <https://yandex.ru/map/>; <https://www.avtodispatcher.ru/distance/>

Наличие пространственной автокорреляции и ее характер (положительная или отрицательная) определяются в результате проверки гипотезы о значимости глобального индекса Морана с использованием z -статистики по формуле (2):

$$Z = \frac{IG - EI}{\sigma} \quad (2)$$

и оценки нулевой гипотезы о теоретически случайной структурной закономерности пространственной модели.

Качественные характеристики пространственной автокорреляции анализируются путем сопоставления IG с пороговым значением EI , рассчитанным как (3):

$$EI = \frac{1}{n - 1}, \quad (3)$$

где n – количество объектов в выборке.

Если $IG > EI$, то наблюдается положительная пространственная автокорреляция (т. е. значения на соседних территориях подобны), если $IG < EI$, то отрицательная автокорреляция (т.е. значения на соседних территориях отличаются), если $IG = EI$, то автокорреляция отсутствует (значения расположены случайным образом) [29].

При наличии пространственной автокорреляции строится диаграмма рассеяния Морана, где по горизонтальной оси откладываются z -стандартизированные значения показателей, а по вертикальной – значения пространственного вектора WZ . Таким образом, территории кластеризуются по четырем квадрантам, характеризующимся различными качественными параметрами (табл. 1).

Локальные индексы Морана ($LISA$) рассчитываются для каждой рассматриваемой территории отдельно и позволяют оценить наличие или отсутствие пространственной автокорреляции конкретной территории с соседними. Формула расчета выглядит следующим образом (4) [29]:

$$LISA_i = N \cdot \frac{(x_i - \bar{x}) \cdot \sum w_{ij}(x_j - \bar{x})}{\sum (x_i - \bar{x})^2}. \quad (4)$$

Таблица 1. Качественные характеристики квадрантов диаграммы рассеяния Морана

Квадрант LH (low-high)	Квадрант HH (high-high)
Территории в нем имеют относительно низкие собственные значения анализируемого показателя, окружены территориями с относительно высокими значениями анализируемого показателя; автокорреляция отрицательная	Территории в нем имеют относительно высокие собственные значения анализируемого показателя, окружены территориями с относительно высокими значениями анализируемого показателя; автокорреляция положительная
Квадрант LL (low-low)	Квадрант HL (high-low)
Территории в нем имеют относительно низкие собственные значения анализируемого показателя, окружены территориями с относительно низкими значениями анализируемого показателя; автокорреляция положительная	Территории в нем имеют относительно высокие собственные значения анализируемого показателя, окружены территориями с относительно низкими значениями анализируемого показателя (полюса роста); автокорреляция отрицательная

Стоит также отметить, что сумма локальных индексов Морана $LISA_i$ по всем территориям представляет собой не что иное, как глобальный индекс Морана IG .

Результаты и обсуждение

За период 1989–2019 гг. система расселения Свердловской области претерпела ряд изменений (табл. 2). Так, численность населения в регионе выросла с 3785,0 до 4169,9 тыс. чел., что составило 110,2%. За это же время в результате реформы местного самоуправления число муниципальных образований в регионе увеличилось с 61 до 69 ед. При этом средняя численность населения муниципального образования сократилась с 62,0 до 60,4 тыс. чел., или на 2,5%. Также снизился коэффициент вариации численности населения в муниципальных обра-

зованиях с 34,3 до 32,8%, что может свидетельствовать о некоторой конвергенции территорий региона по данному показателю.

На основе данных о численности населения в муниципальных образованиях Свердловской области в 1989 и 2019 гг. нами рассчитан глобальный индекс Морана с использованием стандартизированной матрицы расстояний (табл. 3).

Анализ значений z-статистики позволил сделать вывод о неслучайном характере пространственного распределения значений численности населения в муниципальных образованиях региона. А сопоставление IG с пороговым значением EI показывает наличие отрицательной пространственной автокорреляции. Это свидетельствует о том, что наблю-

Таблица 2. Динамика показателей системы расселения Свердловской области за 1989–2019 гг.

Показатель	1989 г.	2019 г.
Численность населения, тыс. чел.	3785,0	4169,9
Число муниципальных образований, ед.	61	69
Средняя численность муниципального образования, тыс. чел.	62,0	60,4
Среднее квадратическое отклонение численности населения муниципальных образований	180,6	184,3
Коэффициент вариации численности населения муниципальных образований, %	34,3	32,8
Индекс концентрации городского населения	0,521	0,563

Рассчитано по: Population of cities and towns. URL: <http://www.citypopulation.de/en/russia/ural/admin/> (дата обращения 26.05.2020).

Таблица 3. Глобальный индекс Морана по численности населения для муниципальных образований Свердловской области по стандартизированной матрице расстояний

Год	IG	EI^*	z-статистика	Пространственная автокорреляция
1989	-0,0321	-0,0167	-7,18**	отрицательная
2010	-0,0245	-0,0147	-5,02**	отрицательная
2019	-0,0248	-0,0147	-3,44**	отрицательная

* Значение EI меняется с течением времени в связи с изменением количества муниципальных образований в регионе, их типа и границ в результате реформы местного самоуправления в 2003–2009 гг.

** При $\alpha = 0,05$ позволяет отклонить нулевую гипотезу о том, что наблюдаемая пространственная модель отражает теоретическую случайную структурную закономерность.

Рассчитано по: Population of cities and towns. URL: <http://www.citypopulation.de/en/russia/ural/admin/> (дата обращения 26.05.2020).

даются статистически значимые различия в значениях показателя численности населения соседних территорий. Таким образом, мы можем говорить о наличии социально-демографической асимметрии в регионе.

На основе диаграммы рассеяния Морана по стандартизованным данным о численности населения за 1989 и 2019 гг. муниципальные образования Свердловской области разделены по типам LH, LL, HH, HL (рис. 2), где по оси абсцисс откладывается параметр Z (локальный индекс Морана), а по оси ординат – параметр WZ (стандартизованные расстояния).

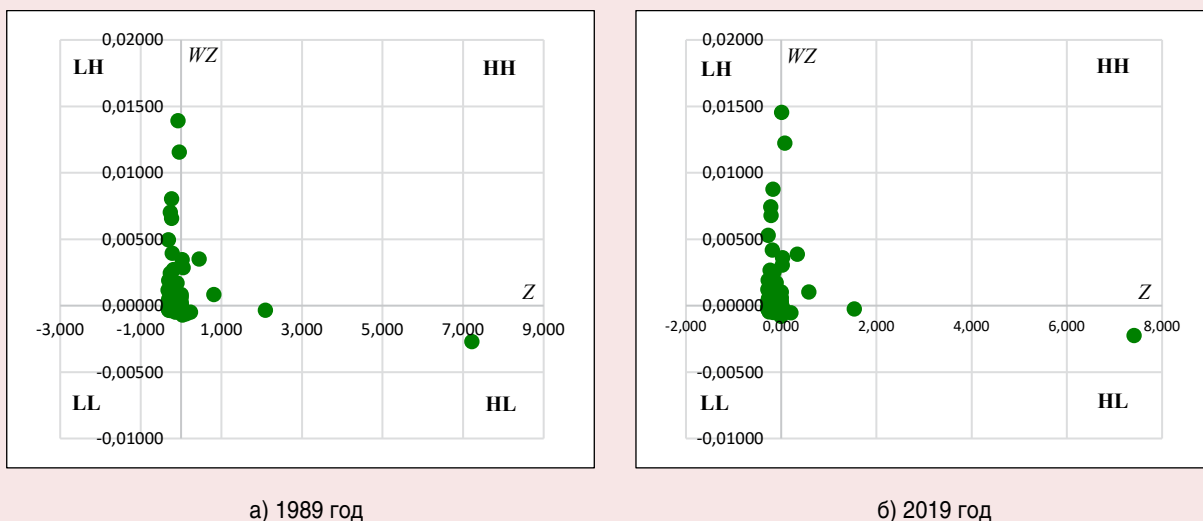
Отметим несколько характеристик полученных диаграмм рассеяния. Во-первых, с течением времени наблюдается увеличение вариации показателей Z и WZ . Если в 1989 году размах вариации соответствующих показателей составлял 7,998 и 0,0176, то в 2019 году он увеличился до 8,207 и 0,0177 соответственно, причем за счет роста максимальных значений. Это подтверждает тезис об усилении социально-демографической асимметрии и увеличении веса отдельных муниципалитетов в системе расселения.

Во-вторых, около $\frac{3}{4}$ муниципальных образований характеризуются достаточно близкими

значениями Z и WZ и располагаются вокруг точки $(0; 0)$. Для исследования социально-демографической асимметрии интерес представляет остальная четверть муниципалитетов, которые являются выбросами и имеют значительно отличающиеся параметры Z и WZ . Эти 17 муниципалитетов формируют три типа в зависимости от квадранта матрицы рассеяния, в который они попадают (табл. 4).

Первый тип – это территории, входящие в кластер HL по диаграмме рассеяния Морана, так называемые полюса роста, т. е. территории, имеющие относительно высокие собственные значения численности населения и окруженные территориями с относительно низкими значениями численности населения. В случае системы расселения Свердловской области к этому типу относятся три муниципалитета (МО г. Екатеринбург, ГО Н. Тагил и Серовский ГО), являющиеся ядрами агломерационных образований и точками притяжения населения из окружающих территорий. Данные муниципалитеты сохраняют функцию ядра первого порядка на протяжении всего наблюдаемого периода, однако вес первого в региональной системе расселения увеличивается, а два остальных теряют вес в пользу областного центра (рис. 3).

Рисунок 2. Диаграмма рассеяния Морана по стандартизованной численности населения муниципальных образований Свердловской области

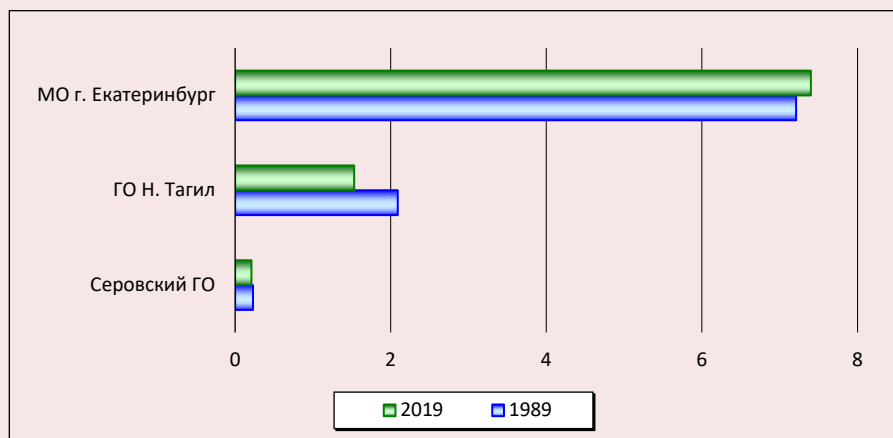
Рассчитано по: Population of cities and towns. URL: <http://www.citypopulation.de/en/russia/ural/admin/> (дата обращения 26.05.2020).

Таблица 4. Типы муниципальных образований в системе расселения Свердловской области согласно диаграмме рассеяния Морана

Тип МО	1989 год		2019 год	
	МО	Доля среди всех МО, %	МО	Доля среди всех МО, %
НЛ (ядра первого порядка)	МО г. Екатеринбург ГО Н. Тагил Серовский ГО	5	МО г. Екатеринбург ГО Н. Тагил Серовский ГО	4
НН (ядра второго порядка Екатеринбургской агломерации)	ГО К.-Уральский ГО Первоуральск ГО Ревда Полевской ГО	7	Березовский ГО ГО В. Пышма ГО К.-Уральский ГО Первоуральск ГО Ревда Полевской ГО	9
ЛН (города-спутники Екатеринбурга)	Арамилский ГО Белоярский ГО Березовский ГО ГО В. Дуброво ГО Верх-Нейвинск ГО В. Пышма ГО Дегтярск ГО Заречный ГО Среднеуральск Сысертьский ГО	16	Арамилский ГО Белоярский ГО ГО В. Дуброво ГО Дегтярск ГО Заречный ГО Среднеуральск Сысертьский ГО	10
Итого*	17	28	17	23

*В 1989 г. система расселения включала 61 муниципалитет, в 2019 г. – 70.
 Рассчитано по: Population of cities and towns. URL: <http://www.citypopulation.de/en/russia/ural/admin/> (дата обращения 26.05.2020).

Рисунок 3. Динамика локальных индексов Морана для ядер первого порядка агломерационных образований Свердловской области

Рассчитано по: Population of cities and towns. URL: <http://www.citypopulation.de/en/russia/ural/admin/> (дата обращения 26.05.2020).

Несмотря на то что ГО Н. Тагил и Серовский ГО, являясь экстремумами для окружающего их пространства, обладают агломерационным потенциалом, его реализация в виде

формирования полноценных городских агломераций в ближайшей перспективе не представляется возможной, поскольку их вес в системе расселения снижается и оба муници-

палитета характеризуются тенденцией к сокращению численности населения и экономического потенциала. Кроме того, они не имеют в зоне своего влияния ядер второго порядка и/или городов-спутников, как Екатеринбургская агломерация.

Ко *второму типу* относятся территории кластера НН по диаграмме рассеяния Морана, т. е. те, которые имеют относительно высокие собственные значения анализируемого показателя и окружены территориями с относительно высокими значениями анализируемого показателя. Это ядра второго порядка Екатеринбургской агломерации – ГО К.-Уральский, ГО Первоуральск, ГО Ревда, Полевской ГО, а также Березовский ГО, ГО В. Пышма, вошедшие в состав кластера к концу рассматриваемого периода. Кроме того, все указанные муниципальные образования имеют положительные связи пространственной корреляции с ядром агломерации – Екатеринбургом, т. е. в региональной системе расселения с увеличением веса ядра первого порядка возрастают и веса ядер второго порядка.

Территории второго типа характеризуются ростом численности населения, если они территориально смыкаются с Екатеринбургом (Березовский ГО, ГО В. Пышма), или незначительным снижением численности населения, если они находятся на расстоянии 50 и более км от Екатеринбурга (ГО К.-Уральский, ГО Первоуральск, ГО Ревда, Полевской ГО). Во всех перечисленных муниципалитетах сохраняется достаточно стабильная социально-экономическая ситуация, создаются рабочие места, развивается социальная и транспортная инфраструктура. Относительно высокий уровень жизни позволяет удерживать население на местах.

На наш взгляд, в ближайшей перспективе указанные территории сохранят свою функцию в системе расселения Свердловской области и будут выступать в качестве точек притяжения населения, хотя и менее значимых, чем областной центр.

Третий тип муниципальных образований составляют территории кластера ЛН по диаграмме рассеяния Морана, т. е. имеющие относительно низкие собственные значения численности населения и окруженные территориями с относительно высокими значениями анализи-

руемого показателя. К ним относятся муниципалитеты, формирующие спутники ядра агломерации (Арамильский ГО, Белоярский ГО, ГО В. Дуброво, ГО Дегтярск, ГО Заречный, ГО Среднеуральск, Сысертский ГО). Кроме того, все указанные территории имеют значимые отрицательные связи с ядром агломерации и, таким образом, являются источниками человеческого капитала для областного центра.

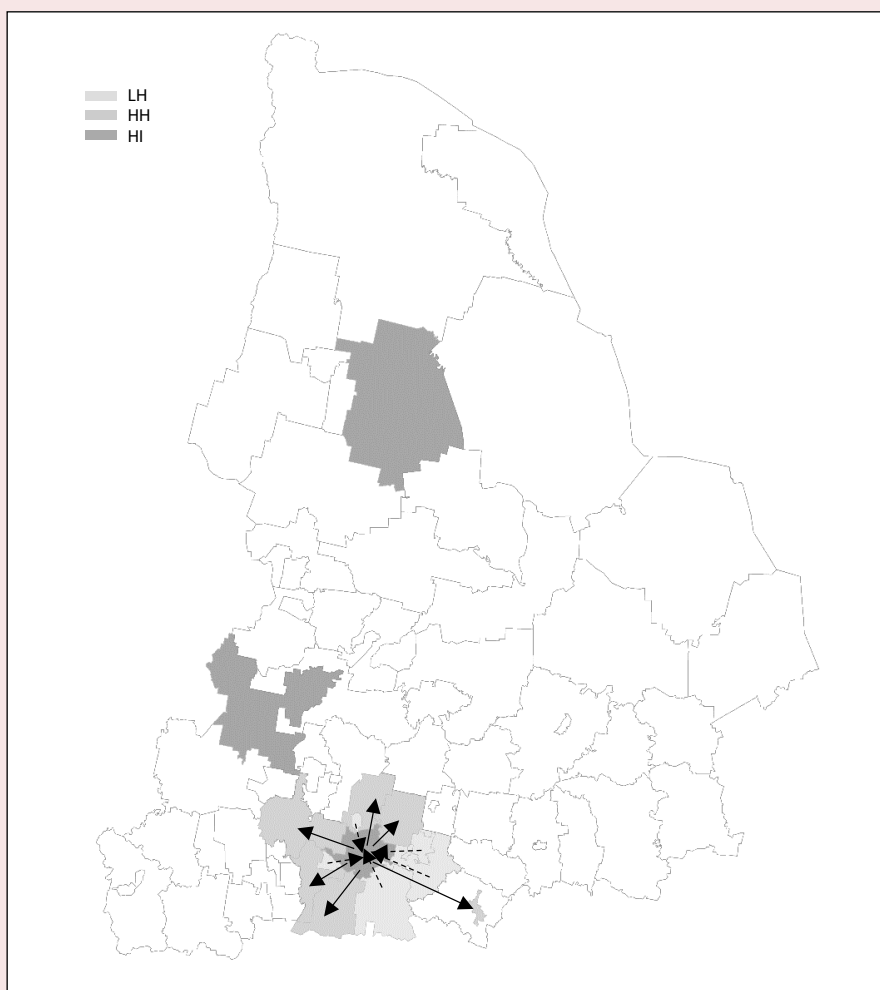
Для данных муниципальных образований характерен прирост численности населения в 2019 году в среднем на 105% к уровню 1989 года. За счет более дешевого жилья и относительно более низких цен эти территории привлекательны для жителей, ежедневно совершающих поездки на работу в столицу региона. Вместе с тем их проблемой является слабое развитие социальной инфраструктуры при высокой нагрузке на нее, что связано с особенностями уплаты НДФЛ по месту работы, а не проживания, а именно этот налог формирует большую часть муниципального бюджета. В перспективе муниципальные образования данного типа сохранят свою функцию «спальных районов» агломерации и продолжат наращивать численность населения, что актуализирует необходимость решать накопленные инфраструктурные проблемы.

На *рисунке 4* представлена карта Свердловской области, на которой отмечены типы муниципальных образований согласно описанной выше типологии, визуально отражается структура Екатеринбургской агломерации, состоящей из ядра первого порядка и его спутников, нескольких ядер второго порядка, а также ядра потенциальных агломераций при движении на север региона.

Полученная картина отражает в целом исторически сложившуюся специфику региональной системы расселения – так называемое кустовое расселение, где население сосредоточено в крупных городах, а между точками концентрации наблюдаются провалы³. Таким образом, в течение длительного времени в регионе сохраняются три агломерационных образова-

³ Анализ территориальной, возрастной и образовательной структуры трудовых ресурсов Свердловской области в среднесрочной и долгосрочной перспективе: отчет о НИР. Екатеринбург: АЦ «Эксперт-Урал», 2012. 84 с. С. 22.

Рисунок 4. Типы муниципальных образований в системе расселения Свердловской области в 2019 г. и связи между ними

Стрелками (—▶) обозначены прямые агломерационные связи, пунктирными стрелками (----▶) – обратные.

Рассчитано по: Population of cities and towns. URL: <http://www.citypopulation.de/en/russia/ural/admin/> (дата обращения 26.05.2020).

ния с центрами в Екатеринбурге, Н. Тагиле и Серове. Однако их роль и перспективы в региональном пространстве Свердловской области разнятся. Если Екатеринбургская агломерация является точкой экономического роста и центром притяжения населения в регионе, то Н. Тагил и Серов, хотя по-прежнему доминируют на локальном уровне, не только не проявили агломерационный потенциал, но и теряют свое значение в качестве точек роста для системы расселения в целом. Более того, трансформация регионального пространства идет в направлении формирования единой

Екатеринбургско-Нижнетагильской агломерации с постепенной утратой Н. Тагилом значения до уровня ядра второго порядка (за рассматриваемый период значение локального индекса для этих двух территорий снизилось с 0,0044 до 0,0032). Взаимное влияние Екатеринбурга и Серова остается на одном уровне, LISA для этих территорий на протяжении всего рассматриваемого периода составляет 0,0002, что, скорее, связано со значительной удаленностью Серовского ГО (более 350 км), чем с его значимостью в формировании регионального пространства.

Вместе с тем развитие указанных агломерационных образований закреплено в соответствующем разделе Стратегии социально-экономического развития Свердловской области до 2030 года, где прописана идея сбалансированного развития территорий региона⁴. Однако такая задача, на наш взгляд, противоречит объективным социально-демографическим процессам, происходящим в Свердловской области. Кроме того, если разнообразные инструменты развития Екатеринбургской агломерации активно обсуждаются на региональном и муниципальном уровне, разрабатываются соответствующие нормативно-правовые акты⁵, то для территорий вокруг Н. Тагила и Серова задача агломерационного строительства остается декларативной, поскольку реальные процессы стягивания экономического пространства к этим точкам не происходят, органы исполнительной власти не предлагают эффективных мер по удержанию и закреплению населения на указанных территориях, а межмуниципальное сотрудничество развито достаточно слабо в связи со сложившейся системой нормативно-правового регулирования [30].

Заключение

Таким образом, в результате применения методов пространственной эконометрики для анализа системы расселения Свердловской области подтвердилось наличие социально-демографической асимметрии в виде пространственной автокорреляции показателей численности населения муниципальных образований. Кроме того, анализ глобального и локальных индексов Морана в динамике свидетельствует о тенденции нарастания диспропорций демографической динамики в регионе.

По результатам анализа структуры диаграммы рассеяния Морана нами предложена типология муниципальных образований Свердловской области в зависимости от значимости локальных индексов Морана и той

функции, которую выполняют территории в региональном пространстве.

Определены точки агломерационного притяжения (3 муниципалитета), показано наличие прямых и обратных пространственных взаимосвязей между ключевыми территориями региона, рассмотрена динамика их значимости в структуре регионального пространства. Так, две потенциальные точки агломерационного притяжения (Н. Тагил и Серов) теряют свое значение в системе расселения в пользу областного центра (Екатеринбурга) на протяжении достаточно длительного периода. Вокруг же региональной столицы сформировалось полноценное агломерационное объединение с присутствием ядра первого порядка с территориями-спутниками и наличием ядер второго порядка. Тесные социально-экономические связи между указанными муниципалитетами актуализируют вопрос управления агломерационными процессами, в первую очередь на межмуниципальном уровне взаимодействия, что является достаточно проблематичным в условиях действующего законодательства и сложившейся практики межмуниципального сотрудничества.

Научная новизна выполненной работы заключается в развитии методологии исследования социально-демографической асимметрии регионального развития на основе применения методов пространственной эконометрики, позволяющих выявить пространственные закономерности демографического развития региона. Практическая значимость исследования состоит в возможности использовать полученные результаты для обоснования стратегических направлений социально-экономического развития региона с учетом выявленных закономерностей и трендов трансформации системы расселения для нивелирования негативных эффектов социально-демографической асимметрии и решения задачи, связанной с повышением качества жизни населения вне зависимости от места проживания.

⁴ О Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 годы: Закон Свердловской области от 21.12.2015 г. № 151-ОЗ. URL: <http://economy.midural.ru/content/strategiya-2030> (дата обращения 26.07.2020).

⁵ В Свердловской области подписан ряд соглашений, касающихся развития Екатеринбургской городской агломерации. URL: http://midural.ru/news/on_the_eve/document173731/ (дата обращения 14.12.2020).

Литература

1. Макарова М.Н., Трушкова Е.А. Обзор теоретических подходов к исследованию социально-демографической асимметрии территориального развития // Журнал фундаментальных исследований. 2020. № 9. С. 67–72. DOI: 10.17513/fr.42846
2. Акперов И.Г., Брюханова Н.В. Устойчивое развитие региона в условиях локальной асимметрии социально-экономических процессов // Ученые записки Института управления, бизнеса и права. Серия: Экономика. 2014. № 4. С. 8–17.
3. Misakov V., Misakov A., Tsurova L., Eskiyev M., Playeva Z. Some asymmetry problems of the socio-economic and political relations of territorial subjects of the Russian Federation. *Journal of History Culture and Art Research*, 2017, vol. 6 (5), pp. 247–255. DOI: <http://dx.doi.org/10.7596/taksad.v6i5.128>
4. Кузнецова И.И. Проблема территориальной дифференциации в региональной экономике и возможности ее исследования на городском уровне // Труды Института системного анализа РАН. 2006. Т. 22. С. 261–268.
5. Лавровский Б.Л. Измерение региональной асимметрии на примере России // Вопросы статистики. 1999. № 3. С. 45–52.
6. Тургель И.Д. Локальная асимметрия регионального развития: содержание, оценка, социально-экономические последствия // Проблемы, успехи и трудности переходной экономики (Опыт России и Беларуси) / под ред. М.А. Портного. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2000. С. 233–243.
7. Мисаков В.С., Мисаков А.В. Проблемы выравнивания территориальной асимметрии депрессивных республик северного Кавказа // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 9 (63). Ч. 1. С. 19–26.
8. Шильцин Е.А. Вопросы оценки региональной асимметрии // Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых: сб. науч. тр. / под ред. В.Е. Селиверстова, В.М. Марковой, Е.С. Гвоздевой. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2005. С. 143–158.
9. Кондусова В.Б., Бахина В.А. Вариационный анализ рынка труда в административно-территориальных образованиях Оренбургской области // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 3. С. 27–35.
10. Аникина В.И., Кузьмич Р.И. Сглаживание дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований в городской агломерации // Вестник СибГАУ. 2010. № 2. С. 183–188.
11. Тургель И.Д., Победин А.А. Территориальная дифференциация социально-экономического развития муниципальных образований в субъекте Российской Федерации: опыт вариационного анализа (на примере Свердловской области) // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 12. С. 12–23.
12. Проект СИРЕНА: методы измерения и оценки региональной асимметрии. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2002. 248 с.
13. Рой О.М., Юдина М.А. Эвристические возможности мультипараметрической модели структурной диагностики развития региональных систем // Известия Уральского государственного экономического университета. 2014. № 2 (52). С. 62–68.
14. Евченко А.В. Применение экономико-математических методов для анализа территориальной социально-экономической асимметрии и выбора целевых ориентиров развития районов // Вестник Самарского государственного университета. Серия «Экономика и управление». 2005. № 2. С. 191–197.
15. Троцкий А.Я., Мищенко И.В. Исследование хозяйственных трансформаций в хозяйственной системе региона // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2 (86). Т. 1. С. 181–187.
16. Таран О.Л. Индикативная оценка социально-экономического состояния и развития региональной экономики: монография. Кисловодск: Тьютор, 2007. 332 с.
17. Гурбанова К.С., Кlesh В.С. Методика оценки неравномерности социально-экономического развития региона // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 30–41. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.2
18. Benguigui L., Blumenfeld-Lieberthal E. A dynamic model for city size distribution beyond Zipf's law. *Physica A: Statistical Mechanics and Its Applications*, 2007, vol. 384 (2), pp. 613–627. DOI: 10.1016/j.physa.2007.05.059
19. Wu Y., Jiang M., Chang Zh. et al. Does China's urban development satisfy Zipf's law? A multiscale perspective from the NPP-VIIRS nighttime light data. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020, vol. 17 (1), no. 1460. DOI: 10.3390/ijerph17041460

20. Manaeva I.V. Distribution of cities in federal Districts of Russia: Testing of the Zipf law. *Economy of Region*, 2019, vol. 15 (1), pp. 84–98. DOI: 10.17059/2019-1-7
21. Lanzieri G. Is fertility converging across the member states of the European Union? In: *Work Session on Demographic Projections. Lisbon, 28-30 April 2010*. Luxembourg: Publications office of the European Union, 2010. Pp. 137–154.
22. Spijker J., Recano J., Martinez S. et al. Mortality by cause of death in Colombia: A local analysis using spatial econometrics. *Journal of Geographical Systems*, 2020 August. DOI: 10.1007/s10109-020-00335-1
23. Manesh S.N., Choi, J.O., Shrestha B.K. et al. Spatial analysis of the gender wage gap in architecture, civil engineering, and construction occupations in the United States. *Journal of Management in Engineering*, 2020, vol. 4, no. 04020023. DOI: 10.1061/(ASCE)ME.1943-5479.0000780
24. Mansour Sh., Saleh E., Al-Awadhi T. The effects of sociodemographic characteristics on divorce rates in Oman: Spatial modeling of marital separations. *Professional Geographer*, vol. 72 (3), pp. 332–347. DOI: 10.1080/00330124.2020.1730196
25. Lavrikova Ju.G., Suvorova A.V. Spatial aspects of regional infrastructure distribution (the case of Sverdlovsk region). *R-Economy*, 2019, vol. 5 (4), pp. 155–167.
26. Anselin L. *Spatial Econometrics: Methods and Models*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1988. 304 p.
27. *Introduction to Spatial Analysis. Invited Lecture. Population Science and GIS Workshop*. UC Santa. 2006. 207 p.
28. Moran P. The interpretation of statistical maps. *Journal of the Royal Statistical Society*, 1948, vol. 10, pp. 243–251.
29. Павлов Ю.В., Королева Е.Н. Пространственные взаимодействия: оценка на основе глобального и локального индекса Морана // *Пространственная экономика*. 2014. № 3. С. 95–110. DOI: 10.14530/se.2014.3.95-110
30. Козлова О.А., Макарова М.Н. Межмуниципальное сотрудничество как институт стратегического развития территории // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018. Т 11. № 3. С. 132–144. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.9

Сведения об авторе

Мария Никитична Макарова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: Makarova.mn@uiec.ru)

Makarova M.N.

Modeling Socio-Demographic Asymmetry of Territorial Development

Abstract. The article explores the issues of modeling socio-demographic asymmetry using spatial econometrics. Its relevance is associated with the growing disproportions of demographic dynamics in the regional space that undoubtedly requires scientific understanding and development of appropriate management decisions. The purpose of this study is to substantiate the methodological provisions for modeling the socio-demographic asymmetry of territorial development using a case-study of a specific region. Based on an analysis of domestic and foreign publications on the study of the territorial development asymmetry, including socio-demographic one, the author proposes a typology of methodological approaches and methods of its modeling and evaluation and substantiates the need to use spatial econometrics methods, the advantage of which is not only an opportunity to assess the presence of the asymmetry phenomenon, but also to determine the links between studied territorial entities and evaluate their mutual influence in the conditions of uneven development of regional space. The calculation of Moran's global and local indices using a case study of the Sverdlovsk Oblast's settlement system allowed us to obtain the following results: (1) the presence of socio-demographic asymmetry in the form of spatial autocorrelation of the population indicators of the region's municipalities was confirmed; (2) a typology of municipalities is proposed according to their contribution to the formation of socio-demographic asymmetry, which allowed us to determine the points of agglomeration attraction, as well

as to show the presence of direct and inverse spatial relationships between the region's key territories; (3) the author substantiates the trend of increasing socio-demographic asymmetry in the region as a result of the increasing role of the Yekaterinburg agglomeration and the decline in the value of other two attraction points in the settlement system. The results obtained can be used by interested specialists to justify measures to regulate the socio-demographic and spatial development of the region by using positive and leveling negative effects of the socio-demographic asymmetry.

Key words: socio-demographic asymmetry, population, spatial modeling, settlement system, region, territorial development.

Information about the Author

Mariya N. Makarova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: Makarova.mn@uiec.ru)

Статья поступила 12.02.2021.

Анализ и прогноз конкурентоспособности российской инвестиционной техники на рынках дальнего зарубежья*

Владимир Николаевич

БОРИСОВ

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: vnbor@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3226-1478

Ольга Викторовна

ПОЧУКАЕВА

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: ol255@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8068-7134

Аннотация. Проведенное нами исследование было направлено на разработку и совершенствование методов изучения влияния инвестиций с высокой долей затрат на машины и оборудование, научные исследования и разработки на динамику конкурентоспособности российской инвестиционной техники и построение прогнозных вариантов ее экспорта. Изучаемые группы инвестиционного оборудования были сформированы из наукоемких, технически сложных, дорогостоящих видов продукции. Объектом исследования является конкурентоспособность отечественной инвестиционной техники на рынках дальнего зарубежья. При этом учтено расширение географии экспорта, что позволило рассмотреть конкурентоспособность как на

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-010-00031 «Анализ и прогнозирование машиностроительного производства в условиях активизации экспорта и развивающего импортозамещения».

Для цитирования: Борисов В.Н., Почукаева О.В. Анализ и прогноз конкурентоспособности российской инвестиционной техники на рынках дальнего зарубежья // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 43–58. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.3

For citation: Borisov V.N., Pochukaeva O.V. Analysis and forecast of competitiveness of Russian investment equipment in the foreign markets. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 43–58. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.3

основных (традиционных) рынках, так и на растущих (в т. ч. новых) рынках дальнего зарубежья. Проведена оценка устойчивости спроса. Задачи, решаемые в ходе исследования, направлены на выявление зависимостей количественных оценок конкурентоспособности от количественных оценок инвестиционных факторов, влияние которых определяет темпы и эффективность развития производства инвестиционной техники на российских предприятиях. Разработанная система показателей позволяет получать количественные, объемные и ценовые оценки экспорта инвестиционной техники в страны дальнего зарубежья и на их основе оценивать и прогнозировать темпы наукоемкого и технологического развития этой важнейшей отрасли отечественного машиностроения. Результаты работы свидетельствуют о необходимости существенного увеличения затрат на НИР и обновление производственного оборудования. Рост наукоемких инвестиций даст возможность расширить ассортимент инвестиционной техники, обладающей технологической конкурентоспособностью, на мировом рынке. Проведенное исследование показало, что существующие и применяемые в РФ инструменты позволяют обеспечивать конструктивную динамику факторов, воздействующих на конкурентоспособность машиностроения и его продукции. Однако объемы ресурсов, обуславливающие степень воздействия этого инструментария, пока еще недостаточны.

Ключевые слова: машиностроение, инвестиционное оборудование, инвестиции в основной капитал, конкурентоспособность, экспорт, технологическая структура инвестиций, наукоемкость инвестиций.

Введение

В число стратегических задач развития страны входят создание высокопроизводительного экспортноориентированного сектора в отраслях промышленности, существенный рост экспорта продукции несырьевого сектора, в том числе достижение к 2024 году ежегодного объема экспорта продукции машиностроения в размере 50 млрд долл. США¹. Это весьма сложная задача, учитывая, что в последние годы объем экспорта машиностроительной продукции составлял 28–29 млрд долл.² Ее решение может быть обеспечено, прежде всего, ростом эффективности и надежности эксплуатационных параметров экспортируемой техники.

При этом конкурентоспособность отечественной промышленной продукции на внутреннем и зарубежных рынках является важнейшим фактором развития российской экономики, ее диверсификации и устойчивости, что позволит решать задачи, связанные с ростом

экспорта наукоемких дорогостоящих изделий и развивающего импортозамещения. Экономическое обоснование внутреннего спроса на инвестиционную технику как компонента инвестиционного потока в основной капитал представлено в работах [1; 2], а инновационно-технологическое – в работе [3]. Полностью понятие «конкурентоспособность инвестиционной техники», пригодное для прогнозно-аналитических исследований, которое можно наполнить достоверной статистической информацией, раскрывается матрицей конкурентоспособности. Ее первый вектор-столбец содержит технические и эксплуатационные характеристики, второй – ценовые характеристики, третий – рыночные характеристики и особенности продвижения инвестиционной техники на рынке. В математических теоретических моделях используется меньшее число показателей [4; 5]. В прикладных моделях часто применяется один показатель – доля техники на рынке. Однако, с нашей точки зрения, он представляет собой результат большого комплекса мер и усилий производителей инвестиционной техники. По нашему мнению, отдельного изучения заслуживает процесс влияния инвестиций на динамику экспорта в качестве

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 // КонсультантПлюс. URL: [www/consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/)

² Таможенная статистика внешней торговли РФ. Годовой сборник. М.: ФТС России, 2010–2019 гг.

способа повышения и проявления на рынке конкурентоспособности отечественных производителей инвестиционной техники³.

При оценке конкурентоспособности продукции обрабатывающих отраслей на мировом рынке следует учитывать множество факторов, действующих одновременно или с определенной периодичностью на различные секторы рынка товаров обрабатывающих отраслей, в т. ч. факторы, формирующие покупательную способность потребителей. Особенно сложным в этом аспекте является относительно малосерийный и очень разнообразный по номенклатуре изделий рынок инвестиционной техники – крупнейший среди рынков продукции машиностроительных отраслей.

Цель работы – прогнозно-аналитическое исследование влияния технико-технологических, наукоемких инвестиций на динамику конкурентоспособности и построение прогнозных вариантов экспорта инвестиционной техники, т. е. наукоемкого и технико-технологического развития этой важнейшей составляющей отечественного машиностроения, от которой зависит как качество массового производства технически сложных потребительских товаров, так и производство продукции оборонного и двойного назначения. Предлагаемый нами метод оценивания конкурентоспособности основан на изучении динамики объемов экспорта, удельных экспортных цен и расширения географии экспорта по группам инвестиционного оборудования. В последние годы на фоне количественных сдвигов в мировой экономике опережающими темпами развивались наукоемкие

отрасли [6], поэтому при проведении исследования изучаемые группы инвестиционного оборудования формируются нами преимущественно из наукоемких, технически сложных, дорогостоящих видов продукции. Объектом исследования является конкурентоспособность отечественной инвестиционной техники на рынках дальнего зарубежья, что позволяет рассматривать конкурентоспособность как на основных (традиционных), так и на растущих (в т. ч. новых) рынках. Решаемые задачи направлены на выявление зависимостей количественных оценок конкурентоспособности от количественных оценок факторов, воздействующих на развитие производства инвестиционной техники на российских предприятиях. Здесь следует заметить, что исследовательских разработок по этой проблематике достаточно много, но они, как правило, посвящены либо узким, локальным рынкам покупателей и продавцов, либо отдельным видам техники, либо вопросам методики или менеджмента [7–12].

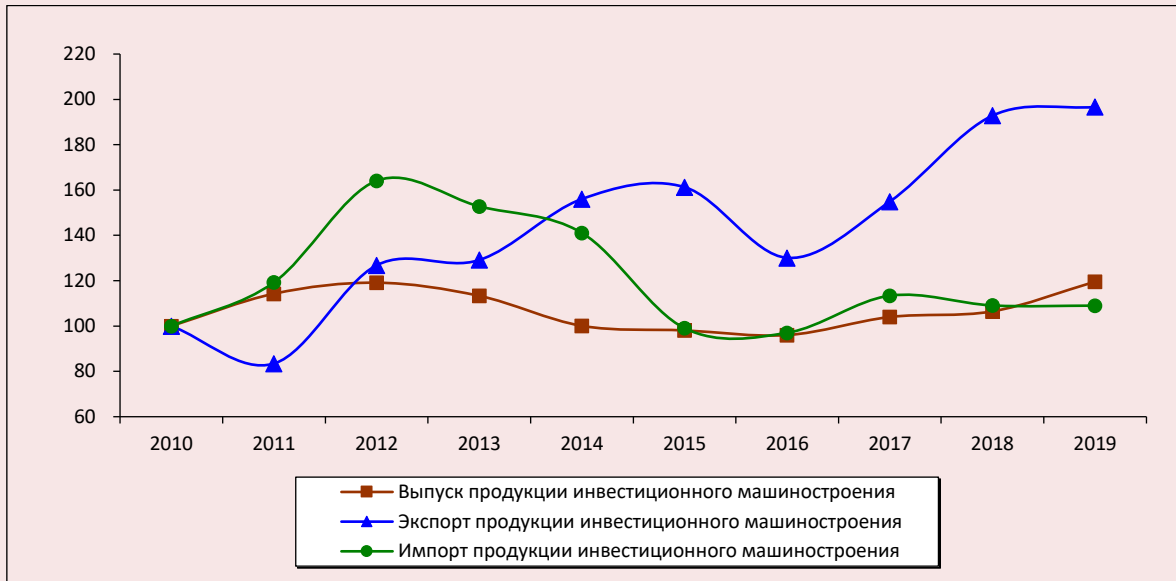
Основными факторами роста экспорта отечественной инвестиционной техники (*рис. 1*) на протяжении последнего десятилетия являются факторы развития производства на отечественных предприятиях – обновление активной части основных фондов и внедрение инновационных технологий, а также институциональные факторы поддержки экспорта российской техники. Создание Российского экспортного центра (РЭЦ)⁴ по поддержке несырьевого и неэнергетического бизнеса способствовало расширению географии рынка отечественной инвестиционной техники. Так, в период 2008–2018 гг. рынок российского инвестиционного оборудования увеличился на 30 стран-импортеров, входящих в группу постоянных [13]. В настоящее время отечественная инвестиционная техника экспортируется более чем в 110 стран мира⁵. Поддержка российского экспорта компаниями, входящими в РЭЦ,

³ Инвестиционная техника (инвестиционное оборудование) – готовые машины, оборудование, транспортные средства, используемые при функционировании отраслей реального сектора экономики. Инвестиционная техника производится отраслями инвестиционного машиностроения. В данном исследовании в состав инвестиционной техники включены машины и оборудование (гр. 28 ОКВЭД и гр. 84 ТН ВЭД); продукция железнодорожного машиностроения (гр. 30.20 ОКВЭД и гр. 86 ТН ВЭД). Это неполный состав инвестиционной техники, поскольку транспорт как отрасль реального сектора использует авиационную технику, продукцию судостроения и автомобилестроения. Однако учет этих видов инвестиционной техники не обеспечен детализированной статистической информацией, сопоставимой по классификаторам ОКВЭД и ТН ВЭД, в доступных изданиях.

⁴ АО «Российский экспортный центр» (РЭЦ) – государственный институт поддержки несырьевого экспорта, консолидирующий группу компаний, предоставляющих российским экспортерам широкий спектр финансовых и нефинансовых мер поддержки.

⁵ Рассчитано авторами по: Таможенная статистика внешней торговли РФ. Годовой сборник. М.: ФТС России, 2010–2019 гг.

Рисунок 1. Темпы роста выпуска, экспорта и импорта продукции отечественного инвестиционного машиностроения, %, 2010 г. = 100%

Источник: Таможенная статистика внешней торговли РФ. Годовой сборник. М.: ФТС России, 2010–2019 гг.; Российский статистический ежегодник: стат. сб. М.: Росстат, 2011–2020 гг.

может способствовать росту влияния финансового фактора на динамику экспорта отечественной продукции, так как в числе мер по поддержке есть и финансовая помощь. Очевидно, что экспорт – необходимое условие существования и функционирования производств инвестиционной техники.

Курс на экспортоориентированное развитие промышленного сектора экономики, в основе которого лежат разработки новых моделей продукции и технологий их изготовления, обеспеченные отечественными научно-исследовательскими разработками (НИР), в значительной степени должен опираться на возрастающую поддержку государства [14–17]. Недостаточность финансовых средств как фактор, ограничивающий инвестиции в основной капитал, отмечают 52% машиностроительных предприятий – больше, чем в других отраслях обрабатывающей промышленности [18].

Успешное продвижение отечественной инвестиционной техники на новые рынки дальнего зарубежья обеспечено динамикой совокупности параметров технологической конкурентоспособности. Оценка этих параметров возможна по показателям динамики экспорт-

ных характеристик сложных дорогостоящих видов экспортируемой продукции. Изучение зависимости показателей от особенностей инвестиционной деятельности в отраслях, производящих такую технику, позволяет получать количественные оценки взаимодействия инвестиционных и отраслевых технико-технологических факторов. Именно эти оценки являются основой для построения прогнозных вариантов развития производственной и экспортной деятельности инвестиционного машиностроения.

Подход к исследованию конкурентоспособности инвестиционной техники

Основным элементом предлагаемого подхода к исследованию конкурентоспособности инвестиционного оборудования является построение зависимостей эффективности внешнеторгового оборота от воздействующих на него факторов. В качестве основного фактора, формирующего эффекты, свидетельствующие о росте (или снижении) конкурентоспособности, выбран индекс качественных изменений технологической структуры инвестиций в основной капитал в отраслях, выпускающих инвестиционное оборудование. Этот индекс характеризует соотношение темпов роста затрат на ма-

шины, оборудование, транспортные средства и НИР относительно темпов роста инвестиций в основной капитал, в связи с чем для каждого временного периода исследования приводится оценка динамики основных структурных элементов инвестиций в основной капитал с использованием индекса качественных изменений технологической структуры инвестиций (I^{cmp} , где T_{cmp} – технологическая структура инвестиций), т. е. качественных изменений инвестиционного потока. Если индекс превышает единицу, то в технологической структуре инвестиций более высокими темпами увеличиваются наукоемкий и технологический компоненты. Пролонгированное воздействие качественных изменений технологической структуры инвестиций на развитие машиностроительных отраслей и производств является основным фактором роста экспорта и развивающегося импортозамещения.

Исследование охватывает 2010–2019 гг. Период разделен нами на два одинаковых по протяженности пятилетних интервала: 2010–2014 и 2015–2019 гг. На протяжении последнего 10-летия период 2010–2014 гг. был наиболее благоприятным в отношении инвестиционной активности в инвестиционном машиностроении: рост инвестиций в основной капитал составил 162,4%, в машины, оборудование и транспортные средства – 164,3%, рост затрат на научно-исследовательские разработки – 162,7%, на технологические инновации (ЗТИ) – 122,4%⁶.

Темпы роста инвестиций в обновление активной части основных фондов и НИР опережали темпы роста инвестиций в основной капитал в целом, поэтому в эти годы инвестиционная активность обуславливала формирование факторов развития инвестиционного машиностроения, в том числе и способствующих росту экспорта. Эффекты, достигнутые под воздействием факторов, формируемых ростом инвестиций в развитие активной части основных фондов, НИР и технологические инновации, могут иметь различную протяженность во

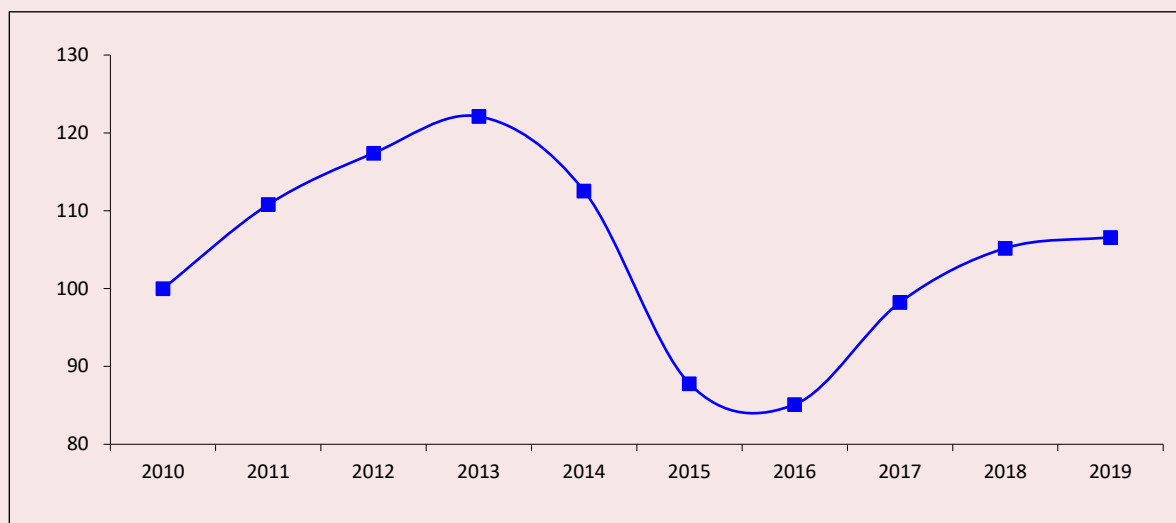
времени. Затраты на машины и оборудование, обеспечивающие увеличение и обновление производственных мощностей, могут повысить выпуск продукции уже в краткосрочном периоде. Затраты на НИР имеют пролонгированное воздействие – эффекты, проявляющиеся в росте конкурентоспособности продукции, могут проявиться через 3–5 лет, в зависимости от имеющихся заделов.

Резкое падение спроса внутреннего рынка на инвестиционную технику в 2015–2016 гг. (снижение спроса составило 30% по сравнению с уровнем 2012–2013 гг.) и медленный рост в последующие годы (рис. 2) привели к существенному снижению инвестиций в основной капитал на предприятиях, выпускающих инвестиционную технику. Поскольку основная часть инвестиций формируется за счет собственных средств предприятий, снижение доходов негативно отразилось на инвестиционной активности.

В 2015–2019 гг. в отраслях инвестиционного машиностроения наблюдался заметный спад инвестиционной активности: рост инвестиций в основной капитал за этот период составил лишь 105,0%, инвестиции в машины, оборудование и транспортные средства увеличились незначительно – их динамика составила 118,3%, динамика затрат на НИР – 100,4%, динамика ЗТИ – 63,3%. Приведенные показатели динамики инвестиций показывают, что в целом по инвестиционному машиностроению рост конкурентоспособности может быть обеспечен преимущественно за счет пролонгированного воздействия факторов инвестиционной активности в предшествующем периоде. Однако следует иметь в виду, что в отраслях и производствах инвестиционного машиностроения имеют место различная динамика инвестиций в основной капитал и динамика качественных изменений структуры этих инвестиций; отсюда возможна весьма значительная разница в динамике конкурентоспособности по отдельным видам продукции. В целом по инвестиционному машиностроению экспортная выручка в 2015–2019 гг. увеличилась на 11% по сравнению с предыдущим периодом. Экспортная выручка по гидравлическим турбинам возросла в два раза, по двигателям и силовым установкам – на 71%, по подъемно-транспортному оборудова-

⁶ Рассчитано авторами по: Российский статистический ежегодник: стат. сб. М.: Росстат, 2011–2020 гг.; Индикаторы инновационной деятельности: стат. сб. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2011–2020 гг.

Рисунок 2. Темп роста спроса внутреннего рынка на продукцию инвестиционного назначения, %, 2010 г. = 100%

Источник: Российский статистический ежегодник: стат. сб. М.: Росстат, 2011–2020 гг.

нию — на 67%, по грузовым вагонам — на 50%. В то же время по отдельным видам наукоемкой, дорогостоящей инвестиционной техники произошло существенное снижение экспортной выручки: по обрабатывающим центрам — в 2,7 раза, по токарным станкам — в 1,6 раза, по тракторам для сельского и лесного хозяйства — в 1,5 раза.

Виды продукции для оценивания конкурентоспособности выбраны нами по основным номенклатурным группам инвестиционного оборудования⁷. Из каждой группы выделены виды продукции (по четырехзначным кодам), соответствующие критериям сложных, наукоемких, дорогостоящих видов инвестиционной техники и обеспеченные статистическими данными для расчета показателей эффектов. Так, например, из группы сельскохозяйственной техники в исследование включены тракторы для сельского и лесного хозяйства, но не включены зерноуборочные комбайны, поскольку отсутствие натуральных показателей экспорта не позволяет рассчитывать удельные цены. В структуре экспорта инвестиционной техники доля видов продукции, включенных в исследо-

вание, в 2010–2014 гг. составила 24%, в 2015–2019 гг. — 30%. Таким образом, рост экспорта обеспечивается преимущественно увеличением объемов поставок сложных, наукоемких, дорогостоящих видов инвестиционной техники.

Количественные характеристики внешне-торговой деятельности, как правило, обладают высокой степенью неустойчивости в ежегодной динамике объемов как в стоимостном, так и в натуральном выражении. Это связано с тем что: (1) группы, сформированные по четырехзначным кодам, включают разную по стоимости продукцию, поэтому в разные годы могут преобладать ее более или менее дорогостоящие виды; (2) экспортные контракты могут начинаться или завершаться, что также обуславливает объемы ежегодных поставок; (3) динамика мировых цен внешней торговли также может влиять на стоимостные показатели экспорта. Поэтому эффекты внешне-торговой деятельности российских производителей инвестиционной техники представлены количественными и структурными показателями в среднегодовом исчислении за каждый из двух анализируемых периодов. Сравнение позволяет оценить качественные сдвиги показателей экспорта инвестиционной техники, которые соответствуют сдвигам в ее конкурентоспособности.

⁷ Классификация номенклатурных групп соответствует Таможенной статистике внешней торговли РФ.

Показатели, включаемые в матрицу эффектов, дают возможность оценивать качественную структуру экспорта и ее изменения во времени. *Экспортная выручка* оценена по стоимостным показателям экспорта данного вида продукции в текущих ценах. *Учитывается удельный вес данного вида оборудования в структуре экспорта укрупненной группы* (токарные станки в группе металлообрабатывающего оборудования или тракторы в группе машин для сельского хозяйства). Например, этот показатель применительно к токарным станкам рассчитывается как отношение экспортной выручки по токарным станкам к суммарной экспортной выручке по группе металлообрабатывающего оборудования. Рост показателя свидетельствует об увеличении доли дорогостоящего, наукоемкого оборудования. *Удельные цены экспорта* показывают изменение технологической конкурентоспособности экспортируемой продукции. Конечно, на удельные цены экспорта может влиять неустойчивость цен на мировом рынке данной продукции, но это влияние не может быть сильным и долговременным. Решающее воздействие оказывает соотношение видов продукции, входящих в четырехзначную группу. Снижение данного показателя свидетельствует о снижении экспорта дорогостоящей продукции, обладающей высокой конкуренто-

способностью именно по технологическим показателям. *Соотношение удельных цен экспорта и импорта* характеризует соотношение ценовых характеристик во внешнеторговой деятельности. Существенное превышение удельных цен экспорта над удельными ценами импорта свидетельствует о том, что экспортируемая техника является наукоемкой, технически сложной и дорогостоящей, а в импорте преобладает простая, относительно недорогая техника.

Оценка конкурентоспособности инвестиционной техники по показателям эффективности экспорта

Рост показателей конкурентоспособности наблюдается по большинству видов инвестиционного оборудования, включенных в данное исследование. Увеличились экспорт, оцениваемый по величине экспортной выручки, и удельная цена экспорта. Это свидетельствует о возрастании доли технически сложной, дорогостоящей техники в суммарном объеме экспорта по данному виду оборудования в пределах номенклатурной группы по четырехзначным кодам. В некоторых случаях снижение удельной цены экспорта сопровождается ростом экспортной выручки и доли данной техники в суммарном объеме экспорта по соответствующей группе оборудования, например экспорта кузнечно-прессового оборудования (*табл. 1*).

Таблица 1. Матрица эффектов по видам продукции инвестиционного назначения (по показателям экспорта в страны дальнего зарубежья)

Вид инвестиционной техники	Факторы развития	Эффекты внешнеторговой деятельности в среднегодовом исчислении			
	Индекс качественных изменений технологической структуры / <i>Tстр</i> , %	Экспортная выручка, млн долл.	Удельный вес данного вида оборудования в структуре экспорта укрупненной группы, %	Удельные цены экспорта, тыс. долл.	Соотношение удельных цен экспорта и импорта, раз
Гидравлические турбины	2010–2014 гг. 100,1	8,8	10,8	34,4	2,0
	2015–2019 гг. 102,0	17,6	14,9	25,1	1,2
Двигатели и силовые установки	2010–2014 гг. 98,1	184,5	11,1	81,3	4,7
	2015–2019 гг. 103,1	315,7	13,6	124,4	8,2
Обрабатывающие центры	2010–2014 гг. 96,5	2,7	2,2	93,4	0,7
	2015–2019 гг. 55,3	1,0	1,1	276,2	1,5
Станки токарные	2010–2014 гг. 98,3	6,1	4,9	47,9	1,3
	2015–2019 гг. 43,0	3,9	4,4	46,0	1,2

Окончание таблицы 1

Вид инвестиционной техники	Факторы развития	Эффекты внешнеторговой деятельности в среднегодовом исчислении			
	Индекс качественных изменений технологической структуры / $T_{стр}$, %	Экспортная выручка, млн долл.	Удельный вес данного вида оборудования в структуре экспорта укрупненной группы, %	Удельные цены экспорта, тыс. долл.	Соотношение удельных цен экспорта и импорта, раз
Кузнечно-прессовое оборудование	2010–2014 гг. 113,7	21,8	17,4	50,2	6,5
	2015–2019 гг. 102,1	23,5	26,4	47,9	10,9
Тракторы для сельского и лесного хозяйства	2010–2014 гг. 96,3	53,7	69,2	52,7	1,7
	2010–2014 гг. 198,6	36,5	48,0	21,3	1,2
Подъемно-транспортная техника	2010–2014 гг. 102,1	20,9	8,8	216,9	5,4
	2015–2019 гг. 101,3	34,7	14,9	178,8	6,1
Бульдозеры	2010–2014 гг. 100,2	36,8	15,6	164,7	2,1
	2015–2019 гг. 118,6	24,5	10,6	77,2	0,9
Железнодорожные локомотивы	2010–2014 гг. 124,3	37,3	17,6	1370,0	6,4
	2015–2019 гг. 75,6	27,8	14,9	875,3	5,5
Грузовые вагоны	2010–2014 гг. 111,3	35,8	16,9	44,7	1,5
	2015–2019 гг. 104,6	53,6	28,7	35,6	2,0

Источник: Таможенная статистика внешней торговли РФ. Годовой сборник. М.: ФТС России, 2010–2019 гг.

Снижение показателей конкурентоспособности в наибольшей степени характерно для отдельных видов металлообрабатывающего оборудования и тракторов. Существенное снижение объемов экспорта наблюдается по группе обрабатывающих центров. Вместе с тем в 2015–2019 гг. имел место высокий рост удельных цен экспорта. Следовательно, отечественные производители в этот период осуществили эксклюзивный выпуск очень сложного и дорогостоящего оборудования. Но это случилось лишь два раза: в 2015 году в Китай было поставлено оборудование стоимостью более 1 млн долл., а в 2017 году в Саудовскую Аравию стоимостью около 2 млн долл. Выпуск столь сложной и дорогостоящей техники свидетельствует о высокой конкурентоспособности отдельных видов выпускаемой продукции, однако для обеспечения роста экспорта этого недостаточно. Конку-

рентоспособной должна быть и другая техника, пользующаяся высоким спросом на мировом рынке.

Станкостроение является стратегически важной отраслью для развития экономики [19]. В странах с развитым станкостроением доля экспорта в структуре выпуска этой продукции составляет более 29%, что превышает аналогичный показатель по автомобилестроению [6]. Уменьшение экспорта такой техники говорит о снижении конкурентоспособности, а возможно и о прекращении выпуска. Восстановление экспорта металлообрабатывающего оборудование усложняется тем, что оно входит в списки продукции двойного назначения. «Это означает, что сделка с зарубежным покупателем оборачивается сложной процедурой прохождения экспортного контроля» [20, с. 59].

Объем экспорта тракторов для сельского и лесного хозяйства существенно снизился. Уменьшились и другие показатели, например удельная цена экспорта. В этом случае снижение конкурентоспособности больше всего похоже на результат существенного и продолжительного недофинансирования технико-технологического обновления отрасли, которое не дало возможности наращивать объемы выпуска конкурентоспособной продукции. В 2015–2019 гг. существенно увеличился спрос внутреннего рынка на тракторы: рост поставок на внутренний рынок составил 139%⁸, рост импорта – 119%⁹ при загрузке производственных мощностей 13,8%¹⁰ (в предыдущем периоде – 27,4%). Крайне низкая загрузка имеющихся производственных мощностей при росте спроса свидетельствует о крайне низких темпах обновления производственного оборудования и внедрения передовых технологий. Однако пролонгированное воздействие роста затрат отрасли на технологическое обновление производственного оборудования в 2015–2019 гг. позволяет прогнозировать увеличение экспорта тракторов в 2020–2024 гг.

Похожая ситуация сложилась в отношении бульдозеров: удельные цены экспорта снизились в два раза, при этом загрузка производственных мощностей уменьшилась с 38 до 19%. Совсем иные результаты в отраслях, где в 2010–2014 гг. наблюдалась высокая инвестиционная активность, например в железнодорожном машиностроении. Особенно показательным является экспорт грузовых вагонов, который был невелик по объемам и ограничивался в основном поставками в страны восточной Европы и Монголию. В 2015–2019 гг. экспорт увеличился в 1,5 раза преимущественно за счет расширения его географии. Рост экспорта обеспечен ростом технологической конкурентоспособности [21].

⁸ Рассчитано авторами по данным ф. П-1 Росстата РФ, 2010–2019 гг.

⁹ Рассчитано авторами по: Таможенная статистика внешней торговли РФ. Годовой сборник. М.: ФТС России, 2010–2019 гг.

¹⁰ Рассчитано авторами по: Промышленное производство в России: стат. сб. / Росстат. 2016–2019 гг.

Оценка конкурентоспособности инвестиционной техники по экспорту на рынки дальнего зарубежья

Разделение рынков дальнего зарубежья на основные и растущие (табл. 2) проведено по следующим показателям: (1) в группу основных рынков включены страны-импортеры, российский экспорт инвестиционной техники в которые является стабильным на протяжении последних десятилетий, превышая 1% от общего объема экспорта инвестиционной техники; (2) группу растущих рынков составляют страны-импортеры, российский экспорт инвестиционной техники в которые увеличивается на протяжении последних 10 лет. В группу основных рынков включено 11 стран, в их числе крупнейшие импортеры российской инвестиционной техники: Китай – 17,7% суммарного экспорта инвестиционной техники, Индия – 8,9%, Германия – 7,5%, США – 4,3%.

Группа растущих рынков сформирована из стран-импортеров, экспорт инвестиционной техники в которые существенно увеличился в 2015–2019 гг. по сравнению с предшествующим периодом. Крупнейшими и стабильными импортерами российской инвестиционной техники являются Бельгия, Вьетнам, Великобритания, Египет, Иран, Италия, Куба, Нидерланды, Финляндия. Всего в эту группу включено 20 стран.

Наиболее высокий рост экспорта имел место в группе гидравлических турбин (см. табл. 2). В основном рост был обеспечен спросом растущих рынков Кубы, Сербии, Турции и Эквадора.

Сокращение экспорта бульдозеров произошло за счет рынков, не входящих в число постоянных и растущих. Постоянные импортеры этого вида строительной техники увеличили закупки в 2015–2019 гг. На основных рынках постоянными импортерами бульдозеров являются Германия и Польша, на растущих рынках – Бельгия, Вьетнам, Испания, Республика Корея, Монголия, Нидерланды и Турция.

Рост экспорта грузовых вагонов обеспечен за счет основных (традиционные импортеры бывших стран соцлагеря – Болгарии Польши, Чехии и Словакии) и, главным образом, растущих рынков (преимущественно рынки Ирана и Кубы).

Таблица 2. Структура экспорта инвестиционной техники в страны дальнего зарубежья, %

Вид инвестиционной техники	Периоды инвестиционной активности	Распределение экспорта инвестиционной техники по рынкам дальнего зарубежья				Справочно динамика экспорта, 2019–2015 к 2010–2014
		Всего	Основные рынки	Растущие рынки	Прочие рынки	
Гидравлические турбины	2010–2014 гг.	100	0,0	84,2	15,8	202,3
	2015–2019 гг.	100	3,4	82,9	13,7	
Двигатели и силовые установки	2010–2014 гг.	100	85,2	4,0	10,8	170,9
	2015–2019 гг.	100	91,5	4,4	4,1	
Обрабатывающие центры	2010–2014 гг.	100	6,8	1,8	91,4	37,0
	2015–2019 гг.	100	45,5	16,2	38,6	
Станки токарные	2010–2014 гг.	100	28,7	29,2	42,1	63,9
	2015–2019 гг.	100	17,7	30,2	52,1	
Кузнечно-прессовое оборудование	2010–2014 гг.	100	32,3	29,2	38,5	107,8
	2015–2019 гг.	100	35,8	45,0	19,2	
Тракторы для сельского и лесного хозяйства	2010–2014 гг.	100	27,4	29,1	43,5	68,0
	2015–2019 гг.	100	26,7	45,0	28,3	
Подъемно-транспортная техника	2010–2014 гг.	100	19,2	36,3	54,5	166,0
	2015–2019 гг.	100	26,4	57,2	16,4	
Бульдозеры	2010–2014 гг.	100	22,5	42,7	34,8	66,6
	2015–2019 гг.	100	31,8	48,4	19,8	
Железнодорожные локомотивы	2010–2014 гг.	100	0,0	87,7	12,3	74,5
	2015–2019 гг.	100	0,5	85,1	15,4	
Грузовые вагоны	2010–2014 гг.	100	0,9	13,6	85,5	149,7
	2015–2019 гг.	100	9,4	50,1	40,5	

Источник: Таможенная статистика внешней торговли РФ. Годовой сборник. М.: ФТС России, 2010–2019 гг.

Распределение экспорта инвестиционной техники по видам продукции, включенным в проведенном исследовании в группу конкурентоспособных видов продукции (см. табл. 1 и 2), между основными и растущими рынками представлено на *рисунке 3*. Наблюдается довольно высокий рост спроса: в 2015–2019 гг. спрос основных рынков увеличился на 71%, растущих – на 32%.

Устойчивость спроса. Этот показатель мы оцениваем по постоянным ежегодным поставкам на протяжении всего периода 2010–2019 гг. Наиболее устойчивый спрос характерен для группы «Двигатели и силовые установки». Ежегодный спрос на эту технику предъявляют 10 стран, входящих группу основных рынков: крупнейшими импортерами здесь выступают США, Германия и Индия. В группе растущих рынков постоянными импортерами являются 9 стран, в том числе крупнейшие поставки осуществляются в Бельгию, Великобританию,

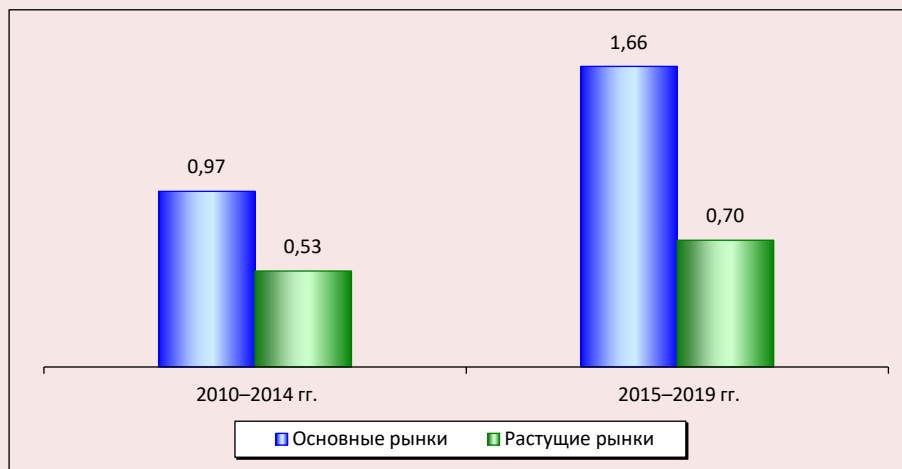
Вьетнам, Италию, Республику Корея, на Кубу и в Объединенные Арабские Эмираты.

На рынках металлообрабатывающего оборудования устойчивым спросом пользуется кузнечно-прессовое оборудование. На основных рынках крупнейшими импортерами в этой сфере являются Китай, Индия, Германия, США и Чехия, на растущих – Республика Корея, Италия, Великобритания, Иран и Турция.

Постоянные и наиболее крупные поставки тракторов для сельского и лесного хозяйства осуществляются в Германию и Польшу, а также в страны, входящие в группу растущих рынков: Кубу, Нидерланды, Бельгию, Вьетнам и Монголию.

Крупнейшими и постоянными импортерами строительной техники на основных рынках являются Германия, Индия, США, на растущих – Бельгия, Вьетнам, Монголия, Объединенные Арабские Эмираты и Турция.

Рисунок 3. Экспортная выручка по группе конкурентоспособной инвестиционной техники на основных и растущих рынках, млрд долл.

Источник: Таможенная статистика внешней торговли РФ. Годовой сборник. М.: ФТС России, 2010–2019 гг.

Инвестиционная активность как фактор роста конкурентоспособности инвестиционной техники

В основу построения прогнозных вариантов, касающихся роста конкурентоспособности продукции инвестиционного машиностроения, положены полученные в результате проведенного анализа количественные оценки эффективности инвестиционной деятельности, показывающие темпы роста экспорта конкурентоспособных видов инвестиционной техники, а также динамику удельных цен экспорта, отражающих структурные сдвиги в сторону увеличения дорогостоящих видов оборудования. Предложено два вида прогнозных вариантов: (1) инвестиционно-активный, при котором предполагается существенный рост наукоемких инвестиций и инвестиций в обновление активной части основных фондов; (2) консервативный, сохраняющий темпы роста предшествующего периода. При инвестиционно-активном варианте эффекты будут формироваться при совмещении пролонгированного воздействия инвестиций предшествующего периода и активизации наукоемкого и технико-технологического факторов — результата роста наукоемких инвестиций в текущем периоде. Консервативный вариант прогноза предполагает сохранение в прогнозируемом периоде низкого уровня инвестирования обновления активной части основных фондов [22]. В этом случае экспорто-

ориентированное производство инвестиционной техники будет проходить в условиях ослабевающих эффектов пролонгированного воздействия инвестиций базисного периода.

Здесь обязательно следует отметить, что в 2020 году экономика, в т. ч. экспорт, столкнулась с вызовами, связанными с пандемией коронавируса. Однако предпринимаемые в РФ меры [12] позволяют считать, что динамика восстановления и дальнейшего развития будет носить устойчивый характер.

При построении *инвестиционно-активного варианта прогноза* мы исходим из высоких темпов роста инвестиций («реальный рост инвестиций в основной капитал не менее 70 процентов по сравнению с показателем 2020 года»¹¹) и предполагаем увеличение государственного участия в осуществлении мер, направленных на ускоренное развитие отраслей машиностроения, выпускающих инвестиционную технику. При этом высокая динамика показателей экспорта продукции машиностроения должна быть обеспечена уже в среднесрочном периоде и существенное увеличение темпов роста должно произойти в 2026–2030 гг. (табл. 3).

¹¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 // КонсультантПлюс. URL: [www/consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350638/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350638/)

Таблица 3. Экспорт продукции инвестиционного машиностроения в страны дальнего зарубежья, %

Вид инвестиционной техники	Прогнозируемые показатели	Темпы роста базисного периода*		Темпы роста прогнозируемого периода*			
		2010–2014 гг.	2015–2019 гг.	Инвестиционно-активный вариант		Консервативный или инерционный вариант	
				2021–2025 гг.	2026–2030 гг.	2021–2025 гг.	2026–2030 гг.
Инвестиционная техника – всего	Инвестиции в машины и оборудование	164,3	118,3	150,0	140,0	120,0	130,0
	Экспорт**	141,1	105,2	164,0	122,0	115,0	125,0
Гидравлические турбины	Инвестиции в машины и оборудование	7,6	21,2	130,0	140,0	110,0	120,0
	Экспорт	70,2	199,2	140,0	150,0	115,0	120,0
	Удельные цены экспорта	191,2	82,5	120,0	140,0	105,0	110,0
Двигатели и силовые установки	Инвестиции в машины и оборудование	240,0	110,7	150,0	140,0	120,0	115,0
	Экспорт	133,5	135,4	140,0	150,0	130,0	130,0
	Удельные цены экспорта	132,1	153,4	150,0	160,0	130,0	135,0
Обрабатывающие центры	Инвестиции в машины и оборудование	102,3	79,1	150,0	160,0	115,0	115,0
	Экспорт	197,3	40,2	120,0	140,0	105,0	110,0
	Удельные цены экспорта	91,3	168,1	190,0	195,0	100,0	110,0
Станки токарные	Инвестиции в машины и оборудование	407,9	147,6	150,0	180,0	120,0	125,0
	Экспорт	180,8	88,9	130,0	150,0	105,0	110,0
	Удельные цены экспорта	123,0	106,5	130,0	190,0	105,0	105,0
Кузнечно-прессовое оборудование	Инвестиции в машины и оборудование	174,3	37,7	150,0	170,0	120,0	125,0
	Экспорт	119,6	93,0	120,0	140,0	105,0	105,0
	Удельные цены экспорта	59,7	57,4	150,0	150,0	99,8	99,5
Тракторы для сельского и лесного хозяйства	Инвестиции в машины и оборудование	52,0	363,1	130,0	160,0	115,0	110,0
	Экспорт	53,7	68,0	120,0	130,0	105,5	100,5
	Удельные цены экспорта	93,7	45,9	130,0	140,0	90,0	90,0
Подъемно-транспортная техника	Инвестиции в машины и оборудование	68,3	139,8	130,0	150,0	120,0	110,0
	Экспорт	50,8	166,3	115,0	130,0	110,0	110,0
	Удельные цены экспорта	118,5	82,4	120,0	130,0	110,0	105,0

Окончание таблицы 3

Вид инвестиционной техники	Прогнозируемые показатели	Темпы роста базисного периода*		Темпы роста прогнозируемого периода*			
		2010–2014 гг.	2015–2019 гг.	Инвестиционно-активный вариант		Консервативный или инерционный вариант	
				2021–2025 гг.	2026–2030 гг.	2021–2025 гг.	2026–2030 гг.
Бульдозеры	Инвестиции в машины и оборудование	173,1	158,3	150,0	150,0	120,0	125,0
	Экспорт	104,0	66,5	125,0	130,0	115,0	110,0
	Удельные цены экспорта	101,7	46,9	120,0	120,0	110,0	105,0
Железнодорожные локомотивы	Инвестиции в машины и оборудование	636,3	55,0	200,0	150,0	130,0	120,0
	Экспорт	454,5	74,6	150,0	150,0	120,0	110,0
	Удельные цены экспорта	340,9	63,9	110,0	115,0	100,0	105,0
Грузовые вагоны	Инвестиции в машины и оборудование	175,4	54,4	150,0	150,0	120,0	110,0
	Экспорт	133,2	149,8	120,0	120,0	110,0	105,0
	Удельные цены экспорта	166,6	103,0	115,0	115,0	105,0	105,0

* Темп роста рассчитан как увеличение показателя в конечном году по отношению к начальному году периода.
 ** Прогноз экспорта приведен в показателях темпа роста экспортной выручки.
 Рассчитано авторами по: данные ф. П-2 Росстата РФ, 2010–2019 гг.; Таможенная статистика внешней торговли РФ. Годовой сборник. Т. 14. М.: ФТС России, 2010–2019 гг.

Прогнозируемые темпы роста экспорта в 2021–2025 гг. обусловлены расширением рынков, однако главным фактором остается высокая конкурентоспособность отечественной инвестиционной техники (как ценовая, так и технологическая), которая может быть достигнута при росте инвестиционной активности в отраслях инвестиционного машиностроения. Непременным условием роста конкурентоспособности является высокая инновационная и технологическая насыщенность инвестиций.

В долгосрочной перспективе (2026–2030 гг.) в отсутствие форс-мажорных ситуаций можно ожидать существенного роста инвестиционной активности, в том числе увеличения инновационной и технологической насыщенности инвестиций с приоритетом затрат на НИР. Для обеспечения роста конкурентоспособности отечественного оборудования и создания условий для роста экспорта необходимо восстановление устойчивого роста наукоемких инвестиций в отраслях, осуществляющих выпуск отечественного инвестиционного оборудования

на основе передовых НИР. Необходимо обеспечить существенное увеличение затрат на НИР [23] и обновление производственного оборудования, снижение которых в большинстве отраслей продолжается на протяжении последних лет. При этом устойчивый поток производства инвестиционной техники может быть обеспечен только в условиях комплектования ее качественной электроникой и приборами [24; 25]. Рост наукоемких инвестиций позволит расширить ассортимент инвестиционной техники, обладающей технологической конкурентоспособностью на мировом рынке.

Заключение

Разработанный авторский подход, базирующийся на оценивании взаимосвязей между качественными изменениями в технологической структуре инвестиций в основной капитал суботраслей машиностроения, производящих инвестиционную технику, и динамикой экспорта инвестиционной техники на наиболее труднодоступные рынки – рынки дальнего зарубежья, показал свою эффективность для

прогнозно-аналитических исследований в целях разработки прогнозов развития инвестиционного машиностроения и диверсификации экспорта РФ.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что существующие и применяемые в РФ инструменты позволяют обеспечивать позитивную динамику факторов, воздействующих на конкурентоспособность машиностроения и его продукции. При этом экспорт инвестиционной

техники в дальнее зарубежье выступает ведущим признаком ее конкурентоспособности. А сам факт экспорта продукции машиностроения является, ввиду относительно невысокого внутреннего спроса, необходимым условием функционирования ключевых машиностроительных предприятий, загрузки их производственных мощностей. Однако объемы ресурсов, обуславливающие степень воздействия этого инструментария, пока еще недостаточны.

Литература

1. Порфирьев Б.Н. Перспективы экономического роста в России // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. С. 243–250.
2. Широ А.А. Экономика России в 2019 г.: проблемы и пути решения // Общество и экономика. 2019. № 10. С. 5–12.
3. Комков Н.И., Кулакин Г.К. Технологические инновации: создание, применение, результаты // Проблемы прогнозирования. 2018. № 5. С. 137–154.
4. Светуных С.Г. Математические модели многоуровневой конкуренции // Russian Journal of Entrepreneurship. 2017. November. № 18 (22). С. 3447. DOI: 10.18334/rj.18.22.38453
5. Бажанов В.А., Орешко И.И., Веселая С.С. Оценка экспортных возможностей машиностроения в России // Мир экономики и управления. 2020. Т. 20. № 1. С. 5–19. DOI: 10.25205/2542-0429-2020-20-1-5-19
6. Иванова Н.И., Мамедьяров З.А. Наука и инновации: конкуренция нарастает. Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 5. С. 47–56. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-47-56
7. Zheng T., Cordolino M., Baccetti A., Perona M., Zanardini M. The impacts of Industry 4.0: A descriptive survey in Italian manufacturing sector. *Journal of Manufacturing Technology Management*, 2019. DOI: 10.1108/JMTM-08-2019-0269
8. Miller A., Miller M. Study of the problems of technological integration in the manufacturing industry in Russia. *Strategic Management*, 2019, vol. 24, no. 3, pp. 33–42.
9. Y Li, H Zhang, Y Liu, Q Huang. Complexity of industry export – an empirical study based on China's equipment manufacturing industry panel. *Special Issue "Preferential Trade Agreements and Global Value Chains"*, 2020, no. 12 (17), p. 2694.
10. Raizer Monro L., Kohl H. Maturity assessment in Industry 4.0 – a comparative analysis of Brazilian and German companies. *Emerging Science Journal*, 2020, vol. 4, no. 5, pp. 365–375.
11. Wang T., Yin X. Study on the determinants of export sophistication of China's manufacturing subdivided sectors. In: *Wang TS, Ip A, Tavana M, Jain V (eds) Recent Trends in Decision Science and Management Advanced*, 2020, vol. 1142. DOI: Org/10.1007/978-981-15-3580-8-89
12. Ильин В.А., Морев М.В. Эффективность «ручного» управления государством. Проверка на прочность – 2020 // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 9–24. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.1
13. Борисов В.Н., Почукаева О.В., Почукаев К.Г. Отечественная инвестиционная техника на мировом рынке: динамика и структурные сдвиги // Проблемы прогнозирования. 2020. № 5. С. 3–13.
14. Маляров О.В. Государственный сектор экономики Индии / ФГБУН Институт востоковедения РАН, НОЧУ ВПО «Институт стран Востока». М.: Институт стран Востока, 2014. 359 с.
15. Андропова И.В., Бокачев И.Н. Государственная поддержка науки, технологий и инноваций в Индии // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 11. С. 38–45.
16. Frey C.V. *Intellectual Property Rights and the Financing of Technological Innovation: Public Policy and the Efficiency of Capital Markets*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 2013. 304 p.
17. Brown J.R., Martinsson G., Petersen B.C. Law, stock markets, and innovation. *The Journal of Finance*, 2013, vol. 68, no. 4, pp. 1517–1549.

18. Аукуционек С.П. Инвестиционное поведение предприятий в 2019–2020 гг. // Российский экономический барометр. 2020. № 4. С. 3–11. DOI: 10.20542/2307-0390-2020-4-3-11
19. Кондратьев В.Б. Отрасли и сектора глобальной экономики: особенности и тенденции развития (Фонд исторической перспективы, Центр исследований и аналитики). М.: Международные отношения, 2015. 418 с.
20. Григорьев В. Инновация с нуля // Российский экспортер. 2019. № 3. С. 59–61.
21. Почукаев К.Г. Влияние инвестиционного и инновационного факторов на ценообразование в машиностроении // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС-Пресс, 2018. С. 453–472.
22. Кувалин Д.Б., Зинченко Ю.В. Российские предприятия весной 2019 г.: небольшие улучшения на фоне многолетнего экономического застоя // Проблемы прогнозирования. 2019. № 6. С. 147–160.
23. Минаков В.Ф., Лобанов О.С., Макачук Т.А. Знания и исследовательские компетенции как фактор экономического роста // Финансовая экономика. 2018. № 6. С. 90–94.
24. Румянцев Н.М., Леонидова Е.Г. Проблемы асимметрии структурных сдвигов в региональной экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 169–183. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.10
25. Сидоров М.А. Территориальное развитие на основе стимулирования российской электронной промышленности // Проблемы развития территории. 2020. № 3 (107). С. 27–44. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.2

Сведения об авторах

Владимир Николаевич Борисов – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47; e-mail: vnbog@yandex.ru)

Ольга Викторовна Почукаева – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47; e-mail: ol255@yandex.ru)

Borisov V.N., Pochukaeva O.V.

Analysis and Forecast of Competitiveness of Russian Investment Equipment in the Foreign Markets

Abstract. The conducted research was aimed at developing and advancing methods of studying the impact of investments with a high share of costs of machines and equipment, scientific studies and developments for competitiveness dynamics of Russian investment equipment and construction of forecast options for its export. The studied groups of investment equipment were formed from high-tech, technically complex, and expensive types of products. The object of the study is the competitiveness of domestic investment equipment in the foreign markets. We considered the expansion of the export geography, which allowed exploring the competitiveness in the main (traditional) markets and in the growing (including new ones) markets of the far abroad countries. The authors have assessed the demand stability. The tasks, achieved in the reported study, are aimed at identifying the dependencies of quantitative assessments of competitiveness on quantitative assessments of investment factors, impact of which determines the pace and efficiency of the development of investment equipment production at Russian enterprises. The developed system of indicators allows obtaining quantitative, voluminous, and price estimates of investment equipment exports to the foreign countries and to assess and predict on its basis the pace of high-tech and technological development of this important branch of domestic engineering. The results of the study show a necessity to significantly increase spending on research and update of production equipment. The growth of knowledge-intensive investments will make it possible to expand the range of

investment equipment with technological competitiveness on the global market. The conducted research has shown that the tools, existing and applied in the Russian Federation, allow us to ensure the constructive dynamics of factors affecting the competitiveness of mechanical engineering and its products. However, the resources that determine the impact of these tools are still insufficient.

Key words: mechanical engineering, investment equipment, investment in fixed capital, competitiveness, export, technological structure of investments, knowledge intensity of investments.

Information about the Authors

Vladimir N. Borisov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Laboratory, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: vnbor@yandex.ru)

Olga V. Pochukaeva – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: ol255@yandex.ru)

Статья поступила 05.04.2021.

Туризм в России в условиях COVID-19: оценка экономического эффекта от стимулирования спроса для страны и регионов*

Екатерина Георгиевна

ЛЕОНИДОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: eg_leonidova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9206-6810; ResearcherID: I-8400-2016

Аннотация. Пандемия COVID-19 нанесла тяжелый удар по индустрии туризма во всем мире, существенно сократив доходы отрасли и число рабочих мест. Это негативно отразилось на состоянии мировой экономики. В России туристический сектор оказался одним из самых пострадавших из-за введения карантинных ограничений, что обусловило принятие государством ряда мер по его поддержке для смягчения последствий коронавируса и восстановления спроса на туристские услуги. Это актуализирует проблему оценки эффекта для экономики от стимулирования потребления населением товаров и услуг, производимых сферой туризма, а также выявления и обоснования направлений развития российского туризма в условиях неблагоприятной эпидемиологической обстановки и мировой экономической турбулентности, что и стало целью работы. Научная новизна исследования заключается в определении на основе межотраслевого моделирования эффекта для российской экономики от реализации программы субсидирования внутренних туристских поездок, т. н. туристического кешбэка. Результаты исследования позволили выявить значимость стимулирования спроса населения на отдых внутри страны для экономики, обнаружить проблему территориального диспаритета при распределении прироста валового выпуска продукции, вызванного ростом туристского потребления россиян. В качестве методологической основы исследования были использованы общенаучные методы анализа,

* Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

Для цитирования: Леонидова Е.Г. Туризм в России в условиях COVID-19: оценка экономического эффекта от стимулирования спроса для страны и регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 59–74. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.4

For citation: Leonidova E.G. Russian tourism during the COVID-19: assessing effect of stimulating domestic demand for the country and regions' economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 59–74. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.4

синтеза, сравнения, обобщения и инструментарий, основанный на методологии межотраслевого баланса. Информационной базой послужили труды отечественных и зарубежных ученых, занимающихся проблемами развития туризма в постковидный период, оценкой его влияния на экономические параметры, а также сведения органов государственной статистики, данные Всемирного банка, Всемирной туристской организации, Всероссийского центра изучения общественного мнения. Перспективы будущих исследований связаны с разработкой направлений развития туризма на региональном уровне, способствующих наращиванию объемов потребления туристских продуктов населением и повышению их конкурентоспособности.

Ключевые слова: туризм, кешбэк, COVID-19, экономика, межотраслевой баланс, внутренний потребительский спрос.

Введение

Пандемия коронавирусной инфекции в 2020 году негативно повлияла на состояние мировой экономики и большинства ее отраслей. По оценкам ООН, спад производства в результате коронакризиса составил 4,3%¹, что сравнимо с экономическими потерями периода Великой депрессии 1929–1939 гг. К числу наиболее пострадавших секторов относится туризм, занимающий важнейшее место в системе мирового хозяйства и выступающий одним из его драйверов. До введения странами ограничений на поездки населения из-за распространения COVID-19 вклад туризма в мировой ВВП, согласно данным Всемирной туристской организации при ООН (ЮНВТО), составлял более 10,3%, формируя третью часть мирового экспорта услуг и создавая каждое десятое рабочее место в мире (330 млн мест). В течение десяти лет до 2020 года наблюдался ежегодный рост туристических прибытий, что свидетельствует о динамичном развитии отрасли. В результате действия кризиса этот показатель сократился на 74%. В итоге ЮНВТО назвал 2020 год худшим для отрасли за всю историю наблюдений. Потери доходов сектора туризма в 11 раз превысили уровень 2009 года (период мирового экономического кризиса).

К числу государств, обладающих значительным потенциалом для развития и усиления его роли в экономике, относится Россия. К настоящему моменту она уступает развитым странам мира по объему созданной туризмом добавлен-

ной стоимости в расчете на душу населения². В стране имеются возможности по существенному наращиванию потока как международных, так и внутренних туристов. В последние годы развитию отрасли уделяется повышенное внимание со стороны органов власти. Это свидетельствует о том, что в среднесрочной перспективе туризм рассматривается как перспективный драйвер экономического роста, стимулирующий внутренний спрос.

Потери, понесенные российской туристической отраслью в результате негативного влияния пандемии коронавируса, оценены в 1,5 трлн рублей при годовом обороте в 3,7 трлн рублей в докризисный период³. Для борьбы с последствиями кризиса правительствами многих стран мира приняты меры поддержки как экономики в целом, так и туризма в частности. Например, в России в разгар пандемии впервые в качестве меры по стимулированию спроса граждан на туристские услуги внутри страны была реализована программа субсидирования внутренних туристских поездок, т. н. туристический кешбэк. Обобщение работ авторов позволило заключить, что в научных публикациях слабо разработаны вопросы, связанные с оценкой программ поддержки, оказываемой туристской отрасли. В исследованиях, посвященных проблемам туристской сферы России, не в полной мере раскрыты возможности ее развития

¹ Данные доклада ООН об экономической ситуации в мире и перспективах развития. URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/world-economic-situation-and-prospects-2020/> (дата обращения 10.02.2021).

² Стратегия развития туризма в России до 2035 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2019 года № 2129-р.

³ Ростуризм раскрыл потери отрасли из-за пандемии и отсутствия туристов. URL: <https://www.rbc.ru/society/19/10/2020/5f8de4329a7947c66bdf1521> (дата обращения 10.02.2021).

в условиях пандемии. Таким образом, весьма актуальным видится определение перспектив развития туризма в стране с учетом новых реалий. Особый исследовательский интерес вызывает оценка результативности принятых мер по увеличению спроса населения на товары и услуги туристской отрасли. В связи с этим цель работы состоит в оценке эффекта для экономики от стимулирования потребления населением товаров и услуг, производимых сферой туризма, выявлении и обосновании направлений развития российского туризма в условиях неблагоприятной эпидемиологической обстановки и мировой экономической турбулентности. Ее решение потребовало рассмотрения тенденций развития туристского сектора России, анализа его регулирования на современном этапе, расчета эффектов для экономики от субсидирования государством внутренних туристских поездок и разработки мер по восстановлению отрасли. Информационной базой послужили труды отечественных и зарубежных ученых, занимающихся вопросами роста экономики на основе развития туризма, а также сведения органов государственной статистики, данные Всемирного банка, Всемирной туристской организации. Исследование содержит расчет эффекта от реализации туристического кешбэка на основе использования метода межотраслевого баланса, что образует его научную новизну, раскрывает современные тенденции функционирования российской туристской отрасли.

Теоретические аспекты исследования

Многие отечественные и зарубежные авторы, занимающиеся вопросами влияния туризма на экономику, доказали, что он является значимым фактором экономического роста территории [1–8]. Обзор научных исследований по данной проблематике за последние годы свидетельствует, что особое внимание ученые уделяют рассмотрению причинно-следственной связи между туризмом и экономическим ростом в рамках проверки TLG-гипотезы (Tourism-Led Growth hypothesis)⁴ и связанной с ней EDTG-гипотезы (Economic Driven Tourism Growth

hypothesis)⁵. Так, установлено, что 100%-ное увеличение числа туристских прибытий, доходов от туризма и расходов туристов вызывают рост ВВП на душу населения на 9, 7 и 10% соответственно. В то же время рост ВВП на душу населения на 100% повышает количество прибытий, доходов и расходов на 54, 91 и 101% соответственно [7].

На примере Китая определено, что TLG-гипотеза в большей степени справедлива для регионов страны с менее развитой экономикой [6]. В другом исследовании на примере десяти крупнейших дестинаций мира на основе использования квантильного анализа доказана важная роль туризма в стимулировании экономического развития рассматриваемых государств [8]. А.В. Аистов и Т.П. Николаева определяют его значимость для экономики с помощью данных Всемирного банка для сбалансированной панели из 116 стран за 1997–2017 гг. [1]. Авторами установлено, что изменения показателей, отражающих развитие отрасли, предшествуют изменениям ВВП на душу населения.

Воздействие туризма на развитие российских регионов подробно рассмотрено в работе [2]. Ее авторы на основе регрессионного анализа доказали, что рост ВРП в значительной степени зависит от величины туристского потока.

Влияние пандемии COVID-19 на туристскую отрасль обусловило высокий интерес ученых к оценке ее последствий, определению перспектив развития сектора в постковидный период, а также изменению поведения населения в отношении потребления туристских продуктов. Например, в работе сотрудников Вашингтонского университета [9] на основе проведенного лонгитюдного исследования сделан вывод о том, что возросшие потребности туристов в сфере общественной безопасности ускорят внедрение в туристскую отрасль работок в области искусственного интеллекта и робототехники. В работе исследователей из английского университета Глостершир [10] влияние коронакризиса на туризм рассмотрено

⁴ TLG-гипотеза подразумевает связь между туризмом как отдельным специфическим видом экспорта и экономическим ростом как в краткосрочном, так и долгосрочном периоде.

⁵ EDTG-гипотеза означает, что рост экономики обеспечивается не только увеличением объемов труда и капитала, но и расширением экспорта, в том числе туристского.

с позиций устойчивости: после пандемии популярность пакетного отдыха упадет из-за ограничений на авиаперелеты, что, в свою очередь, повысит востребованность путешествий в пределах собственных стран. Коллектив малазийских ученых оценил эффект влияния COVID-19 на индустрию туризма Китая [11], определив, что туристическая отрасль Китая серьезно пострадала от коронавируса. В то же время к позитивным эффектам пандемии они относят рост популярности на услуги предприятий сферы туризма, предоставляемые онлайн.

Российские исследователи обращались к анализу адаптации сферы туризма к сложным социально-экономическим условиям развития России [12], оценке доходов, недополученных в 2020 году предприятиями туристической сферы [13], прогнозу спроса путешественников на туры в постковидный период [14].

Таким образом, стоит отметить, что в научных публикациях оценке эффектов для экономики от принятия мер по стимулированию спроса на товары и услуги туризма не уделено достаточного внимания. Ликвидация этого пробела позволит углубить и расширить исследования взаимосвязи туризма и роста экономики.

В отдельную группу стоит выделить работы ученых, рассматривающих состояние и перспективы функционирования отрасли в России. В частности, в поле их зрения за последнее время попали вопросы, касающиеся определения стратегических направлений развития российского туризма [15; 16], исследования институтов управления туристической индустрией [17], повышения ее конкурентоспособности [18], в том числе на основе туристских технологических платформ [19]. Однако вектор развития туризма в стране должен определяться с учетом оценки реализуемых мероприятий по поддержке отрасли, что актуализирует данное исследование.

Методика исследования

Для анализа состояния туристской отрасли, диагностики ее проблем и обоснования направлений ее дальнейшего развития использовались общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения. Эффект для экономики от реализации программы субсидирования внутрен-

них туристских поездок оценивался с помощью метода межотраслевого баланса, дающего возможность проводить сценарное межотраслевое моделирование экономики. В качестве инструмента прогнозирования применялась межотраслевая модель, опирающаяся на основное уравнение межотраслевого баланса, которое в матричной форме имеет вид:

$$x = Ax + y, \quad (1)$$

где x – вектор общего объема продукции; A – матрица коэффициентов прямых затрат; y – вектор конечного продукта.

В моделировании использовалось уравнение:

$$(E - A)^{-1} \cdot y = x, \quad (2)$$

где E – единичная матрица; $(E - A)^{-1}$ – матрица коэффициентов полных затрат.

Модель содержит включенный в нее вид деятельности «Туризм», отдельно не представленный в российской статистике, позволяя дать объективную оценку влиянию величины туристского продукта на структурные элементы экономики, а также оценить последствия от стимулирования спроса на туристские услуги, что отличает настоящее исследование от работ других ученых.

Для расчета туристского выпуска и туристской добавленной стоимости по видам деятельности, связанным с туризмом, использован методический инструментарий, основанный на агрегировании данных, характеризующих отгрузку товаров, выполнение работ и оказание услуг российскими предприятиями [20].

Согласно данным Ростуризма о реализации программы туристического кешбэка, на основе межотраслевой модели выполнен расчет объема реализации продукции туризма при увеличении конечного спроса. Также был оценен вклад туризма в дополнительный прирост численности работников и фонда заработной платы.

Оценка территориальных эффектов, возникающих при стимулировании спроса на товары и услуги в объеме туристического кешбэка, проведена по РФ и ее федеральным округам в пропорциях структуры выпуска продукции, численности работников и фонда заработной платы.

Основные результаты исследования Тенденции развития туристской отрасли в Российской Федерации

Роль туризма в экономике Российской Федерации значительно ниже среднемирового уровня (табл. 1). По объему доходов от туризма в 2019 году страна заняла 25 место в мире с показателем 20 млрд долл., что почти в 28,5 раза меньше, чем у абсолютного лидера – США. При этом обращает на себя внимание бурный рост туристической отрасли в Китае – за 2000–2019 гг. ее вклад в ВВП вырос в 6 раз, что вызвано серьезным подходом к ее развитию со стороны государства. При этом особое внимание китайские органы власти уделяют увеличению внутреннего потребления в сфере туризма.

Так, с 1999 года в КНР была внедрена система «Золотая неделя», направленная на расширение потребительского спроса, в том числе на туристические услуги, в результате чего этот временной интервал стал восприниматься обществом как «туризм во время Золотой недели» [21]. Кроме того, с этого момента руководством страны был последовательно принят ряд законодательных мер, направленных на активное развитие внутреннего туризма, закрепивших его экономическую значимость. Следует отметить, что, согласно оценке Министерства куль-

туры и туризма КНР, в 2020 году в период Золотой недели внутри страны путешествовали 637 миллионов китайцев (80% от уровня 2019 года). При этом объем доходов от туризма за праздничную неделю составил 68,6 млрд долларов США, что соответствовало 70% относительно показателя прошлого года⁶.

Россия располагает существенным потенциалом для потребления населением товаров и услуг туризма внутри страны. По данным социологических опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения, за последние пять лет доля тех, кто проводит летний отпуск дома либо на даче, существенно не изменилась (в 2015 г. – 63%, в 2020 г. – 64%; рис. 1).

Недопотребление населением услуг внутреннего туризма вызвано недостатком финансовых средств на путешествия. В 2020 году эта причина обошла по популярности ответ, объясняющий невозможность путешествовать из-за коронавируса и связанных с ним ограничительных мероприятий (табл. 2). Как следует из результатов соцопроса, пандемия существенно не отразилась на структуре летнего отдыха россиян, поскольку количество отдыхающих на главных курортах страны (Краснодарский край и Крымский полуостров) осталось на уровне значений прошлых лет.

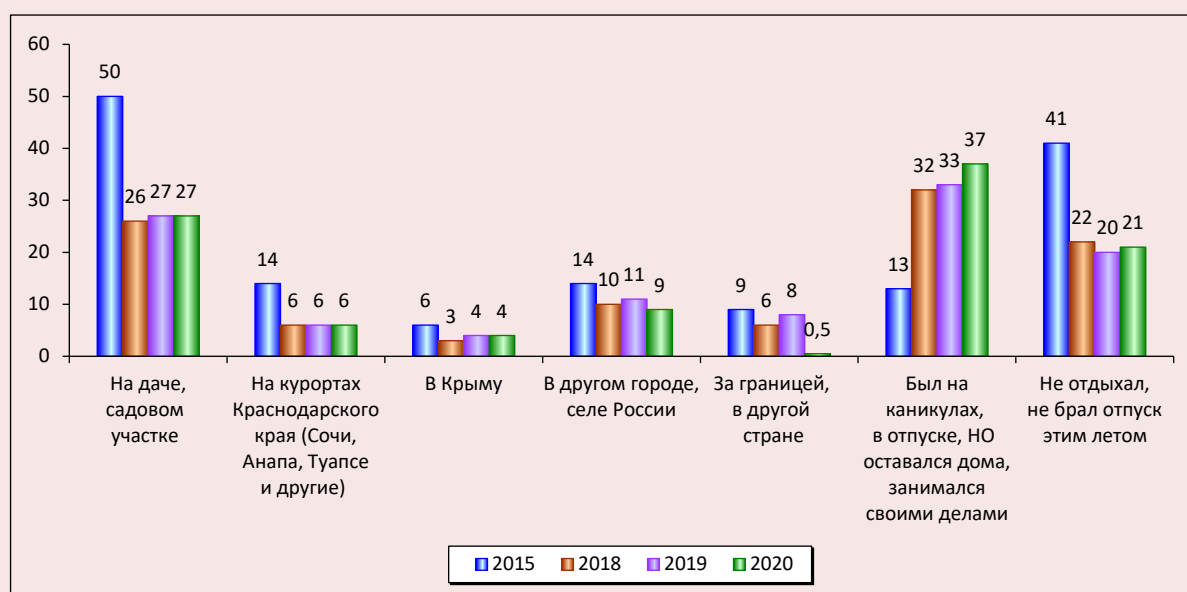
Таблица 1. Прямой вклад туризма в ВВП стран мира по объему доходов от туризма, млрд долл. США (в текущих ценах)

№	Страна	2000 г.	2010 г.	2015 г.	2018 г.	2019 г.	Изменение, 2000–2019 гг., %
1.	США	442	422	510	555	571	129,2
2.	Китай	69	145	283	382	407	в 6 раз
3.	Германия	136	129	132	139	142	104,4
4.	Япония	131	104	109	119	121	92,4
5.	Италия	107	80	108	117	119	111,2
6.	Франция	97	90	103	109	112	115,5
7.	Индия	39	55	78	96	105	в 2,7 раза
8.	Великобритания	102	77	94	105	107	104,9
9.	Мексика	67	77	91	98	100	149,3
10.	Испания	59	60	68	78	81	137,3
Справочно: Россия		14	19	19	19	20	142,8

Источник: данные Всемирной туристской организации (ЮНВТО).

⁶ Опыт «Золотой недели» в Китае: массовый туризм не привел к вспышке коронавируса. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/52981.html> (дата обращения 10.02.2021).

Рисунок 1. Распределение ответов россиян относительно проведения отпуска (любое число ответов), % от числа опрошенных

Источник: Итоги туристического лета – 2020 / ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2020/2020-09-29_itogi_leta.pdf (дата обращения 10.02.2021).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Если этим летом Вы остаетесь дома и никуда не едете, то по какой причине?» (открытый вопрос, один ответ), % от числа тех опрошенных, кто лето проведет дома (представлен топ ответов)

Вариант ответа	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Нет денег, отсутствие средств	57	54	49	47	49	43	44	44	44	53	36
Коронавирус / эпидемия / самоизоляция / все закрыто	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	25
Семейные дела, маленький ребенок / декрет	6	6	8	7	8	7	4	12	18	15	7
Буду работать, нет отпуска, отпуск в другое время года	6	11	12	12	11	15	17	17	15	14	6
Состояние здоровья, болезни (свои или родственников), возраст	10	12	13	10	14	13	13	8	12	10	7

Источник: Летние планы – 2020: дом, дача и внутренний туризм / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10297> (дата обращения 21.06.2020).

Следует отметить, что причина ситуации, когда граждане слабо используют потенциал туристических ресурсов страны, кроется также в подходе государства к его развитию.

Проследив эволюцию государственного управления туристической отраслью в России с постсоветского периода до настоящего момента, можно сделать вывод о том, что туризм

длительное время не воспринимался органами власти как самостоятельный объект регулирования и перспективная высокодоходная отрасль экономики. На это указывает частая смена курирующих его структур, отвечающих за развитие здравоохранения, культуры, спорта, реализацию молодежной политики.

Началом кардинальных изменений в сфере регулирования российского туризма следует считать 2019–2020 гг., когда отрасль получила качественно новый уровень поддержки со стороны государства. Так, в 2019 году была принята Стратегия развития туризма в Российской Федерации до 2035 года, в которой акцент сделан на экономической значимости сектора. Стратегию, направленную на стимулирование спроса и повышение доступности российского туристского продукта на внутреннем и внешнем рынках, отличает конкретика в выявлении насущных проблем туризма и определении приоритетных направлений развития российской туристской отрасли с учетом накопленного в этой сфере опыта. В документе прописаны достаточно амбициозные цели, к числу которых относится рост вклада туризма в ВВП страны по сравнению с уровнем 2017 года в 5,1 раза. Между тем, достижение этих показателей остается под вопросом, поскольку до сих пор не принят план по реализации стратегии.

В 2020 году Ростуризм из ведения Минэкономразвития РФ перешел в прямое подчинение правительству, что расширило полномочия структуры в части разработки государственной политики в сфере туризма, а также координации при реализации ее приоритетов.

В этот же период в дополнение к 12 существующим национальным проектам Президентом РФ В.В. Путиным было инициировано создание нового нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства», направленного на формирование качественного и разнообразного турпродукта на всей территории страны, повышение доступности туристического продукта и совершенствование управления в сфере туризма. Начало реализации проекта ожидается к лету 2021 года, а срок его действия рассчитан до 2030 года. Совокупный объем финансирования планируется в объеме 3,16 трлн рублей, из которых 70% — из внебюджетных источников, а оставшаяся часть — за счет государственных средств.

Отвечать за реализацию нацпроекта будет созданный в конце 2020 года новый институт развития — государственная корпорация «Туризм.РФ». В функционал структуры входит мастер-планирование территории страны, развитие туристической инфраструктуры и активизация государственно-частного партнерства в сфере туризма.

Таким образом, все вышеперечисленное позволяет говорить о том, что к 2020 году российская туристическая отрасль, отнесенная правительством к числу наиболее пострадавших от пандемии секторов народного хозяйства, впервые на современном этапе своего развития была признана органами власти одним из приоритетов экономики, в том числе как направление стимулирования потребительского спроса. По мнению ведущих экономистов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, занимающихся разработкой направлений посткризисного восстановления экономики, интенсификация внутреннего спроса по итогам 2021 года может обеспечить темпы ее роста до 3,5%⁷.

В научных исследованиях установлено, что туризм, включающий в себя транспортное обслуживание, гостиничные услуги, деятельность предприятий общественного питания, организаций связи, культурно-досуговых учреждений, может рассматриваться в качестве катализатора потребительского спроса со стороны широких слоев населения, а также влиять на снижение уровня регионального неравенства [22]. В числе мер поддержки спроса на внутренний туризм некоторые государства разработали программы по субсидированию поездок внутри страны. Например, в Таиланде и России стимулирование внутреннего турпотока осуществлялось посредством туристического кешбэка. Тайское правительство компенсировало владельцам гостиниц до 40% стоимости номеров, забронированных внутренними туристами. В России населению возвращалась часть затрат на покупку туров внутри страны и бронирование билетов посредством платежной системы МИР. Для этих целей правительством было выделено 15 млрд рублей. Реализация программы в 2020 году проходила в два этапа:

— с 21 по 28 августа (туристу возвращалось от 5 до 15 тыс. рублей в зависимости от стоимости тура);

— с 15 октября до 5 декабря (туристу возвращалось 20% стоимости путешествия по стране, но не более 20 тыс. рублей).

Итоги этой беспрецедентной для российского туризма акции нуждаются в оценке и интерпретации.

⁷ Широков А.А. Как будет восстанавливаться рост // Ведомости. 30.12.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/12/29/853008-vosstanavlivatsya-rost> (дата обращения 16.02.2021).

Оценка эффекта от реализации туристического кешбэка

По данным Ростуризма, в 2020 году россиянами за первое и второе окно продаж суммарно было приобретено туров на сумму 6,5 млрд рублей, из которых обратно населению вернулось порядка 1,2 млрд рублей⁸. В целом в акции приняли участие около 300 тысяч человек.

Использование межотраслевого моделирования позволило рассчитать эффект для экономики страны при:

- потреблении туристских услуг в объеме 6,5 млрд рублей;
- дополнительном потреблении товаров и услуг населением в размере туристического

кешбэка (1,2 млрд рублей) согласно структуре конечного потребления домохозяйств.

Также было установлено, каким образом распределился основной эффект в результате возросшего спроса на продукцию туризма в разрезе федеральных округов.

Расчеты, проведенные на основе сформированной межотраслевой модели, позволили определить, что стимулирование спроса населения на покупку туров внутри страны на 6,5 млрд рублей обеспечило прирост основных экономических показателей по всем видам экономической деятельности (табл. 3). В целом по экономике валовой выпуск продукции вырос на 12,3 млрд рублей. При этом дополнительный

Таблица 3. Эффект для экономики страны от роста спроса на продукцию туристской отрасли России в объеме 6,5 млрд руб. в 2020 году

Вид экономической деятельности	Прирост валового выпуска, млн руб.	Прирост численности работников, чел.	Прирост фонда заработной платы, млн руб.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	215	100	35
Рыболовство, рыбоводство	24	4	4
Добыча полезных ископаемых	252	15	16
Обрабатывающие производства конечного спроса	516	116	51
Обрабатывающие производства инвестиционного спроса (без машиностроения)	42	11	5
Обрабатывающие производства промежуточного спроса	863	50	31
Машиностроение	356	94	74
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	438	127	70
Строительство	126	44	22
Оптовая и розничная торговля	424	461	222
Туризм	6792	786	635
Гостиницы и рестораны (без туризма)	92	58	20
Транспорт (без туризма)	871	240	144
Связь (без ИКТ)	50	10	9
Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ)	52	60	69
Финансовая деятельность	254	32	39
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (без ИКТ)	917	505	322
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	53	1377	843
Образование	7	53	24
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	6	8	4
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (без туризма)	32	65	35
В целом по экономике	12380	4215	2674

Источник: рассчитано на основе межотраслевого моделирования.

⁸ Ростуризм подвел итоги программы туристического кешбэка в 2020 году. URL: <https://tourism.gov.ru/news/17009/> (дата обращения 10.02.2021).

прирост численности работников составил 4,2 тыс. человек, фонда заработной платы – 2,6 млрд рублей.

В разрезе видов экономической деятельности наибольший эффект от потребления населением товаров и услуг туризма пришелся (помимо туризма) на сферу недвижимости, сектор обрабатывающих производств промежуточного спроса и транспорт, что объясняется действующей структурой затрат отрасли.

Стимулирование конечного спроса на 1,2 млрд рублей в объеме туристического кешбэка согласно сложившейся структуре конечного потребления населения обеспечило увеличение выпуска валовой продукции в целом по экономике на 2,4 млрд рублей, численности работников – на 1,5 тыс. человек (табл. 4). Прирост фонда заработной платы составил 8,6 млн рублей.

По результатам расчета определено, что наиболее заметно рост спроса населения на товары и услуги отраслей экономики сказался в оптовой и розничной торговле, сфере недвижимости и секторе обрабатывающих производств конечного спроса.

Таким образом, использование методологии межотраслевого баланса позволило оценить эффект для экономики страны от роста туристского потребления, а также дополнительного спроса на товары и услуги отраслей народного хозяйства в объеме средств, возвращенных туристам за покупку туров по стране.

Результаты расчетов показали, что значение мультипликатора туристских расходов соответствует 1,9. Это свидетельствует о высоком мультипликативном эффекте отрасли и подтверждает значимость ее стимулирования для российской экономики, в том числе для снижения

Таблица 4. Эффект для экономики РФ от потребления населением товаров и услуг в объеме туристического кешбэка (1,2 млрд рублей)

Вид экономической деятельности	Прирост валового выпуска, млн руб.	Прирост численности работников, чел.	Прирост фонда заработной платы, млн руб.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	160	75	26
Рыболовство, рыбоводство	6	1	1
Добыча полезных ископаемых	66	4	4
Обрабатывающие производства конечного спроса	336	75	33
Обрабатывающие производства инвестиционного спроса (без машиностроения)	14	4	2
Обрабатывающие производства промежуточного спроса	203	12	7
Машиностроение	150	40	31
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	148	43	24
Строительство	30	10	5
Оптовая и розничная торговля	394	429	207
Туризм	84	10	8
Гостиницы и рестораны (без туризма)	38	24	8
Транспорт (без туризма)	166	46	27
Связь (без ИКТ)	51	10	9
Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ)	18	21	24
Финансовая деятельность	90	32	39
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (без ИКТ)	359	198	126
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	11	285	174
Образование	12	97	43
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	22	30	16
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (без туризма)	43	87	46
В целом по экономике	2400	1531	862

Источник: рассчитано на основе межотраслевого моделирования.

импортной зависимости, поскольку в структуре формирования ресурсов продукции туризма доля импорта минимальна [24].

Также был оценен эффект для региональных экономик при увеличении потребления россиянами товаров и услуг туристского сектора и дополнительном потреблении в размере туристического кешбэка (рис. 2). По итогам расчетов выявлено, что в обоих случаях прирост выпуска валовой продукции в территориальном разрезе, исходя из сложившихся пропорций отгрузки товаров, выполнения работ и оказания услуг российскими предприятиями, распределился крайне неравномерно с заметным превосходством Центрального федерального округа.

Значительно отстают от ЦФО Северо-Западный, Приволжский, Уральский и Сибирский федеральные округа. В них экономический эффект распределился примерно в равных пропорциях. К явным аутсайдерам можно отнести Южный, Дальневосточный и Северо-Кавказский федеральные округа, доля которых в объеме прироста валового выпуска продукции весьма низкая.

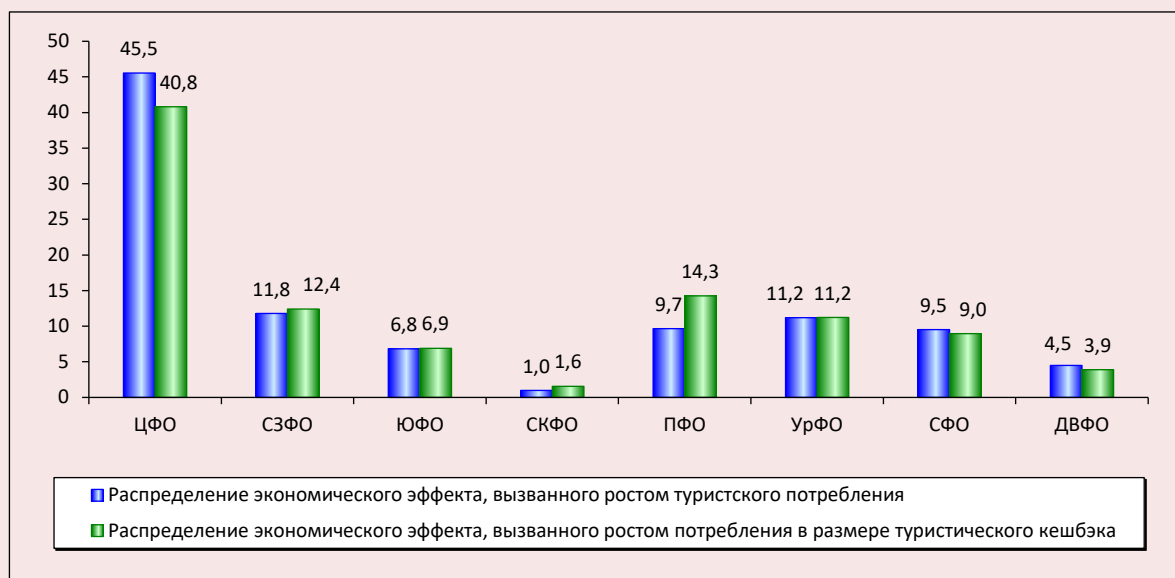
Позиция ЦФО объясняется расположением на его территории города федерального

значения Москва, а также концентрацией в нем значительных экономических ресурсов, что позволяет ему занимать лидирующее положение по сравнению с другими округами по многим показателям социально-экономического развития.

Так, например, только в 2019 году услугами средств размещения г. Москвы воспользовались 15,5 млн человек, что выше, чем в других федеральных округах страны (рис. 3). Это свидетельствует об эффективном использовании имеющихся ресурсов и сосредоточении производственных мощностей в мегаполисе.

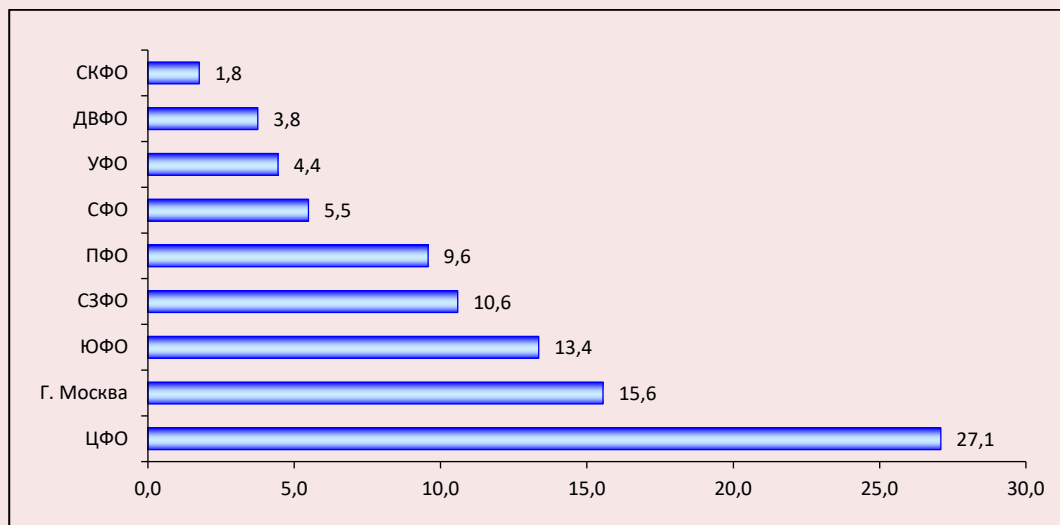
Таким образом, проведенная оценка стимулирования внутреннего потребительского спроса в территориальном разрезе в обоих случаях показала наличие региональных диспропорций в получении экономических эффектов. Соответственно, необходимо более эффективно использовать производственный потенциал территорий в процессе формирования добавленной стоимости, вызванной ростом внутреннего потребления. Для этого целесообразно создавать условия, благоприятные для ведения бизнеса, привлечения инвестиций и развития отраслей специализации данных регионов.

Рисунок 2. Прирост валового выпуска продукции от стимулирования внутреннего спроса в разрезе федеральных округов, %

Источник: рассчитано на основе межотраслевого моделирования.

Рисунок 3. Численность лиц, размещенных в коллективных средствах размещения, в разрезе федеральных округов в 2019 году, млн чел.

Источник: данные Росстата.

Несмотря на имеющийся территориальный диспаритет от возросшего спроса населения на потребление товаров и услуг, выразившийся в получении наибольших эффектов Центральным федеральным округом, большая часть прироста валового выпуска продукции (55–60%) пришлась на оставшиеся округа. Это подтверждает важность стимулирования внутреннего спроса для их экономик, в том числе и на продукцию туристской отрасли.

Возможности развития российского туризма в постковидный период

Проведенные расчеты позволили определить, что субсидирование внутренних поездок по стране стало довольно эффективным механизмом восстановления потребительского спроса для российской экономики в кризисный период. В то же время эффект от программы в 2020 году мог быть гораздо больше, поскольку ее реализация потребовала от предприятий турбизнеса перенастройки всех бизнес-процессов в довольно сжатые сроки, в результате чего не так много туристов успели купить туры в первое окно продаж, длившееся всего неделю. Неизрасходованные в 2020 году в рамках программы средства направлены на продолжение акции в дальнейшем.

В целом представители турбизнеса оценивают эту меру государственной поддержки от-

расли положительно. По мнению С. Ромашкина, гендиректора туроператора «Дельфин», объем выручки, полученной с продажи туров по кешбэку в 2020 году, больше, «чем вся господдержка с начала года»⁹. Согласно данным Ассоциации туроператоров России, увеличение объемов продаж туров по России в годовом выражении фиксируется всеми ключевыми туроператорами, причем у некоторых из них прирост за указанный период составил более 100%¹⁰. По оценкам экспертов, безусловными лидерами акции с туристическим кешбэком в 2020 году стали г. Сочи и курорты Краснодарского края – средневзвешенная доля этих регионов в продажах составила не менее 45–50%¹¹.

Следует отметить, что в 2021 году Ростуризм были учтены основные замечания к программе, высказанные по итогам первой волны ее реализации ключевыми игроками туристического рынка, что позволяет прогнозировать еще большую ее эффективность.

⁹ Туроператоры рассказали, как их спасла программа кешбэка и как ее надо улучшить к следующему разу. URL: <https://www.tourprom.ru/news/47774/> (дата обращения 16.02.2021).

¹⁰ Туроператоры подвели итоги «второй волны» кешбэка. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/53599.html> (дата обращения 16.02.2021).

¹¹ Там же.

В 2021 году программа туристического кешбэка направлена на поддержание спроса в низкий сезон¹². Согласно оценкам Ростуризма, только за первые четыре дня третьего этапа программы кешбэка¹³, стартовавшего 18 марта 2021 года, объем спроса туристов на туры по России составил более 1 млрд рублей¹⁴. Это позволяет сделать вывод о высокой востребованности данной меры со стороны путешественников. В третьей программе кешбэка принимают участие около 3,5 тысяч продавцов туристических услуг, что на 40% больше, чем во второй акции с кешбэком осенью 2020 года¹⁵.

Говоря о перспективах развития туристической отрасли России в постковидный период, следует заключить, что в условиях действующих ограничений на выезд туристов во многие зарубежные страны и с учетом существенной поддержки отрасли государством появился шанс значительно нарастить объем внутреннего туристического потока и превратить отрасль в драйвер экономического развития. На основании вышеприведенных данных, подтверждающих привлекательность программы туристического кешбэка как для туристов, так и для турбизнеса, можно предположить, что эта мера государственной поддержки будет эффективно стимулировать туристический спрос в ближайшей перспективе, позволяя частично компенсировать потери отрасли.

Прогнозируя развитие сферы туризма в России в случае улучшения эпидемиологической обстановки и восстановления авиасообщения между странами, стоит отметить, что часть туристов, предпочитавшая до пандемии зарубежный отдых в связи с более высоким по сравнению с российским уровнем развития ту-

ристической инфраструктуры и предоставляемого сервиса при сопоставимой стоимости, выберет поездки за границу, что ускорит восстановление потока выездного туризма.

К факторам, которые будут ограничивать развитие туристической отрасли в России в краткосрочной перспективе, можно отнести снижение платежеспособности населения вследствие падения уровня доходов¹⁶ и нестабильность экономической ситуации в стране.

Следует учесть, что в дополнение к существующим мерам стимулирования отрасли ее эффективное функционирование в постковидный период может обеспечить реализация следующих направлений:

1. Расширение мер по субсидированию туристических поездок внутри страны для конкретных категорий граждан (детей, пенсионеров, малообеспеченных семей и т. д.).

Одной из проблем российского туризма является дороговизна внутренних туристических услуг, что вкупе со снижающимися доходами населения делает отдых внутри страны недоступным для многих граждан. В связи с этим целесообразно внедрять пакетные решения, когда стоимость тура с включенным набором туруслуг оказывается дешевле, чем их приобретение туристом по отдельности, либо компенсируется часть стоимости билетов на различных видах транспорта, составляющей основную статью затрат российских туристов.

2. Расширение набора мер поддержки для туристического бизнеса.

В условиях повышенного внимания органов власти к развитию внутреннего туризма целесообразно значительно расширить объем мер поддержки, оказываемых организациям, занимающимся туроператорской деятельностью. В частности, возможно сократить размер уплачиваемого туроператорами налога на добавленную стоимость. В настоящее время субъекты турбизнеса, занятые в производстве внутреннего туристического продукта и предоставляющие отдельные услуги туроператорам, не являются обществами с ограниченной ответственностью, поэтому либо имеют льготы по уплате налога на добавленную стоимость

¹² Ростуризм высказался о сроках запуска третьего этапа акции с кешбэком. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/54286.html> (дата обращения 16.02.2021).

¹³ Возврат средств на покупку тура составляет 20% от стоимости покупки, но до 20 000 рублей за одну операцию по карте. Кешбэк начисляется за поездки, которые длятся как минимум 3 дня (2 ночи).

¹⁴ Ростуризм сообщил о купленных россиянами турах с кешбэком на 1 млрд руб. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6058934a9a79476f685a924e> (дата обращения 22.03.2021).

¹⁵ Официально объявлены даты и условия третьей акции с кешбэком за туры по России. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/54602.html> (дата обращения 16.03.2021).

¹⁶ По оценке Росстата, в 2020 году реальные располагаемые денежные доходы россиян сократились на 3,5% в годовом выражении, что на 10,6% ниже уровня 2013 года.

(НДС), либо используют упрощенную систему налогообложения. По мнению крупнейших участников туристического рынка, при объединении этих услуг в турпакет в соответствии с российским законодательством туроператор должен заплатить с турпродукта НДС в размере 20%, в то время как выездной турпродукт этим налогом не облагается¹⁷, что приводит к удорожанию внутреннего отдыха.

Также необходимо на системной основе осуществлять программы субсидирования чартерных перевозок внутри страны. Запущенные в 2020 году при поддержке Ростуризма чартерные рейсы в удаленные районы России¹⁸ доказали их востребованность туристами¹⁹. Благодаря этой мере стоимость недельного тура на Байкал уменьшилась по сравнению с 2019 годом в два раза²⁰. Это позволит расширить географию путешествий и удешевить стоимость услуг на внутренний туризм.

3. Активное внедрение цифровых технологий в сфере туризма.

Одной из современных тенденций, определяющих развитие туризма в мире, является активное развитие цифровых технологий. Их внедрение в сфере туризма России актуально для планирования и покупки путешествий. В этих целях весьма перспективным становится создание туристических маркетплейсов — онлайн-площадок для продажи туров, которые объединяют различных участников рынка, предоставляющих широкий спектр туруслуг. Они могут быть интегрированы с уже существующими крупными цифровыми платформами других непрофильных компаний, имеющих широкую клиентскую базу (ПАО «Сбербанк», Яндекс и т. д.).

Примером такой онлайн-площадки для туристов является проект RUSPASS, созданный в 2020 году в г. Москве. Ориентированный зна-

чительно для иностранных туристов, сервис вызвал интерес и у представителей внутреннего туризма. Так, за год его существования к нему присоединилось около 80 российских регионов.

4. Трансформация подхода к управлению и развитию туристской отрасли в регионах.

Изменившийся подход к развитию туризма со стороны государства с акцентом на экономическую составляющую должен быть поддержан и на региональном уровне, для чего необходимо пересмотреть организацию регулирования отрасли в субъектах РФ. В настоящее время оно довольно специфично и отличается в каждом регионе, что отчасти объясняется социально-экономическими особенностями. Стоит отметить, что в регионах отсутствуют структуры, отвечающие конкретно за развитие туристской отрасли, вследствие чего единого подхода к ее стимулированию не наблюдается. Например, из пяти субъектов, образующих Европейский Север России, только в Карелии за развитие туризма как самостоятельного объекта управления отвечает Управление по туризму Республики Карелия.

Заключение

Результаты проведенного межотраслевого моделирования позволили обосновать значимость стимулирования туристского потребления для экономики. Рассчитанный эффект от реализации программы туристического кешбэка показал, что объем валового выпуска продукции в целом по экономике увеличился в два раза, вызвав также прирост фонда заработной платы и численности работников. Можно констатировать, что субсидирование программ внутренних поездок в дальнейшем даст возможность повысить туристическую активность россиян.

С помощью инструментария межотраслевого баланса выявлены имеющиеся диспропорции при стимулировании потребления товаров и услуг населением, выразившиеся в доминировании Центрального федерального округа, на который пришлось основная доля полученного экономического эффекта. Это диктует необходимость сглаживания пространственной асимметрии в развитии регионов страны.

Активизация предложенных направлений развития туризма способствует росту доходности отрасли и, учитывая ее мультипликативный эффект, экономики в целом.

¹⁷ Глава TUI назвал две главные меры поддержки туризма в России. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/54204.html> (дата обращения 16.02.2021).

¹⁸ В 2020 году впервые были организованы чартеры в Хакасию, Алтай, на Байкал, в Мурманск и Калининград.

¹⁹ В АТОР подвели туристические итоги 2020 года и рассказали о трех сценариях в 2021 г. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/53770.html> (дата обращения 16.02.2021).

²⁰ В России планируют запустить более 17 чартерных направлений внутри страны в 2021 году. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10659727> (дата обращения 16.02.2021).

Таким образом, проведенное исследование позволило заключить, что развитие туристической отрасли в России в постковидный период с учетом большого масштаба оказываемой ему государственной поддержки и наличия значительного объема сформировавшегося отложенного спроса россиян²¹ на туристические услуги может стать одним из драйверов развития экономики и эффективным инструментом восстановления внутреннего потребительского спроса.

В то же время следует отметить, что уточнению масштабов влияния туризма на экономические параметры будет способствовать совершенствование официальной статистической информации, характеризующей отрасль. В частности, в настоящее время отсутствуют данные, отражающие структуру туристских расходов, что ограничивает исследование. Кроме того, в России до сих пор не принята официальная методика учета внутренних туристских потоков, а также весьма редко проводятся обследования, направленные на изучение социально-демографических характеристик туристов. Стоит указать, что требует расчета оценка прямого и косвенного вклада туризма в экономику на региональном уровне.

Таким образом, ликвидация статистических пробелов по определению мультипликативного влияния туристской отрасли является актуальной задачей, от ее решения во многом зависят качество принимаемых управленческих мер и выбор направлений развития туризма на основе полученных прогнозов его воздействия на национальную и региональную экономики.

Научная значимость проведенного исследования заключается в расширении методических аспектов оценки эффектов для экономики от роста спроса на товары и услуги туризма, а также в обосновании путей его развития с учетом протекающих современных социально-экономических процессов. Практическая значимость состоит в возможности использования полученных результатов органами власти в целях большего понимания текущего положения туристской отрасли и разработки ее стратегических приоритетов. Следующий этап работ будет содержать исследование специфики функционирования отрасли на региональном уровне и определение мер, способствующих наращиванию объема потребления туристских продуктов населением и повышению их конкурентоспособности.

Литература

1. Аистов А.В., Николаева Т.П. Гипотеза о стимулирующем воздействии туризма на ВВП // Прикладная эконометрика. 2019. № 4. С. 5–24.
2. Туризм и экономический рост: региональный аспект / Е.А. Федорова, Л.И. Черникова, А.Э. Пастухова, Л.К. Ширяева // ЭКО. 2020. № 50 (9). С. 138–155. DOI: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-9-138-155>
3. Antonakakis N., Dragouni M., Filis G. How strong is the linkage between tourism and economic growth in Europe? *Economic Modelling*, 2015, vol. 44, pp. 142–155. DOI: 10.1016/j.econmod.2014.10.018
4. Balaguer J., Cantavella-Jordá M. Tourism as a long-run economic growth factor: The Spanish case. *Applied Economics*, 2002, vol. 34, is. 7, pp. 877–884. DOI: 10.1080/00036840110058923
5. Del P. Pablo-Romero M., Molina J.A. Tourism and economic growth: A review of empirical literature. *Tourism Management Perspectives*, 2013, vol. 8, pp. 28–41.
6. Lin V.S., Yang Y., Li G. Where Can Tourism-Led Growth and Economy-Driven Tourism Growth Occur? *Journal of Travel Research*, 2019, vol. 58, is. 5, pp. 760–773. DOI: 10.1177/0047287518773919
7. Risso W.A. Tourism and economic growth: A worldwide study. *Tourism Analysis*, 018, vol. 23, is. 1, pp. 123–135.
8. Shahzad S.J.H., Shahbaz M., Ferrer R., Kumar R.R. Tourism-led growth hypothesis in the top ten tourist destinations: New evidence using the quantile-on-quantile approach. *Tourism Management*, 2017, vol. 60, pp. 223–232. DOI: 10.1016/j.tourman.2016.12.006

²¹ Более полутора триллионов рублей остались на руках у россиян из-за невозможности выехать за границу на отдых на фоне закрытых во время пандемии границ (источник: Поддержка экономики: закрытие границ // Эксперт. 2020. № 1. URL: <https://expert.ru/expert/2021/01/podderzhka-ekonomiki-zakritie-granits/>).

9. Gursoy D., Christina G. Chi Effects of COVID-19 pandemic on hospitality industry: review of the current situations and a research agenda. *Journal of Hospitality Marketing & Management*, 2020, vol. 29, no. 5, pp. 527–529. DOI: 10.1080/19368623.2020.1788231
10. Jones, Peter and Comfort, Daphne The COVID-19 Crisis and Sustainability in the Hospitality Industry. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, 2020, no. 32 (10). pp. 3037–3050. DOI: 10.1108/IJCHM-04-2020-0357
11. Ashikul Hoque, Farzana Afrin Shikha, Mohammad Waliul Hasanat, Ishtiaque Arif, Abu Bakar Abdul Hamid. The Effect of Coronavirus (COVID-19) in the Tourism Industry in China. *Asian Journal of Multidisciplinary Studies*, 2020, vol. 3, no. 1. 3. pp. 1–7.
12. Лаврова Т.А. Анализ экономического состояния индустрии туризма Российской Федерации в условиях распространения COVID-19 // Вестник национальной академии туризма. 2020. № 4. С. 10–13.
13. Тимохин Д.В., Аллахвердиева Л.М., Койшинова Г.К. Развитие туристической России в условиях рисков распространения COVID-19 на основе модели «экономического креста» // Экономика, предпринимательство и право. 2020. № 11. С. 2791–2804.
14. Гунаре М., Афанасьев О.Е. Индивидуальный туризм в ожидании перемен // Современные проблемы сервиса и туризма. 2020. Т. 4. № 2 (89). С. 197–204.
15. Леонидова Е.Г. Стратегический подход к развитию туризма в контексте моделирования структурных изменений экономики региона // Управленческое консультирование. 2019. № 12 (132). С. 133–141.
16. Сорокин Д.Е., Шарафутдинов В.Н., Онищенко Е.В. О проблемах стратегирования развития туризма в регионах России (на примере Краснодарского края и города-курорта Сочи) // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 3. С. 764–776.
17. Мосалев А.И., Дементьев Д.А. Система институтов управления в сфере туризма // Проблемы теории и практики управления. 2020. № 4. С. 121–131.
18. Бухер С. Конкурентоспособность России на глобальном туристическом рынке // Экономика региона. 2016. № 1. С. 240–250.
19. Шарафутдинов В.Н., Онищенко Е.В., Наконечный А.И. Туристские технологические платформы как инструмент обеспечения конкурентоспособности региональных турпродуктов // Регион: экономика и социология. 2019. № 1. С. 114–132.
20. Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. Структурные изменения экономики: поиск отраслевых драйверов роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 166–181. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9
21. Сун Линьлинь. Эволюция и тенденции развития сферы туризма в провинции Хэйлуцзян (КНР) // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 2. С. 29–35. DOI: 10.22394/1818-4049-2019-87-2-29-35
22. Леонидова Е.Г. Стимулирование конечного потребления в контексте снижения регионального неравенства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 59–73. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.5

Сведения об авторе

Екатерина Георгиевна Леонидова – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Leonidova E.G.

Russian Tourism during the COVID-19: Assessing Effect of Stimulating Domestic Demand for the Country and Regions' Economy

Abstract. The COVID-19 pandemic has struck the tourism industry all over the world significantly reducing industry's revenue and number of jobs. It has had a negative impact on the global economy. In Russia, the tourism sector was one of the most affected areas due to the quarantine restrictions that made the government take several supporting measures to mitigate the coronavirus effects and restore demand

for tourist services. It actualizes the problem of assessing economic effects after stimulating consumption of tourism goods and services, as well as identifying and justifying the development directions of Russian tourism in unfavorable epidemiological situation and global economic turbulence which became the purpose of our work. The scientific novelty of the research is to determine, on the basis of inter-sectoral modeling, the effect for the Russian economy from the implementation of the program of subsidizing domestic tourist trips – so-called tourist cashback. The results of the study have identified the importance of stimulating population's demand for recreation within the country for economy and have found the territorial disparity problem in the distribution of the increase in gross output caused by Russian tourist's consumption growth. As for the research methodological base, the author uses general scientific methods of analysis, synthesis, comparison, generalization, and tools based on input-output analysis methodology. Information base includes the works of domestic and foreign scientists dealing with tourism development problems in the post-crisis period, the assessment of its impact on economic parameters, as well as information from state statistics authorities, data from the World Bank, the World Tourism Organization, and the Russian Public Opinion Research Center. The prospects for future studies are related to designing regional tourism development areas that contribute to the increase in population's consumption volume of tourist products and growing competitiveness of the latter.

Key words: tourism, cashback, COVID-19, economy, input-output analysis, domestic consumer demand.

Information about the Author

Ekaterina G. Leonidova – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Статья поступила 25.02.2021.

Методологический подход и инструментарий обеспечения сбалансированного пространственного развития региона*

**Дамир Ахнафович
ГАЙНАНОВ**

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН
Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация
e-mail: 2d2@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-2606-2459; ResearcherID: O-5141-2015

**Ринат Фазлtdинович
ГАТАУЛЛИН**

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН
Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация
e-mail: gataullin.r2011@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7459-9728; ResearcherID: 2338365

**Айсылу Гарифулловна
АТАЕВА**

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН
Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация
e-mail: Ice_lu@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2835-0147; ResearcherID: 2338389

* Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00504-21-00 на 2021 г.

Для цитирования: Гайнанов Д.А., Гатауллин Р.Ф., Атаева А.Г. Методологический подход и инструментарий обеспечения сбалансированного пространственного развития региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 75–91. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.5

For citation: Gainanov D.A., Gataullin R.F., Ataeva A.G. Methodological approach and tools for ensuring region's balanced spatial development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 75–91. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.5

Аннотация. В процессе трансформации пространственной структуры экономики вследствие концентрации трудовых, финансовых и иных ресурсов в агломерациях и «оголения» периферии регионов обостряется ряд существенных проблем, которые угрожают сбалансированности внутри- и межрегионального развития. Одной из них является значительная дифференциация муниципальных образований регионов России по уровню социально-экономического развития. Возникает дилемма выбора вектора региональной пространственной политики: либо поддержка развития точек роста (агломерации, особые экономические зоны, территории опережающего социально-экономического развития), либо снижение социально-экономического неравенства за счет дополнительной поддержки развития периферии. В исследовании с помощью интеграции концепций опорного каркаса и субрегионального подхода предложен методологический подход к сбалансированному пространственному развитию региона. В его рамках на территории региона выделяются естественные субрегионы, являющиеся элементами опорного экономического каркаса территории, и искусственные субрегионы, в основе функционирования которых лежит межмуниципальное сотрудничество. Сущность подхода заключается в установлении баланса между регулированием естественных экономических процессов в регионе (например, институциональное оформление и снижение негативных эффектов агломераций) и государственной поддержкой развития депрессивных территорий (например, формирование программных субрегионов). Его использование в практике регионального управления позволяет сформировать методологическую базу для разработки стратегических документов пространственного развития региона, экономических, организационных, институциональных и социальных инструментов региональной политики. Предложен комплекс инструментов для повышения сбалансированности пространственного развития Республики Башкортостан, связанных с развитием естественных субрегионов, которые уже сами по себе являются объективными точками роста региона, а также направленных на стимулирование экономического саморазвития депрессивных и периферийных территорий Республики Башкортостан.

Ключевые слова: пространственное развитие, опорный каркас, каркас расселения, субрегиональный подход, программный субрегион, агломерация, муниципальное образование, теория центральных мест, теория полюсов развития.

Введение

За последние годы практически все регионы России столкнулись с качественными сдвигами в пространственном развитии. Это коснулось и Республики Башкортостан, особенностью которой является территориальное размещение между крупнейшими городами-миллионниками Приволжского и Уральского федеральных округов. Вследствие стягивания экономического пространства вокруг столицы региона и оттока ресурсов из периферии республики в соседние города-миллионники происходит сегрегация муниципалитетов по социально-экономическому развитию. Помимо этого, к особенностям пространственного развития Республики Башкортостан можно отнести дробность муниципального деления (второе место в России по количеству муниципальных образований, в том числе второе место по количеству сельских поселений),

небольшое количество городских округов как центров экономического развития, наличие значительной площади депрессивных территорий, в основном на периферии региона, а также стагнирующих моногородов. Кроме того, неэффективность действующей региональной пространственной политики и инвестиционных решений в Республике Башкортостан усиливают диспропорции межмуниципального развития.

Целью работы является поиск методологического подхода к обеспечению сбалансированного пространственного развития региона, который бы позволил учесть особенности территорий и создать основу для формирования устойчивой управленческой политики. Реализация методологического подхода будет рассмотрена на примере Республики Башкортостан.

Методология исследования

Статья включает в себя четыре составные части: теоретические подходы к пространственному развитию региона, анализ характера трансформации ряда пространственных каркасов Республики Башкортостан, методологический подход к сбалансированному развитию региона, направления практической реализации методологического подхода.

Вначале уточним основные категории, которые будут использованы в работе.

Агломерации Республики Башкортостан. Виды, состав и структура агломераций Республики Башкортостан официально в нормативных актах не утверждены, поэтому мы будем придерживаться состава агломераций согласно Схеме территориального планирования Республики Башкортостан, но применительно к сетке муниципального деления: Уфимская моноцентрическая городская агломерация (ядро – г. Уфа, Благовещенский, Иглинский, Кармаскалинский, Кушнаренковский, Уфимский и Чишминский муниципальные районы); Южно-Башкортостанская полицентрическая городская индустриальная агломерация (городские округа Стерлитамак и Салават, Ишимбайский и Стерлитамакский муниципальные районы); Нефтекамская моноцентрическая малая городская агломерация (городские округа Нефтекамск и Агидель, Краснокамский и Янаульский муниципальные районы); Нефтесервисная полицентрическая малая городская агломерация Октябрьский – Туймазы (городской округ город Октябрьский и Туймазинский муниципальный район).

Периферийные территории Республики Башкортостан. Особенность Республики Башкортостан составляет расположение столицы в географическом центре региона. В связи с этим в качестве периферийных регионов мы рассмотрели муниципальные образования, административные центры которых находятся на расстоянии более 200 км от столицы: Аскинский, Бакалинский, Белокатайский, Белорецкий, Бижбулякский, Бурзянский, Дуванский, Еремеевский, Калтасинский, Караидельский, Кигинский, Краснокамский, Куюргазинский, Мелеузовский, Мечетлинский, Татышлинский, Федоровский, Янаульский районы.

Программные субрегионы представляют собой экономические районы субрегионального уровня в рамках межмуниципального стратегического сотрудничества, в которых реализуются программы комплексного решения общих проблем развития. В настоящее время в Республике Башкортостан официально утверждены два таких субрегиона: 1) Северо-Восток Республики Башкортостан¹ (Аскинский, Белокатайский, Дуванский, Караидельский, Кигинский, Мечетлинский, Нуримановский, Салаватский районы); 2) Зауралье Республики Башкортостан² (Абзелиловский, Баймакский, Бурзянский, Зианчуринский, Зилаирский, Учалинский, Хайбуллинский районы). Эти территории традиционно являются депрессивными.

Теоретико-методологические исследования

С точки зрения исследования экономического пространства региона выделяются следующие крупные теоретические разработки: теория центральных мест, теория полюсов развития и центров роста, концепция опорного каркаса, субрегиональный подход.

Теория центральных мест акцентирует внимание на роли населенных пунктов в качестве центров обслуживания населения, причем каждый центр в условиях идеальной равнины имеет свою шестиугольную зону обслуживания [1–3]. Конечно, реальные системы расселения такой модели не соответствуют, тем не менее теория центральных мест послужила основой для построения иерархической классификации населенных пунктов и теорий их размещения.

Теория полюсов роста (основатель – Ф. Перру [4]) определяет под «полюсом роста» отрасли промышленности, отдельные предприятия, впоследствии отдельные территории, создающие «импульсы развития», которые оказывают влияние на территориальную структуру

¹ Постановление Правительства Республики Башкортостан от 9 ноября 2011 года № 395 «О среднесрочной комплексной программе социально-экономического развития северо-восточных районов Республики Башкортостан на 2011–2015 гг.» (в ред. от 16 июля 2015 № 269).

² Постановление Правительства Республики Башкортостан от 24 февраля 2011 года № 38 «О среднесрочной комплексной программе экономического развития Зауралья на 2011–2015 гг.» (в ред. от 16 июля 2015 № 269).

хозяйства и ее динамику. Данная теория получила широкое распространение среди российских исследователей и практиков регионального планирования [5–6]. Практика показывает, что подобные полюса роста, особенно в современных условиях агломерирования территорий, развиваются не столько за счет собственных источников, сколько за счет «перераспределения богатства» в пользу наиболее сильных экономических фокусов [7], а выстраивание региональной политики за счет стимулирования развития полюсов роста не только неэффективно, но и может привести к значительной сегрегации территории.

Иной подход к пространственному развитию предполагает теория опорного каркаса [8–9], под которым понимается сочетание главных фокусов (в масштабах страны речь идет о крупных городах и городских агломерациях, в масштабах регионов – о городах и крупных поселках городского типа [10]) экономической, политической и культурной жизни региона и соединяющих их магистральных линий. В практике территориального планирования преимущественно используются три вида каркаса: урбанистический, природно-экологический, историко-культурный [11]. Однако если рассмотреть документы стратегического планирования регионов, то там упоминается гораздо больше каркасов (в ходе анализа схем территориального планирования регионов России С.И. Яковлева выделила 15 видов каркасов). При этом каждый вид рассматривается как самостоятельная и самодостаточная структура, тогда как в реальности они тесно взаимосвязаны и образуют единую систему [12].

Некоторые авторы попытались синтезировать все три теории. Например, И.П. Смирнов сформулировал новое понятие – «опорный центр развития территории» – населенный пункт, выполняющий обслуживающие функции по отношению к тяготеющей территории, имеющий устойчивую экономическую базу с пропульсивными видами деятельности и включенный в опорный каркас рассматриваемой территории [7].

В основной части современных исследований внутрирегиональное пространственное планирование рассматривается либо с точки

зрения устойчивости [13] или даже «местной самоустойчивости» [14], либо специализации территорий [15], либо агломерационных, урбанизационных процессов и их роли в пространственном развитии региона [16–19].

И.А. Тажитдинов предлагает экономико-административный субрегиональный подход к пространственному развитию [20], когда внутри региона как субъекта Федерации выделяют новые формы структурной организации хозяйственного пространства – субрегионы, представляющие собой зону консолидации полномочий, потенциала и ресурсов для решения социально-экономических проблем развития территорий. Как правило, в субрегионы объединяются муниципальные образования со схожими проблемами социально-экономического развития, устойчивыми экономическими связями, наличием точек роста или предпосылок для их создания. В субрегионе отсутствуют признаки административной единицы, нет органов управления, он создается на ограниченный период, управление им реализуется через программу развития на основе межмуниципального сотрудничества. Подобные субрегионы есть в Республике Башкортостан (Зауралье и Северо-Восток).

Базовые положения всех теоретических подходов так или иначе проявляются в пространственном развитии региона: крупнейшие города выступают центрами притяжения населения, финансовых и иных ресурсов, формируя агломерации (центростремительные потоки, устремленные с окружающей территории в город в теории центральных мест), одновременно транслируя экономические эффекты на периферию агломерации (центробежные импульсы в теории полюсов роста). Усиливается межмуниципальная и межрегиональная интеграция (внутренние и внешние связи узлов опорного каркаса), в ряде регионов появляются те или иные виды субрегионов (управленческие округа в Свердловской области, программные субрегионы в Республике Башкортостан). Однако если в качестве целевой установки региональной политики принимать необходимость обеспечения межмуниципальной сбалансированности, то применять эти теории в чистом виде в современных условиях невозможно.

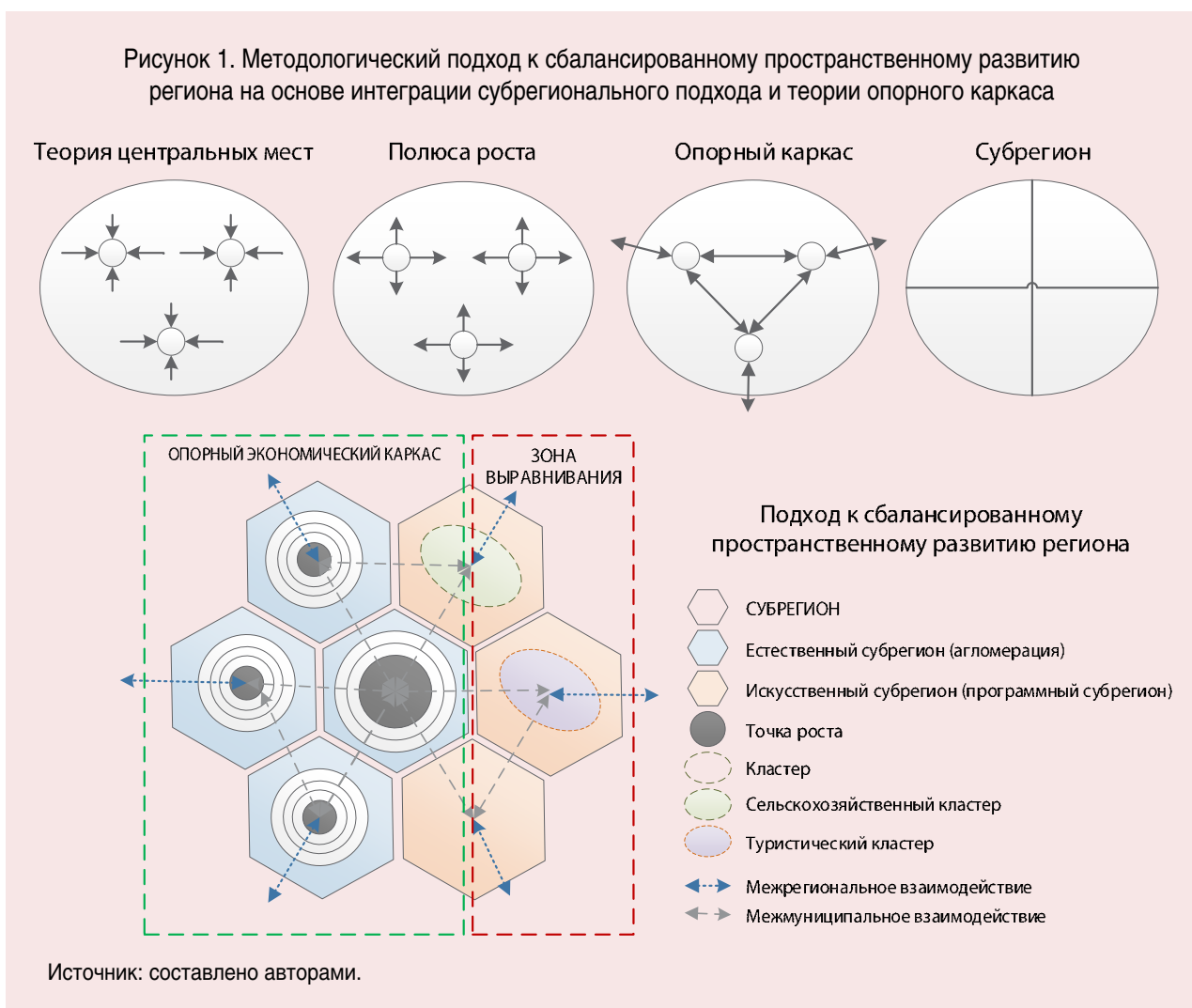
Методологический подход к пространственному развитию

Мы предлагаем методологический подход к сбалансированному пространственному развитию региона, основанный на конвергенции субрегионального подхода и теории опорного каркаса региона (рис. 1).

Суть подхода заключается в том, что территория региона делится на субрегионы, часть из которых является опорным экономическим каркасом, а часть – зоной выравнивания для обеспечения сбалансированного пространственного развития. Причем субрегион – это не просто форма географического или экономического разделения территории региона на подрегионы, некоторые муниципальные образования могут входить в два и более субрегиона, некоторые – вообще не относиться ни к одному субрегиону.

К основным положениям методологического подхода можно отнести следующие:

1. Субрегионом является любая форма интеграции муниципальных образований внутри региона (агломерация, кластер, особая экономическая зона, территория опережающего социально-экономического развития, программный субрегион, управленческий округ), которая может носить как административный, так и неадминистративный характер. Субрегион может формироваться «снизу» в силу объективных причин – естественный субрегион (например, агломерация), или «сверху» для решения конкретных управленческих задач (управленческий округ, программный субрегион). Ключевая цель формирования субрегиона – интеграция усилий муниципальных образований для комплексного развития или решения проблем конкретной территории внутри региона.

2. В качестве опорного экономического каркаса региона выступают агломерации. Это объективный факт, который региональные органы государственной власти игнорировать не могут. Более того, они должны возглавить этот процесс путем создания условий для институционального оформления агломераций и организации в них эффективных механизмов межмуниципального сотрудничества, что позволит снизить отрицательные агломерационные эффекты для близлежащих территорий и обеспечить баланс развития в них. Для этого предлагается воспринимать агломерацию как опорный субрегион регионального развития и обеспечить его институциональное оформление (например, в виде договорной формы). Институционально оформленные агломерации с четкими функциональными ролями и наличием эффективных форм межмуниципального взаимодействия становятся полюсами роста региона.

3. Территории региона, не включенные в агломерации, должны быть зоной выравнивания (а также повышенного регионального внимания и дополнительных инвестиций), в них по необходимости можно создавать искусственные субрегионы. Ключевым здесь является вопрос специализации субрегиона, которая позволит целенаправленно комплексно развиваться группе муниципальных образований. В связи с этим для таких субрегионов подходит кластерная модель развития (агрокластер, туристический кластер и др.), что поможет определить функциональные роли муниципалитетов субрегиона, привлечь дополнительные инвестиционные средства, организовать межмуниципальное сотрудничество. При отсутствии явной специализации формой субрегиона может служить программный субрегион, искусственно формирующийся в рамках региональной политики развития комплекса муниципальных образований (например, депрессивные территории, периферийные районы и др.).

4. Основой развития и естественных, и искусственных субрегионов является межмуниципальное сотрудничество. Любой субрегион – это форма объединения муниципалитетов, долгосрочная эффективность такого объединения обеспечивается не только вниманием и инвестициями региональных властей, но и тем, как организовано в нем межмуниципальное сотрудничество.

Реализация подхода на примере Республики Башкортостан представлена на *рисунке 2*. Особенностью Республики Башкортостан выступает объективное формирование четырех агломераций (Уфимская агломерация; Южно-Башкортостанская агломерация; Нефтекамская агломерация; Октябрьский – Туймазинская агломерация), относительно удаленных друг от друга, формирующих фактически «опорный квадрат» экономического развития региона в центре и на западе республики. В агломерациях сосредотачивается основная часть промышленного производства, инвестиций, рабочих мест; их формирование является объективным процессом.

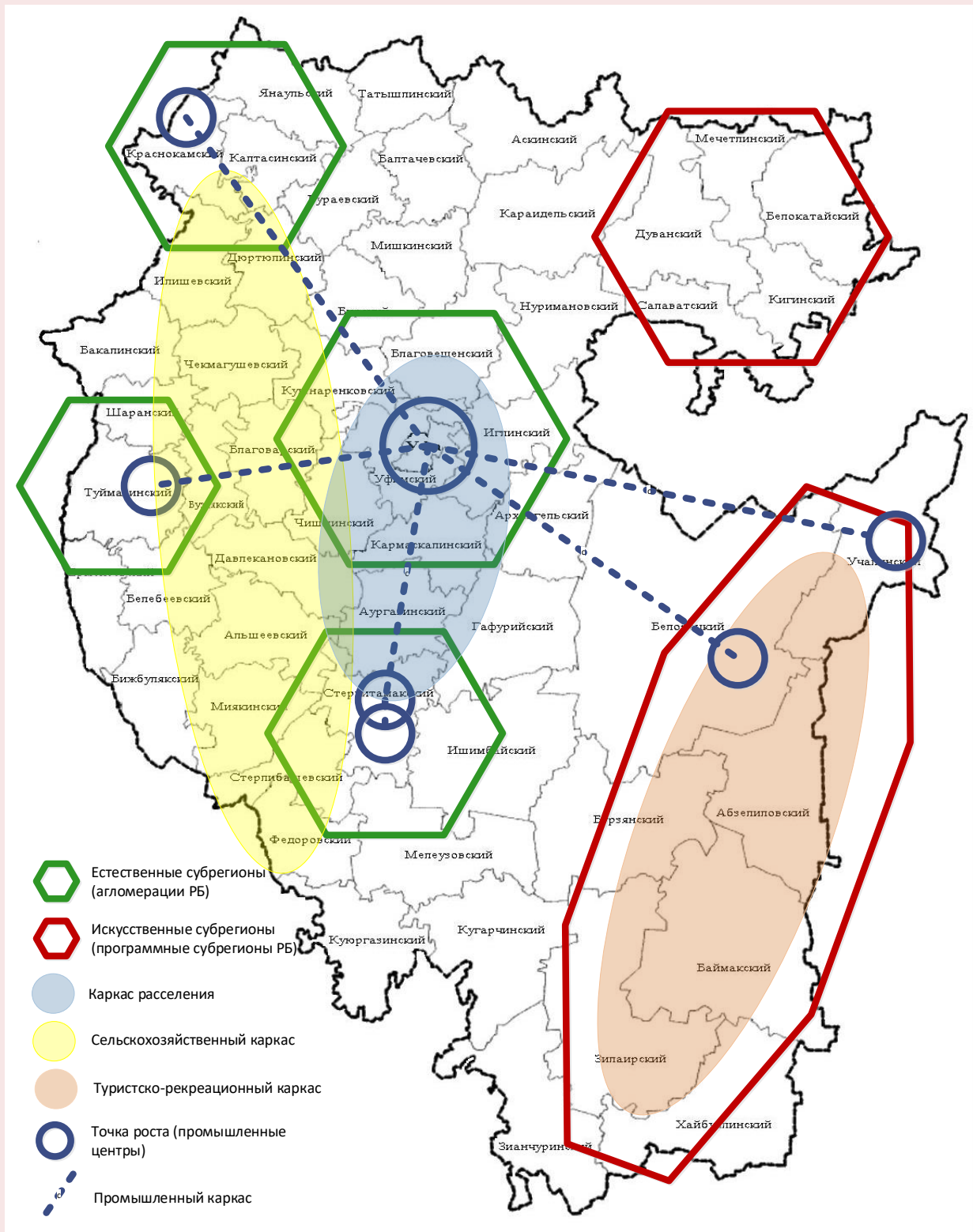
На правой части карты (см. рис. 2) располагаются традиционно депрессивные территории. В 2011 году были разработаны и приняты программы развития двух субрегионов Республики Башкортостан – Зауралья и северо-восточных районов, к которым относятся выделенные территории. Целями программ выступили создание благоприятных условий для экономики и социальной сферы при бережном отношении к природным ресурсам (Северо-Восток) и устойчивое социально-эколого-экономическое развитие территорий для улучшения качества жизни населения (Зауралье). Эти программы стали первой попыткой политической концентрации внимания на проблемах разбалансировки развития территорий Республики Башкортостан, создания точек роста.

Рассмотрим, как за последние 10 лет трансформировался ряд пространственных каркасов республики.

Промышленный каркас региона образуется за счет крупных и средних предприятий, которые влияют на экономическое развитие. Оценить его можно как по количеству предприятий, так и по результатам их деятельности. Промышленный каркас Республики Башкортостан с каждым годом все больше «сжимается» вокруг столицы. Если в 2010 году в столице было сосредоточено 56% всего объема производства, то в 2019 году – уже 61%. Доля Уфимской агломерации выросла с 61,6 до 65,3%. Фактически на долю всех четырех агломераций (включающих 17 муниципальных образований) приходится 90,2% всей экономической деятельности республики. Доля остальных 45 муниципалитетов за последние 10 лет снизилась с 11,6 до 9,8%.

Рисунок 2. Пространственное развитие Республики Башкортостан

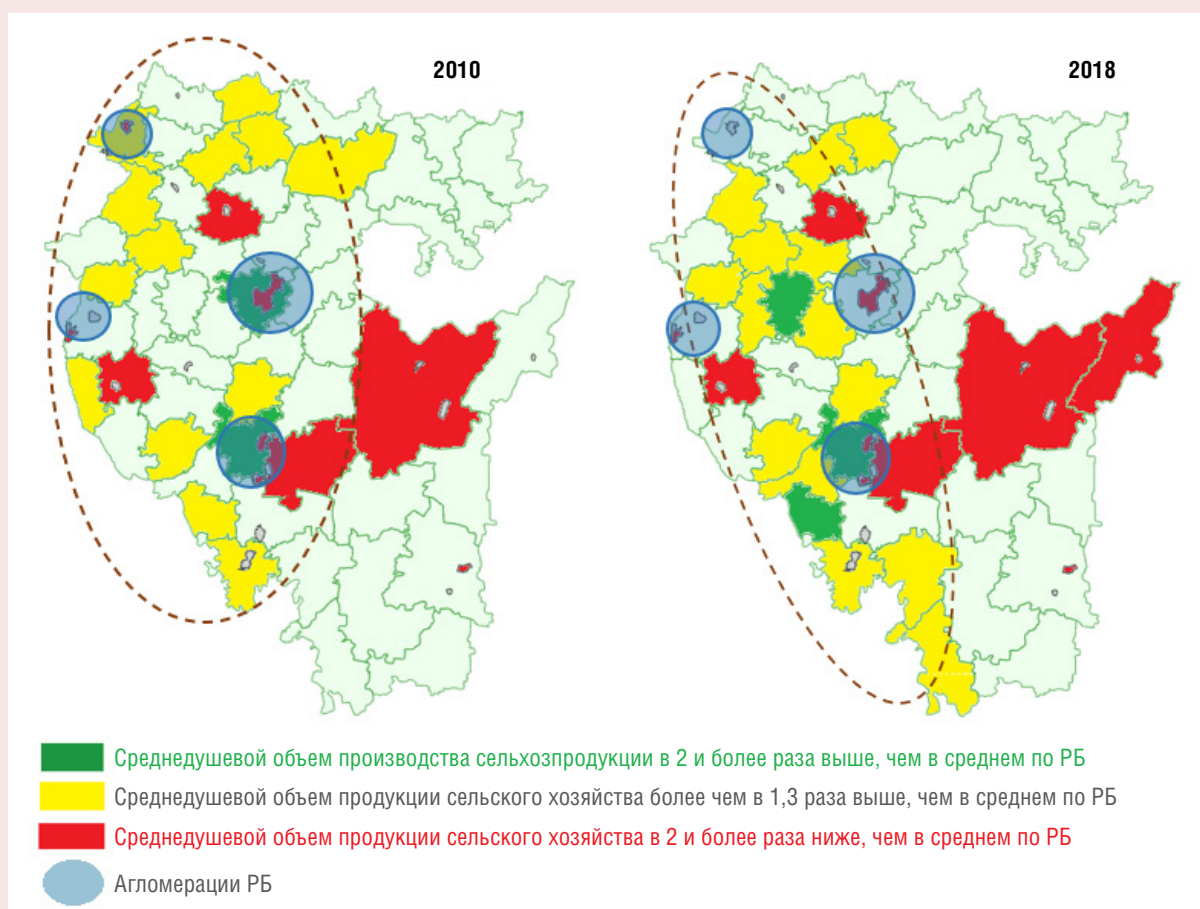
Источник: составлено авторами.

Кроме того, ситуация с территориальным размещением инвестиций усиливает межмуниципальные диспропорции. Например, анализ крупнейших инвестиционных проектов, реализованных в Республике Башкортостан, показывает, что все они приходятся либо на крупнейшие городские округа (5 из 12 проектов), либо на территории, расположенные рядом с крупными городами. Подобные решения территориального размещения крупнейших инвестиционных проектов понятны и очевидны – инвестор выбирает территории со сложившейся инфраструктурой и более благоприятными условиями для бизнеса. Но, тем не менее, это также сказывается на перспективе дальнейшей сегрегации территорий по уровню социально-экономического развития.

Сельскохозяйственный каркас региона характеризуется размещением в его пределах ареалов распространения различных культур или видов сельхозпроизводства [21]. В исследованиях используются разные показатели сельскохозяйственной специализации региона в статике и динамике, в нашем случае рассмотрено территориальное производство сельхозпродукции, скорректированное на душу населения по муниципалитетам республики (рис. 3).

Красная зона низких значений производства сельхозпродукции за последние девять лет не изменилась – это все городские округа Республики Башкортостан и промышленно развитые муниципальные районы, на территориях которых есть городские поселения. Интересна пространственная трансформация лидеров

Рисунок 3. Объем продукции сельского хозяйства на душу населения по муниципальным районам и городским округам Республики Башкортостан

Источник: составлено на основе информации Базы данных муниципальных образований Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm>

сельхозпроизводства республики. Из рисунка 3 видно, что сельскохозяйственный каркас за эти годы «вытянулся» вдоль крупнейших агломераций, обеспечивая их производством сельхозпродукции.

Каркас расселения населения формируется как иерархическая система поселений, где ядрами являются агломерации, в которых ведущую роль играют крупнейшие и крупные города [22].

В четырех агломерациях Республики Башкортостан в 2019 году проживало почти $\frac{2}{3}$ населения региона (62,1%, в 2006 году – 57,9%), в том числе в Уфимской агломерации – 36,5% (32,7% в 2006 году; *таблица*). При этом численность и доля жителей депрессивных территорий снизились, что свидетельствует о перетоке населения Республики Башкортостан из депрессивных и приграничных территорий в крупнейшие города и агломерации. Это можно проиллюстрировать через миграционные потоки в регионе. В период 2010–2019 гг. суммарный положительный миграционный прирост был характерен только для 5 из 54 районов республики, все они расположены рядом с крупнейшими городами (Уфа, Стерлитамак). В остальных районах наблюдался отток насе-

ления, причем чем дальше муниципальный район находится от столицы, тем значительнее отток.

Направления пространственного развития Республики Башкортостан на основе методологического подхода

Рассмотрим реализацию предложенного методологического подхода применительно к Республике Башкортостан. Весь комплекс общих направлений пространственного развития представлен на *рисунке 4*.

Весь комплекс направлений разделен на три части: общие направления, естественные (агломерации) и искусственные (программные субрегионы и депрессивные территории) субрегионы.

Общие мероприятия

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р была утверждена Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, в которой указано, что «целью пространственного развития страны является обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни

Численность населения в группах муниципальных образований Республики Башкортостан, чел.

	2006	2010	2014	2019
Агломерации				
Уфимская	1323510	1331367	1415783	1472800
<i>Доля в общей численности региона, %</i>	32,7	32,9	34,9	36,5
Южно-Башкортостанская	552797	554384	563236	559280
<i>Доля в общей численности региона, %</i>	13,7	13,7	13,9	13,9
Нефтекамская	224922	227146	225811	225529
<i>Доля в общей численности региона, %</i>	5,6	5,6	5,6	5,6
Октябрьский – Туймазинская	236990	240764	244302	246531
<i>Доля в общей численности региона, %</i>	5,9	5,9	6,0	6,1
Депрессивные территории				
Зауралье (7 муниципальных районов и 1 городской округ)	339962	344271	329253	320572
<i>Доля в общей численности региона, %</i>	8,4	8,5	8,1	7,9
Северо-Восток (8 районов)	200123	198640	184050	174500
<i>Доля в общей численности региона, %</i>	4,9	4,9	4,5	4,3
Периферийные территории – районы на границе Республики Башкортостан (18 районов)	623643	615958	578134	548267
<i>Доля в общей численности региона, %</i>	15,4	15,2	14,3	13,6
Источник: рассчитано на основе информации Базы данных муниципальных образований Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm				

Рисунок 4. Направления повышения сбалансированности пространственного развития Республики Башкортостан

Источник: составлено авторами.

населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также обеспечение национальной безопасности страны»³. Вполне логично, что эту цель следует декомпозировать для регионов, пространствен-

ное развитие которых должно быть направлено на сокращение межмуниципальных различий, обеспечение их экономической безопасности.

В ряде субъектов Федерации направления пространственного развития определялись в рамках разработки стратегий социально-экономического развития. В Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года не описано

³ Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р (ред. от 31 августа 2019 г.) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

комплексное пространственное развитие региона на долгосрочную перспективу. Есть раздел «Сбалансированное развитие территорий»⁴, где перечислены направления по снижению дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований, носящие общий, неконкретный характер. Также в Стратегии указаны перспективы развития только двух агломераций: Уфимской и Южно-Башкортостанской, определена необходимость организации в них межмуниципального сотрудничества и схем их территориального планирования.

В целом нужна стратегия (концепция, программа) пространственного развития региона, которая бы учитывала неоднородность экономического развития муниципальных образований Республики Башкортостан и определяла направления развития текущих функциональных (субрегионы, зоны территориального развития и др.), каркасных (опорный каркас и ось развития), система расселения, транспортные узлы), кластерных (промышленные, туристские, инновационные) и административных (муниципалитеты) моделей пространственного развития Республики Башкортостан.

Направления развития естественных субрегионов Республики Башкортостан

1. Институциональное закрепление статуса и состава агломераций.

На сегодня конкретных нормативных актов, подтверждающих официальное существование агломераций республики, нет. В отдельных документах упоминаются Уфимская (1 город и 6 районов) и Южно-Башкортостанская⁵ (или Стерлитамакская⁶) агломерация (2 города, 2 района), все четыре агломерации названы в Схеме территориального планирования Республики Башкортостан⁷.

⁴ Постановление Правительства Республики Башкортостан от 20 декабря 2018 г. № 624 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года».

⁵ Там же.

⁶ Распоряжение Правительства Республики Башкортостан от 12 декабря 2018 г. № 1282-р «Паспорт регионального проекта „Программа дорожной деятельности Республики Башкортостан, Уфимской агломерации и Стерлитамакской агломерации”».

⁷ Постановление Правительства Республики Башкортостан от 05 августа 2015 г. № 289 (ред. от 02 августа 2019 г.) «Об утверждении Схемы территориального планирования Республики Башкортостан до 2020 года».

Необходимо принять нормативные документы, закрепляющие статус агломераций, которые, в свою очередь, послужили бы основой для заключения межмуниципальных соглашений, соглашений между органами государственной власти субъекта РФ и органами местного самоуправления, между органами агломерации и хозяйствующими субъектами. При этом формирование органов управления агломерацией не является обязательным условием, однако повышает эффективность межтерриториального взаимодействия.

2. Формирование стратегии развития агломераций.

Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» не предусматривает наличие такого документа, как «стратегия социально-экономического развития агломерации», хотя не запрещает ее разработку в качестве стратегии развития части территории субъекта Российской Федерации, к которой могут быть отнесены агломерации. Тем не менее стратегий развития агломераций в России практически нет, можно отметить только некоторые подвижки в этом направлении в ряде регионов. Например, в Саратове прошла серия стратегических сессий в рамках подготовки Стратегии развития Саратовской агломерации до 2030 года. Вместе с тем существует ряд документов, носящих статус концепций развития агломераций (Барнаульская, Сургутская, Самарско-Тольяттинская, Ставропольская и др.), которые, по сути, не являются документами стратегического планирования в трактовке федерального законодательства. Тем не менее само наличие таких документов определяет направление развития агломераций и встраивание их в общее видение пространственного развития региона.

3. В рамках стратегий агломераций необходимо осуществить переоценку функциональных ролей агломерации, определение промышленных зон и зон рекреации.

Если официально оформить агломерацию и организовать эффективное межмуниципальное сотрудничество в ней, будет происходить комплексное развитие всего агломерационного ареала с учетом конкурентных преимуществ каждой из территорий, входящих в состав агломерации, на основе единых стандартов [23].

В связи с этим одной из возможностей экономического развития в рамках агломерации может служить переоценка ее функциональных ролей, например вынос промышленных предприятий за черту города, организация рекреационных зон внутри агломерации, создание объектов транспортной и коммунально-хозяйственной инфраструктуры.

4. Организация межмуниципального сотрудничества.

Для агломераций оно выражается в необходимости снижения отрицательных агломерационных эффектов. В частности, для Уфимской агломерации в результате процессов субурбанизации численность населения соседнего со столицей Иглинского района за 2010–2019 гг. увеличилась на 133,1% (с 48,9 до 65,1 тыс. чел.), тогда как налоговые и неналоговые доходы района выросли всего на 126% (в ценах 2010 года). Соответственно, бюджетная обеспеченность населения за счет собственных налоговых и неналоговых доходов Иглинского района за 9 лет снизилась с 4,13 до 3,91 тыс. руб./чел. Это говорит о том, что вместе с ростом численности населения значительно возросла и социальная нагрузка на местный бюджет, хотя собственные средства муниципалитета в сопоставимых цифрах не увеличились. Следовательно, столице необходимо компенсировать дополнительные расходы муниципалитетов путем организации межмуниципальных социальных проектов.

Направления развития искусственных субрегионов

1. Продление действующих субрегиональных программ Республики Башкортостан.

Как было указано ранее, в 2011 году в Республике Башкортостан были разработаны и приняты две программы развития субрегионов – Зауралья и северо-восточных районов. К одной из недоработок программ можно отнести их среднесрочный характер. В течение 4–5 лет нельзя ожидать ускоренного экономического роста на территориях, в которых долгое время отсутствовали возможности и внутренняя мотивация экономического развития. Такие программы должны носить долгосрочный характер, мероприятия необходимо реализовывать в течение 10 лет и более, что позволит качественно изменить ситуацию на территории. Частично это было подтверждено продлением данных программ в 2015–2016 гг. до 2020 года.

2. Организация межмуниципального сотрудничества.

Для искусственных субрегионов межмуниципальное сотрудничество является основой развития. Как правило, депрессивные, периферийные территории не имеют достаточных собственных средств для финансирования крупных проектов, решать инфраструктурные проблемы они могут только сообща, за счет консолидации ресурсов нескольких бюджетов.

Например, структура доходов г. Уфы в разрезе «налоговые доходы : неналоговые доходы : безвозмездные поступления» выражается в следующих цифрах: 36% : 12% : 52%, районы Уфимской агломерации без учета столицы 30% : 4% : 66%, тогда как в традиционно депрессивных районах Зауралья Республики Башкортостан процент соотношения 27% : 3% : 70%, Северо-Востока 22% : 1% : 77%. Депрессивные территории не могут осуществлять даже треть расходных обязательств за счет собственных средств, они функционируют в основном за счет перераспределения доходов из вышестоящих бюджетов. И межмуниципальное сотрудничество может служить эффективным механизмом решения совместных задач развития.

Прежде всего это касается межмуниципальной кооперации, целью которой является объединение финансовых средств, материальных и иных ресурсов для решения вопросов местного значения. В основном потребность в межмуниципальной кооперации у муниципалитетов возникает в сферах муниципального хозяйства и оказания муниципальных услуг, требующих больших объемов инвестиций, а также в сферах, где вопросы невозможно решить за счет средств местного бюджета.

3. Экономический инструментарий развития депрессивных территорий.

Существует множество теоретических подходов, методических и практических рекомендаций к всевозможным вариантам экономического развития слаборазвитых территорий. Касательно Республики Башкортостан важно определить направления развития муниципалитетов, не входящих в агломерации, например оценив их специализацию, сравнив структуру объема отгруженной продукции, работ и услуг по видам экономической деятельности, или по другим многочисленным методикам оценки специализации. К инструментам развития

депрессивных территорий можно отнести экономические проекты по развитию агропромышленного потенциала, экологически ориентированные проекты развития, развитие туристско-рекреационной сферы и др.

Наиболее перспективными направлениями развития депрессивных территорий Республики Башкортостан с учетом имеющегося природно-климатического потенциала и ресурсов являются развитие сельского хозяйства в северо-восточных районах и совершенствование туристско-рекреационной сферы в Зауралье Республики Башкортостан.

Сельскохозяйственная отрасль Республики Башкортостан — одна из самых перспективных в регионе. По производству сельскохозяйственной продукции в 2019 году республика в стране занимала седьмое место, второе — по производству молока, первое — по производству меда, третье — по поголовью крупного рогатого скота, четвертое — по валовому сбору картофеля и др. В настоящее время доля сельского хозяйства в ВРП республики составляет 6,0%, но этот показатель ежегодно снижается. Несмотря на достаточно большие объемы инвестиций в депрессивные территории, объемные и стоимостные показатели развития сельского хозяйства на них уменьшаются.

Новые направления развития сельского хозяйства депрессивных территорий должны быть ориентированы как на новую волну импортозамещения, связанную с последствиями распространения коронавирусной инфекции COVID-19, так и адаптацию отрасли к современным требованиям всеобщей цифровизации.

В отношении первого нужно отметить, что ситуация с COVID-19 может стать шансом увеличить поставки сельхозпродукции внутри страны в регионы с более низким уровнем самообеспечения. Однако в республике есть проблемы наличия полного заверщенного цикла, в частности не хватает предприятий переработки сельскохозяйственной продукции по «замкнутому циклу», логистических центров районного и межрайонного масштаба. В связи с этим особую актуальность приобретают крупномасштабные проекты регионального значения, например создание агропромышленного кластера северо-восточных районов Республики Башкортостан, где существует большой потенциал развития сельского хозяйства, но

отсутствуют внутренние потребители. Кластер объединит товаропроизводителей, переработчиков и торговый сектор, обеспечивая кумулятивный эффект взаимодействия агробизнеса и других связанных с ним структур. Проект получит развитие лишь в том случае, если будет организовано межрегиональное и межмуниципальное сотрудничество с соседними субъектами Федерации (Свердловская и Челябинская области) как потребителями сельхозпродукции. С учетом реалий на мировых рынках сельскохозяйственной продукции разработка якорных проектов по организации крупных товарных рынков при наличии значительного потенциала республики представляется весьма перспективной.

В отношении второго в регионе пока отсутствуют проекты по цифровизации сельского хозяйства. Даже в Стратегии-2030 Республики Башкортостан только лишь упоминается о необходимости повышать эффективность отрасли за счет внедрения инновационных и наукоемких технологий, в частности роста количества инновационных разработок в отрасли с 5 до 50 за 2016—2030 гг. Но для этого нужен качественно иной подход к управлению, следует решить проблему программного обеспечения агрономов и поиска специалистов, способных применять IT-технологии в сельском хозяйстве. Кадровое и ресурсное обеспечение отрасли — также одна из первостепенных задач стратегического развития отрасли.

Вторым перспективным направлением развития депрессивных территорий Республики Башкортостан выступает развитие туристско-рекреационной сферы. В целом туристическая отрасль республики является одной из наиболее динамично развивающихся: за период 2010—2019 гг. количество коллективных средств размещения в регионе увеличилось в 1,4 раза, число размещенных в них лиц — в 1,7 раза, баз отдыха — более чем в 2,0 раза, туристических баз — в 5,0 раз. По численности лиц, лечившихся и отдохнувших в санаторно-курортных организациях, организациях отдыха и на туристских базах, в 2019 году Республика Башкортостан лидирует среди регионов ПФО.

Для республики развитие туризма и рекреации является очень важным инструментом снижения диспропорций межмуниципального развития. Связано это с тем, что наиболее привлекательны с точки зрения развития туризма

не муниципалитеты в соседстве с крупнейшими городами, а муниципальные образования традиционно депрессивных субрегионов Республики Башкортостан — Зауралья и Северо-Востока, а также территории, в которых есть природные парки и иные природные достопримечательности. Например, именно туризм, а не сельское хозяйство, становится «спасательным кругом» экономического развития второй депрессивной зоны республики — Зауралья. Наличие на данной территории Башкирского и Южно-Уральского государственных природных заповедников, заповедника «Шульган-Таш», природного парка «Иремель», государственных природных заказников, более 30 памятников природы, десятков туристических маршрутов, крупнейших санаториев, горнолыжных курортов и других достопримечательностей делает эту территорию очень перспективной с точки зрения туристической привлекательности.

Определенные действия со стороны региона по этой проблеме уже начаты, в настоящее время формируется документация по созданию особой экономической зоны туристско-рекреационного типа «Урал».

Однако возникают проблемы обеспечения туристических объектов необходимой инфраструктурой (транспорт, гостиницы, развлечения), недостатка квалифицированных кадров, развитой предпринимательской и правовой среды на территории. Формирование этих условий является базовым требованием для привлечения резидентов и туристов.

4. Всеобщая цифровизация отдаленных территорий, стимулирование развития удаленной занятости и самозанятости населения.

Отдельно необходимо отметить особую важность цифровизации отдаленных от крупных экономических центров территорий (периферия республики, депрессивные территории). Для депрессивных муниципальных образований в условиях дифференциации и неравномерности внутрирегионального развития цифровизация является важным фактором выравнивания их социально-экономического положения.

Проблема отсутствия рабочих мест в депрессивных территориях частично снижается, если в муниципальном образовании есть возможности (прежде всего цифровая доступность) для обеспечения удаленной работы. Спе-

циалисту с имеющимися знаниями и навыками (которые также можно получить удаленно) не обязательно ехать в столицу или крупные города (даже в административные центры муниципальных районов), когда можно профессионально развиваться, не покидая сельского поселения. При этом он будет получать заработную плату, возможно, и ниже уровня столицы, но не меньше средней по муниципалитету.

Как следствие, в депрессивных территориях может возникнуть прослойка платежеспособного населения, готового приобретать товары и услуги. В свою очередь вслед за возникшим спросом в депрессивных муниципалитетах начнет появляться предложение, будут открываться магазины, предприятия по оказанию услуг, которые создадут новые рабочие места. Естественно, это зависит от цифровизации отдаленных территорий, доступности для населения интернет-технологий и возможности приобрести средства для работы в интернете. Экономические последствия для территорий возникнут не сразу, однако в целом эта тенденция положительная и может привести к тому, что некоторые депрессивные районы перестанут быть таковыми, а привлекательных мест для жизни в Республике Башкортостан станет больше.

Заключение

Идея выделения опорного каркаса / точек / полюсов роста региона и выравнивания остальной территории не нова и в теории так или иначе реализуется в каждом субъекте. Но, как показывает практика, и региону, и частным инвесторам гораздо выгоднее поддерживать развитие точек роста: агломераций, особых экономических зон, территорий опережающего социально-экономического развития и др., поскольку они приносят конкретные экономические результаты и обеспечивают конкурентоспособность региона. Политика снижения социально-экономического неравенства не так эффективна, либо ее результаты носят долгосрочный характер, немного превышающий горизонты политического планирования. Но, тем не менее, выравнивание развития территорий необходимо, так как экономическая сегрегация напрямую влияет на равенство социальных возможностей населения.

В этом плане выделение естественных и искусственных субрегионов и реализация в них специфических мер региональной политики

позволят сбалансировать пространственное развитие региона. Конечно, необходимо учитывать особенности и проблемы конкретного субъекта Федерации, что обуславливает применение различных инструментов и методов государственного воздействия.

В статье предложены инструменты региональной политики, с помощью которых можно обеспечить сбалансированное развитие территорий внутри естественных субрегионов, являющихся объективными полюсами роста (агломерации, особые экономические зоны, территории опережающего социально-экономического развития). С другой стороны, они стимулируют экономическое саморазвитие депрессивных и периферийных территорий и, как следствие, – решение социальных проблем населения.

В целом научная значимость исследования состоит в развитии теоретических и методологических положений относительно совершенствования пространственной политики региона с точки зрения обеспечения сбалансированности внутрирегионального развития. Практическую значимость имеет обоснование перспективных направлений региональной политики пространственного развития Республики Башкортостан, которые могут быть использованы государственными и муниципальными органами власти в качестве информационной и методологической базы при разработке стратегических и программных документов развития Республики Башкортостан и ее муниципальных образований, а также применяться в других регионах с учетом особенностей их пространственного развития.

Литература

1. Christaller W. *Central Places in Southern Germany*. New Jersey: Prentice-Hall, Englewood Cliffs, 1966. 154 p.
2. Berry B.J.L., Garrison W.L. Alternate explanations of urban rank size relationships. *Annals of the Association of American Geographers*, 1958, no. 48, pp. 83–91.
3. Toyne P., Newby P. *Techniques in Human Geography*. Macmillan, 1971. 187 p.
4. Perroux François. *L' économie du XX siècle. Presses universitaires de France*, 1961. 598 p.
5. Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. М.: URSS, 2002. 309 с.
6. Носонов А.М. Теории пространственного развития в социально-экономической географии // Псковский регионологический журнал. 2011. № 11. С. 3–16.
7. Смирнов И.П. Средние города Центральной России. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2019. 165 с.
8. Хорев Б.С. Проблемы городов (урбанизация и единая система расселения в СССР). М., 1975. 355 с.
9. Лаппо Г.М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Сер. географическая. 1983. № 5. С. 16–28.
10. Кудрявцев О.К. Каркас расселения в СССР: генезис и форма // Известия АН СССР. Сер. географическая. 1982. № 2. С. 12–23.
11. Чистобаев А.И., Красовская О.В., Скатерщиков С.В. Территориальное планирование на уровне субъектов России. СПб., 2010. 296 с.
12. Яковлева С.И. Каркасные модели в региональных схемах территориального планирования // Псковский регионологический журнал. 2013. № 15. С. 15–25.
13. Faulkner J.-P., Murphy E., Scott M. Developing a holistic 'vulnerability-resilience' model for local and regional development. *European Planning Studies*, 2020, no. 28 (12), pp. 2330–2347. DOI: 10.1080/09654313.2020.1720612
14. Albrechts L., Barbanente A., Monno V. Practicing transformative planning: the territory-landscape plan as a catalyst for change. *City, Territory and Architecture*, 2020, vol. 7, no. 1. DOI: 10.1186/s40410-019-0111-2
15. Kogut-Jaworska M., Ociepa-Kicińska E. Smart specialisation as a strategy for implementing the regional innovation development policy. Poland case study. *Sustainability (Switzerland)*, 2020, vol. 12 (19), no. 7986, pp. 1–21.
16. Tao M., Huang Y., Tao H. Urban network externalities, agglomeration economies and urban economic growth. *Cities*, 2020, vol. 107, pp. 102–882.

17. Muroishi M., Yakita A. Agglomeration economies, congestion diseconomies, and fertility dynamics in a two-region economy. *Letters in Spatial and Resource Sciences*, 2021. DOI: 10.1007/s12076-020-00264-z
18. Fu Y., Zhang X. Mega urban agglomeration in the transformation era: Evolving theories, research typologies and governance. *Cities*, 2020, vol. 105, no. 102813. DOI: 10.1016/j.cities.2020.102813
19. Islam T.M.T. The impact of population agglomeration of an area on its neighbors: evidence from the USA. *Annals of Regional Science*, 2020, vol. 65 (1). DOI: 10.1007/s00168-019-00971-6
20. Тажитдинов И.А. Субрегион как особое звено территориально-экономической системы: сущность, особенности функционирования и управления // Вестник УГАТУ. Экономика и управление народным хозяйством. 2013. Т. 17. № 1 (54). С. 191–197.
21. Гатауллин Р.Ф. Формирование новой каркасной модели пространственного развития как результат трансформации разноуровневых территориальных систем // Вестник Евразийской науки. 2020. № 2. URL: <https://esj.today/PDF/32ECVN220.pdf> (дата обращения 15.01.2021). DOI: 10.15862/32ECVN220
22. Гайнанов Д.А., Тажитдинов И.А., Закиров И.Д. Методические аспекты стратегического управления развитием муниципального образования // Известия УФИЦ РАН. 2011. № 2. С. 76–82.
23. Мавлютов Р.Р. Пространственное развитие крупных городов России в период постиндустриального перехода. Волгоград: ВолгГАСУ, 2015. 161 с.

Сведения об авторах

Дамир Ахнафович Гайнанов – доктор экономических наук, профессор, директор, Институт социально-экономических исследований, УФИЦ РАН (450054, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, пр. Октября, д. 71; e-mail: 2d2@inbox.ru)

Ринат Фазлудинович Гатауллин – доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором, Институт социально-экономических исследований, УФИЦ РАН (450054, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, пр. Октября, д. 71; e-mail: gataullin.r2011@yandex.ru)

Айсылу Гарифулловна Атаева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований, УФИЦ РАН (450054, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, пр. Октября, д. 71; e-mail: Ice_lu@mail.ru)

Gainanov D.A., Gataullin R.F., Ataeva A.G.

Methodological Approach and Tools for Ensuring Region's Balanced Spatial Development

Abstract. Due to the concentration of labor, financial, and other resources in agglomerations and “denudation” of regions’ periphery, a number of significant problems are becoming more acute in the transformation process of spatial economic structure. Such problems threaten the balance of intra- and interregional development. One of them is an important differentiation of Russian regions’ municipalities in terms of socio-economic development level. There is a dilemma of choosing the regional spatial policy vector: either to support the growth points’ development (agglomerations, special economic zones, territories of advanced socio-economic development), or to reduce socio-economic inequality through additional support for the periphery development. Using the integration of the concepts of the reference frame and sub-regional approach, the research proposes a methodological approach to the balanced spatial development of the region. On the region’s territory, the research distinguishes natural sub-regions, which are the elements of the territory’s reference economic frame, and artificial sub-regions, which are based on inter-municipal cooperation. The essence of the approach is to establish balance between regulation of natural economic processes in the region (for example, institutionalization and reduction of agglomerations’ negative effects) and state support for depressed territories’ development

(for example, program sub-regions' formation). Its usage in the regional management practice allows forming methodological basis for working out strategic documents for the region's spatial development, economic, organizational, institutional, and social instruments of regional policy. The work presents a set of tools for improving the spatial development balance of the Republic of Bashkortostan, related to the development of natural sub-regions which are already objective growth points in the region, as well as aimed at stimulating the economic self-development of depressed and peripheral territories of the Republic of Bashkortostan.

Key words: spatial development, reference frame, settlement frame, sub-regional approach, program sub-region, agglomeration, municipality, central place theory, theory of development poles.

Information about the Authors

Damir A. Gainanov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director, Institute for Socio-Economic Research of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (71, October Avenue, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; e-mail: 2d2@inbox.ru)

Rinat F. Gataullin – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Sector, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (71, October Avenue, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; e-mail: gataullin.r2011@yandex.ru)

Aisylu G. Ataeva – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (71, October Avenue, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; e-mail: Ice_lu@mail.ru)

Статья поступила 22.01.2021.

DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.6

УДК 338.23(98):327(98), ББК 65.050.11(001):66.4(001)

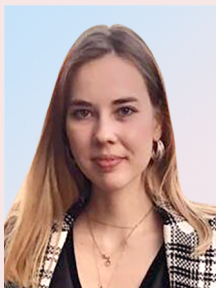
© Иванова М.В., Козьменко А.С.

Пространственная организация морских коммуникаций Российской Арктики*

**Медea Владимировна
ИВАНОВА**

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина ФИЦ КНЦ РАН
Апатиты, Российская Федерация
e-mail: mv.ivanova@ksc.ru
ORCID: 0000-0002-6091-8804; ResearcherID: AAO-1462-2020

**Арина Сергеевна
КОЗЬМЕНКО**

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина ФИЦ КНЦ РАН
Апатиты, Российская Федерация
e-mail: kozmenko_arriva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3623-308X

Аннотация. Новые планы развития Российской Арктики предопределены как изменениями во внешней экономической среде, так и внутренней политикой государства. В мае 2018 года Президент РФ В.В. Путин озвучил новые ориентиры развития Северного морского пути. Далее были приняты документы стратегического развития Арктической зоны РФ. Как одно из основных направлений в них выделено развитие Северного морского пути в качестве конкурентоспособной на мировом рынке национальной транспортной коммуникации РФ. Целью исследования стало определение роли Северного морского пути в пространственном и социально-экономи-

* Исследование выполнено в рамках темы НИР ИЭП КНЦ РАН № АААА-А18-118051590119-7 «Научные и прикладные основы устойчивого развития и модернизации морехозяйственной деятельности в западной части Арктической зоны Российской Федерации».

Для цитирования: Иванова М.В., Козьменко А.С. Пространственная организация морских коммуникаций Российской Арктики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 92–104. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.6

For citation: Ivanova M.V., Koz'menko A.S. Spatial management of the shipping routes in the Russian Arctic. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 92–104. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.6

ческом развитии страны в контексте Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Перспективные планы запустили в действие различные экономические, политические и другие общественно значимые процессы в Российской Арктике, что обусловило постановку двух исследовательских задач: в первую очередь рассмотреть основные подходы к пространственной организации регионального хозяйства и представить реализацию положений пространственной экономики на примере Северного морского пути, который фактически является центром «сборки» арктического пространства; во вторую – раскрыть потенциал Северного морского пути как транспортно-логистической магистрали в области транзитных перевозок, транспортировки сырьевых ресурсов, обеспечения жизнедеятельности населения северных регионов в виде северного завоза. В результате исследования определены основные тренды развития Северного морского пути: усиление внутриэкономической политики России, направленной на активизацию бизнес-процессов в Арктической зоне РФ; использование его как международной транзитной магистрали. Анализ данных по транспортировке сырьевых ресурсов и обеспечению северного завоза свидетельствует о том, что внутреннее судоходство в ближайшей перспективе будет доминирующим видом судоходства на Северном морском пути.

Ключевые слова: Арктика, пространственная экономика, Стратегия пространственного развития РФ, Северный морской путь, грузооборот.

Введение

Россия на сегодняшний день является крупнейшим арктическим государством, для которого многоаспектное развитие арктической зоны – это вопрос мирового лидерства в арктической экономике. Данный целевой ориентир ставит вопрос о необходимости применения расширенного научного понимания Арктики для обеспечения региональной устойчивости. Растущий интерес государства к «новому» освоению Арктики подтверждается активизацией законодательной деятельности, разработкой различных стратегических программ, возникновением постоянно действующих дискуссионных площадок и других арктических мероприятий.

Изменения пространственной организации экономики России за последние два десятилетия можно представить как два разнонаправленных вектора. Первый – активная интеграция с 1990-х годов в мировую экономику. Он сопровождался принятием новых правил мировой торговли, существенным изменением в распределении факторов производства, усилением концентрации капитала, научно-технического и инновационного потенциала в крупных городских агломерациях. Второй – усиление системы государственного стратегического планирования и управления, направленной на решение вопросов пространственного и экономического развития страны, в том числе регионов и отдельных отраслей. Данная тенденция

усилилась с 2014 года на фоне изменения международной политики и введения ряда политических, экономических и других ограничений.

Одним из общих направлений, заложенных в стратегических документах развития России, принятых в период с 2014 по 2020 год, является развитие Арктической зоны РФ, в частности Северного морского пути (СМП) как исторически сложившейся национальной транспортной коммуникации Российской Арктики и транзитного коридора глобального значения. Следует подчеркнуть значимость Северного морского пути для регионов, имеющих выход к арктическим морям и большую протяженность береговой линии, с недостаточным развитием системы наземных коммуникаций круглогодичного действия, а также роль морских трасс в тесной связи с внутренними водными путями и меридиональными железнодорожными магистралями Европейского и Азиатского Севера. Геополитическое и транснациональное значение морского судоходства в Арктической зоне определено необходимостью контроля над богатыми природными ресурсами и морскими акваториями, а также транзитным значением СМП как внутреннего маршрута между северо-западными и дальневосточными регионами России. Развитие данного маршрута открывает возможности роста транснациональных транзитных перевозок между европейскими портами и портами Тихоокеанского региона.

Таким образом, сложившиеся тенденции актуализируют научные исследования современного опыта организации экономики на арктической территории РФ сквозь призму развития арктических коммуникаций в акватории Северного морского пути в условиях новой волны промышленного освоения региона.

Методология исследования базируется на общенаучном подходе. Теоретические построения основываются на результатах экспертной оценки отечественных и зарубежных ученых и специалистов в области пространственной экономики. Информационной базой послужили собранные и систематизированные исследования, посвященные вопросам развития Арктики и Северного морского пути, законодательные и нормативные акты Российской Федерации, регламентирующие вопросы государственного регулирования экономики и формирования системы стратегического планирования; информационные и аналитические материалы зарубежных аналитических центров (Центра логистики Крайнего Севера (CHNL)) и государственных органов Российской Федерации.

Теоретическую основу исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых в области пространственной организации хозяйства, экономической истории освоения северных территорий, а также работы, посвященные роли системы коммуникаций в процессе организации региональных рынков при освоении регионального пространства как системного целого (А.Г. Гранберг, П.А. Минакир, А.И. Татаркин и их последователи) [1; 2; 3]. Так, в трудах С.В. Кузнецова, В.С. Селина, Т.В. Усковой представлены основы пространственной организации региональной экономики арктических и северных территорий, вопросы управления и обоснования рациональной организации арктической системы коммуникаций и Северного морского пути [4; 5].

Современный «процесс сборки» арктического пространства России вокруг региональной системы коммуникаций базируется на усилении географической (традиционной), исторической и экономической связи арктического пространства и Северного морского пути. Так, теория новой экономической географии обосновывает ведущую роль коммуникаций в процессе организации региональных рынков, а также при освоении регионального про-

странства как системного целого (П. Кругман, Дж. Харрис, А. Пред) [6; 7; 8; 9]. П. Кругман и его последователи утверждали, что по мере диверсификации региональной системы коммуникаций формируется агломерация, то есть структура обеспечения доступа к рынку. В результате это позволило выявить определенную закономерность: при образовании агломерации большее значение имеет гарантированный доступ к рынку (посредством диверсифицированной системы коммуникаций), чем остальные коммуникативные свойства (эффект от масштаба и/или разнообразия, мобильность факторов производства или доступность путей сообщения). В Арктике особенно ощутимо эффект от диверсификации региональной системы коммуникаций проявляется при транспортировке и перераспределении энергетических ресурсов (нефти) в западном и восточном направлениях при возникающем дефиците этих ресурсов.

Экономическая история хозяйственного освоения северных (арктических) территорий России свидетельствует о том, что без развития арктического мореплавания и организации надежных транспортных связей промышленное освоение Севера было бы невозможно. Геологические открытия в 30-е годы и начало разработок промышленных залежей цветных и драгоценных металлов, угля и нефти, минеральных удобрений (Мончегорск, Кировск, Воркута, Ухта, Амдерма, Игарка, Норильск, Магадан, Певек) требовали организации транспортных сообщений. Рассматривалось два варианта: первый – строительство широтной железной дороги от Мурманска и Архангельска до Лены и Тихого океана, так называемой магистрали трех океанов – «Великого северного пути»; второй – Северный морской путь. Фактически речь шла о двух концепциях освоения Севера: широтной (идея концессионирования) и меридиональной (строительство железнодорожных и речных магистралей, ведущих на внутренние рынки) [10].

В результате 17 декабря 1932 года было принято решение Совета Народных Комиссаров СССР об организации Главного управления Северного морского пути и поставлена задача: «Проложить окончательно северный морской путь от Белого моря до Беренгова пролива, оборудовать этот путь, держать его в исправном

состоянии и обеспечить безопасность плавания по этому пути» («Известия», 21 декабря 1932 г.) [11, с. 3]. Так СМП был вовлечен в сферу общегосударственного экономического и социального развития.

Фактически весь довоенный период освоения Северного морского пути был связан с крупными арктическими экспедициями. Это поход ледокольного парохода «Литке» (1934 г.), высокоширотные экспедиции на ледокольном пароходе «Садко» (1935 и 1936 гг.) [11, с. 12]. На первый план выдвигались экономические и научно-прикладные вопросы по изучению и освоению природных ресурсов. Опыт первых навигаций был востребован в годы Великой Отечественной войны, когда с востока на запад перегонялись военные суда [10].

Послевоенный период характеризовался революцией в области оснащённости арктического флота. В строй были введены мощные дизель-электрические ледоколы «Москва», «Ленинград», а также ледокол «Ленин» с атомной силовой установкой, шесть ледокольно-транспортных судов повышенной проходимости типа «Лена». Строительство таких ледоколов позволило расширить период арктической навигации и, соответственно, пропускную способность Северного морского пути [11, с. 30–31]. На протяжении всего периода развития СМП продолжались экспедиционные научные исследования и хозяйственное освоение труднодоступных территорий.

В период 1970–1980 гг. исследователи выделяют новый этап развития СМП [11], когда на севере Западной Сибири была создана основная нефтедобывающая база страны. Добыча нефти к 1980 году здесь составила больше 1/2, а газа 1/3 всесоюзной добычи. Перевозки по западной части Северного морского пути способствовали поиску газа на полуострове Ямал и в северной части Ямало-Ненецкого округа. Также развитие крупного центра цветной металлургии в Норильске и его связи с другими регионами страны преимущественно водным транспортом обусловили необходимость дальнейшего развития судоходства в северных морях. В ходе экономической экспедиции Сибирского отделения АН СССР по главе с академиком А.Г. Аганбегяном, проведенной в 1980 году вдоль побережья Сибири по трассе СМП, исследовались вопросы создания территориально-производствен-

ных комплексов (ТПК) в высоких широтах, при этом было подтверждено, что перспективы ТПК зависят от их транспортного обеспечения.

Каждый этап хозяйственного освоения труднодоступных территорий Севера ставил перед наукой и промышленностью новые задачи по развитию СМП: расширение сроков навигации на морях Арктики, изменение тактики ледовых проводок, увеличение ледокольного и транспортного флота, обустройство береговой инфраструктуры, совершенствование системы управления.

Современные научные исследования посвящены рассмотрению вызовов и реалий развития Северного морского пути в XXI веке. Так, В.С. Селин анализирует грузопотоки СМП в первую очередь с позиций экспортных поставок на основные мировые рынки [4]. Согласно исследованиям, функционирование СМП на принципах экономической эффективности с учетом ледовой обстановки (необходимости ледокольного сопровождения) возможно при объеме грузовых перевозок не менее 20 млн тонн в год [12]. При этом объем грузоперевозок по СМП в период с 1990 по 2000 год сократился более чем в четыре раза, а в Восточном секторе СМП – в 30 раз (в советское время не превышал 7 млн тонн). В то же время стратегические перспективы развития Северного морского пути большая часть исследователей связывает с освоением новых углеводородных месторождений в арктическом регионе.

Дискурс экспертов в последнее время фокусируется на возможности использования СМП как альтернативы южному пути, перспективах реализации субглобальной стратегии «Один пояс – один путь». По оценке китайских ученых, СМП по сравнению с традиционными морскими путями дает более низкие издержки и может служить в качестве энергетического коридора. Также подчеркивается его стратегическая ценность как катализатора экономической активности и сотрудничества в Северном полушарии [13]. Возможности сопряжения стратегии «Один пояс – один путь» и российского интеграционного проекта Евразийского экономического сотрудничества, а также влияние этого потенциально синхронизированного проекта на дальневосточный сегмент стратегии пространственного развития России оцениваются в работе [2].

СМП в контексте Стратегии пространственного развития

Северный морской путь официально является судоходным путем, соединяющим Северную Европу с Азией. Современные границы СМП определены в Кодексе торгового мореплавания РФ¹ – от Карских Ворот на западе до мыса Дежнева на Востоке – и связаны с ледовой обстановкой в этих районах. СМП – уникальная транспортная магистраль с точки зрения ее геополитического и геоэкономического положения, роли в обеспечении обороноспособности страны, запасов природных ресурсов. Развитие его акватории оказало существенное влияние на экономику, культуру и быт народов Крайнего Севера, в частности малых (ненцев, эвенков, чукчей, коряков, ительменов и других). В различных источниках встречается восприятие Северного морского пути и Северо-восточного прохода как синонимичных понятий, однако следует отметить, что Северо-восточный проход включает в себя Баренцево море и доступ в Мурманский морской порт, таким образом, формируя общий маршрут в российском секторе Арктики между мысом Нордкап и Беринговым проливом.

В контексте Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года² (далее – Стратегия) СМП объединяет арктическое экономическое пространство России. Пространственная организация представляет собой естественно сложившийся порядок пространственного развития регионального хозяйства, который определяется локализацией производительных сил (труда и капитала) и экономических отношений. Согласно Стратегии, сочетание однородных локалитетов воплощается в форме центров, представляющих собой территорию (и прилегающие недра) одного или нескольких муниципальных образований с учетом прилегающей акватории (минерально-сырьевой центр), специализирующихся, соответственно, на высокоэффективном производстве, в пределах которых расположена со-

вокупность разрабатываемых и планируемых к освоению месторождений и перспективных площадей, связанных общей существующей и планируемой инфраструктурой и имеющих единый пункт отгрузки добываемого сырья или продуктов обогащения в федеральную или региональную транспортную систему [14].

В рамках рассматриваемого пространства Стратегией определены геостратегическая территория – АЗРФ и приоритетные минерально-сырьевые центры. Группировка территорий, представленная в Стратегии, связана с изменениями в пространственной организации экономики страны в целом, в частности со смещением производств по добыче углеводородного сырья в малоосвоенные территории Восточной Сибири и Дальнего Востока и акватории шельфов Дальневосточного и Арктического бассейнов. Цели, основные направления и задачи, а также механизмы реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике определены Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164³. Инфраструктурное обеспечение развития минерально-сырьевых центров является основным приоритетом. Становление успешного предпринимательства геостратегических территорий РФ, расположенных в пределах Арктической зоны Российской Федерации, требует дальнейшего развития Северного морского пути как транзитного коридора глобального значения⁴.

Дискуссия о потенциале СМП

Рассмотрим основные направления раскрытия потенциала СМП как транспортно-логистической магистрали в области транзитных перевозок, транспортировки сырьевых ресурсов, обеспечения жизнедеятельности населения северных регионов в виде северного завоза.

В области транзитных перевозок раскрываются возможности участия в международных транспортных связях и развития транспортных услуг в международном бизнесе.

¹ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 05.10.2020).

² Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р (ред. от 31 августа 2019 г.) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

³ Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р (ред. от 31 августа 2019 г.) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

⁴ Проект единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года. URL: <http://government.ru/news/36606/> (дата обращения 30.10.2020).

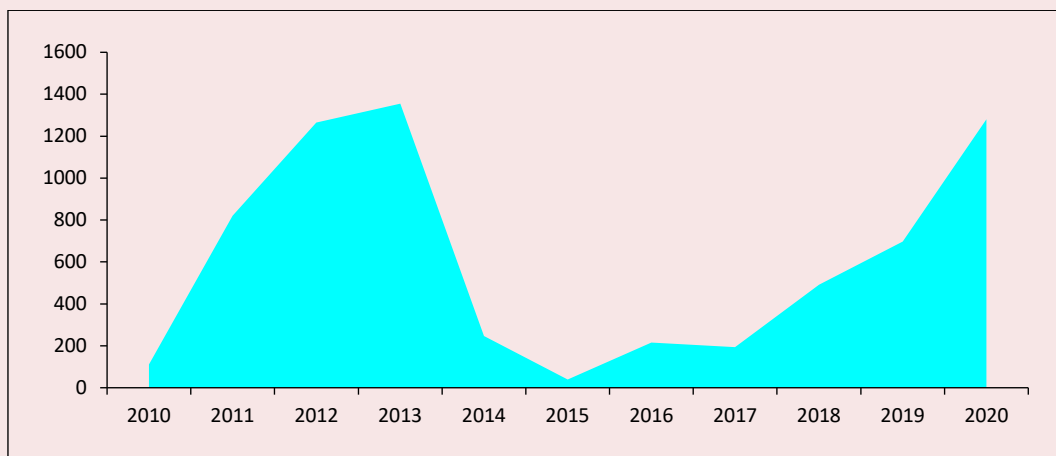

Оценки эффективности арктических перевозок достаточно противоречивы [15; 16]. Эксперты выделяют различные факторы, затрудняющие развитие коммерческого «прохода», например *низкую пропускную способность* (в 2013 году через акваторию СМП прошло 71 судно, через Суэцкий канал примерно столько же судов проходит за двое суток) [17, с. 260]; особые *природно-климатические условия* (мелководность северных морей, низкий температурный режим, как следствие, короткие сроки навигации и необходимость ледокольной проводки) [18, с. 18]; *финансовые факторы* (лоцманский сбор за проход по СМП, оплата ледокольной проводки, совокупные страховые

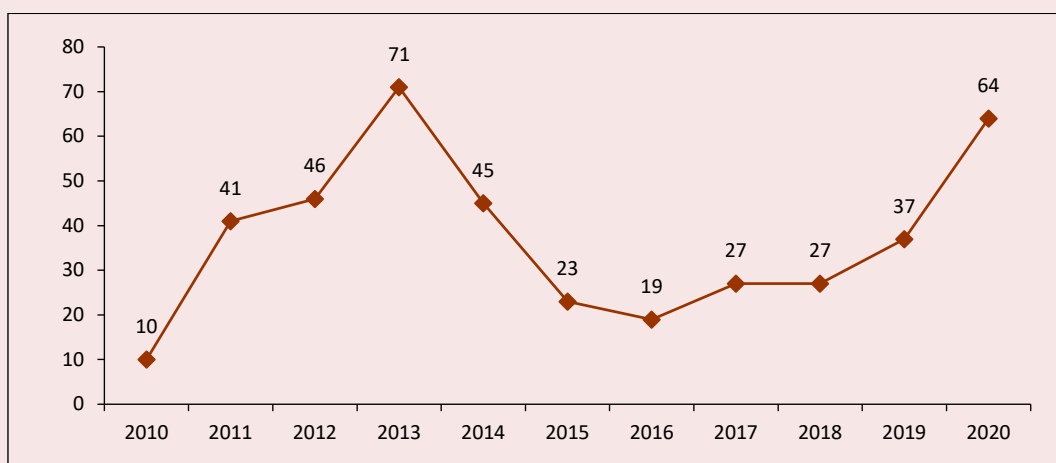
риски), объективно обуславливающие высокий уровень операционных издержек и влияющие на рентабельность доставки грузов по СМП [19].

Объемы транзитных перевозок между Европой и Азией по СМП за последнее десятилетие характеризуются высокой волатильностью. С 2010 по 2013 год наблюдался рост грузопотока, с 2014 года началось резкое сокращение объема транзитных перевозок. По данным статистики, с 2018 года растет количество и транзитных рейсов, и их грузооборот. В 2020 году грузооборот по сравнению с 2019 годом увеличился фактически в два раза, с 697,3 до 1281,01 тыс. тонн (*рисунок А*).

Динамика транзитных грузоперевозок, 2010–2020 гг.

А) Объем международных транзитных перевозок грузов, тыс. т

Б) Число транзитных рейсов, шт.

Источник: The Centre for High North Logistics (CHNL). Available at: <https://chnl.galschjodtdesign.no/?p=2225> (дата обращения 12.02.2021).

При росте объема международных транзитных перевозок грузов количество рейсов (судов) в отдельные периоды увеличивалось непропорционально объемам грузооборота (рисунки А, Б). Например, в 2011–2012 гг. увеличение объема перевезенных транзитом грузов составило 34%, а количества судов – 2,7%. Аналогичная ситуация наблюдалась в 2017–2018 гг., когда при увеличении объемов перевозимых грузов количество судов осталось неизменным. Это объясняется более эффективным использованием судов (меньше балластных переходов – больше «двойных» рейсов). В 2020 году основная доля перевезенных грузов приходилась на железорудный концентрат (1004134 т, в 2019 году – 697277 тонн). В 2019 году совершено 13 рейсов с железной рудой. Среди них шесть судов были из Мурманска и семь из Нунавута (Канада). Трое из них также пошли в обратном направлении с востока на запад (обратные рейсы). Ледовый класс большинства этих судов в основном низкий. Шесть судов имеют класс Ice 2, три судна – Arc 4 и два – Arc 5. Только на двух полное водоизмещение превысило 65 тысяч регистровых тонн, на остальных – от 41 до 44 тысяч тонн. Другие транзитные грузы были перевезены судами, принадлежащими компании COSCO. Восемь судов вместимостью от 22 до 26 тысяч тонн совершили одиннадцать рейсов с востока на запад и в обратном направлении. Следует отметить, что обратные рейсы также были загружены. Всего COSCO перевезла 198451 тонну. Это ветряное оборудование, древесная масса, удобрения и другие генеральные и сыпучие грузы. Порты отправления и назначения в Европе находились в Дании, Финляндии, Литве, Германии и Швеции. Большинство судов без затруднений прошли акваторию СМП. Быстрее всего СМП пересек атомный контейнеровоз «Севморпуть» (5,9 суток), самым медленным оказалось судно «Каллисто» (13,8 суток). Если исключить эти максимальные и минимальные значения, мы обнаруживаем, что в 2020 году транзитные суда пересекали СМП в среднем за 8 дней. При этом ледокольную поддержку использовало только одно судно – «Северный Шпицберген», ходившее в конце июля – начале августа. Несмотря

на положительную динамику, объем транзитных грузов в общем объеме перевозок остается незначительным – около 4%⁵.

В настоящее время однозначную оценку перспективам развития международных транзитных перевозок дать невозможно. Из проанализированного массива работ зарубежных ученых (26) по данному вопросу [15] за период с 1991 по 2013 год о выгодности арктических перевозок сделаны выводы в половине исследований. Другая половина делится на две части: в семи работах авторы пришли к обратным выводам, в шести – противоречивым. Аналогичная ситуация наблюдается в рамках отечественного исследовательского поля. Экономические законы предполагают выбор более дешевого варианта маршрута перевозки груза/товара при прочих равных условиях, поэтому к вышеперечисленным факторам, затрудняющим развитие данного направления, следует добавить особенности функционирования рынка контейнерных перевозок. По оценкам экспертов на рынке контейнерных перевозок до 70% ценообразования происходит на спотовом рынке, где колебание цен доходит до 25%. По данным PWC⁶, в 2018 году грузопоток между Азией и Северной Европой составил 15 млн TEU (условных 20-футовых контейнеров), а общий объем международной морской торговли – 23,1 млн TEU. Соответственно, чтобы «новая» арктическая морская транспортная система заняла свою нишу на мировом рынке, ее оборот должен составлять не менее 2,5 млн TEU. Для того чтобы участники логистического рынка воспринимали новое предложение как конкурентное, оно должно быть на 10% дешевле и на 20% быстрее. В ближайшей перспективе большинство международных экономических агентов не рассматривает арктические маршруты как экономически выгодные.

⁵ По данным Администрации Северного морского пути (10 декабря 2020 года) общий объем перевозок в акватории СМП составил 30 млн 858,7 тыс. тонн, в том числе транзитных грузов 1281 тыс. тонн. Информационно-аналитическое агентство «ПортНьюс». URL: <https://portnews.ru/news/306100/> (дата обращения 12.02.2021).

⁶ На форуме по Арктике взвесили перспективы транзита по Севморпути. URL: <https://sudostroenie.info/novosti/28839.html> (дата обращения 31.03.2021).

В области транспортировки сырьевых ресурсов. Развитие экономики Арктической зоны России основывается на добыче углеводородного сырья и осуществлении геологоразведочных работ, нацеленных на выявление новых районов добычи. Уникальный потенциал углеводородного сырья представлен природным газом, нефтью, природными битумами. Извлекаемые запасы углеводородов на месторождениях, расположенных в Арктической зоне, составляют около 245 млрд т условного топлива. Около 85% указанных запасов сосредоточено в Западно-Сибирской, Тимано-Печорской и Баренцево-Карской нефтегазоносных провинциях (НГП), при этом основная доля запасов (161,7 млрд т условного топлива) приходится на Западно-Сибирскую НГП⁷.

Освоение топливно-энергетических ресурсов в российской части Арктики определяет доминирование российского внутреннего судоходства на СМП по количеству судоходных компаний, судов и рейсов. Российские судоходные компании в 2016–2019 гг. составили 62–73% от всех судоходных компаний, работающих на СМП, и совершили 75–87% всех рейсов. Основной объем грузов приходится на энергоресурсы (СПГ, нефть, уголь) и металлы [20, с. 7, 15].

Европейские компании также участвовали во внутренних морских перевозках по СМП. В общей сложности каждый год работало до 23 компаний, которые за четыре года совершили 269 рейсов. Они предоставили суда для генеральных грузов, балкеры, тяжеловозы и вспомогательные суда для морских операций. Большинство рейсов проходили между Мурманском и Сабеттой, а также между районами Карского моря и Обской губы. Норвежские судоходные компании обслуживали буровые работы в Карском море, а компании из Люксембурга, Нидерландов и Бельгии предоставляли услуги по дноуглублению в Обской губе в 2016–2017 гг. [21].

Объемы добычи и экспорта природных ресурсов оказывают влияние на развитие арктических портов. Грузооборот морских портов Арктического бассейна в 2020 году снизился и

⁷ Катыхева Е.Г. Газовая промышленность российской Арктики // *Neftegaz.RU*. 2020. № 10. Октябрь. URL: <https://magazine.neftgaz.ru/articles/arktika/633267-gazovaya-promyshlennost-rossiyskoy-arktiki/> (дата обращения 15.02.2021).

составил 96,0 млн т (-8,4%), из них объем перевалки сухих грузов – 30,1 млн т (-4,9%), наливных грузов – 65,9 млн т (-9,9%). Лидирующую позицию занимают порты западной Арктики⁸, которые преимущественно реализуют круглогодичную логистическую поддержку навигации по маршруту Мурманск – Дудинка для обеспечения деятельности группы компаний ПАО «ГМК „Норильский Никель”», а также осуществляют оборот нефти из районов Обской губы, Варандея. Данные тенденции стимулируют крупнейших разработчиков ресурсов вкладывать средства в строительство специализированного транспортного флота (класса не ниже Агс 7), в ледокольные суда снабжения и обеспечения [22]. Выделим четыре порта, лидирующих по грузообороту с 2018 по 2020 год:

- Мурманск и Архангельск, оказывающие диверсифицированные услуги;
- Сабетта и Варандей, оказывающие монопрофильные услуги.

Порт Мурманск в 2020 году обработал 56,1 млн т грузов (в 2019 году – 61,9 млн т, в 2018 – 60,7 млн т). Порт Архангельск, несмотря на более выгодное положение, свободный круглогодичный выход в Мировой океан, обработал грузов на порядок меньше – 3,3 млн т (в 2019 году – 2,7 млн т, в 2018 – 2,8 млн т). Это связано с ограниченными возможностями в части приемки судов, заходящих в порт, а также временем прохода в морской порт⁹ [23].

Порт Сабетта показал рекордные скорости роста объема обработанного груза – 27,8 млн т (в 2019 году – 27,7 млн т, в 2018 г. – 17,4 млн т). Такой рост объясняется близким расположением к залежам нефти и газа, а также растущим объемом экспортных поставок сжиженного природного газа с завода «Ямал-СПГ».

Порт Варандей (4,9 млн т) существенно снизил объемы грузооборота (на 31,8% по сравнению с 2019 годом), что объясняется его моно-

⁸ Федеральное агентство морского и речного транспорта. URL: http://www.morflot.ru/deyatelnost/napravleniya_deyatelnosti/portyi_rf.html

⁹ Так, для прохода в морской порт Архангельск необходимо потратить сутки на прохождение Белого моря, при условии отсутствия необходимости в ледокольной проводке, для прохода в порт Мурманск – около четырех часов. В данном случае условия со стороны порта Мурманск более привлекательны, поскольку временные потери могут привести к повышению ставки фрахта.

профильностью (порт предназначен для экспорта морским путем нефти, добываемой на севере Ненецкого автономного округа), показатели перевалки нефти в 2020 году сократились.

Прогнозные оценки роста грузооборота СМП связаны с дальнейшим развитием российских арктических углеводородных проектов. Согласно майскому указу президента, грузооборот СМП должен увеличиться до 80 млн тонн в год к 2024 году. По данным Федерального агентства морского и речного транспорта, в 2017 году грузопоток по этому маршруту вырос на 42,6% и составил 10,7 млн т, к 2020 году, по оценкам ведомства, объем перевозок грузов по СМП должен равняться 44 млн т (на 10 декабря 2020 года общий объем перевозок в акватории Северного морского пути составил 30 млн 858,7 тыс. т), а к 2030 году он возрастет

до 70 млн т. По подсчетам Минприроды, к 2024 году объем транспортировки грузов по СМП достигнет 52 млн т в год¹⁰.

В марте 2019 года Минприроды обновило прогноз грузооборота СМП, дополнив его объемами, необходимыми для выполнения майского указа президента (82 млн т к 2024 году¹¹). Основной объем грузов будет связан с перевозкой энергоресурсов и других сырьевых товаров – сжиженного природного газа, нефти, угля, металлов.

В результате можно сделать вывод о том, что современное экономическое освоение регионального пространства АЗРФ основывается на перспективных ресурсных проектах, которые формируют грузовую базу и объединяют территории арктических регионов вокруг Северного морского пути (*таблица*).

Ресурсные проекты СМП

Территория бизнеса	Компания	Вид деятельности (месторождение)
Мурманская область	ПАО «НОВАТЭК»	Изготовление ОГТ, сборка и установка модулей верхних строений
Ненецкий АО	ПАО «Газпром-нефть»	Добыча нефти (Приразломное)
	ЛУКОЙЛ	Стационарный морской ледостойкий отгрузочный причал (Терминал «Варандей»)
Новая земля	Госкорпорация «Росатом»	<i>Планируется к разработке.</i> Запасы серебросодержащих свинцово-цинковых руд промышленных категорий для условий отработки их открытым способом (Павловское месторождение)
Ямало-Ненецкий автономный округ, п-ов Ямал	ПАО «НОВАТЭК»	Добыча и сжижение природного газа (Арктик-СПГ, Ямал-СПГ)
	ПАО «Газпром-нефть»	Нефтедобыча (Новопортовское месторождение)
	ЛУКОЙЛ	Нефтедобыча (Сандибинское месторождение)
Красноярский край	ПАО «НК „Роснефть”»	Нефтедобыча (Ванкорский кластер)
	ООО «ННК-Таймырнефтегаздобыча»	Поиск, разведка и разработка месторождений нефти и газа, нефтепереработка, а также производство и сбыт нефтепродуктов (Пайяхский проект)
	ООО «ВостокУголь» / Арктическая горная компания (АГК)	Разработка участка высококачественных антрацитов (Лемберовская группа)
	ПАО «ГМК „Норильский никель”»	Добыча, комплексная подготовка газа для передачи в газотранспортную систему НПР (Пеляткинское месторождение)
	Компания «Северная звезда»	Производство угольных концентратов из коксующихся углей (Проект создания угольного комплекса)
Республика Саха (Якутия)	АО «Зырянский угольный разрез»	Добыча антрацита открытым способом (Зырянский угольный разрез)
	«Восток Инжиниринг»	<i>Планируется к разработке.</i> Запасы редкоземельных металлов (Томторское месторождение)
Чукотский АО	ООО «Золоторудная Компания „Майское”»	Золотодобыча (Майское золоторудное месторождение)
	KazMinerals	Планируется к реализации. Обогащение медно-золотых месторождений, производство медного концентрата (Баимский медно-золотой проект)

Источник: составлено автором на основе информации новостного сайта РБК и официальных сайтов компаний.

¹⁰ Источник: РБК. <https://www.rbc.ru/business/16/01/2019/5c3dde2f9a79471715920f53>

¹¹ Источник: РБК. <https://www.rbc.ru/business/13/03/2019/5c87d7af9a7947460f9c78e>

Арктическое пространство России обладает огромными запасами энергии и минеральных ресурсов в одних и тех же географических точках («там, где газ встречается с рудой»), что открывает в будущем возможности для дополнительной промышленной обработки на месте перед отправкой по СМП.

В области обеспечения жизнедеятельности населения северных регионов в виде северного завоза (согласно букве закона «досрочный завоз продукции в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности»). В рамках данной работы мы не будем рассматривать особенности реализации северного завоза. Однако необходимо подчеркнуть, что Северный морской путь исторически является одной из важнейших составляющих систем жизнеобеспечения арктических регионов России. Свободное перемещение товаров по всей территории страны в рамках единого экономического пространства представляется одной из сложных государственных задач России в связи с размерами территорий и географическими особенностями. Поскольку часть регионов России не имеет круглогодичной связи с основными центрами производства продукции, в первую очередь топлива и продуктов питания, то на данные территории распространяется действие системы государственной поддержки досрочного завоза грузов.

Северный завоз фактически полностью осуществляется водным транспортом. Так, около 15% объема грузов, относящихся к северному завозу, доставляются морским транспортом, более 85% — по рекам [4].

Заключение

В заключение необходимо отметить, что фактически во всех стратегических документах развитие Северного морского пути определено как основное направление социально-экономического развития приоритетных геостратегических территорий РФ, расположенных в пределах Арктической зоны Российской Федерации. Причем оно рассматривается в концепции создания международной транспортно-логистической магистрали. Развитие СМП включает инфраструктурное обеспечение минерально-сырьевых центров, модернизацию и развитие морских портов, обеспечивающих его функционирование, содействие социально-экономическому развитию стратегически важных населенных пунктов.

Внутреннее судоходство по СМП будет играть значимую роль в будущем социально-экономическом развитии удаленных российских арктических территорий. Правительство России создало восемь арктических зон развития вдоль северных границ страны и предложило несколько приоритетных инфраструктурных проектов (например, порты, терминалы, железные дороги, аэропорты и объекты передачи электроэнергии), направленных на поддержку увеличения объемов эксплуатации природных ресурсов и требующих круглогодичного морского транспорта энергии и минерального сырья.

В Стратегии пространственного развития РФ предполагается многоплановое развитие Арктической зоны в пределах установленного горизонта планирования (до 2035 г.) и выделяются особенности, которые определяют специальные подходы к социально-экономическому пространственному развитию этого региона и обеспечению национальной безопасности в Арктике. Временной интервал Стратегии приходится на эпоху глобального потепления. Этот климатический фактор способствует как развитию новых экономических возможностей, так и созданию дополнительных рисков для хозяйственной деятельности и окружающей среды в зонах таяния вечной мерзлоты, увеличивается свободное ото льда пространство морей Северного Ледовитого океана, что способствует усилению геополитического потенциала Арктики.

Итак, в части транзитных грузов в первую очередь необходимо выделить проблему невозможности круглогодичного судоходства. Пока СМП не открыт для круглогодичного судоходства, за исключением Обской губы и реки Енисей на запад через Карское море. Отсутствие возможности круглогодичного судоходства по всему СМП является проблемой для международных судоходных компаний, заинтересованных в регулярном использовании маршрута в качестве кратчайшего пути для перевозки грузов между северо-восточной Азией и северо-западной Европой и не рассматривающих возможность изменения своей транспортно-логистической системы для маршрута, который открыт только часть года. Вопрос коммерческого использования СМП остается открытым. Оценка расходов на рейс, времени прохода и рисков не позволяет сделать однозначный вы-

вод в пользу СМП. Однако реализация стратегических целей развития транспортно-логистической системы СМП в перспективе изменит вектор развития международных транзитных перевозок.

В результате исследования транспортировки сырьевых ресурсов можно сделать вывод о том, что внутреннее судоходство является доминирующим видом судоходства на СМП, включая около 76–92% всех рейсов за рассматриваемый период. Большая часть грузов, перевозимых по СМП, относится к отечественным грузам, в основном экспортным и каботажным. В ближайшие несколько лет с помощью внутренних перевозок будут доставляться большие объемы российской арктической нефти, СПГ, угля, металлов, руды, зерна и других природных ресурсов на грузовых судах высокого ледового класса из отдаленных мест вдоль СМП в крупные российские хабы или специализированные перегрузочные терминалы для временного хранения и перевалки. Достижение конкурентоспособности в международных транзитных перевозках будет возможно на основе интенсивного развития внутренних перевозок, а также по за-

вершении основных проектов развития Северного морского пути до 2035 года, в том числе реализации федерального проекта «Северный морской путь» (2018–2024 гг.), запуска круглогодичного судоходства на всей акватории СМП (до 2030 года) и формирования нового международного транспортного коридора к 2035 году.

Морской транспорт (вместе с ограниченным воздушным транспортом) играет существенную роль в обеспечении жизнедеятельности населения, так как является единственным маршрутом доставки товаров, материалов и топлива для почти 100 удаленных населенных пунктов на материковом российском арктическом побережье, архипелагах и островах. То же самое относится к арктическим поселениям вдоль внутренних водных путей России, зависящим от речного транспорта.

В целом для России судоходство по СМП имеет большое стратегическое и экономическое значение. СМП выступает в качестве транспортного коридора на всем ее арктическом побережье и воротами в Северный Атлантический океан на западе и Северный Тихий океан на востоке.

Литература

1. Гранберг А.Г. Идеи Августа Леша в России // *Пространственная экономика*. 2006. № 2. С. 5–17.
2. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. *Пространственная экономика: эволюция подходов и методология* // *Пространственная экономика*. 2010. № 2. С. 6–32.
3. *Российская Арктика: современная парадигма развития* / А.И. Татаркин и др.; под ред. А.И. Татаркина. СПб.: Нестор-История, 2014. 844 с.
4. *Факторный анализ и прогноз грузопотоков Северного морского пути* / Е.П. Башмакова и др.; науч. ред. В.С. Селин, С.Ю. Козьменко (гл. 4). Апатиты: КНЦ РАН, 2015. 335 с.
5. Ускова Т.В. Устойчивость развития территорий и современные методы управления // *Проблемы развития территории*. 2020. № 2 (106). С. 7–18.
6. Кругман П. *Пространство: последний рубеж* // *Пространственная экономика*. 2005. № 3. С. 121–136.
7. Fujita M., Krugman P., Venables A-J. *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press. 2001. Pp. 384–402.
8. Krugman P., Wells R. *Economics*. Worth Publishers, 2005. 1200 p.
9. Krugman P. *The Return of Depression. Economics and the Crisis of 2008*. W.W. Norton: 2008. 224 p., рус. пер.: Krugman P. *Возвращение Великой депрессии?* М.: Эксмо, 2009. 336 с.
10. Белов М.И. *История открытия и освоения Северного морского пути*. Т. 4. Гидроминералогическое издательство. Ленинград, 1969. 617 с.
11. *Летопись Севера: [сб. по вопр. истории экон. развития и ист. географии Севера / редкол.: С.В. Славин (отв. ред.) и др.]*. Вып. 11. М.: Мысль, 1985. 255 с.
12. Селин В.С. Оценка возможностей развития морских коммуникации в российской Арктике // *Вестник Кольского научного центра РАН*. 2011. № 4 (7). С. 22–28.
13. Сунь Сюэнь. Проблемы и перспективы освоения Северного морского пути в контексте реализации инициативы «Пояс и Путь» // *Проблемы Дальнего Востока*. 2017. № 6. С. 5–15.

14. Иванова М.В., Козьменко А.С. Научные основания пространственной экономики и теории новой экономической географии // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2020. № 4 (70). С. 32–41.
15. Lasserre F. Case studies of shipping along arctic routes. analysis and profitability perspectives for the container sector. *Transportation Research, Part A*, 2014, is. 66, pp. 144–161.
16. Wang H., Zhang Y., Meng Q. How Will the Opening of the Northern Sea Route Influence the Suez Canal Route? An Empirical Analysis with Discrete Choice Models. *Transportation Research, Part A*, 2018, vol. 107, pp. 75–89.
17. Фисенко А.И. Риски организации судоходства в Арктике по Северному морскому пути // Транспортное дело России. 2015. № 6. С. 260–262.
18. Ершов В.А. Международные грузоперевозки. М.: ГроссМедиа, 2019. 320 с.
19. Thi Bich Van Pham, Aravopoulos Miltiadis *Feasibility Study on Commercial Shipping in the Northern Sea Route: Master's Thesis in the Master's Programme Maritime Management*. Report no. 2019:75. Gothenburg: Chalmers University of Technology, 2019. 123 p..
20. Глобальные тенденции освоения энергетических ресурсов Российской Арктики. Ч. I. Тенденции экономического развития Российской Арктики / под науч. ред. д.э.н. С.А. Агаркова, чл.-корр. РАН В.И. Богоявленского, д.э.н. С.Ю. Козьменко, д.т.н. В.А. Маслобоева, к. э. н. М.В. Ульченко. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2019. 170 с.
21. Björn Gunnarsson Recent ship traffic and developing shipping trends on the Northern Sea Route – Policy implications for future arctic shipping. *Marine Policy*, 2021, vol. 124, article 104369. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2020.104369>
22. Арктические транспортные магистрали на суше, акваториях и в воздушном пространстве / В.М. Грузинов и др. // Арктика: экология и экономика. 2019. № 1 (33). С. 6–20.
23. Гайдаржи Е.И. Анализ грузооборота портов Северного морского пути с 2017 по 2018 год // Системный анализ и логистика. 2019. Вып. № 2 (20). С. 30–34.

Сведения об авторах

Медя Владимирова Иванова – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина, ФИЦ КНЦ РАН (184209, Российская Федерация, Мурманская область, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а; e-mail: mv.ivanova@ksc.ru)

Арина Сергеевна Козьменко – младший научный сотрудник, Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина, ФИЦ КНЦ РАН (184209, Российская Федерация, Мурманская область, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а; e-mail: kozmenko_arriva@mail.ru)

Ivanova M.V., Koz'menko A.S.

Spatial Management of the Shipping Routes in the Russian Arctic

Abstract. The new plans for Russian Arctic development are predetermined by changes in the external economic environment and the state's internal policy. In May 2018, Russian President Vladimir Putin announced new development guidelines for the Northern Sea Route. Later on, the documents related to the strategic development of the Russian Arctic zone were approved. In these documents, the Northern Sea Route development is highlighted as one of the main directions of competitive national transport communication of the Russian Federation on the global market. The purpose of the research is to determine the role of the Northern Sea Route in the country's spatial and socio-economic development in the context of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation until 2025. The long-term plans launched various economic, political, and other socially significant processes in the Russian Arctic, which led to the formulation of two research tasks. The first one is to consider the main approaches to the spatial management of the regional economy and to present the implementation of the spatial economy

provisions in case of the Northern Sea Route that is the center of the Arctic space “assembly”. The second one is to reveal the Northern Sea Route potential as a transport and logistics highway in the transit traffic area, transportation of raw materials, and ensuring vital activity of the population of the Northern regions in deliveries of goods to the Northern territories. As a result of the research, the authors have identified the main trends in the NSR development: strengthening of Russia’s domestic economic policy, aimed at activating business processes in the Arctic zone of the Russian Federation, and the usage of the NSR as an international transit highway. Data analysis on transportation of raw materials and goods deliveries to the Northern territories indicates that inland navigation will soon be a dominant type of navigation on the Northern Sea Route.

Key words: Arctic, spatial economy, Spatial Development Strategy of the Russian Federation, Northern Sea Route, cargo turnover.

Information about the Authors

Medeya V. Ivanova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Chief Researcher, Luzin Institute for Economic Studies, Federal Research Center of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences (24A, Fersman Street, Apatity, 184209, Russian Federation; e-mail: mv.ivanova@ksc.ru)

Arina S. Koz’menko – Junior Researcher, Luzin Institute for Economic Studies, Federal Research Center of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences (24A, Fersman Street, Apatity, 184209, Russian Federation; e-mail: kozmenko_arriva@mail.ru)

Статья поступила 24.02.2021.

Цифровизация сельских территорий: от теории к практике*

Надежда Павловна
СОВЕТОВА

Вологодский государственный университет
Вологда, Российская Федерация
e-mail: sovetovanp@vogu35.ru
ORCID: 0000-0003-4605-2415

Аннотация. Масштабное применение цифровых технологий в управленческих, социальных и бизнес-процессах обуславливает актуальность включения факторов цифровой трансформации в оценку социально-экономического потенциала территориальных систем. Однако применяемые методики анализа процессов цифровизации не позволяют отобразить влияние многоуровневой пространственной совокупности факторов цифровой трансформации сфер жизнедеятельности на процесс формирования и развития потенциала страны и ее регионов. Цель исследования состоит в обосновании необходимости включения факторов цифровизации в оценку совокупного потенциала территориальных социально-экономических систем, разработке и апробации методики интегративной оценки воздействия факторов цифровой трансформации на состояние и рост социально-экономического потенциала территориальной системы. Используются методы анализа и синтеза, сравнения и группировки, обобщения и экспертных оценок, индексный и корреляционный способы экономико-статистического анализа. Рабочая гипотеза принятого исследования предполагает возможность разработки и применения методологического подхода к анализу состояния и динамики процессов цифровизации, отражающего взаимозависимость характеристик потенциала сельских территорий и параметров цифровой трансформации сельской сферы жизнедеятельности. Определены понятия цифровизации и цифрового потенциала, приведен аннотированный перечень основных методологических подходов к оценке потенциала территориальной системы, предложен и апробирован авторский вариант методики анализа и оценки потенциала цифровизации сельских территорий, обоснована модель единой

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-11-50196.

Для цитирования: Советова Н.П. Цифровизация сельских территорий: от теории к практике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 105–124. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.7

For citation: Sovetova N.P. Rural territories' digitalization: from theory to practice. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 105–124. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.7

цифровой платформы для целей государственного стратегического планирования устойчивого развития сельских территорий, структурирована совокупность направлений цифровой трансформации субъектов сферы жизнедеятельности региона, сформирован многоуровневый комплекс показателей для сопоставимой оценки состояния и динамики развития цифровой трансформации, полезный для выработки вариантов расстановки приоритетов при обосновании стратегических решений в области цифровизации. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринята попытка разработать методологический подход к оценке потенциала территориальной системы с учетом факторов цифровой трансформации процессов в сфере производства, обмена, распределения и потребления общественного продукта.

Ключевые слова: цифровая трансформация, потенциал сельской местности, цифровизация сельских территорий.

Введение

Достижение целей социально-экономического развития России неразрывно связано с последовательным внедрением цифровых технологий в управленческие, социальные и бизнес-процессы. Активное применение цифровых технологий, начиная с IT-сферы, выступает драйвером устойчивого развития экономики, в том числе сельского хозяйства, являющегося основной сферой занятости в сельской местности.

Научные исследования, связанные с проблемой роста и эффективного использования социально-экономического потенциала сельских территорий, свидетельствуют не только о неотложной необходимости ее решения, но и позиционировании, с одной стороны, факторов и условий ее разрешения, с другой стороны, определении приоритетных направлений устойчивого развития сельских территорий РФ. На наш взгляд, следует обозначить и третью системообразующую сторону, а именно создание инновационной платформы формирования потенциала сельских территорий и предпосылок восприимчивости сельской экономики и населения к нововведениям (прежде всего переходу к цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования, созданию систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта и т. д.) в рамках реализации парадигмы догоняющего развития и модели циркулярной (безотходной) экономики АПК. Исходя из обозначенного концептуального взгляда, принята рабочая гипотеза исследования, предполагающая возможность разработки и использования

методологического подхода к анализу состояния и динамики процессов цифровизации в сельской местности, отражающего взаимозависимость характеристик потенциала сельских территорий и параметров цифровой трансформации сельской сферы жизнедеятельности.

Задачами исследования выступают: 1) выбор методологического подхода к оценке потенциала сельских территорий с учетом цифровизации экономики; 2) разработка модели классификации сельских территорий по уровню развития и восприимчивости инструментов цифровой трансформации среды функционирования; 3) обоснование единой цифровой платформы к планированию устойчивого развития сельских территорий в условиях цифровизации экономики.

В научных работах отмечается активизация процессов включения отечественного бизнеса в глобальную цифровую трансформацию, способствующую росту конкурентоспособности. Так, по данным Высшей школы экономики общий индекс цифровизации бизнеса в 2018 году достиг значения 31 ед.¹ Лидирующими отраслями становятся телекоммуникации (индекс 41) и оптовая и розничная торговля (индекс 39). Доля валовых внутренних затрат на развитие цифровой экономики в РФ в 2018 году по сравнению с 2017 годом² возросла до 3,7% к ВВП,

¹ Индикаторы цифровой экономики: 2020: стат. сб. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишнеvский, Л.М. Гохберг [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 360 с.

² Цифровая экономика: 2020: краткий стат. сб. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишнеvский, Л.М. Гохберг [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 112 с.

в основном за счет увеличения доли затрат домашних хозяйств на использование цифровых технологий и связанных с ними товаров и услуг. В структуре валовых внутренних затрат на развитие цифровой экономики масштабно обозначили себя предпринимательский сектор (44,6%) и домашние хозяйства (36,8%).

Население все чаще применяет цифровые технологии: доля домашних хозяйств, имеющих доступ к интернету (в процентах от общего числа домашних хозяйств), возросла с 48,4% в 2010 году до 76,6% в 2018 году, причем 68,8% жителей используют интернет каждый день. Расширяются уровень и спектр цифровых навыков населения (несмотря на существующий низкий уровень по отношению к другим странам). 54% опрошенных граждан положительно относятся к роботизации, отмечая, что роботы — это благо для человечества (могут служить помощниками в выполнении домашних дел — 66%, доставлять товары из магазинов — 62%, быть консультантами по юридическим вопросам — 53%). При этом 89% населения в возрасте 18–65 лет считают, что роботы могут выполнять работу, которая слишком тяжела или опасна для человека.

В агропромышленном комплексе расширяется спектр применения интеллектуальных технологий, прежде всего беспилотных транспортных средств и летательных аппаратов, тракторов, датчиков и сенсоров, а также систем ГЛОНАСС / GPS и IoT-платформ. Главным преимуществом в этом случае, помимо автоматизации (роботизации) и визуализации производственных процессов, актуализации информации в режиме реального времени, выступает возможность ввода в хозяйственный оборот труднодоступных территорий.

Информационно-коммуникационные технологии используют в своей деятельности 89,5% организаций предпринимательского сектора РФ, 86% — широкополосный интернет. В 2018 году доступ к интернету имели 90% организаций предпринимательского сектора, но лишь у 49% из них был веб-сайт. Более высокую активность в части использования ИКТ проявляют органы власти (97,6% — региональные органы власти, 95,1% — органы местного самоуправления).

Согласно материалам исследований НИУ ВШЭ³ 19,9% организаций применяют интернет для закупок, 15,4% — для продаж. Облачные сервисы практикуют в своей деятельности 36,4% организаций в сфере телекоммуникаций, 36,2% предприятие оптовой и розничной торговли, 35,5% — в отрасли информационных технологий. Программное обеспечение для ведения бизнеса используется в основном для осуществления финансовых расчетов (57,7%). Государственные и муниципальные услуги в электронной форме получают 54,5% населения в возрасте 15–72 лет и 68,3% организаций предпринимательского сектора. Предпринимательский сектор предпочитает работать с органами власти в форме онлайн-взаимодействия в части отправки и загрузки официальных форм, получения информации с сайтов государственных органов. Доля занятых в сфере ИКТ составляет в РФ 1,6% от общей численности занятых, вклад сектора ИКТ в развитие экономики за 2018 год равнялся 14,3% ВВП в сфере торговли, 3,2% — в сельском хозяйстве.

Приведенные выше характеристики направлений цифровизации опираются на официальные источники статистической информации и не подразделяются по субъектам городской и сельской местности, ибо Росстат не осуществляет их группировку по данному признаку. Лишь в отдельных муниципальных образованиях предпринимаются самостоятельные инициативные попытки дифференцированного анализа и оценок.

Как известно, протекающие в сельской местности социально-экономические процессы подвержены влиянию специфики условий осуществления производства, его территориальной рассредоточенности, узкоспециализированного характера экономической деятельности, особенностей проживания в сельской местности и труднодоступности территорий. Освоение цифровых технологий здесь зависит не только от необходимости укрепления конкурентных позиций, т. е. действия рыночного механизма, но и задач по обеспечению приемлемого уровня жизни населения. Ведение сельского хозяйства, помимо целей агробиз-

³ Цифровая экономика: 2020: краткий стат. сб. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 112 с.

неса и достижения выгоды, в большей степени обусловлено задачей выживания. Это требует представления сельского хозяйства в первую очередь как среды обитания сельских жителей. Следует отметить, что в настоящее время наблюдаются деградация социально-экономической сферы и частичное социально-экономическое «опустынивание» сельских территорий, сохраняется общероссийская тенденция сокращения доли сельских жителей в общей численности населения.

Содержание процессов формирования и складывающиеся характеристики социально-экономического потенциала сельских территорий, несомненно, обуславливают темпы и возможности применения цифровых технологий, но вместе с тем требуют отслеживания и изучения этих тенденций, анализа и оценок степени востребованности и готовности к цифровой трансформации социально-экономических процессов, выявления предпосылок к использованию цифровых технологий в управлении развитием сельских территорий.

Теоретические и методологические аспекты исследования

В научных исследованиях выделяется несколько подходов к трактовке понятия «сельская территория». Так, с точки зрения социологии и географии сельская территория означает, прежде всего, зону жизнедеятельности людей и, в меньшей степени, — поле экономической деятельности или административные границы [1]. Сельскую территорию также представляют как систему, состоящую из двух подсистем — социальной подсистемы и подсистемы территорий, тесно взаимодействующих между собой⁴. Академик РАН В.В. Кузнецов под сельской территорией понимает территорию сельских поселений, включая городские поселения, административно входящие в состав сельских муниципальных округов [2].

Сельские территории рассматриваются большинством авторов как сложные социально-экономические системы, представленные сельскими поселениями и прилегающими к ним межселенными территориями с характерной для них низкой плотностью населения,

⁴ Устойчивое развитие сельских территорий: региональный аспект: науч. тр. ВИАПИ им. А.А. Никонова / под общ. ред. А.В. Петрикова. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2009. 272 с.

обязательным наличием сельскохозяйственных угодий и других природных ресурсов [3; 4; 5]. Ряд ученых представляет сельскую территорию как территорию, расположенную вне больших городов, имеющую разнообразный ресурсный потенциал с определенными условиями его использования, наличием основных производственных фондов, схожих с отраслевой структурой территории, и сельскими жителями, со своим жизненным укладом и культурой [6; 7; 8].

В Постановлении Правительства РФ от 31.05.2019 № 696 (ред. от 10.07.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Комплексное развитие сельских территорий”» под сельскими территориями понимаются сельские поселения или сельские поселения и межселенные территории, объединенные общей территорией в границах муниципального района; сельские населенные пункты, входящие в состав городских поселений, муниципальных округов, городских округов (за исключением городских округов, на территориях которых находятся административные центры субъектов Российской Федерации); сельские населенные пункты, входящие в состав внутригородских муниципальных образований г. Севастополя; рабочие поселки, наделенные статусом городских поселений; рабочие поселки, входящие в состав городских поселений, муниципальных округов, городских округов (за исключением городских округов, на территориях которых находятся административные центры субъектов Российской Федерации). В проводимом исследовании автор опирается на данное определение.

В общепринятом понимании «потенциал» сводится к обозначению возможностей для дальнейшего использования в целях развития. Применительно к потенциалу территории — это система открытого типа, основными структурными элементами которой выступают природные условия и состояние окружающей среды, численность населения и качество трудовых ресурсов, величина основного капитала и уровень технологической оснащенности производства, масштабы применения результатов научно-технического прогресса, региональные геополитические условия, вспомогательная и социальная инфраструктура [9; 10]. Другие ученые подчеркивают, что потенциал развития сельской территории — это совокупность при-

родных, экономических, социальных, национальных, человеческих (трудовых, демографических) ресурсов, обеспечивающих устойчивое социально-экономическое развитие территории, ее конкурентоспособность и позиционирование на внутреннем и мировом рынках на базе расширенного воспроизводства в соответствии с экономическими законами и закономерностями [11].

С позиций задач социального управления сельские территории — это платформа не только сферы производства, но и социальной сферы, в связи с чем внимание автора концентрируется на обязательном рассмотрении потенциала территории с точки зрения возможностей создания для населения комфортных условий жизни, развития инфраструктуры, повышения качества жизни сельских жителей. В современных условиях потенциал развития сельских территорий следует рассматривать как способность к длительному (долгосрочному) устойчивому функционированию, обеспечению конкурентных преимуществ на внутреннем и внешнем рынках с опорой на стратегию инновационно-технологического развития. Стратегическое управление, разумеется, не может обойтись без цифр.

Впервые термин «цифровая экономика» был употреблен в 1995 году Н. Негропonte [12; 13; 14], обозначившим концепцию электронной (цифровой) экономики. По мнению профессора Р.М. Мещерякова, цифровая экономика, с одной стороны, основана на цифровых технологиях в области продаж товаров и услуг, с другой — это экономическое производство с использованием цифровых технологий⁵. Под цифровой экономикой в узком смысле понимается вид коммерческой деятельности, осуществляемой в электронном пространстве, а в широком смысле — трансформация всего социума на фоне внедрения информационно-коммуникационных технологий [15].

⁵ «В настоящее время, — поясняет Р. Мещеряков, — некоторые эксперты считают, что надо расширять это понимание и включать в него цепочку товаров и услуг, которые оказываются с использованием цифровых технологий, в том числе такие понятия, как интернет вещей, Индустрия 4.0, умная фабрика, сети связи пятого поколения, инжиниринговые услуги прототипирования и прочее». (Что важнее: реальная или цифровая экономика? // Информационно-аналитический центр (ИАЦ). 12 сентября 2017. URL: <http://inance.ru/2017/09/cifrovaya-ekonomika>)

Цифровая экономика — это модельное отражение экономических отношений по производству, распределению, обмену и потреблению на основе информационно-коммуникационных технологий [16; 17]. Областью интересов цифровой экономики являются кадры и образование, информационная инфраструктура, информационная безопасность, нормативное регулирование [18]. Профессор А.В. Минаков считает, что цифровая экономика — это экономика, базирующаяся на компьютерных технологиях, охватывающая все сферы жизни и ориентированная на потребителя с целью улучшения предоставления услуг в торговле, транспорте, медицине, образовании, культуре и других сферах, оперирующая информацией, хранящейся в базах данных [19]. Согласно ведомственному проекту «Цифровое сельское хозяйство»⁶, цифровая экономика — это экономическая деятельность, основанная на цифровых технологиях, связанная с электронным бизнесом и электронной коммерцией и производимыми и сбываемыми ими электронными товарами и услугами.

Множество подходов современных ученых к содержанию дефиниции «цифровая экономика» формирует разнообразие точек зрения на понимание категории «цифровизация». По мнению профессора Л.В. Лapidус, цифровизация — это процесс перехода к цифровому региону, трансформация процессов кросс-регионального, межотраслевого, межличностного взаимодействия в регионе за счет проникновения цифровых технологий, направленная на повышение качества жизни населения, конкурентоспособности экономики РФ, обеспечение национальной безопасности и суверенитета страны [20]. Цифровизация рассматривается также как создание нового продукта в цифровой форме с новыми свойствами и конкурентными преимуществами [21; 22].

С позиций государственного регулирования социально-экономических процессов можно утверждать, что цифровизация свидетельствует о формировании экономики, в рамках которой применяются технологии, позволяющие инициировать определенные действия без вме-

⁶ Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство»: офиц. издание. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. 48 с.

шатательства человека, то есть образуются так называемые умные производственные системы, где все подсистемы (ресурсы, оборудование, логистические, маркетинговые и иные схемы) охватываются единой коммуникационной сетью, масштабно расширяющей возможности совершенствовать стадии производственного процесса, снижать производственные затраты, повышать эффективность управления и гибко реагировать на новые запросы потребителей. Слияние онлайн- и офлайн-сфер, развитие интернета и мобильных коммуникаций являются «базовыми технологиями цифровой экономики», их внедрение во все сферы деятельности происходит благодаря стремительному распространению сенсорных устройств и большим базам данных [23; 24].

В нашем исследовании под цифровизацией сельских территорий понимаются трансформационные процессы продвижения цифровых технологий в ходе развития сельских территорий и управления сферой жизнедеятельности сельского населения для эффективного использования потенциала сельской местности, создания современных рабочих мест и комфортных условий проживания людей, устойчивого роста экономики и повышения уровня жизни населения.

Обоснование методологического подхода к оценке потенциала сельских территорий в условиях цифровой трансформации общества

Потенциал территориальной системы формируется под влиянием множества факторов разнонаправленного характера, для измерения учета которых в методологии научных исследований выработан и апробирован ряд подходов, позволяющих не только его оценивать, но и выявлять тенденции развития, прогнозировать перспективы.

Отраслевой подход к оценке потенциала сельских территорий [25] опирается на оценку отраслевой эластичности роста по каждой исследуемой отрасли, уровня ее интенсификации и инвестиционной привлекательности, что в итоге позволяет с помощью кластерного анализа выразить показатель социально-экономического потенциала территорий.

Индексный подход [26; 27] основан на применении комплекса не только социально-экономических показателей, но и показателей

смежных сфер, оказывающих непосредственное воздействие на устойчивость территориального развития, отображающих сильные и слабые стороны социально-экономического положения той или иной территории.

Индикативный подход к оценке организационно-экономического потенциала сельских территорий [28; 29; 30] учитывает, помимо инвестиционного капитала и природно-ресурсной базы, условия жизнедеятельности сельского населения, включает операции по ранжированию показателей и расчет общего интегрального показателя конкурентоспособности сельских территорий (на основе индивидуальных индексов).

Ресурсный подход к оценке потенциала сельских территорий базируется на использовании закрытой стобалльной шкалы с последующим расчетом интегрального показателя по ресурсному блоку с учетом поправочных коэффициентов. Это позволяет отображать характер специализации производственной деятельности, принимая во внимание ресурсоемкость отдельных отраслей АПК, выражать потребность в материальных вложениях в ресурсную базу на долгосрочную перспективу, строить модели оптимизации в процессах распределения государственных и частных инвестиций [31].

Подход С.В. Барамзина [32] включает определение рейтинга (при интервальном ранжировании) сельских территорий по совокупности показателей экономического, социального и финансового состояния, формируя как промежуточные результаты оценок, так и возможность интегрирования в сводный рейтинг сельского поселения.

Оценка социального потенциала инфраструктуры сельских территорий [33] осуществляется посредством коэффициентов удовлетворенности на основе измерения индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) и ведения социологического мониторинга качества регионального управления (методика «Роза качества») путем выявления «проблемных» социальных зон.

Интегральный подход к оценке потенциала сельских территорий, используемый группой авторов [34; 35; 36], основан на расчете обобщающего интегрального показателя уровня социально-экономического развития, отслеживаемого по данным Росстата.

Каждый из приведенных выше методологических подходов имеет свои достоинства и ограничения, но вместе с тем позволяет в той или иной степени транслировать общее и особенное в оценках потенциала муниципальных образований в целом. Однако их общим недостатком выступает отсутствие статистической базы для исследования потенциалов конкретной сельской территории. Используемая отдельными учеными (в качестве опорных точек для расчета потенциала) статистическая информация по сельским территориям имеет узкий спектр показателей, подвергается постоянной смене форм отчетности (начиная с 2014 года). Это, в свою очередь, приводит к усложнению исследовательской деятельности, ограниченности возможностей анализа, что применительно к задачам реализации стратегии инновационного развития страны накладывает дополнительные сложности при формировании базы данных.

Приходится констатировать, что все еще не происходит активной ориентации методического инструментария на задачи исследования взаимозависимости процессов цифровой трансформации и состояния потенциала национальных и региональных социально-экономических систем.

И все же вопросы ориентации методологических подходов к исследованию проблем инновационного развития начинают привлекать внимание государственных статистических служб. Цифровизация ставит на повестку дня задачу отслеживания статистическими службами этих процессов. В частности, рабочая группа Организации экономического сотрудничества и развития подготовила предложения по структуре спутникового счета цифровой экономики, основные цели разработки которого состоят в 1) предоставлении пользователям достаточно надежной оценки того, что измеряется в цифровой экономике, 2) определении того, что нельзя измерить в рамках действующей методологии, 3) обеспечении возможности проводить международные сравнения ключевых показателей, описывающих цифровую экономику [37].

Исходя из задач исследования, мы предлагаем разработку методологического подхода к оценке потенциала сельских территорий. Он базируется на использовании ряда положений рассмотренных выше методологических под-

ходов к анализу потенциала территориальных систем и методического инструментария оценок цифровизации, апробируемого в исследованиях Института развития информационного общества (ИРИО), обзорах Всемирного банка и Аналитического центра при Правительстве РФ.

Подчеркнем, что цифровизация процессов взаимодействия в социально-экономической территориальной системе формирует за счет проникновения цифровых технологий возможности повышения конкурентоспособности экономики, роста уровня и качества жизни населения, способствует созданию новых продуктов и услуг (или их цифровых форм) и тем самым выступает структурообразующим элементом формирования нового уровня потенциала территориальной системы. Охватывая своей единой коммуникативной сетью производственные подсистемы (ресурсы, оборудование, транспортно-логистические и маркетинговые модули), комплекс отраслей производственной и социальной инфраструктуры, а также организацию и процесс управления, цифровизация выступает новым компонентом потенциала территориально-пространственной системы.

Следовательно, можно говорить о цифровой и нецифровой компонентах потенциала, соответственно о цифровых и нецифровых критериях его оценки, разрабатывать и апробировать модели и способы измерения влияния, например, инструментов и процессов цифровизации на рост социально-экономического потенциала территориальной системы, или выявления степени его готовности (восприятости) к цифровой трансформации.

В осуществляемом исследовании на базе обозначенного методологического подхода предпринято изучение потенциала сельских территорий на основе характеристик, отражающих: 1) обеспеченность сельских территорий ресурсами, 2) восприимчивость предприятий (организаций) территориальной системы к инновациям, 3) возможность реализации (использования) в экономике и управлении цифровых технологий, рыночный потенциал которых удовлетворяет потребности общества по формированию уровня и качества жизни, соответствующих современным стандартам. Комплексная оценка потенциала сельских территорий предполагает, во-первых, формирова-

ние системы показателей, во-вторых, наличие и ведение информационной базы данных для расчета показателей, в-третьих, возможность применения оценок для целей государственного стратегического управления.

Апробируемая авторская методика оценки потенциала сельских территорий включает пять последовательных этапов. На первом этапе формируется система показателей оценки потенциала сельских территорий с использованием единичных индикаторов. На втором этапе производится анализ показателей применительно к сельским территориальным образованиям (рассматриваемого муниципального района). На третьем этапе осуществляется дифференцирование значений показателей относительно базовых уровней. Четвертый этап предполагает определение коэффициентов весомости значений показателей (по данным экспертных оценок). На завершающем этапе ведется расчет интегрального показателя оценки потенциала сельских территорий.

Оценка потенциала сельских территорий производится по совокупности его составляющих: 1) социально-инфраструктурного потенциала (СИП), 2) экономико-экологического потенциала (ЭЭП), 3) потенциала цифровизации (ПЦ). Для дифференциации значений показателей относительно базовых уровней применяется формула:

$$K1_n = \frac{K1_{ij}}{K1_{рф}}, \quad (1)$$

где $K1_n$ – нормативное значение показателя i -го потенциала;

$K1_{ij}$ – фактическое значение показателя i -го потенциала j -й сельской территории;

$K1_{рф}$ – базовое значение показателя i -го потенциала (в качестве базового показателя используется среднерегиональное значение показателя).

Для определения значений интегрального показателя составляющих потенциала сельских территорий используются формулы:

$$\text{СИП} = \sqrt[n]{\prod_{i=1}^n \text{СИП}_i}, \quad (2)$$

$$\text{ЭЭП} = \sqrt[n]{\prod_{i=1}^n \text{ЭЭП}_i}, \quad (3)$$

$$\text{ПЦ} = \sqrt[n]{\prod_{i=1}^n \text{ПЦ}_i}. \quad (4)$$

Формула расчета потенциала сельских территорий (ПСТ):

$$\text{ПСТ} = a_i \cdot \text{СИП} + a_i \cdot \text{ЭЭП} + a_i \cdot \text{ПЦ}, \quad (5)$$

где СИП – социально-инфраструктурный потенциал;

ЭЭП – экономико-экологический потенциал;

ПЦ – потенциал цифровизации;

a_i – весовой коэффициент для конкретного i -го потенциала.

Группировка сельских территорий по уровню их потенциала будет производиться в интервале следующих его значений: высокий уровень потенциала сельских территорий – свыше 0,65, средний уровень – 0,36–0,65 включительно; низкий уровень – менее 0,36.

Используя экономико-математический инструментарий для обоснования значимости отобранных факторов потенциала цифровизации, мы рассчитали коэффициент парной корреляции Пирсона, который характеризует тесноту связи между показателями. Значимость линейного коэффициента корреляции была подтверждена t -статистикой. При этом в качестве результирующего показателя, характеризующего социально-экономический потенциал, использовался ВВП конкретного субъекта РФ. Корреляционный анализ показал высокую тесноту связи между двенадцатью из тридцати трех факторов потенциала цифровизации, которые и были в дальнейшем включены в оценку. Результаты подтвердили гипотезу исследования о том, что потенциал цифровизации имеет значимое влияние на уровень социально-экономического развития территорий.

Судя по значениям коэффициентов корреляции, наибольшее влияние оказывают такие показатели, представленные в порядке убывания, как:

- число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, с доступом к интернету, в расчете на 100 студентов (обучающихся) в образовательных учреждениях (0,86);

- удельный вес принципиально новых технологий в общем числе разработанных передовых производственных технологий (0,85);

- удельный вес организаций, осуществивших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций (0,81);

- число абонентов фиксированного широкополосного доступа в интернет на 100 человек населения (0,76);
- удельный вес организаций, использовавших локальные вычислительные сети, в общем числе обследованных организаций (0,74);
- удельный вес организаций, использовавших ERP-системы, в общем числе обследованных организаций (0,72);
- число абонентов мобильного широкополосного доступа в интернет на 100 человек населения (0,71);
- удельный вес организаций, имевших специальные программные средства для управления закупками товаров (работ, услуг), в общем числе обследованных организаций (0,69);
- удельный вес организаций, получавших заказы на выпускаемые товары (работы, услуги) по интернету, в общем числе обследованных организаций (0,69);
- удельный вес организаций, размещавших заказы на товары (работы, услуги) в интернете, в общем числе обследованных организаций (0,67);
- удельный вес организаций, использовавших средства защиты информации, передаваемой по глобальным сетям, в общем числе обследованных организаций (0,65);
- удельный вес организаций, использовавших CRM-системы, в общем числе обследованных организаций (0,65).

Модель измерения и оценки потенциала цифровизации территориальной системы

Процессы цифровой трансформации, происходящие в настоящее время во всех сферах социально-экономической деятельности, выступают ключевой компонентой в организации эффективного взаимодействия бизнес-структур, субъектов научно-образовательного сообщества, государства и граждан, формируя тем самым возможности для роста и развития потенциала территориальной системы. Характер влияния цифровизации определяется возможностями всей совокупности наличных ресурсов субъектов, осуществляющих цифровую трансформацию, умением и навыками ее акторов в настоящий и прогнозируемый периоды. Речь следует вести о потенциале цифровизации,

выступающем как составная часть потенциала территориальной системы.

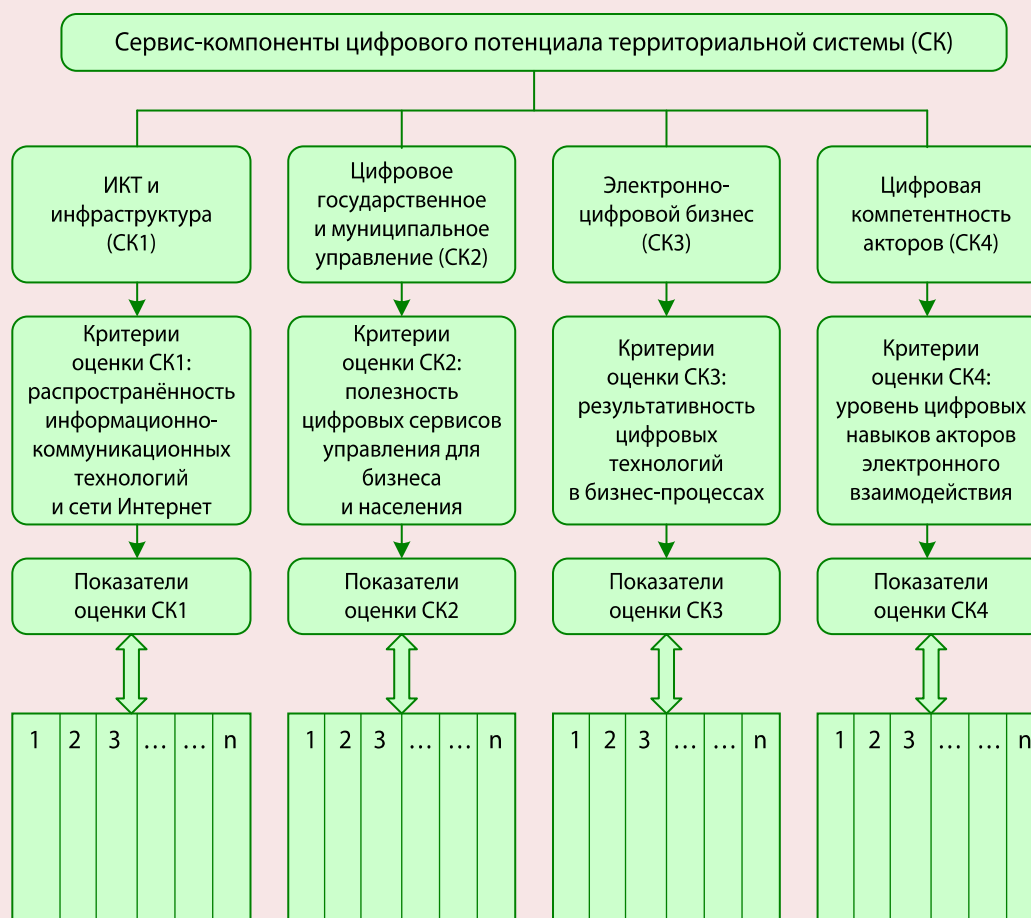
Обзор научных публикаций последних лет показывает, что отечественные авторы рассматривают цифровой потенциал лишь применительно к предприятиям производственной сферы. Так, Н.В. Городнова, Д.Л. Скипин, А.А. Пешкова [38] четко обозначают единство трех компонент: 1) ресурсов, 2) внутренних возможностей компании по осуществлению тех или иных этапов цикла развития информационных технологий; 3) функциональных областей деятельности, в которых могут применяться информационные технологии. Измерение цифрового потенциала промышленного предприятия А.В. Козлов и А.Б. Тесли [39] предлагают осуществлять с помощью интегрального показателя, отражающего текущий уровень и будущие возможности по использованию предприятием цифровых технологий с учетом условий внешней среды. Исследования, посвященные оценке потенциала цифровизации национальных и региональных территориальных образований, остаются лишь единичными (см., например, [40]), а применительно к сельской местности практически отсутствуют.

Мы предполагаем рассматривать цифровой потенциал территориального образования в общем виде как совокупную возможность имеющихся информационно-коммуникационных технологий, научно-образовательной и информационно-коммуникационной инфраструктуры, а также существующих умений и навыков людей, участвующих в цифровой трансформации процессов во всех сферах жизнедеятельности.

Для решения задач анализа и оценки цифрового потенциала трансформируем его теоретическую формулировку в организационно-функциональное отображение посредством модульно-факторного представления (*рис. 1*).

Для оценки используются количественные и качественные, финансовые и нефинансовые, отраслевые и общеэкономические, абсолютные и относительные показатели, что позволяет выделить явные и скрытые взаимосвязи в процессах цифровой модернизации на макро- и микроуровне, идентифицировать текущее состояние потенциала цифровизации.

Рисунок 1. Организационно-функциональный модуль оценки цифрового потенциала территориальной системы

Источник: составлено автором.

Таблица 1. Оценка потенциала сельских территорий с учетом цифровизации экономики и управления по муниципальным районам Вологодской области (по состоянию на 01.01.2019 г.)

Высокий потенциал	Средний потенциал		Низкий потенциал
Вологодский Грязовецкий Кадуйский Шекснинский Череповецкий	Бабаевский Бабушкинский Великоустюгский Верховажский Вожегодский Кирилловский Кичменгско-Городецкий	Междуреченский Никольский Сокольский Тотемский Устюженский Харовский Чагодощенский	Белозерский Вашкинский Вытегорский Нюксенский Сямженский Тарногский Усть-Кубинский

Источник: рассчитано автором по данным Росстата и экспертных оценок.

Результаты оценки уровня потенциала сельских территорий с учетом факторов цифровизации экономики и управления представлены в таблице 1.

Следует отметить, что только пять муниципальных районов региона, или 19,2%, имеют высокий уровень потенциала с учетом цифровизации экономики и управления, 7 (26,9%) – низкий, 14 (53,9%) – средний.

На основе сводного индекса оценок потенциала и степени готовности территориальных систем к цифровизации возможно их структурирование в целях планирования государственной поддержки устойчивого развития сельских территорий.

Структуризация (зонирование) территорий, по мнению многих отечественных ученых, выступает не только инструментом оценки темпов роста (снижения) экономики и уровня жизни населения [41; 42; 43], но и способом доказа-

тельности принимаемых управленческих решений по развитию территорий [44; 45].

На основе полученных данных оценки потенциала цифровизации сельских территорий проведем их структурирование для определения цифровой готовности территориальной системы и состояния ее цифровой среды (табл. 2).

Далее построим матрицу «уровень цифровой готовности – цифровая среда сельской территории» (рис. 2).

Таблица 2. Группировка сельских муниципальных районов Вологодской области по уровню сформированности цифровой среды и готовности к цифровизации

		Уровень сформированности цифровой среды		
		Низкий	Средний	Высокий
Уровень готовности к цифровизации	Высокий	Сокольский Грязовецкий Кадуйский	х	х
	Средний	Кирилловский Тотемский Кичменгско- Городецкий Харовский Чагодощенский	Вологодский Череповецкий Шекснинский	х
	Низкий	Белозерский Вашкинский Вытегорский Нюксенский Сямженский Тарногский Усть-Кубинский	Бабаевский Бабушкинский Великоустюгский Верховажский Вожегодский Междуреченский Никольский Устюженский	х

Источник: составлено автором.

Рисунок 2. Матрица цифровой готовности сельских территорий

Источник: составлено автором.

По результатам классификации выделены четыре сельские локальные цифровые зоны. В группу «Открытый стандарт» вошли сельские территории с низким уровнем цифровой среды и готовности субъектов к цифровизации. Группа «Цифровая ниша» включает сельские территории с высоким уровнем цифровой среды и низким уровнем готовности субъекта к цифровизации. Группа «Цифровой массив» охва-

тывает сельские территории с низким уровнем цифровой среды и высоким уровнем готовности субъектов к цифровизации. Группа «Индустрия знаний» представляет сельские территории с высоким уровнем цифровой среды и готовности субъектов к цифровизации. Для каждой сельской локальной цифровой среды матрица позволяет структурировать соответствующие направления развития (табл. 3).

Таблица 3. Направления государственного регулирования и поддержки развития сельских территорий по типам сельской цифровой среды

Тип сельской цифровой среды (СЦС)	Характеристика цифровой среды	Формы и направления государственного регулирования и поддержки развития цифровизации сельских территорий
Открытый стандарт	Сельские территории, обладающие низкой степенью готовности к цифровизации и имеющие низкий уровень цифровой среды	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Формирование программы по развитию цифрового потенциала сельских территорий. ✓ Разработка муниципальных программ по цифровизации сельских территорий. ✓ Реализация региональных программ по программному обеспечению. ✓ Развитие форм (создание возможностей) для удаленного функционирования субъектов. ✓ Развитие социальной и производственной инфраструктуры сельской территории. ✓ Финансирование цифровых проектов в рамках программы «Народный бюджет». ✓ Развитие цифрового потенциала населения посредством системы муниципального обучения. ✓ Расширение направлений ГЧП в реализации задач цифровизации.
Цифровая ниша	Сельские территории, обладающие низкой степенью готовности к цифровизации и имеющие высокий уровень цифровой среды	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Организация конкурсов (грантов) федерального уровня по цифровизации территорий. ✓ Организация конкурсов (грантов) регионального уровня по цифровизации территорий. ✓ Реализация региональных программ по привлечению программистов для работы в сельскую местность. ✓ Льготы по налогообложению занятых в реализации проектов по цифровизации на муниципальном уровне. ✓ Поиск инвесторов, идей по активизации использования имеющегося потенциала территории. ✓ Организация конкурсов (муниципальных контрактов) на поиск эффективных вариантов использования земельных ресурсов. ✓ Грантовая поддержка отраслей по внедрению инновационной техники (цифровых технологий) в производственные структуры.
Цифровой массив	Сельские территории, обладающие высокой степенью готовности к цифровизации и имеющие низкий уровень цифровой среды	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Создание пилотных цифровых площадок. ✓ Субсидирование внедрения цифровых технологий в производство. ✓ Финансирование цифровых проектов в рамках программы «Народный бюджет». ✓ Конкурсы (муниципальные контракты) на поиск вариантов эффективного использования земельных ресурсов. ✓ Грантовая поддержка отраслей по внедрению инновационной техники (цифровых технологий) в производственные структуры.
Индустрия знаний	Сельские территории, обладающие высокой степенью готовности к цифровизации и имеющие высокий уровень цифровой среды	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Содействие (софинансирование участия) в программах федерального уровня по развитию цифровой экономики. ✓ Поддержка талантливой молодежи на селе. ✓ Поддержка проектов по развитию искусственного интеллекта и привлечению научных разработок. ✓ Популяризация опыта развития сельских территорий и эффективных форм взаимодействия с территориями группы «Открытый стандарт».
Источник: составлено автором.		

Классификация сельских территорий поможет осуществить дифференцированный подход к принятию стратегических решений по распределению финансовых региональных средств на развитие территорий.

Цифровая платформа и развитие сельских территорий

По мнению зарубежных ученых [46–49], цифровые платформы выступают олицетворением новой эпохи и способны эффективно координировать взаимодействие между пространственно рассредоточенными агентами, формируя базовую инфраструктуру экономических и социальных связей. В самом общем виде цифровая платформа – это виртуальная площадка, обеспечивающая взаимодействие двух (и более) сторон (групп пользователей) по определенным правилам.

Согласно ведомственному проекту «Цифровое сельское хозяйство РФ» цифровая платформа – это, во-первых, группа технологий, которые используются в качестве основы, способствующей созданию конкретизированной и специализированной системы цифрового взаимодействия; во-вторых, прорывная инновация, представляющая собой интегрированную информационную систему, обеспечивающую многосторонние взаимодействия пользователей по обмену информацией и ценностями, приводящие к снижению общих транзакционных издержек, оптимизации бизнес-процессов, повышению эффективности цепочек поставок товаров и услуг.

Цифровые платформы активно внедряются и в государственные, и в производственные структуры: развивается цифровая платформа для консолидации данных от сельхозтоваропроизводителей с целью формирования общей картины производства сельхозпродукции, осуществляется переход на комбайны с модулями интернета вещей, системами GPS/ГЛОНАСС и возможностями беспилотного режима, мониторинга состояния пахотных земель со спутника, изучения цифровых следов; программа «умный регион» предусматривает развитие транспортной сферы на основе потока данных с датчиков системы ГЛОНАСС, информации о загруженности дорог, образующих массив big data для решения транспортных проблем.

В регионах с целью цифровой трансформации сельского хозяйства посредством применения цифровых технологий и платформенных решений для обеспечения технологического прорыва в АПК и достижения роста производительности на «цифровых» сельскохозяйственных предприятиях внедряется национальная платформа цифрового государственного управления сельским хозяйством «Цифровое сельское хозяйство», представляющая собой цифровую платформу, интегрированную с цифровыми субплатформами, для управления сельским хозяйством на региональном и муниципальном уровнях.

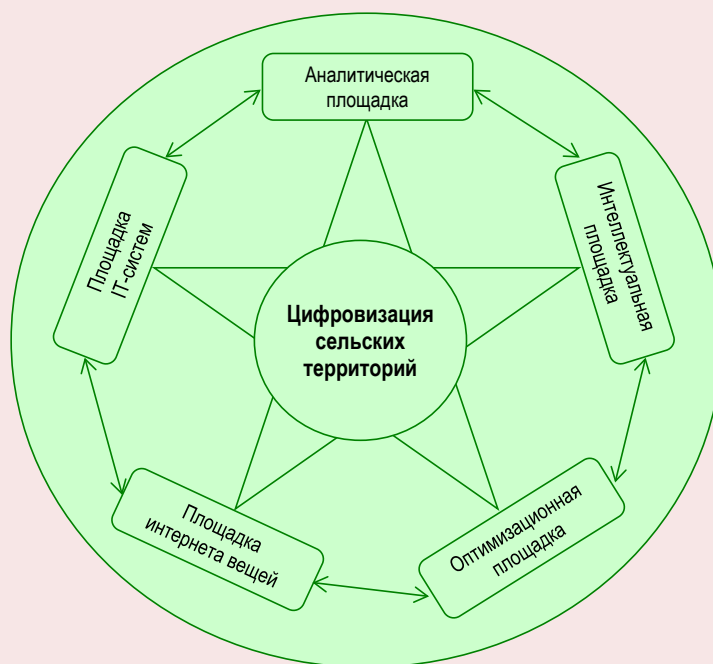
В связи с развитием цифровых технологий и созданием цифровых платформ предлагаем в целях планирования устойчивого развития сельских территорий в условиях цифровизации экономики сформировать единую цифровую платформу «Цифровизация сельских территорий».

Проектная цифровая платформа «Цифровизация сельских территорий» объединит в себе два вида цифровых платформ (согласно классификации, разработанной участниками реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» под руководством Б.М. Глазкова [50]): инфраструктурную и прикладную. Прикладной характер платформы направлен на обмен определенными экономическими ценностями на сельских территориях, а инфраструктурный – на предоставление IT-серверов и информации для принятия органами власти муниципальных/региональных управленческих решений.

Классическая цифровая платформа включает пять основных блоков: 1) традиционные ИТ-системы – центры обработки данных и сети, модернизируемые для включения в цифровую платформу; 2) взаимодействие с пользователями в цифровой форме; 3) интернет вещей; 4) аналитика, машинное обучение и искусственный интеллект; 5) экосистемы как основа для взаимодействия в цифровом мире.

Проектная платформа «Цифровизация сельских территорий» предусматривает размещение определенной информации в разрезе муниципальных районов по каждой сельской территории. Используя пятиблочный класси-

Рисунок 3. Модель информационно-коммуникационной цифровой платформы «Цифровизация сельских территорий»

Источник: составлено автором.

ческий подход к построению цифровых платформ, проектный вариант представим в виде блок-схемы (рис. 3).

Блок аналитической площадки предусматривает размещение таких серверов, как интерактивная карта сельских территорий в режиме реального времени, сбор данных в режиме реального времени, образовательные программы по цифровой экономике, база муниципальных, региональных и федеральных программ по цифровизации экономики, карта земельных площадей сельских территорий с указанием их характеристик, цифровой след и т. д.

Блок интеллектуальной площадки размещает серверы взаимодействия субъектов с пользователями в цифровой среде: площадки для реализации производимой на территории сельских поселений продукции, площадки для обмена и оценивания идей развития территорий, площадки инициатив по развитию сельских территорий, опросы сельского населения и т. д.

Блок оптимизационной площадки направлен на оптимизацию процессов с помощью объединения данных уже существующих плат-

форм для проведения соответствующих расчетов и выводов, например объединение (интеграция, сбор информации) с национальной платформой «Цифровое сельское хозяйство», «Цифровая аналитическая платформа Росстата».

Блок площадки интернета вещей включает современные цифровые технологии, реализуемые на сельских территориях, данные о наличии возможных цифровых технологий для сельских территорий: мониторинг загруженности дорог, умные теплицы, системы ГЛОНАСС, роботизация производств и оказания услуг населению, медицина на расстоянии. Иными словами, сервер направлен на предоставление умных решений для сельского хозяйства, транспорта, ЖКХ, медицины, образования, повседневной жизни местного населения и т. д.

Блок площадки ИТ-систем включает центры обработки данных для формирования прогнозных оценок (моделей) и сценариев развития сельских территорий, визуализации проектов принимаемых стратегических управленческих решений, расчета потенциала сельских

территорий, определения уровня их цифрового развития, формирования отчетности глав муниципальных образований и сельских поселений, анализа цифровых технологий, реализуемых в регионе.

Проектная платформа предусматривает интеграцию данных с созданными и реализуемыми в настоящее время национальными платформами цифрового государственного управления.

Информационно-коммуникационная цифровая платформа «Цифровизация сельских территорий» позволяет отобразить в едином цифровом пространстве все виды ресурсов района, направления их использования, инвестиционные возможности и государственные программы, варианты применения проектного подхода. Вся информация для платформы формируется в определенных папках с демонстрацией видеоизображения, например определенного ресурса, в режиме реального времени, количественного сопровождения ресурса с указанием возможностей его роста и применения в данный момент в разбивке по каждой сельской территории района. Для расширения возможностей платформы она наполняется идеями и предложениями как от сельского населения, представителей органов власти, так и от инвесторов, заинтересованных во вложении средств в данные территории, планами развития, реализуемыми на территории района проектами с результатами на текущую дату, государственными и региональными программами, онлайн-калькуляторами. Возможностями платформы предусматривается проведение онлайн-встреч и обсуждений, принятие решений. Так, при выборе определенной вкладки платформа раскрывает все виды ресурсов, а далее по каждому виду ресурса более детально позволяет использовать имеющийся потенциал для расчета плановых значений. Преимуществами платформы выступают открытость и доступность информации, единая база данных (потенциал района, варианты его использования, отчетность глав сельских территорий, планы и прогнозы развития), автоматизация расчета показателей, взаимосвязь всех факторов развития сельских территорий при планировании, привлечение инвестиций, возможность объединения малых проектов в муниципальные программы.

Разрабатываемый вариант цифровой платформы послужит основанием при использовании механизма планирования развития сельских территорий.

Заключение

Рассмотрение сущности понятия «цифровизация» показало, что в научной литературе и практике управления еще не сложилось полного представления о ней как о виде сформированной сферы знаний в экономической теории и практике. Разнообразие точек зрения на понимание сущности цифровизации проистекает из множества подходов современных ученых к содержанию дефиниции «цифровая экономика», которая во многом основана на применении цифровых технологий, но их проникновение не ограничивается пространством экономических отношений и предполагает их применение во всех сферах жизнедеятельности людей в интересах роста уровня и качества жизни населения, обеспечения национальной безопасности и суверенитета страны. Для целей нашего исследования под цифровизацией территориальной системы понимается процесс продвижения цифровых технологий в социально-экономическую среду ее функционирования и в управление сферой жизнедеятельности для эффективного использования потенциала ее субъектов, создания современных рабочих мест и комфортных условий проживания людей, устойчивого роста экономики и повышения уровня жизни населения.

Активное применение цифровых технологий, начиная с IT-сферы, выступает драйвером социально-экономического развития, сопровождаемым, по мнению аналитиков, как положительными (сокращение удельных затрат на производство продукции, создание предпосылок к экономическому росту и улучшению качества услуг), так и негативными (возрастание угроз информационной безопасности и сокращения рабочих мест, усиления неравенства) эффектами, требующими анализа и оценок.

Применяемые методики анализа процессов цифровизации позволяют выразить ее функциональную содержательность и предметно-целевую направленность инструментов воздействия в определенном периоде, но не способны отобразить системно влияние и результативность многоуровневой пространственной совокуп-

ности факторов, характеризующих состояние цифровой трансформации сфер жизнедеятельности и динамику изменений, происходящих в цифровой среде страны и ее регионов. Отсюда вытекает потребность в совершенствовании теоретико-методологического инструментария анализа и сопоставимых оценок состояния, развития и результативности продвижения цифровых технологий в управленческие, социальные и бизнес-процессы.

В результате обзора материалов научных исследований, касающихся проблемы цифровизации, в целом можно утверждать, что цифровая трансформация процессов взаимодействия в социально-экономической территориальной системе формирует за счет проникновения цифровых технологий возможности для повышения конкурентоспособности экономики, роста уровня и качества жизни населения, способствует созданию новых продуктов и услуг (или их цифровых форм) и тем самым выступает структурообразующим элементом формирования нового уровня потенциала территориальной системы. Охватывая единой коммуникативной сетью производственные подсистемы (ресурсы, оборудование, транспортно-логистические и маркетинговые модули), комплекс отраслей производственной и социальной инфраструктуры, а также организацию и процесс управления, цифровизация выступает новым компонентом потенциала территориально-пространственной системы. Более того, как показывают наблюдения, процессы цифровой трансформации, происходящие в настоящее время во всех сферах социально-экономической деятельности, становятся ключевой компонентой в организации эффективного взаимодействия бизнес-структур, субъектов научно-образовательного сообщества, государства и граждан, формируя, тем самым, возможности для роста и развития потенциала территориальной системы. Характер влияния цифровизации определяется возможностями всей совокупности наличных ресурсов субъектов, осуществляющих цифровую трансформацию, умением и навыками ее акторов в настоящий и прогнозируемый периоды.

Обзор научных публикаций последних лет показывает, что отечественные авторы рассматривают цифровой потенциал лишь при-

менительно к предприятиям производственной сферы. Исследования, посвященные оценке потенциала цифровизации национальных и региональных территориальных образований, остаются единичными, а применительно к сельской местности отсутствуют.

В осуществляемом исследовании предложено рассматривать цифровой потенциал территориального образования в общем виде как совокупную возможность имеющихся информационно-коммуникационных технологий, научно-образовательной и информационно-коммуникационной инфраструктуры, а также существующих умений и навыков людей, участвующих в цифровой трансформации процессов во всех сферах жизнедеятельности. Данная теоретическая формулировка трансформирована в организационно-функциональном отображении посредством ее модульно-факторного представления для решения задач анализа и оценки цифрового потенциала.

Используя экономико-математический инструментарий, предназначенный для обоснования важности отобранных факторов потенциала цифровизации, мы рассчитали коэффициент парной корреляции Пирсона, показавший высокую тесноту связи между *двенадцатью из тридцати трех* факторов потенциала цифровизации в регионах России. В результате подтвердилась принятая гипотеза исследования о том, что потенциал цифровизации значимо влияет на уровень социально-экономического развития территориальной системы.

В ходе исследования выполнена группировка сельских муниципальных районов Вологодской области по уровню сформированности цифровой среды и готовности к цифровизации, оценен потенциал сельских муниципальных районов Вологодской области с учетом цифровизации экономики и управления (по состоянию на 01.01.2020), построена матрица, отражающая зависимость «уровень цифровой готовности – цифровая среда сельской территории», обозначены направления государственного регулирования и поддержки развития сельских территорий относительно с типами сельской цифровой среды, предложена модель информационно-коммуникационной цифровой платформы «Цифровизация сельских территорий».

Модель позволила составить профиль цифровизации и структурировать совокупность направлений цифровой трансформации субъектов сферы жизнедеятельности, а также выразить характер изменений цифрового ландшафта за определенный период. Тем самым становится возможным сформировать многоуровневый комплекс показателей для сопоставимой оценки состояния и динамики развития цифровой трансформации, совершенствовать аналитическую базу выработки вариантов расстановки приоритетов при обосновании стратегических решений в области цифровизации.

Таким образом, применительно к региональному уровню разработка и апробация методики интегративной оценки цифровой трансформации процессов в сфере производства, обмена, распределения и потребления общественного продукта привносят определенный вклад в развитие методологических подходов к оценке потенциала территориальных систем в условиях цифровизации экономики. Однако

приходится констатировать, что все еще не происходит активной ориентации методического инструментария на задачи исследования взаимозависимости процессов цифровой трансформации и состояния потенциала национальных и региональных социально-экономических систем, что обуславливает необходимость выполнения дальнейшего исследования в избранной области научного поиска.

Практическая значимость проведенной работы заключается в использовании результатов оценки потенциала сельских территорий при принятии управленческих решений на муниципальном и региональном уровнях в целях развития территориальных систем, планирования бюджетных ресурсов в формате применения проектного управления и цифровых платформ для сбора информации, осуществления прогнозных расчетов, налаживания механизмов взаимодействия в цепи «бизнес — власть — население» и формирования конкурентных преимуществ сельских территорий.

Литература

1. Меренкова И.Н., Перцев В.Н. Обеспечение устойчивого развития сельских территорий муниципального района. Воронеж: ГНУНИИЭОАПК ЦЧР России, 2011. 166 с.
2. Методика прогнозирования уровня устойчивого развития сельских территорий (на основе нормативно-ресурсного метода) // В.В. Кузнецов [и др.]. Ростов н/Д: ВНИИЭиН, 2008. 55 с.
3. Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: коллективная монография / под науч. ред. А.Я. Троцковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 330 с.
4. Бондаренко Л.В. Устойчивое развитие сельских территорий: проблемы и их решение // О мерах Правительства РФ по устойчивому развитию сельских территорий: аналитический вестник. 2019. № 5 (719). С. 13–18.
5. Battino S., Lampreu S. The role of the sharing economy for a sustainable and innovative development of rural areas: A case study in Sardinia (Italy). *Sustainability (Switzerland)*, 2019, vol. 11, no. 11, 3004. DOI: 10.3390/su11113004
6. Ploeg J.D. Van Der, Renting H., Brunori G., Knickel K., Mannion J., Marsden T., De Roest K., Sevilla-Guzman E., Ventura F. Rural development: From practices and policies towards theory. *Sociologia Ruralis*, 2000, vol. 40, no. 4. Available at: https://www.researchgate.net/publication/227786245_Rural_Development_From_Practices_and_Policies_Towards_Theory (дата обращения 10.10.2020).
7. Смыслова О.Ю., Кокорева А.А. Направления развития устойчивой диверсификационно-ориентированной экономики сельских территорий // Современная экономика: проблемы и решения. 2018. № 8 (104). С. 116–129.
8. Konečný O. The leader approach across the European Union: One method of rural development, many forms of implementation. *European Countryside*, 2019, vol. 11, no. 1, pp. 1–16.
9. Дранникова Е.А. Развитие ресурсного потенциала аграрного сектора экономики в Ставропольском крае // Вестник СевКавГТИ. 2015. № 2 (21). С. 55–63.

10. Li Y., Westlund H., Liu Y. Why some rural areas decline while some others not: An overview of rural evolution in the world. *Journal of Rural Studies*, 2018, vol. 68, pp. 135–143.
11. Власова Н.Ю., Куликова Е.С., Трубина Г.Ф. Социально-экономические характеристики в системе маркетингового потенциала локальных территорий // Экономика и предпринимательство. 2017. № 7 (84). С. 200–204.
12. Negroponte N. *Being DIGITAL*. New York: Knopf, 1995. Available at: <http://web.stanford.edu/class/sts175/NewFiles/Negroponte.pdf> (дата обращения 10.10.2020).
13. Huang C.-Y., Chen H.-N. Global digital divide: A dynamic analysis based on the bass model. *Journal of Public Policy & Marketing*, 2010, no. 29 (2), pp. 248–264.
14. Hausberg J., Liere-Netheler K., Packmohr S., Pakura S., Vogelsang K. Digital transformation in business research: A systematic literature review and analysis. In: *DRUID18, Copenhagen Business School*. Copenhagen, Denmark, 2018.
15. Турко Л.В. Сущность феномена цифровой экономики, анализ определений понятия «цифровая экономика» // Российский экономический интернет-журнал. 2019. № 2. С. 88.
16. Косолапова М.В., Свободин В.А. Методологические вопросы системно-цифровой экономики – взаимосвязь системной и цифровой экономик // Мягкие измерения и вычисления. 2019. № 6. С. 13–16.
17. Vukšić V., Ivančić L., Vugec D. A preliminary literature review of digital transformation case studies. *International Journal of Computer and Information Engineering*, 2018, vol. 12, no. 9, pp. 737–742.
18. Пяткин В.В., Колчин А.И. От информационного общества к цифровой экономике или к экономике знаний? // Вестник современных исследований. 2018. № 7.1. С. 244–246.
19. Минаков А.В. Потенциал и перспективы развития цифровой экономики регионов России // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2020. № 3 (63).
20. Лapidус Л.В. Стратегии цифрового лидерства и запрос на новые компетенции цифровой экономики: основа для сотрудничества Россия – Болгария // Теория и практика проектного образования. 2019. № 3 (11). С. 51–57.
21. Развитие цифровой экономики в России как ключевой фактор экономического роста и повышения качества жизни населения: монография / Г.Н. Андреева [и др.]. Нижний Новгород: Профессиональная наука, 2018. 131 с.
22. Rondinelli D.A. *Applied Methods of Regional Analysis: The Spatial Dimensions of Development Policy*. Abingdon: Routledge, 2019.
23. Манжосова И.Б. Концептуально-методические аспекты «цифровизации» сельского хозяйства // Вестник Академии знаний. 2018. № 26 (3). С. 166–173.
24. Noonpakdee W., Phothichai A., Khunkornsiri T. The readiness for moving toward digital Thailand – a case study. *International Journal of Information and Education Technology*, 2018, vol. 8, no. 4, pp. 273–278.
25. Булгакова Л.Н., Борисов Е.Ф. Методологические аспекты оценки социально-экономического потенциала региона. М.: Проспект, 2011. 184 с.
26. Никитина Т.И. Индексный метод в оценке уровня социально-экономического развития сельских территорий Челябинской области // Вестник Мичуринского ГАУ. 2018. № 2. С. 194–197.
27. Манжосова И.Б. Методика DIGITAL-анализа для оценки трансформационных процессов в сельском хозяйстве при переходе к цифровой экономике // Московский экономический журнал. 2018. № 3.
28. Хилинская И.В., Лылов А.С. Социально-ориентированное развитие сельских территорий // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2017. № 11. С. 68–72.
29. Семин А.Н., Бухтиярова Т.И., Немыкина Ю.С. Организационно-экономический потенциал сельских территорий: индикативный подход к управлению // Аграрный вестник Урала. 2019. № 9 (188). С. 91–98.
30. Bryden J., Hart J. *Why Local Economies Differ? The Dynamics of Rural Areas in the European Union*. Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2003. 152 p.
31. Дабахова Е.В., Дабахов М.В., Титова В.И. Методические подходы к оценке ресурсного потенциала сельских территорий // Достижения науки и техники АПК. 2013. № 10. С. 3–5.
32. Барамзин С.В. Методика оценки социально-экономического развития сельских поселений // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 9. С. 43–46.

33. Войтюк М.М. Оценка социально-экономического потенциала лесной инфраструктуры сельских территорий региона // Никоновские чтения. 2011. № 16. С. 246–249.
34. Толоконников А.Ю. Интегральная оценка социально-экономического развития сельских территорий Алтайского края // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. № 1 (99). С. 113–118.
35. Бляхман А.А. Метод сравнительной оценки экономического состояния хозяйствующего субъекта // Экономика и управление. 2008. № 4 (36). С. 102–106.
36. Бессонова Е.А., Мерещенко О.Ю. Методические подходы к оценке ресурсного потенциала региона // Вопросы региональной экономики. 2016. № 4 (29). С. 17–24.
37. Татаринев А.А. Измерение цифровой экономики в национальных счетах // Вопросы статистики. 2019. № 26 (2). С. 5–17.
38. Городнова Н.В., Скипин Д.Л., Пешкова А.А. Исследование цифрового потенциала инновационных проектов российских компаний // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 3. С. 2229–2248.
39. Козлов А.В., Тесля А.Б. Цифровой потенциал промышленных предприятий: сущность, определение и методы расчета // Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. № 25 (6). С. 101–110.
40. Киселева Е. Г. Влияние цифровизации на инвестиционный потенциал города // Финансы: теория и практика. 2020. № 24 (5). С. 72–83.
41. Прудников С.П. Устойчивое развитие сельских территорий на основе принципа территориально-экономического зонирования // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 3. С. 325–328.
42. Романов М.Т. Проблемы экономического районирования и административно-территориального устройства России в новых условиях // Вестник Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2004. № 2. С. 28–46.
43. Escobal J., Favareto A., Aguirre F., Ponce C. Linkage to dynamic markets and rural territorial development in Latin America. *World Development*, 2015, vol. 73, pp. 44–55.
44. Федорова Е.Н., Пономарева Г.А., Егоров Е.Г. Вопросы социально-экономического районирования территории Якутии // Проблемы современной экономики. 2014. № 4 (52). С. 290–294.
45. Ragnedda M., Kreitem H. The three levels of digital divide in East EU countries. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 2018, vol. 4, pp. 5–27. DOI: 10.30547/worldofmedia.4.2018.1
46. Kenney M., Zysman J. The rise of the platform economy. *Issues in Science and Technology*, 2016, no. 32 (3), pp. 61–69.
47. Fernández-Macías E. *Automation, Digitalisation and Platforms: Implications for Work and Employment*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018.
48. Bandara O., Vidanagamachchi K., Wickramarachchi R. A Model for assessing maturity of Industry 4.0 in the banking sector. In: *Proceedings of the International Conference on Industrial Engineering and Operations Management Bangkok*. Thailand, 2019, March 5–7, pp. 1141–1150.
49. Moazed A., Johnson N. *Modern Monopolies: What It Takes to Dominate the 21st Century Economy*. New York: Saint Martins' Press, 2016.
50. Стырин Е.М., Дмитриева Н.Е., Синятуллина Л.Х. Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 31–60.

Сведения об авторе

Надежда Павловна Советова — кандидат экономических наук, доцент кафедры, Вологодский государственный университет (160015, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: sovetovanp@vogu35.ru)

Sovetova N.P.

Rural Territories' Digitalization: from Theory to Practice

Abstract. Large-scale application of digital technologies in management, social, and business processes determines the relevance of the inclusion of digital transformation factors in the socio-economic potential assessment of territorial systems. However, the applied methods of analyzing digitalization processes do not allow reflecting the influence of multi-level spatial set of digital transformation factors of life spheres on the process of potential formation and development of the country and its regions. The purpose of the research is to substantiate the need to include digitalization factors in the assessment of the aggregate potential of territorial socio-economic systems, to develop and test a methodology for integrative impact assessment of digital transformation factors on the state and socio-economic potential growth of territorial systems. The author uses the methods of analysis and synthesis, comparison and grouping, generalization and expert assessments, index and correlation methods of economic and statistical analysis. The working hypothesis of the undertaken research suggests a possibility of developing and applying a methodological approach to the analysis of the state and dynamics of digitalization processes reflecting the interdependence of characteristics of rural territories' potential and digital transformation parameters of rural life sphere. The paper defines the concepts of digitalization and digital potential, gives an annotated list of the main methodological approaches to assessing the territorial system's potential, proposes and tests the author's methodology version for analyzing and evaluating digitalization potential of rural territories, substantiates the model of a single digital platform for the purposes of state strategic planning for sustainable development of rural territories, structures the set of directions for digital transformation of region's life subjects, and forms a multi-level set of indicators for comparable assessment of the state and dynamics of digital transformation development which is useful for developing options for setting priorities when justifying strategic decisions in digitalization. The scientific novelty of the research is that for the first time there was an attempt to develop a methodological approach to assessing territorial system potential taking into account the factors of digital transformation of processes in the field of production, exchange, distribution, and consumption of public products.

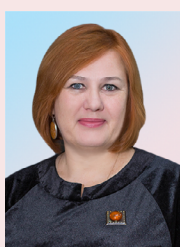
Key words: digital transformation, rural territories' potential, rural territories' digitalization.

Information about the Author

Nadezhda P. Sovetova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160015, Russian Federation; e-mail: sovetovanp@vogu35.ru)

Статья поступила 29.12.2020.

Сохранение здоровья детей: поиск путей решения актуальных проблем*

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: aas@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0002-3467-0921; ResearcherID: E-5968-2012

**Александра Владимировна
КОРОЛЕНКО**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: coretra@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7699-0181; ResearcherID: I-8201-2016

**Лейла Натиговна
НАЦУН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: leyla.natsun@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9829-8866; ResearcherID: I-8415-2016

**Ирина Николаевна
РАЗВАРИНА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: Irina.razvarina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9377-1829; ResearcherID: I-8228-2016

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-011-01039 «Инструменты повышения человеческого потенциала детского населения в условиях социально-экономических трансформаций общества».

Для цитирования: Сохранение здоровья детей: поиск путей решения актуальных проблем / А.А. Шабунова, А.В. Короленко, Л.Н. Нацун, И.Н. Разварина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 125–144. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.8

For citation: Shabunova A.A., Korolenko A.V., Natsun L.N., Razvarina I.N. Preserving children's health: search for the ways of solving relevant issues. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 125–144. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.8

Аннотация. Изменившаяся социальная реальность, порожденная пандемией коронавируса (COVID-19), актуализировала внимание к вопросам здоровья населения, его рискам и определяющим факторам. Сегодня особую важность приобретают личная ответственность человека за свое здоровье и согласованность деятельности различных социальных институтов при формировании здоровья детского населения. Статья посвящена анализу состояния здоровья детского населения и поиску путей его укрепления. Рассматриваются проблемы доступности и качества медицинских услуг, охраны здоровья детей, обсуждаются барьеры межинституционального взаимодействия в этой сфере, а также пути их преодоления. Для решения поставленных задач использованы количественные и качественные социологические методы: социологический опрос семей с детьми в возрасте от 3 до 17 лет, мониторинговое наблюдение за когортами семей с детьми, фокус-групповые исследования родителей детей 3–17 лет, экспертный опрос специалистов региональной системы здравоохранения, представителей органов власти. Выявлен ряд проблем: снижение потенциала здоровья детей по мере взросления; недостаточная информированность родителей о состоянии, формах и методах поддержания и укрепления здоровья детей, расхождение представлений родителей о собственной компетентности в данном вопросе с реальной ситуацией; нехватка узких специалистов в детских медучреждениях; отсутствие медицинских работников в основном штате образовательных организаций; очереди и сложность записи на прием к специалистам; низкая доступность бесплатных и высокая стоимость платных медицинских услуг; недостаточное информационное взаимодействие между медицинскими, образовательными организациями и родителями в вопросах профилактики заболеваний; нехватка у родителей полной информации о задачах профосмотров и недостаточное осознание важности дальнейших действий по восстановлению и укреплению здоровья детей. На основе проведенного анализа сформулированы направления решения указанных проблем. В их рамках могут быть разработаны и внедрены в практику конкретные управленческие инструменты в отношении сохранения потенциала здоровья детского населения.

Ключевые слова: здоровье, детское население, институты здоровьесбережения, детское здравоохранение, медицинские услуги.

Введение

Здоровье выступает базисным компонентом человеческого потенциала населения [1, с. 96]. Оно рассматривается как главная составляющая благополучия детского населения [2; 3; 4]. На индивидуальном уровне состояние здоровья в детстве определяет последующие этапы развития человеческого потенциала. Качества, приобретаемые индивидом в это время, в том числе основы здоровьесберегающего поведения [5], сохраняются в течение всей жизни [6, с. 94]. Наряду с семьей важную роль в охране здоровья подрастающего поколения играют образование и детское здравоохранение.

С учетом приоритетности вложений в человеческий потенциал активное развитие в зарубежных исследованиях получила тематика детского благополучия. Это широкое понятие, содержание которого остается предметом научных дискуссий [7]. Индикаторы благополучия (применительно к ребенку) включают оценки физического здоровья, развития и безопас-

ности, психологического и эмоционального развития, социального развития и поведения, когнитивного развития и образовательных достижений [8]. Как свидетельствует пример европейских государств, показатель ВВП объясняет менее половины (47%) вариаций индекса благосостояния детей. Для того чтобы оценить взаимосвязь между экономическим развитием и инвестициями в благополучие детей, следует учесть, помимо экономических параметров, также социальные нормы, институты или показатели социально-политической обстановки в стране [9]. Внимание мирового исследовательского сообщества сосредоточено на всестороннем изучении детского благополучия [10; 11], разработке релевантных методик его измерения, позволяющих проводить межстрановые сопоставления [12; 13; 14]. Достигнуты определенные успехи в области мнений детей о том, что значит благополучие для них самих [15; 16]. Вместе с тем отдельные аспекты в этой области

остаются недостаточно разработанными. Например, наблюдается нехватка лонгитюдных исследований влияния детского благополучия на академическую успеваемость детей школьного возраста [17].

Детское население составляет менее 25% в структуре современной российской популяции, что является следствием низкой рождаемости, недостаточной для обеспечения простого воспроизводства населения [18], и роста ожидаемой продолжительности жизни [19; 20]. По состоянию на 1 января 2019 года численность детского населения 0–17 лет составляла около 30,2 млн человек¹. Реализация активной социально-демографической политики на федеральном и региональном уровнях способствовала увеличению рождаемости [21; 22], которое наблюдалось вплоть до 2016 года [23]. Благодаря этим мерам прирост численности детского населения за 2009–2019 гг. составил 16 п. п. Максимальные значения показателя пришлись на 2012–2015 гг., после чего началось его снижение. Этот тренд исследователи связывают как с эффектом «демографических волн» [24; 25], так и с откладыванием рождений вследствие экономического кризиса 2015–2016 гг. [26]. Для преодоления демографического кризиса необходимы дополнительные меры государственной поддержки, ориентированные на стимулирование рождений высокой очередности [27]. Проведение такой политики должно сопровождаться дальнейшим совершенствованием работы системы здравоохранения, в том числе мероприятиями по снижению показателей младенческой и детской смертности [21].

На фоне сокращения доли детей в составе населения неблагоприятной представляется картина, характеризующая их физическое благополучие – здоровье. По данным отечественных исследований, потенциал здоровья детей по мере их взросления снижается [28–32]. Учитывая эти тенденции, все больше внимания обращается на деятельность институтов, задействованных в сохранении здоровья подрастающего поколения: здравоохранения, образования, семьи, социальной защиты. Здравоохранение в этом перечне яв-

ляется профильным институтом, от деятельности которого зависит создание благоприятных инфраструктурных условий профилактики нарушений здоровья детей, его восстановления и сохранения. Одним из приоритетных направлений работы специалистов данной сферы выступает решение проблем профилактической медицины, в частности работа с населением для повышения его приверженности здоровому образу жизни, организация регулярных профилактических осмотров и диспансеризации². Среди прочих приоритетов специалисты называют здоровье подростков, снижение инвалидности, совершенствование медицинской реабилитации, оптимизацию системы медико-социальной помощи детскому населению [33].

Совершенствование системы детского здравоохранения и повышение доступности ее услуг служат приоритетными задачами Глобальной стратегии охраны здоровья женщин и детей ВОЗ³. В российской государственной социальной политике обеспечение доступности качественных услуг детского здравоохранения также является приоритетом. Это отражено в федеральном проекте «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям»⁴, в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.⁵ и плане мероприятий на 2018–2020 гг. в рамках Десятилетия детства (2018–2027 гг.)⁶.

² Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1640. URL: <http://static.government.ru/media/files/hJb4XgcAxhafiBW27EyseBZmtCra0RH.pdf>

³ Глобальная стратегия охраны здоровья женщин и детей // Всемирная организация здравоохранения. 2010. 24 с.

⁴ Паспорт федерального проекта «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям» // Официальный сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie/detstvo>

⁵ О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.: Указ Президента РФ от 01 июня 2012 г. № 761 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/35418>

⁶ Об утверждении плана основных мероприятий на 2018–2020 гг. в рамках Десятилетия детства: Распоряжение Правительства РФ от 06 июля 2018 г. № 1375-р. URL: <http://government.ru/docs/33158/>

¹ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2019 года. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_111/Main.htm

Российские исследователи неоднократно обращались к обсуждению вопросов наилучшей организации системы непрерывного наблюдения и охраны здоровья детей. Так, специалисты Научного центра здоровья детей РАМН (А.А. Баранов с соавт., 2008) обозначили необходимость разработать национальную классификацию предотвратимых потерь здоровья детского населения для определения приоритетных целей и задач в сфере его охраны. В качестве образца исследователи приводят европейскую классификацию предотвратимых причин смерти, основанную на трех уровнях профилактики. Первый уровень охватывает, главным образом, факторы условий и образа жизни населения, второй – своевременное выявление и раннюю диагностику заболеваний, третий – адекватное лечение и организацию качественной медицинской помощи больным. Важным индикатором здоровья детского населения авторы называют инвалидность, указывая, что в предотвращении ее утяжеления у больных детей значительную роль играет реабилитационный потенциал семьи [34]. В более поздних работах идея концепции предотвратимых потерь здоровья детского населения была раскрыта подробнее [35]. В рамках ее апробации предложены мероприятия по предотвращению факторов риска развития психических расстройств у детей. За основу при этом были взяты руководящие принципы европейской стратегии «Здоровье и развитие детей и подростков» (2005 г.), один из которых – *подход с точки зрения полного жизненного цикла*. Суть его состоит в том, что «стратегии и программы должны быть ориентированы на решение проблем, связанных со здоровьем ребенка на каждом этапе развития: от дородового периода до подросткового возраста по наиболее уязвимым возрастным группам и факторам риска, связанным с экономической ситуацией в регионе» [36].

На необходимость совместных усилий семьи, образования и медицины в здоровьесбережении детей на протяжении всего периода взросления указывали и другие отечественные авторы. Специалистами Министерства здравоохранения Республики Татарстан раскрыт положительный региональный опыт работы центров здоровья для детей в плане повыше-

ния медицинской активности семей, усиления интереса к самостоятельной заботе подростков о здоровье. Отмечена приоритетность расширения взаимодействия специалистов этих центров с образовательными организациями региона для повышения эффективности профилактической работы. Одним из важных результатов такого сотрудничества стало проведение специального скрининга среди школьников. В результате у 72% обучающихся выявлены факторы риска развития миопии. Большинство среди них составляли старшеклассники с признаками интернет-зависимости (проводящие длительное время в социальных сетях, за компьютерными играми и другими развлечениями) [37]. Существенной доработки, согласно данным исследований, требует порядок проведения профилактических осмотров детского населения. Так, на примере Свердловской области было продемонстрировано, что нехватка узких специалистов в организациях здравоохранения первого уровня влечет за собой заметное снижение качества проведения профилактических осмотров. На фоне высокого уровня распространения патологий в детской популяции недостаточен объем медицинских рекомендаций, выданных детям с выявленными нарушениями здоровья и физического развития. Существует несогласованность в определении группы здоровья школьников и группы для занятий физкультурой, а также проблема некачественного информирования родителей детей о результатах осмотров. В ряде случаев сами родители не выполняют выданные им медицинские предписания по организации лечения детей [38].

Существенное снижение здоровья детей происходит в период школьного обучения. На основе девятилетнего клинического наблюдения здоровья 426 московских школьников исследователями доказана необходимость проведения ряда здоровьесберегающих мероприятий в образовательных организациях: улучшение качества питания детей в столовой, обучение детей и их родителей правилам здорового питания, ежегодное углубленное обследование у эндокринолога школьников, страдающих ожирением, диспансерное наблюдение у аллерголога и отоларинголога школьников, имеющих аллергические заболевания органов дыхания.

На протяжении всех лет обучения в образовательных учреждениях рекомендовано вести лечебно-коррекционную работу с учащимися, имеющими нарушения опорно-двигательного аппарата. В отношении детей с невротическими и астеническими реакциями указано на целесообразность психологической коррекции и оптимизации учебной и эмоциональной нагрузки в 1–2, 7–8-х и, в особенности, 9-х классах при подготовке к ГИА [39].

Обзор программных документов в области здравоохранения, а также работ отечественных специалистов позволяет утверждать, что, несмотря на высокую заинтересованность власти и общества в обеспечении воспроизводства здоровых поколений, в России остаются актуальными такие проблемы, как:

- 1) снижение доли детей в составе населения;
- 2) низкий потенциал здоровья детей;
- 3) недостаточная согласованность деятельности институтов здравоохранения, образования и семьи в сфере охраны и укрепления здоровья детского населения.

Учитывая это, была сформулирована *цель настоящего исследования* — анализ состояния здоровья детского населения и оценка отдельных институциональных факторов его формирования. Период исследования охватил 2005–2019 гг., что обусловлено необходимостью изучения современного состояния проблемы, а также тенденций, наблюдаемых в последние 15 лет (период активизации социально-демографической политики в стране).

Методология исследования

Исследование базировалось на количественных и качественных социологических и медико-социологических методах.

1) Социологический опрос семей с детьми в возрасте от 3 до 17 лет, проведенный в 2018 году на территории Вологодской области среди 1500 семей в городах Вологде и Череповце и 8 муниципальных районах области. Выборка репрезентативная, ошибка выборки не превышала 3% при доверительном интервале 4–5%. В опросе использовано четыре вида анкет в зависимости от возраста ребенка: для родителей детей дошкольного (3–6 лет), младшего (7–10 лет), среднего (11–14 лет) и старшего школьного (15–17 лет) возрастов.

2) Проспективное мониторинговое наблюдение за когортами семей с детьми. Вологодский научный центр РАН с 1995 года проводит медико-социологическое мониторинговое исследование «Изучение условий формирования здорового поколения». Выборку составляют семьи, в которых за определенный период родились дети. Организуется наблюдение за здоровьем детей до достижения ими возраста 18 лет. В исследовании участвуют крупные города области (Вологда, Череповец), города – районные центры (Великий Устюг, Кириллов) и поселок городского типа Вожега. За период лонгитюдного наблюдения обследовано пять когорт семей с детьми 1995, 1998, 2001 и 2004, 2014 годов рождения⁷. В 2020 году осуществлен набор новой когорты участников.

3) Фокус-групповые исследования родителей детей в возрасте от 3 до 17 лет. В 2019 году учтены 5 фокус-групп: 3 – в г. Вологде, 1 – в г. Череповце и 1 – в муниципальном районе области. Обследовано 36 человек, различных по возрасту, наличию и возрасту детей, уровню образования, семейному положению. Получено представление о реальных проблемах семей с детьми в регионе, выявлены ожидания родителей относительно их решения (в т. ч. в сфере детского здравоохранения).

4) Экспертный опрос специалистов региональной системы здравоохранения, представителей органов власти, курирующих вопросы охраны детского здоровья. В 2019 году осуществлено 10 экспертных интервью со специалистами, чья деятельность включает работу с семьями и детьми. Эксперты обозначили свое видение возможных путей повышения потенциала здоровья детей.

Богатая эмпирическая база исследования, собранная благодаря сочетанию качественных и количественных методов, позволяет дать комплексную оценку сложившейся ситуации в сфере детского здоровья и здоровьесбережения, а также сформулировать направления решения проблем, связанных с сохранением здоровья детей, с учетом мнений родителей, медицинских работников и представителей органов власти.

⁷ Подробнее с методологией проведения лонгитюдного исследования «Изучение условий формирования здорового поколения» можно ознакомиться в работе [10].

Результаты исследования Состояние здоровья детей

Несмотря на заметные успехи здравоохранения в Российской Федерации, которые позволили снизить младенческую смертность на 55%, с 11,0 случаев на 1000 живорождений в 2005 году до 4,9 на 1000 живорождений в 2019 году⁸, в целом говорить об улучшении детского здоровья преждевременно. Первичная заболеваемость детей в возрасте от 0 до 14 лет за 13 лет выросла на 2% (с 1708,78 случая на 1000 детей 0–14 лет в 2005 году до 1746,94 случая в 2018 году⁹). Заболеваемость подростков увеличилась на 22% (с 1114,52 случая в 2005 году до 1360,20 случая в 2018 году¹⁰).

В структуре первичной заболеваемости детей 0–14 лет в период с 2005 по 2018 год также произошли существенные изменения. Среди неблагоприятных тенденций отметим незначительное увеличение распространенности заболеваний глаза (на 2% – с 5 577 до 5 700), травм и последствий внешних воздействий (на 3% – с 10 352 до 10 618 случаев на 100 тыс. чел.) и существенный рост заболеваемости злокачественными новообразованиями (на 38% – с 341 до 469 случаев на 100 тыс. чел.), ожирением (на 47% – с 256 до 375), сахарным диабетом (на 65% – с 13 до 21)¹¹. Численность детей 0–14 лет, имеющих злокачественные новообразования, за 10 лет (с 2008 по 2018 год) увеличилась на 71%, число подростков с такими диагнозами за этот же период выросло на 37%¹² [40].

⁸ Младенческая смертность // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo22.xls>

⁹ Заболеваемость детей в возрасте 0–14 лет по основным классам и группам болезней. Здравоохранение в России // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13218>

¹⁰ Заболеваемость детей в возрасте 15–17 лет по основным классам, группам и отдельным болезням. Здравоохранение в России // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_34/IssWWW.exe/Stg/02-56.doc

¹¹ Заболеваемость детей в возрасте 0–14 лет по основным классам и группам болезней // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_34/IssWWW.exe/Stg/02-45.doc

¹² Заболеваемость детей злокачественными новообразованиями // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/3-8.xlsx>

Высокий уровень заболеваемости детского населения России в 2005–2018 гг. сопровождался ростом ее хронизации по отдельным классам причин [41], а также увеличением выявляемости врожденных патологий [42]. В период 2015–2018 гг. доля детей 0–14 лет, имеющих хронические заболевания, оставалась высокой и практически неизменной – около 15%. Среди детей в возрасте до года этот показатель был немного ниже – около 8%¹³.

К числу актуальных проблем здоровья детского населения следует отнести также высокую детскую инвалидность¹⁴ [43]. За обозначенный период в 1,2 раза вырос абсолютный, а в 1,08 раза – относительный показатель инвалидизации детского населения России. В 2019 году эти величины составили 670 тысяч человек и 222 человека на 1000 детей соответственно¹⁵.

Перечисленные проблемы актуализируют исследования, направленные на выявление факторов сохранения здоровья детского населения и поиск инструментов управления ими. Решение данных задач может найти практическое применение в области совершенствования координации работы институтов здравоохранения, образования и семьи в сфере охраны и укрепления здоровья детского населения.

Данные когортного мониторингового исследования позволяют не только отслеживать текущие параметры здоровья детского населения в регионе (поперечные срезы данных), но и получать картину их изменений во времени для одних и тех же участников (продольные срезы данных). За время выполнения этого проспективного наблюдения был выявлен ряд закономерностей, характеризующих здоровье участников. В развитии детей выделены критические возрасты, на которые приходится максимальные «спады» здоровья. Это периоды первого года жизни,

¹³ Результаты профилактических осмотров детей в возрасте 0–14 лет // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_34/IssWWW.exe/Stg/02-43.doc

¹⁴ Распределение численности детей-инвалидов в возрасте 0–17 лет по заболеваниям, обусловившим возникновение инвалидности // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_34/IssWWW.exe/Stg/02-67.doc

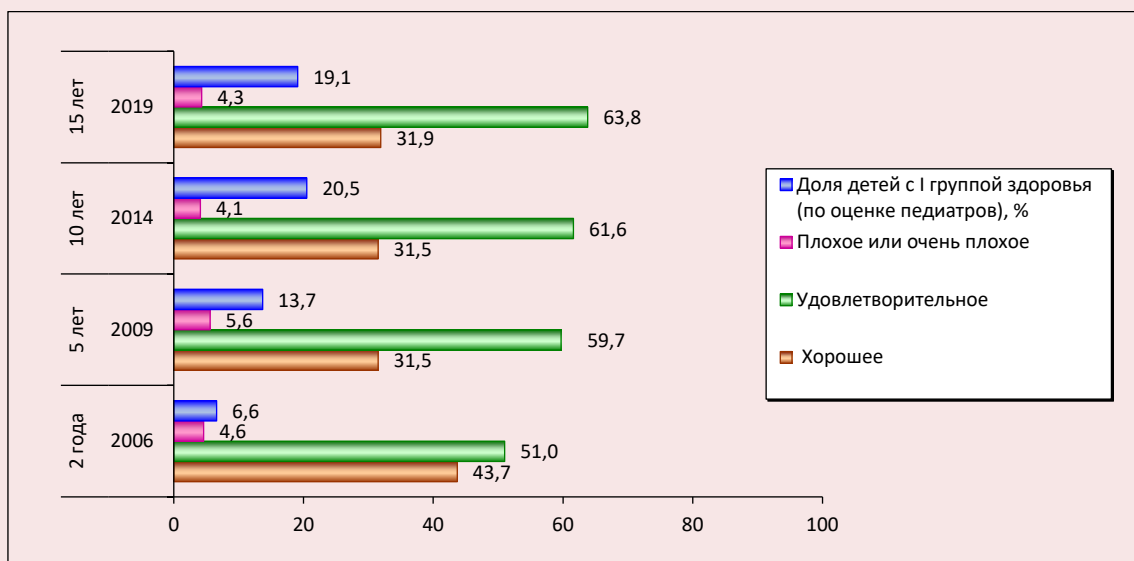
¹⁵ Здравоохранение в России // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13218>

6–7 лет (поступление в начальную школу) и 9–10 лет (переход в среднюю школу, когда снижение здоровья детерминировано нарастанием учебной нагрузки) [5]. На предыдущих этапах исследования была показана возрастная специфика факторов формирования здоровья детей. Так, установлено, что на новорожденных сильнее всего воздействует сочетание медико-биологических и социальных факторов [44]. В формировании здоровья детей школьного возраста заметную роль начинают играть поведенческие факторы. В частности, негативное влияние оказывает недостаточная сформированность навыков здоровьесбережения у детей. К примеру, согласно ответам родителей в 2019 году, 40% подростков 15 лет не соблюдали правильную посадку за рабочим столом при письме и чтении, 49% – режим работы за компьютером (не делали необходимые для профилактики нарушений зрения перерывы). При этом нарушения зрения, предполагающие ношение очков или контактных линз, были выявлены у 32% подростков, но 13% не пользовались очками, несмотря на рекомендацию врача.

К числу неблагоприятных факторов формирования здоровья подрастающего поколения

относится и *недостаточный уровень информированности родителей о состоянии здоровья их детей*. Об этом свидетельствует наблюдаемое в течение всего периода исследования расхождение родительских оценок здоровья детей с оценками, высказанными педиатрами. Так, в 2019 году 32% родителей детей когорты 2004 г. р. охарактеризовали здоровье своего ребенка как «хорошее», тогда как по оценкам педиатров только 19% детей данной когорты были полностью здоровы (рис. 1). У большинства детей, здоровье которых родители сочли хорошим, педиатры отмечали либо частые инфекционные заболевания в течение года, либо функциональные и морфофункциональные нарушения, что соответствует II группе здоровья. В отношении детей, здоровье которых родители назвали удовлетворительным, оценки педиатров также разделились: большинство детей действительно имели II группу здоровья, в то же время у 20% не было никаких нарушений здоровья, еще у 20% наблюдались хронические заболевания (что соответствует III группе здоровья). Только у двух детей родители отметили плохое состояние здоровья (один ребенок действительно имел хронические заболевания).

Рисунок 1. Распределение родительских оценок здоровья детей когорты 2004 года рождения (% от числа опрошенных в соответствующем году) и доля детей с первой группой здоровья в соответствии с оценками педиатров (% от численности детей в когорте)

Источник: данные когортного мониторингового наблюдения «Изучение условий формирования здорового поколения», 2006–2019 гг.

Несогласованность оценки здоровья медицинскими работниками и родителями, выявленная в мониторинге, подтверждается и другими данными. Так, согласно результатам социологического исследования здоровья школьников в городах Вологде и Череповце¹⁶, 43% семей оценили здоровье своих детей как очень хорошее, тогда как фактически (по данным школьных медкабинетов) доля полностью здоровых детей составляла лишь 11,5%. Сильнее всего разошлись оценки здоровья в отношении учеников 11-х классов: очень хорошим посчитали здоровье своих детей 35% родителей и только 1% таковых был по данным медицинских карт. Наиболее распространенными заболеваниями среди школьников к моменту окончания старшей школы (11 класс) являлись заболевания опорно-двигательного аппарата (60% детей), сердечно-сосудистой системы (37%), органов зрения (34%), нервной системы (33%), дыхательной системы (15%), пищеварительной системы (14% детей).

Причинами расхождения родительских и медицинских оценок текущего состояния здоровья детей выступают нехватка у родителей соответствующих компетенций и недостаточная информированность. С другой стороны, оценивая здоровье ребенка, родители смотрят, позволяет ли оно ему нормально социализироваться. Если нет жалоб со стороны ребенка и серьезных ограничений функционирования, то здоровье оценивается как «хорошее». На основании име-

ющейся информации, понимания степени ее важности, осознания ответственности семьи за сохранение здоровья детей формируются соответствующие поведенческие практики здоровьесбережения. Можно предположить, что неточная информированность родителей, неверные линии поведения могут быть одной из возможных причин, обуславливающих хронизацию не пролеченных своевременно заболеваний у детей по мере взросления. Медицинские работники более точны в оценках, так как ориентируются на наличие или отсутствие заболеваний и нарушений развития, поэтому очень важно наладить информационное взаимодействие медицинских работников и семей с использованием современных возможностей и каналов передачи информации.

Согласно данным мониторингового наблюдения, большинство родителей подростков 15 лет (72%) считали себя достаточно информированными о состоянии здоровья своего ребенка. Основными источниками сведений для респондентов были беседы с лечащим врачом ребенка и медсестрой (этот вариант отметили 87 и 21% опрошенных соответственно), а также средства массовой информации (26%; табл. 1).

Полнота информированности родителей, выступая важнейшей предпосылкой объективной оценки здоровья, еще не является достаточным условием для его сохранения и укрепления. Ведущую роль в данном аспекте играют медицинская активность семьи и дисциплини-

Таблица 1. Распределение ответов родителей детей на вопрос «Из какого источника (в наибольшей степени) Вы получаете знания об особенностях состояния здоровья и организации ухода за Вашим ребенком?» (2019 г., на примере когорты семей с детьми 2004 г. р.)

Формулировка ответа	Доля респондентов, выбравших данный вариант ответа, %
От врача	87,2
Телевидение, радио, интернет	25,5
От медсестры	21,3
Из литературы	6,4
Из медицинской карты ребенка	6,4
Родственники, друзья, знакомые	6,4
Другое	2,1
Источник: данные когортного мониторингового наблюдения «Изучение условий формирования здорового поколения», 2019 г.	

¹⁶ Исследование проведено совместно с Департаментом здравоохранения Вологодской области. Оно включало социологический опрос по формализованной анкете родителей и обучающихся, интервьюирование администрации, педагогов образовательных организаций, анализ медицинской документации в школе. Выборка исследования 1103 обучающихся 1, 2, 5, 9, 11-х классов из 10 общеобразовательных организаций (641 человек из 1–5 классов, 462 человека из 9–11 классов), 1185 родителей, 50 педагогических работников.

рованное следование рекомендациям врачей. Распространенной ошибкой родителей становится отказ от своевременного обращения к врачу в случае острого заболевания ребенка. По данным когортного мониторинга, в 2019 году так поступали около 23% родителей подростков. Другая проблема – невыполнение назначений лечащего врача. В 2019 году 15% родителей подростков отметили, что не всегда строго выполняют рекомендации врача, следуют назначенному курсу лечения или оздоровления ребенка.

С учетом обозначенных выше проблем здоровья подрастающего поколения особую актуальность приобретает усиление информационно-просветительской работы с родителями детей в системе медицинской профилактики. Одновременно на первый план выходят вопросы качества и доступности услуг здравоохранения для семей с детьми.

Проблемы и факторы формирования детского здоровья

Обсуждая медицинскую активность семей, важно учитывать аспекты доступности медицинской помощи, комфортности ее получения, которые во многом лимитируют получение качественной и своевременной медицинской помощи. На основе результатов социологического опроса семей с детьми Вологодской области, проведенного в 2018 году, установлено, что при обращении за медицинской помощью в государственные учреждения родители с детьми чаще всего отмечали наличие таких проблем, как отсутствие необходимых специалистов (30% опрошенных), очереди (30%) и неудобный график приема специалистов (24%).

Недостаток квалифицированных медицинских кадров, особенно узких специалистов, ощущается в стране в целом, что подтверждают и данные медицинской статистики. В России снижается обеспеченность детского населения педиатрами и увеличивается коэффициент совместительства по данной специальности [45]. В ряде регионов Северо-Западного федерального округа в период 2005–2018 гг. наблюдалось сокращение списочной численности врачей-педиатров¹⁷. По состоянию на 2018 год в целом в федеральном округе на 10000 детского населения приходилось 9,75 участковых педиатров, тогда как в Вологодской области – 8. Для сравнения, в соответствии с приказом Министерства здравоохранения, действовавшим в 2018 году, рекомендуемый штатный норматив обеспеченности детской поликлиники участковыми педиатрами составлял 12,5 единиц на 10000 прикрепленного детского населения¹⁸. Следовательно, можно говорить о дефиците врачей указанного профиля на территории региона и округа в целом. Среди врачей-специалистов лучше всего детское население Вологодской области было обеспечено хирургами и стоматологами, хуже всего – подростковыми психиатрами (которые в регионе отсутствуют), детскими онкологами и урологами-андрологами (табл. 2).

Нехватка медицинских кадров и очереди волнуют родителей детей всех возрастов, тогда как озабоченность невозможностью попасть на прием в необходимое время, отсутствием бесплатных лекарств и плохой организацией работы регистратур более выражена среди родителей дошкольников (27, 23 и 13% соответственно).

¹⁷ Основные показатели здоровья матери и ребенка, деятельность службы охраны детства и родовспоможения в Российской Федерации: стат. сб. / Департамент мониторинга, анализа и стратегического развития здравоохранения Министерства здравоохранения РФ, ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Министерства здравоохранения РФ. М., 2012. 191 с.; Ресурсы и деятельность медицинских организаций здравоохранения. Часть Медицинские кадры: стат. сб. / Департамент мониторинга, анализа и стратегического развития здравоохранения Министерства здравоохранения Российской Федерации, ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Министерства здравоохранения РФ. М., 2018. 278 с.; Ресурсы и деятельность медицинских организаций здравоохранения. Часть Медицинские кадры: стат. сб. / Департамент мониторинга, анализа и стратегического развития здравоохранения Министерства здравоохранения Российской Федерации, ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Министерства здравоохранения РФ. М., 2019. 281 с.

¹⁸ Об утверждении Положения об организации оказания первичной медико-санитарной помощи детям: приказ Министерства здравоохранения РФ от 7 марта 2018 г. № 92н. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71825984/>

Таблица 2. Обеспеченность врачами различных специальностей, в расчете на 10000 человек детского населения, Вологодская область

Специальность	2017 год	2018 год	Справочно: норматив для поликлиник на 10000 детей (2018 год)
Кардиолог детский	0,40	0,44	0,5
Онколог детский	0,04	0,04	0,1
Педиатр участковый	8,33	8,17	12,5
Психиатр детский	0,37	0,42	–
Психиатр подростковый	0,00	0,00	–
Стоматолог детский	0,84	0,84	–
Уролог-андролог детский	0,04	0,04	1
Хирург детский	0,88	0,84	1
Эндокринолог детский	0,40	0,40	0,5

Источник: Ресурсы и деятельность медицинских организаций здравоохранения. Медицинские кадры: стат. сб. / Департамент мониторинга, анализа и стратегического развития здравоохранения Министерства здравоохранения Российской Федерации, ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Министерства здравоохранения РФ. М., 2019. 281 с.; Об утверждении Положения об организации оказания первичной медико-санитарной помощи детям: приказ Министерства здравоохранения РФ от 7 марта 2018 г. № 92н. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71825984/>

Менее остро стоят вопросы, связанные с качеством работы медперсонала. О систематическом проявлении неуважительного отношения в медучреждениях сказали 6,5% родителей дошкольников, 5,4% родителей младших школь-

ников и 8% родителей детей среднего и старшего школьного возраста. Проблему опозданий и нерегламентированных перерывов в работе медперсонала чаще всего отмечали родители детей в возрасте 11–14 лет (9,2%; табл. 3).

Таблица 3. Проблемы, возникающие у семей с детьми при обращении за медицинской помощью (по данным социологического опроса, 2018 г.)*

Проблема	Доля респондентов, отметивших постоянный характер проблемы, %			
	Родители детей 3–6 лет	Родители школьников 7–10 лет	Родители школьников 11–14 лет	Родители школьников 15–17 лет
Отсутствие необходимых специалистов	30,8	27,4	30,7	30,0
Очереди	31,2	29,6	29,1	30,5
Неудобный график приема специалистов	27,3	20,1	25,9	23,7
Отсутствие бесплатных лекарств	22,7	19,3	21,5	20,7
Плохая организация работы регистратур	12,6	8,2	8,4	10,8
Опоздания, нерегламентированные перерывы в работе медперсонала	7,9	6,2	9,2	7,4
Необходимость оплачивать медицинские услуги, которые должны предоставляться бесплатно	18,2	13,1	18,5	18,2
Недостаток информации о работе специалистов, о том, к кому можно обратиться в случае тех или иных заболеваний	14,8	12,6	14,7	14,9
Невнимательное отношение медработников	12,7	10,3	13,9	11,7
Хамство, неуважительное отношение медработников к пациентам	6,5	5,4	8,9	8,3

* Распределение ответов респондентов на вопрос «С какими проблемами, связанными с медицинским обслуживанием ребенка, Вы сталкиваетесь в государственных медицинских учреждениях?»
Источник: результаты массового опроса родителей детей 3–17 лет, 2018 г.

В отношении частных медицинских организаций перечисленные проблемы практически не беспокоили родителей. Однако ранее проведенное углубленное исследование позволило выявить существование противоречия: несмотря на наличие в государственных медучреждениях комплекса проблем, по оценкам родителей, именно в них выше результативность услуг, а большая часть из них предоставляется бесплатно, что очень важно для семей с детьми [46].

Результаты массового опроса подтвердились в рамках *фокус-группового исследования*. В числе ключевых проблем медицинского обслуживания семей с детьми родители чаще всего называли *нехватку узких специалистов* в детских поликлиниках, *невозможность записаться на*

прием и отдельные процедуры (например, на УЗИ). В обсуждении также поднимался вопрос о *низкой доступности бесплатных медицинских услуг и ценовой недоступности услуг частных медицинских организаций*, особенно для многодетных семей.

Значительное внимание родители уделяют проблеме *некачественного текущего контроля за состоянием здоровья детей в образовательных организациях* вследствие отсутствия в них на постоянной основе медицинских работников. Анализ фокус-групп показывает, с одной стороны, заметную обеспокоенность родителей формальным характером проведения профилактических осмотров у детей, что чревато осложнением вовремя не выявленных заболеваний. С другой стороны, семьи склонны

– Дефицит специалистов. Их невозможно поймать. Сначала какая-нибудь эпидемия. Не идешь в поликлинику, чтобы ребенка не заражать. Потом они сами на больничном, потом в отпусках (жен., г. Вологда, 36 лет, замужем, 1 ребенок, в/о, работает).

– Проблемно записаться на то же УЗИ за три месяца. Бывает такое. Может быть в поликлинике карантин, из-за чего время сдвигается. У родителей тоже есть вариант – пойти платно, но не всегда хватает средств. Один раз водили ребенка к гематологу, а он говорит: «Зачем вы пришли платно? Через три дня могли бы записаться». А нам надо было его на реабилитацию оформлять, ему к анализу крови были какие-то замечания даны. И пока специалист не напишет «добро»... Поэтому пришлось идти платно (муж., г. Вологда, 49 лет, женат, 3 детей, в/о, пенсионер).

– И у нас, и в Вологде нехватка специалистов. К какому-то не пробиться. У них когда осмотры идут? Весной? Талоны дают, потом это все теряется к осени, летом вообще не пробиться к специалисту, если только платно. Платно, сами понимаете, не каждый может... Мне сурдолога назначили ребенку. У нас 2 сурдолога: и первый и второй платные. (жен., г. Череповец, 43 года, не замужем, 2 детей, в/о, работает).

– Нам надо ходить к аллергологу. Аллерголог в городе один. Я не знаю, как к нему попасть?! «Сходите к нему на платный прием за 700 рублей». У меня трое детей. Я за троих должна заплатить 2100, а дальше что? (жен., г. Вологда, 32 года, замужем, 3 детей, в/о, работает).

– Ортопед работает день через день. День не работает, он в другой поликлинике. Ну это сплошь и рядом... Идешь на платный приём – деньги из семьи вырываешь. Тогда как есть бесплатная медицина. (муж., г. Вологда, 39 лет, женат, 2 детей, в/о, работает).

– У меня такая ситуация. Ребенку 8 лет. Нас направили к хирургу, пупочная грыжа. Специалиста в поликлинике нет, я трижды приходила в поликлинику до 8 утра. Когда был специалист, не было талонов. Я посчитала, что это не настолько страшно – пупочная грыжа, просто не пошла ни к платному, ни к бесплатному. (жен., г. Череповец, 32 года, не замужем, 3 детей, в/о, работает).

– Для детей сделать бы медицину «побесплатней». Это наше общество. Лекарства очень дорогие. Даже взять на уровне села: у кого что-то серьезное было, складывались (прим. – на лечение ребёнка). Ведь можно эту проблему решить на уровне государства. (муж., муницип. район, 46 лет, в неофиц. браке, 3 детей, полное ср./о).

– Медсестры как обычно нет (прим. – в детском саду). Она приходящая и уходящая на данный момент... То есть когда надо, прививки придут-сделают... В советское время медсестра обходила и смотрела по состоянию здоровья, как выглядели дети. Если есть у кого-то признаки (прим. – заболевания), то выводили. А сейчас никто не смотрит этого, сейчас привели и привели. Воспитатель не может 30 человек осмотреть. Воспитатель не врач. Может не выпался ребенок. Внешне не всегда видно заболевание. Воспитатель не увидит, и родитель не сразу поймет. Я по своему (прим. – ребёнку) сужу, когда у него температура 40, только тогда я могу увидеть. Нет медработника, поэтому некому проверить, осмотр в группе сделать. (жен., г. Вологда, 39 лет, замужем, 1 ребёнок, в/о, работает).

– Система государства не организывает контроль приема в сад. Медик должна встречать ребенка, когда его приводят в сад. До вечера ребенок сидит с температурой в группе, не играет. У меня было такое: позвонили, я вернулась через час. У ребенка температура, мы сели на больничный.

У нас недавно был медосмотр, сдали только анализы, а к какому-то специалисту, у нас вот со зрением проблема, на учет встаешь, дают направление, и подтверждаешь, можно ли за этой партией ребенку сидеть. Профосмотры детей есть, но они поверхностные. (жен., г. Вологда, 27 лет, не замужем, 1 ребёнок, ср. спец./о, работает).

– В детском садике же сидит медработник с медицинским образованием. Но где-то осматривают, где-то нет. И осматривают пока случилось (прим. – заболевание у кого-то из детей): недели 2–3. Начинают осматривать, потом все хорошо. (муж., г. Череповец, 40 лет, в неофиц. браке, 2 детей, ср. спец./о, работает).

– Один медик на большой детский сад, 12 групп по 25 человек, он физически не сможет всех осмотреть. (жен., г. Вологда, 36 лет, замужем, 1 ребенок, в/о, работает).

перекладывать ответственность за здоровье детей на систему дошкольной медицины (многие участники фокус-групп, например, склонны перекладывать на плечи медицинского работника в детском саду ежедневный утренний прием детей в группы и выявление у них признаков инфекционных или простудных заболеваний). Их заботит также «поверхностный характер профосмотров». От профилактических обследований дошкольников и школьников родители ожидают не просто обозначения проблемы, но и соответствующих медицинских назначений, ведущих к ее решению.

В родительских высказываниях зачастую прослеживается как вполне обоснованная и объективная критика, так и тенденция к перекладыванию части ответственности за здоровье своих детей на государственные учреждения здравоохранения и образования. В то же время многие проблемы возникают из-за неготовности самих родителей проявлять инициативу в вопросах профилактики нарушений здоровья детей, низкой медицинской активности и недостаточной компетентности в вопросах здоровьесбережения. Такая позиция родите-

лей может быть следствием того, что при недостатке собственных ресурсов они ожидают поддержки со стороны государства. Объективным фактором, ограничивающим возможности родителей в организации здоровьесбережения детей, является низкое материальное положение. Добиться его улучшения – принципиально важная задача региональной экономической политики, ее решение позволит сократить остроту социальных проблем лекарственного обеспечения и доступа семей с детьми к платной медицине благодаря повышению платежеспособного спроса. Обращение к платной медицине не снижает актуальность развития потенциала государственной системы здравоохранения, которая лишь формально является бесплатной для населения, а на деле частично финансируется из средств фонда обязательного медицинского страхования, куда отчисляются взносы и родители детей.

Не все родители рассматривают социальную поддержку от государства как необходимое условие для воспитания своих детей. Есть и те, кто стремится занять независимую позицию: они отмечают, что при наличии достойной

Если про свою семью говорить, мне от государства ничего не нужно. Вот построили бы велодорожки. Инфраструктуру. Если бы сделали так, чтобы родители могли нормально работать и зарабатывать деньги. Я сам себе все сделаю. И книжки куплю и всё... Дайте мне заработать и всё! Надо не льготы вводить многодетной семье, – какое-то унижение! Дайте работу мужчине, чтобы его жена нормально сидела с тремя детьми, чтобы голова не болела, что покушать, во что одеться и как решить какие-то бытовые вопросы, чтобы не в двухкомнатной квартире жить. Чтобы он мог найти работу, и тогда он сам себе все купит. (муж., г. Вологда, 30–39 лет, женат, 2 детей, в/о, работает).

работы, позволяющей поддерживать высокий уровень жизни, материальная помощь от государства, льготы, пособия и бесплатная медицина не были бы для них критически значимы, поскольку все необходимые блага они могли бы приобрести самостоятельно. Единственное их ожидание, адресованное государству в данной сфере, – создание и поддержание инфраструктуры для детей (спортивные площадки, велодорожки, стадионы и т. п.).

В целом проведенные социологические исследования позволяют выделить три наиболее актуальные проблемы в сфере охраны здоровья детского населения: недостаточную информированность родителей и педагогов о фактическом состоянии здоровья детей, увеличение числа детей с хроническими заболеваниями в период школьного обучения, отсутствие системы согласованной работы образовательных организаций и родительского сообщества в сфере охраны здоровья детей.

Оценки экспертов в целом согласуются с выводами массовых опросов и фокус-групп. Проблема **снижения потенциала здоровья детей по мере взросления** эксперты единодушно поставили в ряд стратегически важных. Согласно приведенным в ходе интервью данным по итогам профосмотров и диспансеризации детского населения, с каждым годом увеличивается число детей с хроническими заболеваниями. На индивидуальном уровне состояние физического, психического, репродуктивного здоровья детей ухудшается с возрастом. Эксперты называют одним из главных факторов наблюдаемых проблем **дефицит информации у родителей по вопросам охраны здоровья детей и их недостаточную компетентность в части привития детям здоровьесберегающих навыков**. При этом эксперты подтвердили, что по мере взросления ребенка родители все менее активно заботятся о его здоровье. Максимальное внимание детскому

здоровью уделяется в младенческом, дошкольном и начальном школьном возрастах, когда у родителей есть интерес и временные ресурсы, а ребенок находится под регулярным контролем медработников. Кроме того, в этот период тесно налажено взаимодействие родителей с медицинскими специалистами (через работу патронажных медсестер, участковых педиатров).

Начиная со ступени средней школы взаимодействие родителей, детей и медработников постепенно ослабевает. Недостаточная медицинская активность родителей накладывается на одну из ключевых кадровых проблем здравоохранения – **отсутствие медицинских работников в образовательных организациях на постоянной основе**. К каждой образовательной организации прикреплен медработник, который с определенной периодичностью организует осмотры и вакцинации детей. Однако, по мнению экспертов, проблема кроется в отсутствии такого специалиста в штате организации. Причины сложившейся ситуации неоднозначны. Прежде всего, они объясняются менее выгодным положением медицинских работников, подведомственных системе образования, по сравнению с теми, кто работает в здравоохранении, а именно – квалификационными и финансовыми потерями. Медицинские работники были выведены из детских садов и школ, поскольку, находясь в штате образовательной организации, они теряли в уровне заработной платы и положенных им льготах. Кроме того свою лепту в решение вопроса вносит общий дефицит медицинских кадров.

Что касается **дефицита узких специалистов в детских медицинских учреждениях**, то его эксперты комментируют по-разному: одни считают, что сейчас проблема активно решается, другие, напротив, признают ее наиболее острой и пока еще нерешенной. Одобряется действу-

ющий механизм обучения студентов-медиков по целевым направлениям, позволяющий в условиях отсутствия в Вологодской области высшего медицинского учебного заведения возвращать в регион квалифицированных специалистов. Причинами сложившегося кадрового дефицита эксперты считают демографический кризис 90-х гг., который привел к численному сокращению абитуриентов медицинских вузов и, как следствие, будущих специалистов, а также дискредитацию профессии медицинских работников, в результате чего произошел массовый отток занятых из сферы здравоохранения.

В числе проблем здравоохранения, восприятие которых кардинально отличается в родительском и медицинском сообществе, оказались вопросы *низкой доступности бесплатных медицинских услуг и высокой стоимости лекарственных препаратов, вопросы качества проведения профосмотров у детей*. Если со стороны родителей приходилось слышать критику в адрес образовательной организации и системы здравоохранения, то эксперты, напротив, указывали на недостаточную компетентность самих родителей в вопросах профилактики заболеваемости детей.

Эксперты подчеркивают, что такие *профосмотры детей* представляют собой скрининговое обследование, направленное на своевременное выявление каких-либо нарушений или патологий, а потому не требуют больших временных ресурсов. При обнаружении отклонений от нормы в состоянии здоровья ребенка его родители информируются о необходимости более подробного консультирования у соответствующих специалистов и лечения, поэтому проблема кроется в *непонимании самими родителями содержания и назначения процедуры профосмотров* и частичном переключении своих обязанностей по поддержанию здоровья детей на медицинских работников. Это ярко подтверждают приведенные данные: по итогам 2018 года в ходе профосмотров девочек 0–18 лет было выявлено более 4000 детей с патологиями и отклонениями репродуктивной сферы, в то время как поставлены на учет и получили лечение лишь 1000 из них. Цель профилактических осмотров – выявить нарушение и, подключив семью, на следующем этапе пройти курс лечения и вывести ребенка в группу «здоров». Несоб-

людение этого алгоритма впоследствии ведет к усугублению состояния здоровья. Наиболее распространенной причиной нарушения этой «идеальной формулы», по мнению экспертов, выступает *недостаточное информирование родителей об итогах профосмотров со стороны медицинских работников и школы в силу нехватки времени и кадров*. Родители, в свою очередь, чаще всего «слепо» доверяют врачам, полагают, что проведенные осмотры уже ведут к поправлению или поддержанию здоровья, и не пытаются предпринимать какие-либо действия, поэтому, сами того не желая, становятся виновниками формирования хронических патологий у детей.

По *вопросам низкой доступности бесплатных медицинских услуг и высокой стоимости лекарственных препаратов* мнения экспертов несколько разделились. Главными причинами такого положения одни из них называют *недофинансирование страховой медицины* и, как следствие, *неадекватную систему тарифов, а именно их заниженные размеры*. Другие эксперты считают, что говорить о недоступности лекарственных препаратов не совсем корректно, поскольку лекарственное обеспечение есть и осуществляется как федеральным, так и областными категориям льготников. Специалисты признают, что отдельные препараты могут отсутствовать в данном перечне, но, если они остро необходимы пациенту, на них оформляются заявки по факту обращения. В отношении недоступности бесплатных медицинских услуг некоторые эксперты скептически отметили, что оказание помощи регламентируется перечнем программы государственных гарантий, однако если какая-то процедура для пациента все же недоступна, то проблема решается, в том числе, посредством заключения договоров со сторонними организациями. При этом они указывают, что функционирующие в настоящее время способы записи, включая дистанционные, эффективно решают проблему сложности записи на прием к специалистам.

Обсуждение результатов

Сохранение и укрепление здоровья детей предполагают слаженную целенаправленную работу институтов семьи, здравоохранения и образования. Каждый из них в течение постсоветского периода пережил значительные трансформации, которые оказали влияние, порой негативное, на здоровье подрастающих поколе-

ний. В настоящее время основная задача состоит в том, чтобы согласовать деятельность этих институтов, ориентируясь на такие приоритеты, как благополучие детского населения, создание условий для наиболее полного развития и реализации его человеческого потенциала.

Безусловно, в рамках государственной социальной политики предпринимаются усилия, призванные обеспечить на должном уровне функционирование здравоохранения и образования, улучшить социальное и материальное положение семей с детьми, однако пока недостаточные. Строительство перинатальных центров, проведение активной политики в сфере развития ресурсного потенциала здравоохранения, особенно в направлении ведения беременности и родовспоможения, наблюдение и медицинское обслуживание детей первого года жизни позволили добиться заметных успехов в снижении младенческой и материнской смертности, выявляемости наследственных заболеваний и врожденных патологий развития. Эти достижения служат мотивацией для дальнейших шагов на пути совершенствования детского здравоохранения. На повестке дня остаются вопросы повышения здоровья новорожденных детей. Для их решения важно проводить грамотную и более активную работу с населением репродуктивного возраста. В качестве одного из направлений такой деятельности можно предложить расширение практики подготовки будущих родителей к зачатию ребенка и беременности, например, посредством их направления в центры охраны здоровья семьи и репродукции (или иные подобные организации), где будущие родители могли бы пройти комплексное обследование здоровья, получить консультативную помощь медицинских специалистов, психологическую поддержку.

Решение кадровых проблем в системе здравоохранения на региональном уровне входит в число приоритетных задач Вологодской области. В рамках региональной целевой программы «Развитие здравоохранения Вологодской области на 2021–2025 годы» на развитие кадрового потенциала отрасли предполагается выделить 1 398 555,8 тыс. рублей¹⁹. К сожалению,

в числе индикаторов госпрограммы нет показателя обеспеченности детского населения врачами-педиатрами и врачами-специалистами. Учитывая наблюдаемый в регионе дефицит указанных врачей, необходимо контролировать эти показатели.

Развитие кадрового потенциала и вопросы обеспечения регулярного присутствия медицинского работника в образовательной организации выступают важнейшими предпосылками выстраивания успешной системы здоровьесбережения детей на региональном уровне. В рамках федеральной и региональной программ развития отрасли предусмотрены инструментарий и финансовое обеспечение для подготовки специалистов в области детского здравоохранения. В отношении медицинских кадров, занятых в образовательных организациях, таких управленческих ресурсов в настоящее время нет. Конкретное решение данной проблемы эксперты видят в *сохранении за медицинским персоналом детских садов и школ всех привилегий в части оплаты труда, пенсионных накоплений и льгот при условии облегчения условий лицензирования медицинских кабинетов и отнесения их к системе здравоохранения* для сохранения медицинского стажа и зарплаты, соответствующей дорожной карте по оплате труда медицинских работников. Как вариант, можно ориентироваться на *опыт лицензирования медицинского кабинета в вузах*, которые используют его на правах *оперативного управления*, т. е. кабинет находится в федеральной собственности, а вуз занимается его обслуживанием (ремонт, закупкой оборудования). На договорной основе медицинские работники трудятся в штате медицинской организации, в результате чего для них сохраняются все льготы.

В то же время присутствие медицинских работников в образовательных организациях и регулярный входной контроль состояния детей еще не служат стопроцентной гарантией безопасности здоровья во время воспитательного и учебного процесса. Необходимы также встречные усилия со стороны родителей и педагогов. В частности, представляется целесообразным проводить разъяснительные беседы с родителями о том, чтобы они не приводили детей с симптомами инфекционного заболевания в группу детского сада и не отправляли в школь-

¹⁹ Портал государственных программ Вологодской области. URL: <https://programs.gov35.ru/>

ный класс. Безусловно, на практике родители зачастую оказываются в сложной ситуации, когда не встречают понимания со стороны работодателя и вынуждены выбирать между необходимостью ухода за болеющим ребенком и выполнением служебных обязанностей. Предотвратить возникновение подобных дилемм может включение в трудовой кодекс дополнительных гарантий для работающих родителей с малолетними детьми. Например, расширение возможности родителям малолетних детей иметь гибкий график работы или дистанционный формат занятости (если это позволяет характер труда), по меньшей мере на период болезни ребенка. Такие формы работы очень востребованы, особенно со стороны одиноких родителей, которые не могут полагаться на помощь членов семьи в уходе за детьми.

Нельзя забывать и об организации среды здоровьесбережения внутри образовательной организации. Как было показано выше, существенные потери здоровья детей приходится на время обучения в школе. Именно школьный образовательный процесс предъявляет повышенные требования к выносливости организма ребенка, его способности сопротивляться стрессам и адаптироваться к меняющимся социальным условиям. Педагогам необходимо оказывать всемерную поддержку детям, объединяя свои усилия внутри коллектива, а также привлекая к этому родителей и школьных медицинских работников. Решение данной задачи требует не только разработки программ здоровьесбережения в школе, но и введения в штат специалиста (например, завуча по здоровьесбережению), который будет нести ответственность за качество и результативность здоровьесберегательной деятельности, заниматься непосредственно ее организацией. Приоритетами школьной системы здоровьесбережения должны выступать совершенствование оповещения родителей о результатах профосмотров, повышение заинтересованности самих родителей не только в получении этих сведений, но и в проведении, при необходимости, дополнительных обследований и выполнении рекомендаций медицинских работников, привитии в семье навыков здоровьесбережения.

Для развития межинституционального сотрудничества в сфере здоровьесбережения важен обмен информацией на регулярной основе, формы же могут быть самые разнообразные – от тематических встреч, «круглых столов» до специальных проектов НКО по проблемам детского здоровья, с вовлечением родителей, медицинских, образовательных организаций, органов социальной защиты населения, представителей общественных организаций, научного сообщества.

Заключение

Проведенное с помощью комплексного методического инструментария исследование позволило выявить ряд кадровых, организационных и материальных проблем в сфере сохранения и укрепления здоровья детского населения. Ключевой среди них выступает проблема слабого взаимодействия семьи, образования и здравоохранения. Каждый из этих институтов одновременно является и объектом государственной социальной политики, что делает возможным корректировку их текущего состояния и условий функционирования. Так, на материалах фокус-группового исследования продемонстрирована важность комплексного подхода к решению проблем доступности качественных медицинских услуг для семей с детьми. Обосновано, что улучшение материального положения семей является не менее важным условием для сохранения здоровья детей, чем развитие инфраструктуры и кадрового потенциала государственной системы здравоохранения. Показано, что по ряду аспектов здоровьесбережения мнения родительского сообщества и специалистов, занятых в здравоохранении, заметно расходятся. Это актуализирует работу по выстраиванию диалога между ними. Роль образовательных организаций в системе сохранения и укрепления здоровья детей можно назвать координирующей, поскольку именно они представляют основную среду социализации детей в возрасте от 3 до 18 лет.

В целом связанность выделенных в ходе исследования проблем привела к разработке и обоснованию перечня направлений действий по их преодолению, в котором учитываются разные аспекты охраны детского здоровья, интегрируются усилия ряда институтов общества

(семьи, здравоохранения, образования). Практическая значимость предложенных направлений действий заключается в возможности их реализации с минимальными издержками путем встраивания в существующие алгоритмы работы специалистов сфер здравоохранения и образования. Также они могут служить основой для разработки и внедрения в практику новых управленческих инструментов сохранения потенциала здоровья детского населения. В перспективе планируется более углубленно рассмотреть причины слабого взаимодействия институтов, задействованных в сохранении здоровья детей.

Литература

1. Римащевская Н.М., Русанова Н.Е. Здоровье российского населения в условиях социально-экономической модернизации // *Народонаселение*. 2015. № 4 (70). С. 96–105.
2. Bradshaw J., Hoelscher P., Richardson D. An Index of child well-being in the European Union. *Social Indicators Research*, 2007, vol. 80, pp. 133–177. DOI: 10.1007/s11205-006-9024-z
3. Richardson D., Hoelscher P., Bradshaw J. Child well-being in Central and Eastern European Countries (CEE) and the Commonwealth of Independent States (CIS). *Child Indicators Research*, 2008, vol. 1, pp. 211–250. DOI: 10.1007/s12187-008-9020-8
4. Ben-Arieh A. Indicators of children's well-being: What should be measured and why? *Social Indicator Research*, 2007, vol. 84, pp. 249–250.
5. Шабунова А.А., Морев М.В., Кондакова Н.А. Здоровье детей: итоги пятнадцатилетнего мониторинга: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 262 с.
6. Ображей Н.В. Социальная инфраструктура детства как значимое направление социальной политики в области охраны здоровья детей // *Социологический альманах*. 2016. С. 93–100.
7. Amerijckx G., Humblet P.C. Child well-being: What does it mean? *Children & Society*, 2013. DOI: 10.1111/chso.12003
8. *What is Child Well-Being?: Does It Matter How We Measure It?* National Council on Family Relations Annual Conference, San Antonio, Texas (November 7, 2013). Available at: <https://www.childtrends.org/wp-content/uploads/2013/12/2013-57ChildWBMeasureIt1.pdf>
9. Bradshaw J., Richardson D. An Index of Child Well-Being in Europe. *Child Indicators Research*, 2009, vol. 2 (3), pp. 319–351.
10. Hernandez D.J., Napierala J.S. Disparities in U.S. Parental employment insecurity and child well-being across income groups: before, during, and after the great recession. *Child Indicators Research*, 2020, vol. 13, pp. 741–775. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12187-019-09713-8>
11. Bass L.E. Social focus on health and children's well-being. *Sociological Inquiry*, 2011, vol. 81 (4), pp. 495–498.
12. Fernandes L., Mendes A., Teixeira A.A.C. A review essay on the measurement of child wellbeing. *Social Indicators Research*, 2012, vol. 106 (2), pp. 239–257.
13. Buck K.D., Summers J.K., Smith L.M. et al. Application of the human well-being index to sensitive population divisions: A Children's Well-Being Index development. *Child Indicators Research*, 2018, vol. 11, pp. 1249–1280. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12187-017-9469-4>
14. Rees G. The association of childhood factors with children's subjective well-being and emotional and behavioural difficulties at 11 years old. *Child Indicators Research*, 2018, vol. 11, pp. 1107–1129. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12187-017-9479-2>
15. Vujčić M.T., Brajša-Žganec A., Franc R. Children and young peoples' views on well-being: A qualitative study. *Child Indicators Research*, 2019, vol. 12, pp. 791–819. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12187-018-9559-y>
16. Fattore T., Fegter S., Hunner-Kreisel C. Children's understandings of well-being in global and local contexts: Theoretical and methodological considerations for a multinational qualitative study. *Child Indicators Research*, 2019, vol. 12, pp. 385–407. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12187-018-9594-8>
17. Amholt T.T., Dammeyer J., Carter R. et al. Psychological well-being and academic achievement among school-aged children: A systematic review. *Child Indicators Research*, 2020, vol. 13, pp. 1523–1548. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12187-020-09725-9>

18. Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Щербакова Е.М. Демографические вызовы России. Часть первая – население и пространство // Демоскоп Weekly. 2017. № 749–750. С. 1–10.
19. Колосницына М.Г., Коссова Т.В., Шелунцова М.А. Факторы роста ожидаемой продолжительности жизни: кластерный анализ по странам мира // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 1. С. 124–150.
20. Рыбаковский О.Л., Судоплатова В.С., Таюнова О.А. Потенциал снижения смертности населения России // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 29–42.
21. Зайцева Е.В., Гончарова Н.В. Анализ влияния пронаталистской политики на воспроизводство населения и положение многодетных семей // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2019. Т. 18. № 6. С. 967–988. DOI: 10.15826/vestnik.2019.18.6.047
22. Разварина И.Н. Оценка экономического ущерба от смертности детского населения // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2018. Т. 17. № 4. С. 620–634.
23. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Безвербная Н.А. Состояние и перспективы семейной политики в России: социально-демографический анализ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 209–227. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.12
24. Макара С.В., Симагин Ю.А., Ярашева А.В. Демографическая ситуация в России и социальная инфраструктура // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 1. С. 67–75. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.6
25. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Рождаемость населения России и демографические волны // Народонаселение. 2017. № 4 (78). С. 56–66. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-4-4
26. Клупт М.А. Влияние семейной политики и нормативных представлений о семье на рождаемость: компаративный анализ // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 40–50. DOI: 10.31857/S013216250008812-6
27. Щербаков А.И. Повышение рождаемости – основная цель демографической политики России // Социально-трудовые исследования. 2019. № 3 (36). С. 143–152. DOI: 10.34022/2658-3712-2019-36-3-143-152
28. Результаты профилактических медицинских осмотров несовершеннолетних в Российской Федерации / А.А. Баранов [и др.] // Российский педиатрический журнал. 2016. № 19 (5). С. 287–293.
29. Заболеваемость детей в возрасте от 5 до 15 лет в Российской Федерации / Л.С. Намазова-Баранова [и др.] // Медицинский совет. 2014. № 1. С. 6–10.
30. Римашевская Н.М., Бреева Е.Б. «Поле» детства // Народонаселение. 2011. № 4. С. 17–26.
31. Сухарева Л.М., Рапопорт И.К., Поленова М.А. Состояние здоровья московских школьников и факторы, влияющие на его формирование (лонгитудинальное исследование) // Здоровье населения и среда обитания. 2014. № 3 (252). С. 28–30.
32. Шабунова А.А. Двадцать лет мониторинга детского здоровья: организация, результаты, выводы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2 (38). С. 116–128. DOI: 10.15838/esc.2015.2.38.7
33. Баранов А.А., Альбицкий В.Ю. Состояние здоровья детей России, приоритеты его сохранения и укрепления // Казанский медицинский журнал. 2018. Т. 99. № 4. С. 689–705.
34. Сокращение предотвратимых потерь здоровья детского населения – стратегия социальной педиатрии / А.А. Баранов, Т.В. Яковлева, В.Ю. Альбицкий, А.А. Модестов, Е.В. Антонова // Вопросы современной педиатрии. 2008. Т. 7. № 4. С. 6–8.
35. Концепция сокращения предотвратимых потерь здоровья детского населения / А.А. Баранов, В.Ю. Альбицкий, Р.Н. Терлецкая, Д.И. Зелинская // Вопросы современной педиатрии. Т. 9. № 5. С. 5–9.
36. Предотвратимость потерь здоровья детского населения – эффективная ресурсосберегающая стратегия в здравоохранении / В.Ю. Альбицкий, А.А. Модестов, Т.В. Яковлева, Б.Д. Менделевич // Социальные аспекты здоровья населения. 2010. № 4 (16).
37. Фаррахов А.З., Шавалиев Р.Ф., Садыков М.М. Центры здоровья для детей как приоритетное направление профилактической деятельности педиатрической службы // Медицинский альманах. 2013. № 2 (26). С. 12–15.
38. Организация профилактических медицинских осмотров несовершеннолетних в свердловской области: пути повышения качества / О.П. Ковтун, Е.В. Ануфриева, Л.Н. Малямова, С.А. Царькова // Уральский медицинский журнал. 2018. № 6 (161). С. 118–125.

39. Сухарева Л.М., Намазова-Баранова Л.С., Рапопорт И.К. Заболеваемость московских школьников в динамике обучения с 1-го по 9-й класс // Российский педиатрический журнал. 2013. № 4. С. 48–53.
40. Нацун Л.Н. Заболеваемость детского населения злокачественными новообразованиями в регионах Северо-Западного федерального округа // Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов: сборник статей XI Уральского демографического форума: в 2-х т. Т. II. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2020. С. 187–193.
41. Тенденции заболеваемости и динамика хронизации патологии у детей 0–14 лет в Российской Федерации / М.Н. Бантьева, Е.М. Манюшкина, Т.А. Соколовская, Э.Н. Матвеев // Социальные аспекты здоровья населения. 2019. № 65 (5). DOI: 10.21045/2071-5021-2019-65-5-10. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1105/30/lang,ru/> (дата обращения 19.08.2020).
42. Разварина И.Н., Нацун Л.Н. Здоровье детей Вологодской области от 0 до 3 лет // Социальные аспекты здоровья населения. 2019. № 1 (65). DOI: <https://dx.doi.org/10.21045/2071-5021-2019-65-1-7>. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1047/30/lang,ru/>
43. Тенденции заболеваемости и состояние здоровья детского населения Российской Федерации / А.А. Баранов [и др.] // Российский педиатрический журнал. 2012. № 6. С. 4–9.
44. Шабунова А.А., Кондакова Н.А. Здоровье и развитие детей: итоги 20-летнего мониторинга // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 5 (35). С. 33–54.
45. Иванова М.А., Люцко В.В. Анализ обеспеченности и укомплектованности врачами-педиатрами участковыми в Российской Федерации за период 2007–2016 гг. // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2019. № 1. С. 167–185. DOI: 10.24411/2312-2935-2019-10011
46. Разварина И.Н., Калачикова О.Н. Частное или государственное? Родительская оценка условий медицинского обслуживания детей // Дискурс. 2018. № 12 (26). С. 293–310.

Сведения об авторах

Александра Анатольевна Шабунова – доктор экономических наук, доцент, директор, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Александра Владимировна Короленко – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: coretra@yandex.ru)

Лейла Натиговна Нацун – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

Ирина Николаевна Разварина – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: Irina.razvarina@mail.ru)

Shabunova A.A., Korolenko A.V., Natsun L.N., Razvarina I.N.

Preserving Children's Health: Search for the Ways of Solving Relevant Issues

Abstract. Changed social reality, caused by the coronavirus pandemic (COVID-19), made attention to population's health, its risks, and defining factors relevant. Nowadays, an individual's personal responsibility for own health and coherence of various social institutions' activities in the formation of children's health are of particular importance. The article is devoted to an analysis of children's health and search for the ways of its improvement. The authors explore the issues of availability and quality of medical services, safeguard of children's health and discuss the barriers to inter-institutional cooperation

in this field, as well as ways of overcoming them. To achieve these objectives, we used quantitative and qualitative sociological methods: a sociological survey of families with children aged 3–17 years, monitoring observation of cohorts of families with children, focus group studies of parents of children aged 3–17 years, an expert survey of specialists of the regional health system and members of government authorities. The authors reveal several issues: decline of children's health potential in growing; insufficient awareness of parents about the state, forms, and methods of preserving and strengthening children's health, discrepancy between parents' ideas about their own competence in this matter with reality; lack of narrow-profile specialists in children's medical institutions; absence of medical workers among full-time staff of educational organizations; queues and complexity of making appointments with specialists; low availability of free and high cost of paid medical services; insufficient information interaction between medical, educational organizations and parents in the prevention of diseases; lack of parents' knowledge of full information about objectives of professional examinations and insufficient awareness of the importance of further actions to restore and strengthen health of children. Based on the analysis, we stated the areas of solving these problems. They may include the development and implementation of specific management tools to preserve children's health potential.

Key words: health, child population, institutes of healthcare, children's health, medical services.

Information about the Authors

Alexandra A. Shabunova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Alexandra V. Korolenko – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: coretra@yandex.ru)

Leila N. Natsun – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

Irina N. Razvarina – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: Irina.razvarina@mail.ru)

Статья поступила 29.12.2020.

Моделирование взаимосвязи факторов формирования спроса на рабочую силу и ее предложения*

Александр Николаевич

ТЫРСИН

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Российская Федерация
Южно-Уральский государственный университет (национальный
исследовательский университет)
Челябинск, Российская Федерация
e-mail: a.n.tyrsin@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-2660-1221; ResearcherID: T-5975-2017

Елена Витальевна

ВАСИЛЬЕВА

Институт экономики УРО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: elvitvas@ya.ru
ORCID: 0000-0002-0446-1555; ResearcherID: Q-5620-2016

Аннотация. Сохраняющаяся проблема дисбаланса на российском рынке труда определяет актуальность исследования спроса на рабочую силу и ее предложения. Для этого была поставлена и решена задача выявления взаимосвязи между факторами формирования спроса и предложения на рынке труда, описанной с помощью двух множеств (векторов) показателей. В модель исследования в качестве факторов предложения труда включены трудовая миграция, неформальная занятость и трудовая активность пожилого населения, обеспечивающие восполнение дефицита рабочей силы и сбалансированность на рынке труда. Статистической базой послужили данные Росстата за 2006–2018 гг. по регионам России. Результаты исследования показали, что с 2014 года сформировалась тенденция роста взаимосвязи между факторами формирования спроса на труд

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-41-660008.

Для цитирования: Тырсин А.Н., Васильева Е.В. Моделирование взаимосвязи факторов формирования спроса на рабочую силу и ее предложения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 145–155. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.9

For citation: Tyrsin A.N., Vasilyeva E.V. Modeling the interrelation between formation factors of labor demand and its supply. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 145–155. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.9

и его предложения. В сложных макроэкономических условиях российский рынок труда адаптируется не путем высвобождения рабочей силы, а с помощью расширения практик трудовых отношений (в т. ч. неполная занятость населения) при сохранении низкого уровня безработицы. Спад в экономике привел к сокращению потребности в рабочей силе, что на фоне сужающегося предложения трудовых ресурсов, вызванного старением населения, усилило баланс между спросом и предложением на рынке труда. Рост неполной и частичной занятости населения стал ключевым процессом в согласовании спроса на труд и его предложения. Включение всех рассмотренных факторов в модель позволило оценить их влияние на равновесие спроса на рабочую силу и ее предложения. Занятость населения в возрасте 60–72 лет оказалась наиболее значимым фактором среди всех показателей спроса и предложения на рынке труда, что говорит о ее высоком потенциале в обеспечении их равновесия.

Ключевые слова: рынок труда, спрос, предложение, рабочая сила, занятость населения, занятость пожилого населения, дефицит рабочей силы, неполная занятость.

Введение

В российской экономике продолжает сохраняться проблема дисбаланса спроса на рабочую силу и ее предложения, что проявляется как в количественной, так и качественной несбалансированности на рынке труда [1; 2]. С одной стороны, на рынке труда существуют невостребованные работники с определенными квалификациями и знаниями, с другой стороны, сложился дефицит работников конкретных профессий и специальностей. Это ограничивает рост производительности труда и, в конечном счете, сдерживает экономическое развитие [3]. С 2007 года доля населения в трудоспособном возрасте ежегодно сокращалась, к 2019 году она снизилась с 63,0 до 55,9%. Даже с учетом повышения пенсионного возраста, по прогнозу Росстата¹, к 2035 году она не превысит уровень 2007 года (60,1–62,5% в зависимости от варианта прогноза). Процесс старения населения в перспективе будет усугублять проблему несбалансированности на российском рынке труда [4; 5]. По оценкам А.Г. Коровкина [2], даже при невысоких темпах экономического роста, когда совокупный спрос на рабочую силу находится в стагнации, может возникнуть нехватка рабочей силы.

Отсутствие равновесия между спросом на труд и его предложением ведет к серьезным экономическим потерям, поэтому важно искать новые и совершенствовать существующие инструменты реализации потенциала использо-

вания основного фактора производства – рабочей силы. Считается, что реализация стратегии активного долголетия является эффективным инструментом для решения текущих и будущих проблем, связанных со старением населения [6; 7]. Как показывают исследования [8], в России определенная доля старших возрастных когорт сохраняет ресурсный потенциал – здоровье, высокий уровень образования и значительный интеллект. Тем более что трудовая активность пенсионеров – явление в России не новое. Однако многие эксперты высказывают опасения о том, что возрастные работники могут столкнуться с проблемами и при поиске новой работы, и при сохранении текущего рабочего места [9]. Анализ возрастной дискриминации [10] показал, что шансы на трудоустройство у человека в возрасте 29 лет в 1,8–2,5 раза выше, чем в возрасте 48 лет. Соответственно, изменение границ трудоспособности в России ставит перед рынком труда новые задачи, связанные с этой рабочей силой и потребностью рынка труда в ней [11]. Исследование взаимодействия факторов формирования спроса на рабочую силу и ее предложения позволит оценить возможные дальнейшие тенденции на рынке труда, что особенно актуально в условиях, когда старение населения становится значимым ограничением при формировании занятости.

Подход

В связи со слабой, по объективным причинам, статистической обеспеченностью рассматриваемого вопроса на макроэкономическом уровне [12] исследователи сталкиваются с проблемой оценки и формализации понятий спроса

¹ Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года: стат. бюллетень. М., Росстат, 2020. URL: <https://gks.ru/compendium/document/13285> (дата обращения 01.12.2020).

на рабочую силу и ее предложения. Как правило, при анализе спроса на труд используют численность занятых и число вакансий, а для предложения труда — численность рабочей силы и количество безработных. Путем сопоставления значений этих показателей оценивается несоответствие спроса и предложения рабочей силы [13; 14; 15]. Такой подход заложен в модели согласования спроса на труд и его предложения А.Г. Коровкина [16]. Эта модель описывает взаимодействие численности потенциальных работников (разность численности населения в трудоспособном возрасте и занятых в экономике) и вакантных рабочих мест и учитывает демографические процессы, фактор движения работников и рабочих мест. Подобные подходы широко используются в оценке сбалансированности спроса и предложения на труд, однако обладают недостатком, связанным с методологией статистического учета. Так, недостатки использования капитала и рабочей силы, неэффективность функционирования рынка труда приводят к отклонению показателя реальной занятости от спроса на рабочую силу². Кроме того, в зависимости от источника данных могут наблюдаться достаточно серьезные расхождения в оценке численности занятых [15]. Декларируемая же потребность в работниках в виде вакансий, как справедливо отмечает В.Е. Гимпельсон [17], далеко не тождественна платежеспособному спросу на труд и созданию рабочих мест. С учетом сказанного в рамках нашего исследования предложено оригинальное решение формализации понятий спроса на рабочую силу и ее предложения. Спрос на рабочую силу и ее предложение описаны с помощью двух множеств (векторов) показателей — факторов формирования спроса и предложения на рынке труда.

В научной литературе вопрос о наборе факторов, формирующих спрос на труд и его предложение, не является дискуссионным. В учебных пособиях³ выделяют такие макроэкономические факторы спроса на труд, как уровень развития экономики, инвестиционная актив-

ность, состояние факторов производства, уровень безработицы. Предложение же, в соответствии с теорией экономики труда, отражает готовность работников продать свой труд за определенное вознаграждение, поэтому оно зависит от наличия рабочей силы и уровня ее образования и квалификации⁴ [18]. В различных научных исследованиях этот перечень факторов спроса и предложения схож, но в зависимости от научных целей его дополняют, учитывая специфику или особенности сегмента рынка труда. Так, для полной и адекватной оценки динамики занятости населения и рынка труда, представленной учеными Института народнохозяйственного прогнозирования РАН и Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова⁵, совокупный спрос экономики на труд определяется объемами производства и инвестиционных вложений, а совокупное предложение — демографическими тенденциями и качеством трудового потенциала. В анализе взаимосвязи спроса и предложения на рынке труда с учетом гендерной структуры рабочей силы И.Б. Королев [19] дополнительно выделил такие факторы, как размер государственного сектора и сектора услуг. В исследовании процесса согласования спроса и предложения с учетом образовательных характеристик рабочей силы [20] набор факторов, влияющий на спрос, был значительно расширен (уровень используемых технологий, параметры государственной политики в области образования населения, доступность образования и др.; *рис. 1*).

В условиях снижения численности населения в трудоспособном возрасте важной представляется проблема определения альтернативных источников трудовых ресурсов, а также возможностей для компенсации численных потерь рабочей силы [21], поэтому для целей нашего исследования в качестве факторов предложения труда рассмотрены также трудовая миграция, неформальная занятость и трудовая активность пожилого населения. Эти факторы характеризуют удовлетворенную потребность (спрос) на рабочую силу, каждая из указанных

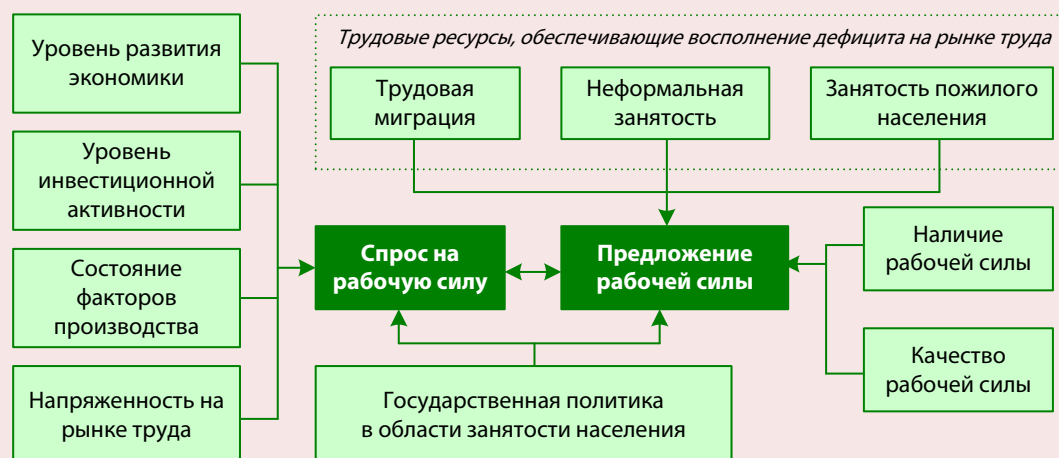
² Прикладное прогнозирование национальной экономики: учебное пособие / под ред. В.В. Ивантера, И.А. Буданова, А.Г. Коровкина, В.С. Сулягина. М.: Экономист, 2007. 896 с.

³ Ермолаева С.Г. Рынок труда: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 108 с.; Рофе А.И. Рынок труда: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: КноРус, 2015. 376 с.

⁴ Рынок труда: учебник / под ред. В.С. Буланова, Н.А. Волгина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Экзамен, 2007. 479 с.

⁵ Прикладное прогнозирование национальной экономики: учебное пособие / под ред. В.В. Ивантера, И.А. Буданова, А.Г. Коровкина, В.С. Сулягина. М.: Экономист, 2007. 896 с.

Рисунок 1. Факторы формирования спроса на рабочую силу и ее предложения

Источник: Коровкин А.Г., Королев И.Б., Единак Е.А. Образовательные характеристики рабочей силы как фактор согласования спроса и предложения на российском рынке труда // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2015. Т. 13. С. 222–239.

видов занятости занимает определенный специфичный сегмент, «нишу» на рынке труда [22–26]. В то же время они обеспечивают восполнение дефицита и равновесие на рынке труда, что характеризует потенциал предложения рабочей силы. Включение этих факторов в модель позволит оценить их влияние на равновесие между спросом на рабочую силу и ее предложением.

Данные исследования

Статистической базой исследования послужили данные Росстата за 2006–2018 гг. по регионам России, в т. ч. итоги выборочных обследований рабочей силы. Выделенным факторам формирования спроса на рабочую силу и ее предложения подобраны соответствующие показатели (табл. 1).

Таблица 1. Показатели факторов спроса и предложения на рынке труда

Обозначение показателя	Показатель, единица измерения
Показатели факторов спроса	
X_1	Степень износа основных фондов по полному кругу организаций, %
X_2	Индексы физического объема инвестиций в основной капитал, в сопоставимых ценах, в процентах к предыдущему году
X_3	Уровень безработицы населения в возрасте 15–72 лет, %
X_4	Индекс производительности труда, в процентах к предыдущему году
X_5	Индекс физического объема валового регионального продукта, в постоянных ценах, в процентах к предыдущему году
X_6	Коэффициент напряженности на рынке труда, единица
Показатели факторов предложения	
Y_1	Занятые в неформальном секторе, в процентах к общей численности занятого населения*
Y_2	Уровень участия в рабочей силе населения в возрасте 15–72 лет, %**
Y_3	Численность населения с высшим и средним профессиональным образованием, в процентах к численности рабочей силы**
Y_4	Численность занятого населения, въезжающего на работу, в процентах к численности занятого населения соответствующего региона
Y_5	Занятость населения в возрасте 60–72 лет, %
*Показатель частично описывает неформальную занятость. **С учетом изменений в терминологии статистического учета Росстата. Источник: данные Росстата.	

В модель не вошли регионы, статистические данные по выбранным показателям которых отсутствуют, а также регионы со значениями показателей, отклоняющимися более чем в два раза относительно среднего значения за год. В результате получена выборка из 68 субъектов РФ.

Модель

Уровень занятости населения в возрасте 60–72 лет является одним из показателей факторов предложения на рынке труда. Однако рынок труда представляет собой взаимосвязь двух множеств (векторов) показателей – спроса и предложения. Здесь нет выходной переменной, поэтому использование регрессионного анализа затруднено. Одним из инструментов в этом случае может быть коэффициент тесноты взаимозависимости между случайными векторами, введенный в исследовании ранее [27]. Для частного случая, когда векторы $\mathbf{X} = (X_1, \dots, X_m)$ и $\mathbf{Y} = (Y_1, \dots, Y_l)$ имеют совместные нормальные распределения, коэффициент тесноты взаимозависимости между случайными векторами $\mathbf{X}$ и $\mathbf{Y}$ определяется по формуле:

$$D_e(\mathbf{X}, \mathbf{Y}) = 1 - \frac{|\mathbf{R}_{\mathbf{X} \cup \mathbf{Y}}|}{|\mathbf{R}_{\mathbf{X}}| \cdot |\mathbf{R}_{\mathbf{Y}}|} \quad (1)$$

где $|\mathbf{R}_{\mathbf{X}}|$, $|\mathbf{R}_{\mathbf{Y}}|$, $|\mathbf{R}_{\mathbf{X} \cup \mathbf{Y}}|$ – определители корреляционных матриц случайных векторов $\mathbf{X}$, $\mathbf{Y}$, $\mathbf{Z} = \mathbf{X} \cup \mathbf{Y} = (X_1, \dots, X_m, Y_1, \dots, Y_l)$, $0 \leq D_e(\mathbf{X}, \mathbf{Y}) \leq 1$.

Чем выше значение коэффициента $D_e(\mathbf{X}, \mathbf{Y})$, тем теснее взаимосвязь между случайными векторами $\mathbf{X}$ и $\mathbf{Y}$. Значение $D_e(\mathbf{X}, \mathbf{Y}) = 1$ свидетельствует о наличии линейной функциональной связи между хотя бы двумя компонентами векторов $\mathbf{X}$ и $\mathbf{Y}$. Если $D_e(\mathbf{X}, \mathbf{Y}) = 0$, то случайные векторы $\mathbf{X}$ и $\mathbf{Y}$ линейно независимы.

В данном случае имеем векторы показателей факторов спроса $\mathbf{X} = (X_1, \dots, X_6)$ и предложения $\mathbf{Y} = (Y_1, \dots, Y_5)$. Анализ показал, что они могут описываться многомерными нормальными законами распределения.

Наряду с (1) введем также оценку вклада в совместную взаимосвязь отдельных компонент векторов $\mathbf{X}$ и $\mathbf{Y}$:

$$\Delta D_e(\mathbf{X} \setminus X_i, \mathbf{Y}) = D_e(\mathbf{X}, \mathbf{Y}) - D_e(\mathbf{X} \setminus X_i, \mathbf{Y}), \quad i = 1, 2, \dots, 6,$$

$$\Delta D_e(\mathbf{X}, \mathbf{Y} \setminus Y_j) = D_e(\mathbf{X}, \mathbf{Y}) - D_e(\mathbf{X}, \mathbf{Y} \setminus Y_j), \quad j = 1, 2, \dots, 5.$$

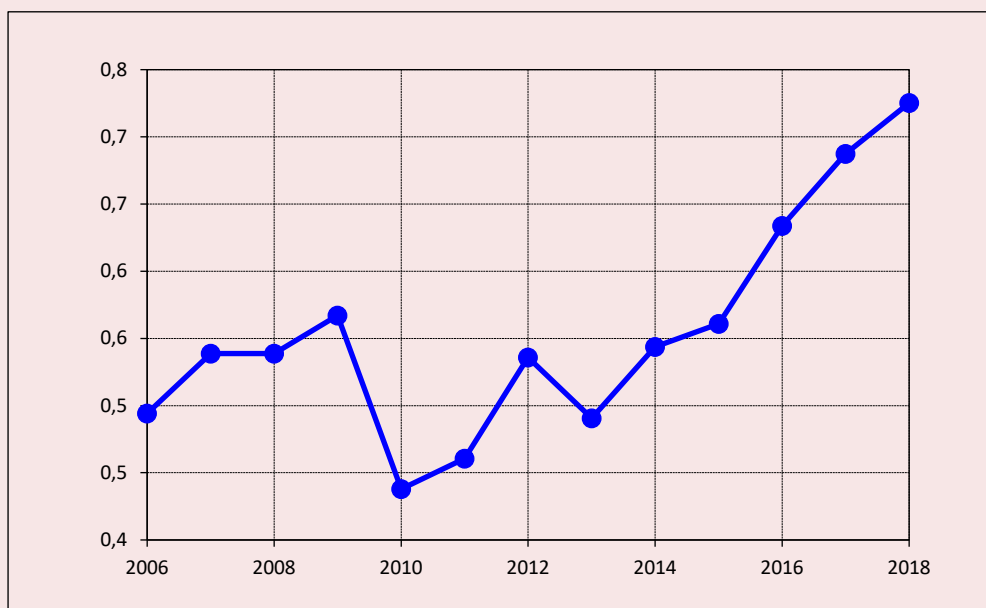
Результаты и обсуждение

На рисунке 2 представлена динамика коэффициента тесноты взаимозависимости между показателями факторов спроса и предложения на рынке труда $D_e(\mathbf{X}, \mathbf{Y})$ за 2006–2018 гг. Поскольку потребность в рабочей силе существенно изменяется во времени [1; 28], ожидаемо, что за рассматриваемый период, в который произошли финансово-экономический кризис, спад в экономике, были введены санкции против России и ответные контрсанкции, значения коэффициента тесноты взаимозависимости между показателями факторов спроса на труд и его предложения значительно менялись.

Так, теснота взаимосвязи существенно снизилась в 2010 году, когда после реализации таких антикризисных мер, как организация общественных работ и создание временных рабочих мест, сформировалось отрицательное сальдо движения рабочих мест (за 2009–2010 гг. экономика потеряла 2,4 млн рабочих мест). Принятые меры, с одной стороны, в период кризиса стабилизировали ситуацию на рынке труда, с другой стороны, в посткризисный период не способствовали повышению эффективности занятости и развитию экономики в целом.

С 2014 года на рынке труда появилась тенденция к установлению равновесия. Такую реакцию рынка труда в сложных макроэкономических условиях О.И. Изряднова объясняет политикой сохранения квалифицированных кадров в условиях реального удешевления рабочей силы, ожиданиями усиления экономической активности и дефицитом предложения труда, обусловленного демографическими факторами и оттоком мигрантов [29]. Такое приспособление к колебаниям экономической конъюнктуры, происходящее за счет изменений в цене труда, а не уровне занятости и безработицы, является ключевой особенностью российского рынка труда [30]. Рынок труда адаптируется не путем высвобождения рабочей силы, а расширением практик трудовых отношений. В большинстве случаев между увольнением и переводом работников на неполный рабочий день работодатели выбирали последнее, что позволило удержать безработицу на прежнем уровне. В периоды экономической нестабильности возрастает численность работников, трудящихся в режиме неполной занятости [31].

Рисунок 2. Динамика коэффициента тесноты взаимозависимости между показателями факторов спроса и предложения на рынке труда, 2006–2018 гг.

Источник: данные Росстата.

По данным Росстата, за 2012–2018 гг. доля таких работников увеличилась с 5,2 до 11,0% (табл. 2) и продолжает расти, причем наибольшими темпами в строительстве, где в результате инвестиционного спада доля списочного состава

ва работающих на условиях неполного рабочего времени выросла с 5,6 до 17,6%. Такой высокий уровень неполной и частичной занятости сдерживает безработицу, но в то же время сохраняет неэффективную занятость на рынке труда.

Таблица 2. Изменение численности работников организаций, занятых на условиях неполного рабочего времени, по видам экономической деятельности, в % к списочной численности работников

	2012	2014	2016	2018
Всего	5,2	9,9	10,7	11,0
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3,7 ^a	7,3	8,1	9,8 ^b
Добыча полезных ископаемых	2,3	6,9	8,3	8,8
Обрабатывающие производства	8,9	21,3	22,0	21,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,0	6,1	7,0	7,2 ^c
Строительство	5,6	15,4	18,1	17,6
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	2,8	7,2	8,5	9,9 ^d
Гостиницы и рестораны	н/д	21,6	26	29,8 ^e
Транспорт и связь	3,2	11,3	12,6	10,1 ^f
Финансовая деятельность	1,9	6,1	7,1	8,8 ^g
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	н/д	10,8	11,8	9,8 ^h
Образование	н/д	6,7	6,8	7,6
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	н/д	6,3	7,0	8,1
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	н/д	8,7	9,7	12,0 ⁱ

Окончание таблицы 2

Примечания:
1. Численность работников организаций, работавших неполное рабочее время:
- по инициативе работодателя;
- по соглашению между работником и работодателем;
- находившихся в простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от работодателя и работника;
- которым были предоставлены отпуска без сохранения заработной платы по заявлению работника.
2. С учетом изменений в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности:
a – Лесозаготовки
b – Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство
c – Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха
d – Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов
e – Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания
f – Транспортировка и хранение
g – Деятельность финансовая и страховая
h – Деятельность по операциям с недвижимым имуществом
i – Предоставление прочих видов услуг
Источник: данные Росстата.

Таким образом, на фоне сужающегося предложения рабочей силы, вызванного в первую очередь демографическими тенденциями, с 2014 года произошло сокращение спроса на труд под воздействием снижения темпов экономического роста, что привело к усилению тесноты баланса между спросом на труд и его предложением. Рост неполной и частичной занятости населения стал ключевым процессом в согласовании спроса и предложения на рынке труда.

В *таблице 3* представлена оценка среднего вклада каждого рассматриваемого фактора спроса и предложения в обеспечение равновесия на рынке труда за 2006–2018 гг. Поскольку значения вклада таких факторов, как уровень безработицы, доля населения с высшим и средним профессиональным образованием в структуре экономически активного населения и занятость населения в возрасте 60–72 лет, достаточно существенны и устойчивы во времени, можно сделать вывод о том, что они действи-

Таблица 3. Средний вклад факторов спроса на рабочую силу и ее предложения в обеспечение равновесия на рынке труда за 2006–2018 гг.

Фактор	Среднее значение вклада
Фактор спроса	
X_1 – Степень износа основных фондов по полному кругу организаций, %	0,074
X_2 – Индексы физического объема инвестиций в основной капитал, в сопоставимых ценах, в процентах к предыдущему году	0,030
X_3 – Уровень безработицы населения в возрасте 15–72 лет, %	0,085
X_4 – Индекс производительности труда, в процентах к предыдущему году	0,052
X_5 – Индекс физического объема валового регионального продукта, в постоянных ценах, в процентах к предыдущему году	0,065
X_6 – Коэффициент напряженности на рынке труда, единица	0,062
Фактор предложения	
Y_1 – Занятые в неформальном секторе, в процентах к общей численности занятого населения	0,061
Y_2 – Уровень участия в рабочей силе населения в возрасте 15–72 лет, %	0,070
Y_3 – Численность населения с высшим и средним профессиональным образованием, в процентах к численности рабочей силы	0,080
Y_4 – Численность занятого населения, въезжающего на работу, в процентах к численности занятого населения соответствующего региона	0,043
Y_5 – Занятость населения в возрасте 60–72 лет, %	0,096
Источник: данные Росстата.	

тельно оказывают воздействие на функционирование рынка труда.

Наибольший вклад в обеспечение баланса между показателями факторов спроса и предложения на рынке труда оказала занятость населения в возрасте 60–72 лет, что говорит о ее высоком потенциале в удовлетворении спроса на рабочую силу. Занятость населения именно старших возрастных групп более чутко отреагировала на сокращение потребности в рабочей силе в отдельных отраслях экономики. Анализ занятости населения, проведенный А.Л. Лукьяновой и Р.И. Капелюшниковым [32] на основе обследования рабочей силы Росстата за 2005–2017 гг., показал, что сокращение занятости в обрабатывающей промышленности шло у населения старших возрастов со значительным опережением по сравнению со всеми другими возрастными группами. В то же время занятость пожилых людей в образовании и здравоохранении возросла, что объясняется низкой привлекательностью этих сфер деятельности для основной массы молодых работников. В связи с этим такой трудовой ресурс, как рабочая сила пожилого населения, способен восполнить дефицит на рынке труда. Как справедливо отмечают М. Иванова, А. Балаев, Е. Гурвич, рост предложения труда в старших возрастных группах – необходимое условие равновесия российского рынка труда в среднесрочной перспективе [33; 34]. В настоящее время во многих странах активно разрабатываются и применяются меры государственной политики в области стимулирования и поддержки занятости пожилых людей, поскольку они способствуют, с одной стороны, росту экономики, с другой стороны, благосостоянию стареющего общества [35].

Заключение

В рамках данной работы впервые предложена формула для вычисления коэффициента тесноты корреляционной взаимосвязи между двумя случайными векторами (множествами показателей факторов спроса и предложения на рынке труда). Проведенное исследование на основе расчета этого коэффициента позволило рассматривать одновременно факторы их формирования и сделать количественные оценки. Показатели факторов спроса на рабо-

чую силу и ее предложения достаточно адекватно характеризуют рынок труда и могут использоваться при исследовании занятости. Оценка тесноты взаимосвязи двух множеств показателей оценивает равновесие на рынке труда как динамический процесс, подверженный влиянию факторов формирования спроса и предложения.

Результаты исследования показали, что с 2014 года сформировалась тенденция к установлению равновесия между спросом на труд и его предложением. В сложных макроэкономических условиях российский рынок труда адаптировался не путем высвобождения рабочей силы, а с помощью расширения практик трудовых отношений (в т. ч. за счет неполной занятости населения) при сохранении низкого уровня безработицы. Спад в экономике привел к сокращению потребности в рабочей силе, что на фоне сужающегося предложения трудовых ресурсов, вызванного старением населения, усилило равновесие между спросом и предложением на рынке труда. Рост неполной и частичной занятости населения стал ключевым процессом в согласовании спроса на труд и его предложения. В настоящее время «коронавирусный кризис» усилил эту тенденцию, на рынке труда активно осваиваются новые формы занятости, растет так называемая «скрытая безработица». Исследование В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшниковой на основе интернет-опроса «Работа и трудоустройство в условиях эпидемии»⁶ показало новые формы адаптации на российском рынке труда.

Включение факторов в модель позволило оценить их влияние на равновесие на рынке труда. Наиболее значимым фактором среди всех показателей спроса и предложения на рынке труда оказалась занятость населения в возрасте 60–72 лет.

Существенное превышение коэффициента тесноты взаимозависимости между показателями факторов спроса на рабочую силу и ее предложения для отдельных регионов по сравнению

⁶ Эксперты Вышки изучили, как российский рынок труда адаптируется к коронавирусному кризису // Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/369700469.html> (дата обращения 01.12.2020).

с общероссийским показателем свидетельствует о наличии сложившейся дифференциации и специфики на региональных рынках труда.

Исследование взаимодействия факторов формирования спроса на рабочую силу и ее предложения позволит оценить возможные дальнейшие тенденции на рынке труда, что особенно актуально в условиях, когда старение населения становится значимым ограничением при формировании занятости. Для достижения сбалансированности на рынке труда требует-

ся создать условия для расширения форм занятости (включая новые формы: аутстаффинг, смартстаффинг, аутсорсинг и др.), стимулирования трудовой активности пожилого населения. Диверсифицированность отношений занятости будет способствовать адаптации рынка труда к различным социально-экономическим вызовам, однако реализация ее потенциальных выгод зависит от институтов и политики, требующих продуктивной занятости потенциальных работников.

Авторы выражают благодарность рецензентам журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» за ценные замечания и предложения.

Литература

1. Прогнозно-аналитическое исследование взаимосвязей сферы занятости и профессионального образования в России / А.Г. Коровкин, И.Н. Долгова, Е.А. Единак, И.Б. Королёв // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4 (93). С. 38–49. DOI: 10.22204/2587-8956-2018-093-04-38-49
2. Коровкин А.Г. Макроэкономическая оценка состояния и перспектив развития сферы занятости и рынка труда в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 1 (37). С. 168–176.
3. Вишневская Н.Г. Конъюнктура регионального рынка труда: проблема дисбаланса профессий // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 3 (201). С. 55–66.
4. Chistova E.V. Possibilities for increasing the retirement age in Russia in response to population ageing. *Montenegrin Journal of Economics*, 2016, vol. 12, no. 3, pp. 127–138. DOI: 10.14254/1800-5845.2016/12-3/9
5. Edinac E.A., Korovkin A.G. Construction of balance of territorial mobility of employed population: case study of federal districts of the Russian Federation. *Studies on Russian Economic Development*, 2014, vol. 25, no. 3, pp. 265–275.
6. Principi A., Checucci P., Di Rosa M., Lamura G. *Characteristics of Working Pensioners in Italy: Between Early Retirement Tradition and Reforms to Extend Working Life. Paid Work Beyond Pension Age* / ed. by Scherger S. London: Palgrave Macmillan, 2015. Pp. 81–106. DOI: 10.1057/9781137435149
7. Hokema A., Scherger S. Working Pensioners in Germany and the UK: Quantitative and Qualitative Evidence on Gender, Marital Status, and the Reasons for Working. *Population Ageing*, 2016, no. 9, pp. 91–111. DOI: 10.1007/s12062-015-9131-1
8. Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 55–61.
9. Иванова М.А. Спрос на пожилых работников и дискриминация по возрасту: международный опыт и российские реалии // Вопросы экономики. 2019. № 6. С. 99–121. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-6-99-121
10. Клепикова Е.А. Возрастная дискриминация при найме: результаты экспериментального исследования // Экономическая политика. 2019. № 14 (2). С. 64–89.
11. Herrmann M. Population aging and economic development: anxieties and policy responses. *Population Ageing*, 2012, no. 5, pp. 23–46. DOI: 10.1007/s12062-011-9053-5
12. Korovkin A.G., Dolgova I.N., Korolev I.B. Labor shortage in the Russian economy: a macroeconomic estimate. *Studies on Russian Economic Development*, 2006, vol. 17, no. 4, pp. 365–376.
13. Nizova L.M., Sorokina E.N. Problems of Balancing Supply and Demand in the Labor Market of the Republic of Mari El. *Studies on Russian Economic Development*, 2019, vol. 30, no. 4, pp. 462–466.
14. Сюпова М.С., Бондаренко Н.А. Проблемы профессионально-структурного дисбаланса на региональном рынке труда // Вестник ТОГУ. 2017. № 2 (45). С. 135–142.

15. Капелюшников Р., Ощепков А. Российский рынок труда: парадоксы посткризисного развития // Вопросы экономики. 2014. № 7. С. 66–92.
16. Согласование спроса на рабочую силу и ее предложение на региональных рынках труда: опыт анализа и моделирования / А.Г. Коровкин, И.Н. Долгова, Е.А. Единак, И.Б. Королев // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2012. Т. 10. С. 319–343.
17. Гимпельсон В. Дефицит квалификации и навыков на рынке труда (недостаток предложения, ограничения спроса или ложные сигналы работодателей?) // Вопросы экономики. 2004. № 3. С. 76–94. DOI: 10.32609/0042-8736-2004-3-76-94
18. Былков В.Г. Предложение на рынке труда: методология, природа формирования // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 4. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(4).1
19. Королев И.Б. Взаимосвязь спроса и предложения на российском рынке: гендерные и образовательные особенности // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2007. Т. 5. С. 139–258.
20. Коровкин А.Г., Королев И.Б., Единак Е.А. Образовательные характеристики рабочей силы как фактор согласования спроса и предложения на российском рынке труда // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2015. Т. 13. С. 222–239.
21. Узякова Е.С. Анализ спроса и предложения на российском рынке труда // Народонаселение. 2011. № 3. С. 36–58.
22. Чудиновских О., Денисенко М., Мкртчян Н. Российские трудовые мигранты и иностранные работники – коллеги? конкуренты? // ДемоскопWeekly. 2013. № 579–580. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0579/tema05.php> (дата обращения 25.07.2020).
23. Нуреев Р.М., Ахмадеев Д.Р. Формальная и неформальная занятость как «близнецы-братья»: современная российская практика // TerraEconomicus. 2015. Т. 13. № 3. С. 16–33.
24. Chichkanov V.P., Chistova E.V., Tyrsin A.N. How to raise pensions by legalizing informal employment. *Montenegrin Journal of Economics*, 2017, no. 4, pp. 89–99. DOI: 10.14254/1800-5845/2017.13-4.7
25. Сони́на Ю.В., Колосницына М.Г. Пенсионеры на российском рынке труда: тенденции экономической активности людей пенсионного возраста // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 2. С. 37–53.
26. Solov'ev A.K. The pension age as a factor regulating the deficit of the state pension system. *Studies on Russian Economic Development*, 2018, vol. 29, no. 1, pp. 86–93.
27. Тырсин А.Н. Скалярная мера взаимозависимости между случайными векторами // Заводская лаборатория. Диагностика материалов. 2018. Т. 84. № 7. С. 76–82.
28. Былков В.Г. Закономерные трансформации спроса на рынке труда // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 3. С. 416–425.
29. Изряднова О.И. Российская экономика в 2018 г.: структурные особенности роста // Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 4. С. 3–10.
30. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / под общ. ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова, С.Ю. Рошина. М.: Центр стратегических разработок, 2017. 145 с.
31. Лохтина Т.Н. Проблемы рынка труда в России // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 1. DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(1).10
32. Лукьянова А.Л., Капелюшников Р.И. Работники предпенсионного и пенсионного возраста на российском рынке труда: тенденции в реаллокации занятости // Вопросы экономики. 2019. № 11. С. 5–34. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-11-5-34
33. Иванова М.А. Спрос на пожилых работников и дискриминация по возрасту: международный опыт и российские реалии // Вопросы экономики. 2019. № 6. С. 99–121.
34. Иванова М., Балаев А., Гурвич Е. Повышение пенсионного возраста и рынок труда // Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 1–18.
35. Колосницына М.Г., Герасименко М.А. Экономическая активность в пожилом возрасте и политика государства // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 4. С. 47–68.

Сведения об авторах

Александр Николаевич Тырсин – доктор технических наук, профессор кафедры, Уральский федеральный университет (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: a.n.tyrstin@urfu.ru), ведущий научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (454080, Российская Федерация, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76)

Елена Витальевна Васильева – кандидат экономических наук, и.о. руководителя, Центр экономической безопасности, Институт экономики УРО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, оф. 523; e-mail: elvitvas@ya.ru)

Tyrstin A.N., Vasilyeva E.V.

Modeling the Interrelation between Formation Factors of Labor Demand and Its Supply

Abstract. The remaining problem of the imbalance on the Russian labor market determines the relevance of studying labor demand and its supply. For this purpose, the objective of identifying the interrelation between the factors of demand and supply formation on the labor market, described using two sets (vectors) of indicators, was set and achieved. The study model also includes labor migration, informal employment, and labor activity of elderly population as factors of labor supply, which ensure that the labor shortage is filled, and the labor market is balanced. The statistical base of the study is 2006–2018 Rosstat data for Russian regions. The results of the study showed that, since 2014, there has been a growing trend in the interconnection between the factors of labor demand and its supply. In difficult macroeconomic conditions, the Russian labor market adapts not by freeing up the labor force, but by expanding labor relation practices (including underemployment of population) while maintaining a low unemployment. Economic decline has led to a reduction in the need for labor, which, on the background of a narrowing supply of labor resources caused by population ageing, has strengthened the balance between supply and demand on the labor market. The growth of partial and part-time employment has become a key process in reconciling the demand for labor and its supply. The inclusion of all factors, studied in this research, in the model allowed us to assess their impact on the balance of labor demand and supply. Employment of population aged 60–72 years was the most significant factor among all supply and demand indicators on the labor market, which indicates a high potential of ensuring their balance.

Key words: labor market, demand, supply, labor force, employment of population, employment of elderly population, labor shortage, underemployment.

Information about the Authors

Aleksandr N. Tyrstin – Doctor of Sciences (Engineering), Professor of Department, Ural Federal University (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: a.n.tyrstin@urfu.ru), Leading Researcher, South Ural State University (National Research University) (76, Lenina Street, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation)

Elena V. Vasilyeva – Candidate of Sciences (Economics), Acting Director, Center for Economic Security, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (office 523, 29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: elvitvas@ya.ru)

Статья поступила 18.12.2020.

Ограничения социального партнерства власти и бизнеса в практике формирования туристической привлекательности муниципальных образований РФ*

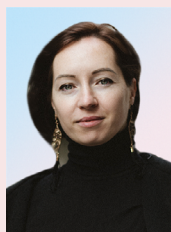
**Елена Викторовна
ФРОЛОВА**

Российский государственный социальный университет
Москва, Российская Федерация
e-mail: FrolovaEV@rgsu.net
ORCID: 0000-0002-8958-4561; ResearcherID: C-8429-2016

**Ольга Владимировна
РОГАЧ**

Российский государственный социальный университет
Москва, Российская Федерация
e-mail: RogachOV@rgsu.net
ORCID: 0000-0002-3031-4575; ResearcherID: W-4432-2017

**Татьяна Михайловна
РЯБОВА**

Российский государственный социальный университет
Москва, Российская Федерация
e-mail: RjabovaTM@rgsu.net
ORCID: 0000-0001-8204-2412; ResearcherID: M-9233-2016

**Наталья Владимировна
МЕДВЕДЕВА**

Российский государственный социальный университет
Москва, Российская Федерация
e-mail: MedvedevaNV@rgsu.net
ORCID: 0000-0003-4617-4703; ResearcherID: N-1190-2016

* Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта РФФИ № 19-011-00565 «Взаимодействие ключевых субъектов местных сообществ в целях повышения туристической привлекательности российских территорий: ограничения, ресурсы и технологии развития».

Для цитирования: Ограничения социального партнерства власти и бизнеса в практике формирования туристической привлекательности муниципальных образований РФ / Е.В. Фролова, О.В. Рогач, Т.М. Рябова, Н.В. Медведева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 156–171. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.10

For citation: Frolova E.V., Rogach O.V., Ryabova T.M., Medvedeva N.V. Limitations of social partnership between authorities and business in forming tourist attractiveness of municipalities of the Russian Federation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no 2, pp. 156–171. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.10

Аннотация. Социальное партнерство власти и бизнеса выступает стратегическим фактором социально-экономического развития территории, повышения уровня конкурентоспособности местных туристских продуктов и услуг. Цель исследования заключается в выявлении ключевых ограничений формирования социального партнерства власти и бизнеса в контексте решения задач развития туристической привлекательности муниципальных образований РФ. В ходе работы использовались общенаучные методы исследования (обобщение, систематизация и пр.); применялись аналитические процедуры с опорой на методы компаративного и системного анализа. Ключевым методом стал анкетный опрос экспертов – глав муниципальных образований (N = 306). Исследование проведено в 2019 году. В результате опроса выделены ключевые проблемы реализации проектов социального партнерства в туристической сфере, не позволяющие органам местной власти формировать устойчивые стратегии взаимодействия с бизнесом: отсутствие заинтересованности у бизнеса, неблагоприятный инвестиционный климат, отсутствие эффективной поддержки проектов в СМИ и др. Обоснована целесообразность использования муниципального имущества на принципах экономики сотрудничества как инструмента развития социального партнерства в сфере туризма. С помощью обобщения успешных практик участия бизнеса в развитии сферы туризма на муниципальном уровне и анализа результатов опроса разработаны направления совершенствования деятельности органов местного самоуправления по созданию условий для формирования туристической привлекательности на основе социального партнерства (создание музейно-туристических кластеров, брендинг территории, активная информационная поддержка и популяризация туристских дестинаций в СМИ, организация проектных офисов развития туризма и др.). Сделан вывод о том, что институциональная среда развития социального партнерства в сфере туризма в настоящее время находится на стадии формирования. Это требует дальнейшего исследования данного вопроса.

Ключевые слова: муниципальное образование, социальное партнерство, местное сообщество, местная власть, бизнес, туристическая привлекательность.

Введение

Интеграция интересов бизнеса и власти представляет собой один из наиболее значимых факторов экономического развития государства и его территорий. Социальное партнерство, как форма сотрудничества власти и бизнеса, в настоящее время рассматривается экспертами в качестве актуального тренда в трансформации управленческих практик.

Особую актуальность практики социального партнерства бизнеса и власти представляют в туристической сфере. На сегодняшний день туризм позиционируется как высокодоходная и динамично развивающаяся сфера хозяйствования, которая оказывает существенное влияние на качество и темпы социально-экономического развития отдельных регионов и муниципальных образований. Согласно данным Всемирного совета по путешествиям и туризму (WTTC), туристская отрасль обеспечивает создание 1 из 10 рабочих мест (313 млн) во всем мире¹.

¹ Официальный сайт WTTC. URL: <https://www.wttc.org/> (дата обращения 12.12.2020).

Будучи одним из крупнейших секторов экономики, в 2017 году индустрия туризма продемонстрировала рост на 4,7%, что выше среднемировых темпов роста на 1,7%; в 2019 году 10,3% мирового ВВП приходилось на туристскую отрасль, для России эта доля составила 3,9%². Несомненно, пандемия COVID-19 существенно трансформировала облик выездного туризма (международные туристские поездки в России сократились на 99,0%, США – на 95,8%, Испании – на 99,1%, Таиланде – на 100%)³, однако, по мнению ряда экспертов, закрытие международных границ определило новые потенциальные точки роста внутреннего туризма большинства стран. Указанное обстоятельство в совокупности с другими преимуществами развития туристической отрасли (сохранение экологического равновесия, низкий уровень загрязнения окружающей среды, развитие

² Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/100185> (дата обращения 12.12.2020).

³ Там же.

социальной и рыночной инфраструктуры, рост трудовой занятости местного населения и пр.) становится весомым фактором устойчивого развития муниципальных образований [1].

Глобальный экономический кризис поставил на повестку дня такие вопросы, как социальная ответственность бизнеса, поддержка предпринимательской активности, разделение рисков реализации проектов социального партнерства [2]. Пандемия COVID-19 и вызванное эпидемией резкое снижение доходности в индустрии туризма и сопутствующих отраслях (гостиничный, ресторанный, культурно-развлекательный сектор) требуют разработки новых подходов к формированию эффективной институциональной среды и «рыночного оптимизма» для предпринимательских инициатив [3; 4]. В связи с введенными ограничениями и закрытием популярных для российских туристов мировых направлений особую важность приобретает эффективное использование социального партнерства в части поддержания конкурентоспособности внутреннего рынка туристских услуг.

Следует отметить, что конкурентоспособность местного туристского продукта и услуг определяется не только туристическим потенциалом территории, наличием значимых точек притяжения, но и качеством туристического сервиса, развитием туристской инфраструктуры, инновационными практиками туристского обслуживания [5]. Готовность и уровень включенности предпринимательского сообщества в решение вопросов развития туристической привлекательности муниципальных образований определяют динамику показателей региональных экономик, устойчивость и стабильность социально-экономического развития территорий [6]. На материалах зарубежных исследований показан эффект привлечения частного сектора к управлению объектами туристской инфраструктуры. Уровень конкурентоспособности услуг, предоставляемых для организации отдыха туристов, повышается за счет скорости реагирования бизнеса на трансформацию потребительских запросов, реализации моделей сетевого поведения представителей коммерческого сектора [7]; снижаются сроки окупаемости объектов туристской инфраструктуры [8], растет качество координации процессов модернизации туристических

направлений под воздействием внешних факторов и внутренних условий территориального развития [9; 10].

Эффективность политики властей по поддержке предпринимательских инициатив определяет уровень востребованности местных туристских продуктов и услуг, привлекательность территории для потенциальных туристов [11; 12; 13]. Однако согласно официальным данным, представленным в Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)», развитие внутреннего рынка туристских услуг в России затруднено рядом проблем, в числе которых особого внимания заслуживают низкие темпы модернизации и создания инженерной и туристской инфраструктуры, неудовлетворительное состояние объектов туристического притяжения и объектов досуга, отсутствие доступных инвесторам долгосрочных кредитных инструментов, позволяющих окупать инвестиции в объекты туристско-рекреационного комплекса в приемлемые для инвесторов сроки⁴. Можно предположить, что институциональные ограничения развития туристической привлекательности российских территорий лимитируют практики использования социального партнерства власти и бизнеса. В частности, улучшение доступа к финансированию для малых и средних предприятий, по мнению экспертов, формирует благоприятную институциональную среду развития партнерских стратегий бизнеса и власти [14; 15], институциональные структуры на региональном и местном уровнях, обеспечивающие порядок взаимодействия и принятия необходимых мер для разрешения конфликтных ситуаций, создает организационную основу для соблюдения взаимных интересов [16; 17; 18], построения формальных каналов коммуникации [19; 20].

Критический анализ существующих подходов к исследованию социального партнерства и его роли в развитии туризма показал, что внимание ученых сконцентрировано на региональных проблемах и практиках. В частности, Г.А. Гомилевской выявлена наиболее эффективная модель формирования кластера путем

⁴ Концепция федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)». URL: <https://tourism.gov.ru/upload/iblock/b6a/Концепция.pdf>

анализа практических аспектов бюджетного финансирования туристской инфраструктуры в Приморском крае [21]. Исследованию динамики развития туризма в Алтайском крае посвящена работа Н.Н. Праздниковой, Н.Г. Прудниковой, О.С. Стрижевой, где подробно анализируются темпы прироста туристических услуг, доля и структура туристического потока по городам и районам края [22]. В трудах М.С. Гусевой, Д.В. Амелькиной определены факторы, ограничивающие развитие партнерских практик в туристской сфере, на основе опыта Самарской области [23]. Инструменты оценки использования механизма партнерства в туризме выделяются Л. Максановой, Т. Бардахановой, С. Аушеевой [24]. Аспекты развития государственно-частного партнерства в РФ и формирование качественно нового уровня туристического потенциала в условиях санкций рассматриваются в работе Н.И. Магомедовой [25].

Несмотря на то что в региональных исследованиях вопросы развития туризма и особой роли социального партнерства являются, несомненно, важными, в настоящее время аспекты партнерства бизнеса и власти на муниципальном уровне еще недостаточно изучены. Это определило цель нашей работы – выявить ключевые ограничения формирования социального партнерства власти и бизнеса в контексте решения задач развития туристической привлекательности муниципальных образований РФ.

Задачи исследования:

1) анализ финансовых, организационных, информационных ресурсов муниципалитетов, позволяющих реализовать проекты социального партнерства с бизнесом в сфере туризма;

2) рассмотрение проблем и ограничений построения партнерских отношений власти и бизнеса в проектах развития туристической привлекательности муниципальных образований РФ;

3) анализ успешных практик участия бизнеса в развитии сферы туризма на муниципальном уровне;

4) определение направлений решения проблем социального партнерства власти и бизнеса в сфере туризма.

Методология

Социологическое исследование «Социальные ресурсы развития туристической привлекательности российских территорий» проведе-

но в 2019 году в рамках реализации научного проекта РФФИ «Взаимодействие ключевых субъектов местных сообществ в целях повышения туристической привлекательности российских территорий: ограничения, ресурсы и технологии развития». В рамках исследования ставились многоплановые задачи, связанные с анализом проблем развития туристической привлекательности российских территорий, определением ключевых тенденций и механизмов активизации социальных ресурсов. Один из блоков анкеты был посвящен взаимодействию бизнеса и власти в контексте развития туристической привлекательности российских территорий.

Объектом исследования выступает практика взаимодействия муниципальной власти и бизнес-структур, оформленная в проекты социального партнерства. Предмет исследования – возможности и ограничения использования социального партнерства муниципальной власти и бизнеса в контексте развития туристической привлекательности регионов РФ. Акцент сделан на интеграцию усилий власти и бизнеса, что обусловлено значимостью решения проблем внутреннего туризма РФ, а также необходимостью сужения поля эмпирического исследования конкретными задачами территориального развития российских муниципальных образований.

География исследования охватывает все федеральные округа РФ. На первом этапе были сформированы группы муниципальных образований, представляющих различные федеральные округа России. На втором этапе случайным образом отобраны муниципальные образования с учетом типа территории (сельская или городская), административных характеристик (городское поселение, сельское поселение, городской округ, муниципальный район). Из выборки были исключены города федерального значения (Москва и Санкт-Петербург) в связи с усеченным объемом полномочий, возложенных на органы муниципальной власти. Ввиду малого представительства в генеральной совокупности таких типов муниципальных образований, как городские округа с внутригородским делением и внутригородские районы, они также не вошли в выборку. Выборка муниципальных образований по федеральным округам воспроизводит структуру генеральной

совокупности пропорционально численности муниципальных образований в округе на 2019 год. Кроме того, ряд организационных сложностей не позволил своевременно получить анкеты у руководителей местных органов власти в ряде субъектов. Итоговая выборка составила 306 муниципальных образований, при этом 100 анкет было получено от руководителей органов местного самоуправления сельских поселений 115 муниципальных районов.

В ходе исследования использовались общенаучные методы (обобщение, систематизация и пр.); применялись аналитические процедуры с опорой на методы компаративного и системного анализа. Ключевым методом определен анкетный опрос экспертов – глав муниципальных образований (N = 306). Рассылка анкет осуществлялась по электронной почте с сопроводительным письмом, в котором разъяснялись принципы заполнения анкеты, обосновывалась значимость проведения исследования. Поддержку в сборе информации оказали комитет по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления Государственной Думы, Общенациональная ассоциация территориального общественного самоуправления, а также Всероссийский совет местного самоуправления (ВСМС).

В большинстве работ представлен анализ реализации проектов государственно-частного партнерства на региональном уровне. Мы анализируем практики социального партнерства на муниципальном уровне. Особая новизна материалов нашего исследования заключается в определении барьеров реализации социального партнерства власти и бизнеса на муниципальном уровне, выявленных на основе экспертного опроса. Теоретическая значимость определяется систематизацией ключевых ограничений реализации проектов социального партнерства власти и бизнеса в сфере туризма, обоснованием идей экономики сотрудничества и их интерпретацией в контексте использования муниципального имущества как инструмента развития социального партнерства в сфере туризма.

Результаты исследования могут применяться в практике деятельности органов местного самоуправления для преодоления сложившихся стереотипов убыточности проектов социаль-

ного партнерства в сфере туризма, эффективного использования муниципального имущества как инструмента привлечения бизнеса для решения задач развития местного туризма, выстраивания эффективной информационной политики и информационного освещения проектов социального партнерства. Полученные материалы и сделанные в ходе исследования выводы могут быть полезны при разработке стратегии и планов развития туристической привлекательности российских территорий, программ поддержки бизнеса на местах. Кроме того, анализ практик взаимодействия муниципальной власти и бизнеса, оформленных в проекты социального партнерства, а также сделанные на его основе заключения могут быть использованы для оптимизации техник и инструментов привлечения общественности к решению вопросов территориального развития местных сообществ.

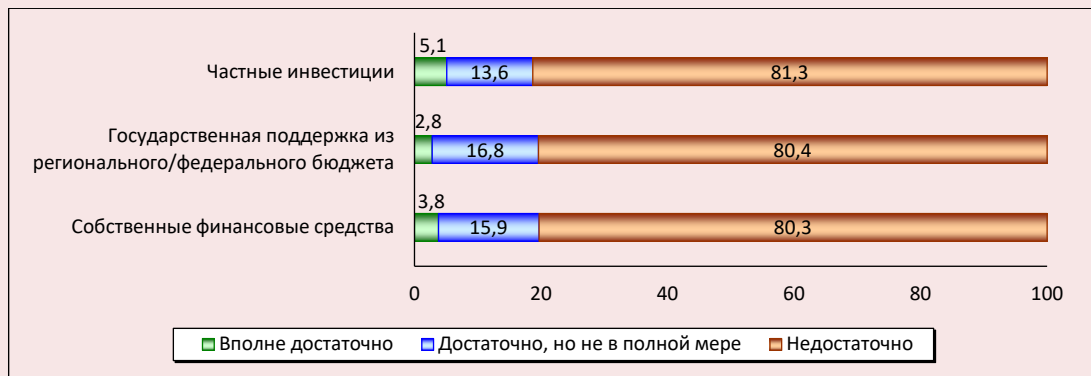
Результаты исследования

В ходе решения первой исследовательской задачи экспертам было предложено оценить имеющиеся финансовые ресурсы муниципального образования. Результаты опроса экспертов указывают на недостаточность финансового обеспечения местных бюджетов (*рис. 1*), что не позволяет местным органам власти решать острые социально-экономические проблемы территории. Кроме того, вопросы финансовой поддержки из регионального бюджета и привлечения частных инвестиций сегодня как никогда остро стоят на муниципальной повестке дня.

Можно предположить, что ограниченность ресурсов не позволяет муниципалитетам инициировать проекты социального партнерства в сфере туризма. Данное обстоятельство принято связывать как со второстепенной ролью развития индустрии туризма на местах (ввиду наличия традиционно острых социально-экономических проблем развития российских муниципальных образований), так и с институциональными ограничениями при реализации социокультурных проектов туристской направленности. В условиях низкого качества жизни большинства населения РФ туризм воспринимается главами муниципальных образований желаемым, но не приоритетным направлением развития территории.

Рисунок 1. Оценка степени обеспеченности муниципальных образований финансовыми ресурсами для развития туристической привлекательности территории, одиночный выбор, % от числа опрошенных

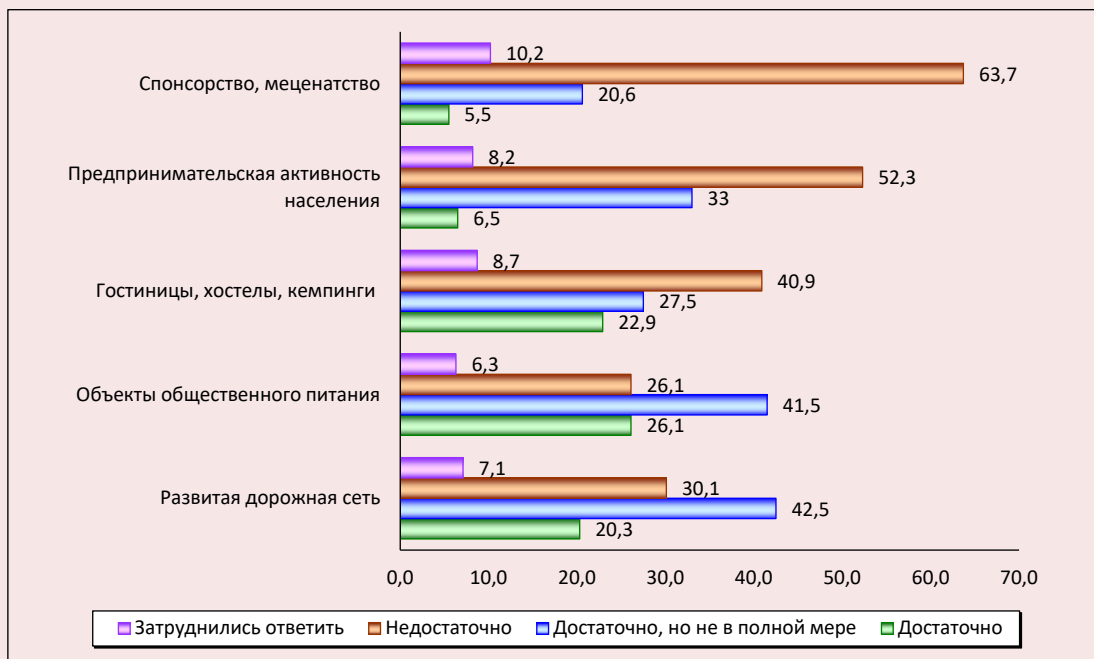

Источник: составлено по результатам авторского исследования.

Эксперты отмечают острую недостаточность социально-экономических ресурсов для формирования туристической привлекательности. В зарубежной практике особое внимание уделяется привлечению спонсоров и развитию меценатства, однако ответы российских экс-

пертов указывают на неготовность муниципалитетов заниматься данными вопросами. Можно предположить, что особенности российской ментальности, доминирование патерналистских ценностей ограничивают спонсорские инициативы (рис. 2). Вызывает опасения отме-

Рисунок 2. Оценка степени достаточности социально-экономических ресурсов муниципального образования для развития туристической привлекательности территории, % от числа опрошенных

Источник: составлено по результатам авторского исследования.

ченная респондентами недостаточность предпринимательской активности населения, поскольку сфера туризма представлена в большей степени коммерческим сектором. Сложно говорить о формировании туристической привлекательности муниципальных образований РФ при слабом развитии в них предпринимательства.

Положение усугубляется отсутствием у бизнеса заинтересованности в участии в проектах социального партнерства. Полученные результаты акцентируют внимание на необходимости более глубокого изучения мнения бизнес-структур по данному вопросу, что поможет определить причины их слабой заинтересо-

ванности, возможные зоны для интеграции усилий власти и бизнеса в сфере развития туристической привлекательности территории, установить более востребованные формы участия предпринимателей в проектах социального партнерства. На текущий момент оценки экспертов позволяют связать данную дисфункцию со слабой правовой базой и недостаточностью информационного обеспечения (рис. 3).

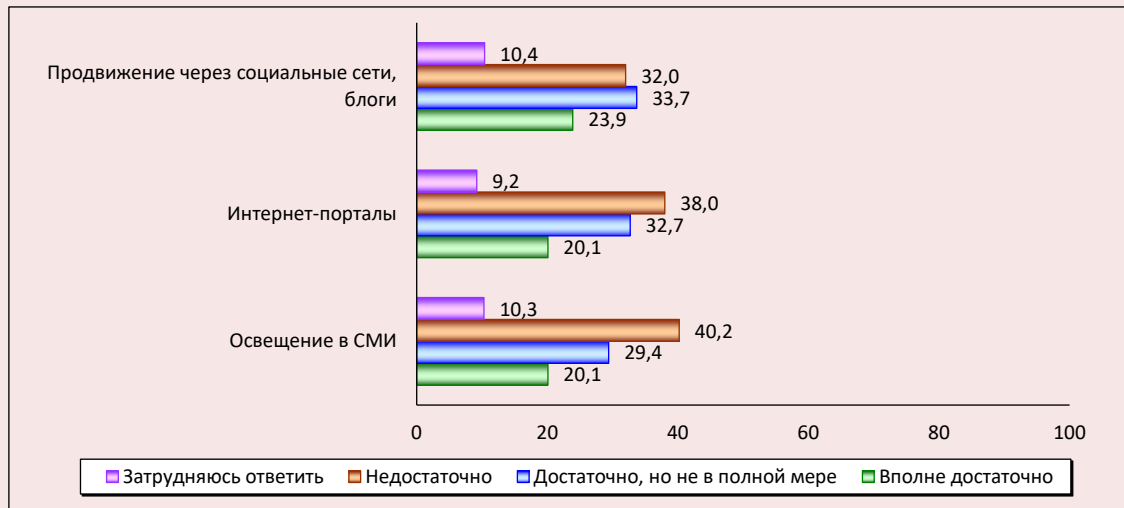
Кроме того, в числе ключевых барьеров использования в российских условиях практик социального партнерства находится запутанность процедур согласования проектов социального партнерства (64,1%). Недостатки в

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос «Укажите, пожалуйста, ключевые проблемы для построения партнерских отношений власти и бизнеса в проектах развития туристической привлекательности муниципальных образований РФ», множественное количество выборов, % от числа опрошенных

Источник: составлено по результатам авторского исследования.

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос «Укажите, пожалуйста, достаточно ли используются следующие информационные каналы для продвижения проектов социального партнерства власти и бизнеса в сфере туризма», % от числа опрошенных

Источник: составлено по результатам авторского исследования.

разработке коммерческих контрактов для партнерских отношений приводят к существенным дисфункциям и нарушениям договоренностей, что может инициировать появление негативных последствий и для власти, и для бизнеса. Отдельно отмечается сложность поддержания баланса интересов по таким направлениям, как коммерческая успешность, экологическая безопасность, соблюдение сроков реализации проекта.

Коммерческая успешность проектов партнерства власти и бизнеса подверглась серьезным угрозам в условиях финансового и эпидемиологического кризиса. По данным информационного агентства «РосБизнесКонсалтинг», пандемия COVID-19 и падение курса рубля окажут негативное воздействие на более чем 340 проектов партнерства власти и бизнеса. В наиболее уязвимой ситуации оказались представители малого и среднего бизнеса. По оценкам экспертов, ущерб только за первые полгода введения карантинных мер достигнет 25–30 млрд рублей⁵.

⁵ Эксперты оценили ущерб для государственно-частных проектов из-за вируса. URL: <https://www.rbc.ru/economics/25/03/2020/5e79ec309a79474781fd0af3>

По результатам исследования можно заключить, что особое место среди ограничений формирования и развития социального партнерства между органами власти и местным сообществом занимает слабое информационное продвижение таких практик в СМИ (рис. 4).

Можно предположить, что проблема связана либо с недостаточностью успешных проектов социального партнерства власти и бизнеса в сфере туризма, либо с отсутствием высокого уровня заинтересованности СМИ в освещении данной тематики, что коррелирует с другими экспертными мнениями и исследованиями. В частности, аналогичная позиция была выявлена по результатам мониторинга реализации социальных проектов в г. Красноярске, проведенного Агентством общественных инициатив⁶. По мнению заместителя генерального дирек-

⁶ Отчет о выполнении мониторинга реализации проектов и оценки результатов реализации проектов, получивших финансирование в рамках краевой грантовой программы «Социальное партнерство во имя развития», оценки эффективности реализации краевой грантовой программы «Социальное партнерство во имя развития» за 2011 год. Красноярск: КПОО «Агентство общественных инициатив», 2011. 57 с. URL: <https://kras-grant.ru/about/otchet-gp2011.pdf>

тора ИД «Комсомольская правда» Р. Карманова, для того чтобы взаимодействие на основе принципов социального партнерства было эффективным, необходим посредник между СМИ и участниками социального партнерства с целью адаптировать тексты в понятный для СМИ структурированный продукт⁷. В настоящее время в России деятельность по популяризации социальных проектов в основном осуществляет Агентство социальной информации (АСИ). Оно специализируется на освещении тематики НКО, благотворительности, волонтерства, социальной ответственности. Особая роль должна принадлежать региональной и местной прессе, которая может обеспечить эффективное информирование общественности и вовлечение населения в обсуждение различных проблем [26].

По результатам анализа открытого вопроса «Укажите, пожалуйста, ключевые формы/направления взаимодействия власти и бизнеса в сфере развития туризма, которые являются, на Ваш взгляд, наиболее эффективными/жизнеспособными в современных условиях», высокое признание экспертов получили следующие ответы:

- долговременное стратегическое сотрудничество с бизнесом по вопросам решения конкретных задач развития туристского потенциала территории, которые, вместе с тем, не затрагивают отношения собственности партнеров (например, «сервисный контракт», «соглашение о продвижении туристического продукта»);
- участие бизнес-сообщества в реализации программ, предполагающих финансовую поддержку инициатив в сфере туризма, программ с государственной, частной или смешанной формой собственности (например, «аренда муниципальной собственности для туристических целей»).

Обсуждение

Социальное партнерство бизнеса и власти позволяет интегрировать преимущества коммерческого сектора (инновации, технические знания и навыки, организационную эффективность, предприимчивость) в развитие туристической привлекательности территории [27]. Основу реализации продуктивных стратегий

сотрудничества составляют способность и готовность местных органов власти к формированию прочных рабочих отношений с партнерами [28], ресурсное обеспечение проектной деятельности [29].

Как показывает практика ряда российских муниципальных образований, активная политика местных властей по вовлечению бизнес-структур в процессы развития туризма на местах способствует росту доверия и включенности представителей местных сообществ в проекты социального партнерства. Активная позиция местных властей, подкрепленная мерами информационного продвижения, консультационной поддержки и неформальными практиками взаимодействия, приводит к мобилизации ресурсов местного сообщества в целях развития туристической привлекательности муниципальных образований. В условиях ограниченности муниципальных бюджетов такой подход к проектам социального партнерства представляется крайне важным, так как способствует развитию частных музеев и мастерских, микропредпринимательству, росту инвестиционной привлекательности территории для более крупных игроков на туристском рынке. Ярким примером эффективной деятельности муниципальных властей в данной области является история города Мышкина. Изначально объемы туристского потока в нем были небольшими, что обуславливалось отсутствием необходимой туристской инфраструктуры (объектов размещения, питания и пр.), а также низкой узнаваемостью бренда среди потенциальных потребителей. Его увеличение произошло благодаря активному вовлечению местного сообщества в развитие сферы туризма: установилась пропорция местных жителей по отношению к туристам 1:34, что обеспечило мультипликативный эффект развития территории⁸.

Представленная практика развития туристской индустрии в границах малого города свидетельствует о том, что муниципальное образование, не обладающее богатым культурным наследием, может стать объектом туристского

⁷ Социально ответственный бизнес и СМИ: как наладить диалог? URL: <https://www.oprf.ru/press/news/2019/newsitem/48084> (дата обращения 12.10.2020).

⁸ Мышкин вошел в десятку самых посещаемых малых городов России. URL: https://myshkin-info.ru/news/2019/08/08/Myshkin_voshyol_v_desyatku_samyh_poseschaemyh_Malyh_Gorodov_Rossii/ (дата обращения 02.10.2020).

показа благодаря концентрации усилий со стороны местных властей на создании бренда территории и активном его продвижении. Наличие собственного бренда для муниципальных образований может сделать их привлекательными для туристов, будет способствовать активизации инициатив местного сообщества и интеграции их в развитие территории. При этом туризм должен быть одним из приоритетных направлений в стратегии развития муниципалитета, что позволит не только обеспечить устойчивый туристский поток, но и повысить инвестиционную привлекательность муниципального образования.

Вместе с тем положительные практики участия бизнеса в развитии сферы туризма на муниципальном уровне, как правило, носят ограниченный характер, реализуются в форме проектов муниципально-частного партнерства между 2–3 участниками на базе концессионных соглашений со средним сроком реализации 30 лет. Примерами могут служить такие проекты, как «Реконструкция и дальнейшее использование имущественного комплекса для оздоровительного отдыха» (г. Белгород, урочище «Липки»), «Реконструкция объекта для осуществления деятельности в области туризма» (г. Череповец Вологодской области), «Реконструкция и эксплуатация объекта «Центр здоровья и отдыха „Нижнекамские термы”» (г. Нижнекамск Республики Татарстан) и др.

Результаты исследований показали, что финансовые возможности муниципалитетов определяют границы и потенциал реализации проектов взаимодействия бизнеса и власти. С одной стороны, низкий уровень финансовой обеспеченности местных бюджетов не позволяет органам местного самоуправления иметь достаточную экономическую базу, чтобы выступать потенциально привлекательным партнером для бизнеса. С другой стороны, из-за наличия финансовых проблем в муниципалитетах в полной мере не обеспечивается формирование организационных механизмов поддержки совместных с бизнесом проектов. Достаточность кадровых ресурсов в местных администрациях определяет эффективность информационной, консультационной помощи бизнесу, своевременность предупреждения и регулирования конфликтных рисков совместной деятельности.

Этот вывод подкрепляется международными исследованиями. I. Marques утверждает, что различия в административных возможностях региональных и местных правительств объясняют неравномерность развития проектов государственно-частного партнерства. Важное значение имеют сильный административный потенциал, политическая ответственность и ресурсное обеспечение (кадровое и финансовое) управленческих практик [16]. Для российских муниципалитетов характерны следующие проблемы кадрового обеспечения: ограничения штатной численности сотрудников местных администраций, отсутствие у значительного количества муниципальных служащих профильного образования, недостаточность правовой и экономической подготовки [30]. Указанные дисфункции не позволяют муниципальным служащим своевременно инициировать и сопровождать совместные проекты с бизнесом, оказывать адекватную консалтинговую помощь, особенно в условиях достаточно высокой правовой неопределенности.

В России сложился заметный уровень дифференциации муниципальных образований по уровню доходности местных бюджетов. Сильную позицию имеют крупные городские поселения, близость к административным центрам также обеспечивает инвестиционную привлекательность территории.

Результаты исследования показали, что большинство муниципалитетов испытывает трудности с финансовым обеспечением даже базовых полномочий, относящихся к вопросам жизнеобеспечения населения. Как следствие, во многих муниципальных образованиях РФ практически отсутствует система мониторинга проблем предпринимательства, не проводится диагностика эффективности реализуемых мероприятий и программ поддержки бизнес-сектора [15]. Отсутствие кадровых и финансовых возможностей ставит сельские поселения и малые города РФ в уязвимую позицию, лимитирует их инициативы по развитию партнерства с бизнесом.

В то же время малые и средние города обладают муниципальным имуществом, которое не всегда используется эффективно. Данный ресурс, как правило, остается не задействованным в проектах социального партнерства.

При этом «пустующие» объекты муниципальной инфраструктуры могут быть предоставлены инвесторам на льготных условиях с целью создания новых туристических точек притяжения (музеи, арт-пространства и др.). Одним из примеров подобного успешного сотрудничества власти и бизнеса является проект социального предпринимательства музеев «Коломенская пастила», входящий в музейно-творческий кластер «Коломенский Посад». Реализация указанного проекта позволила не только сохранить культурное наследие города, но и укрепить бренд территории, развить такие новые направления, как гастрономический туризм и креативные индустрии. Создание технической библиотеки и музея станка с историей промышленности Тулы оказалось возможным только благодаря использованию пустующих площадей завода «Октава». В результате данный проект способствовал сохранению и популяризации индустриального наследия города и стал новым объектом туристского показа.

Активное использование муниципального имущества в развитии туристской индустрии позволит создавать музейно-туристические кластеры. В итоге появится возможность развития культурно-познавательного туризма за счет привлечения всех заинтересованных сторон: органов местного самоуправления, инвесторов и местного сообщества, что будет способствовать становлению социального партнерства. В конкретных туристских дестинациях организация подобных кластеров обеспечит стабильный туристский поток и формирование комфортной туристской среды.

Результаты исследования показали, что отсутствие дополнительных финансовых возможностей у местных органов власти не позволяет проводить эффективную муниципальную политику, направленную на взаимодействие с бизнесом в сфере туризма. Проблемы связаны с узким диапазоном вариативности управленческих действий при определении приоритетных направлений расходования бюджета, высокой зависимостью местного самоуправления от региональных и федеральных властей. Полученные выводы подтверждаются другими исследованиями. Формирование полицентричной системы управления и рост авторитета муниципалитетов обеспечивают устойчивое социально-экономическое развитие территорий, повышение качества и уровня жизни населения, предпринимательской активности [31; 32].

Обеспечение местной автономии рассматривается в качестве гаранта реализации стратегических целей развития территории, выполнения локальных задач [33].

Ограничениями реализации проектов социального партнерства в сфере туризма являются информационный вакуум по рассматриваемым вопросам в средствах массовой информации, сложившиеся стереотипы убыточности данных проектов. В современных условиях включенность бизнеса в решение вопросов социально-экономического развития территории не обеспечивает устойчивые репутационные выгоды. Возможным выходом из сложившейся ситуации выступает концентрация усилий муниципалитетов на обеспечении информационной открытости стратегий взаимодействия бизнеса и власти, предоставлении широкого доступа потенциальных инвесторов к информации, масштабном освещении готовящихся проектов в региональной и муниципальной прессе. Не менее значимой является адресная проработка моделей участия с потенциальными инвесторами. Консалтинговая поддержка должна включать в себя анализ инвестиционных рисков, проработку механизмов их снижения, моделей кредитования, привлечения дополнительных участников. Общественная поддержка предпринимательской активности в сфере туризма рассматривается в качестве драйвера реализации успешных стратегий социального партнерства власти и бизнеса. Приращение репутационных выгод предпринимателей, участвующих в разработке местных туристских продуктов и услуг, строительстве и эксплуатации объектов туристской инфраструктуры, может обеспечиваться за счет освещения их деятельности в местной прессе, признания, морального стимулирования.

Заключение

Острота традиционных для России социально-экономических проблем, достаточно низкий уровень жизни в большинстве муниципальных образований не позволяют муниципальным властям сконцентрироваться на развитии индустрии туризма в целом. Ввиду

данного обстоятельства делается вывод о том, что институциональная среда развития практики социального партнерства в сфере туризма находится на стадии формирования.

Главы муниципальных образований отмечают следующие барьеры на пути формирования партнерских отношений с бизнесом по развитию туристической привлекательности территорий РФ:

– финансовые: недостаточность собственных финансовых средств муниципалитетов, низкий уровень государственной поддержки из регионального/федерального бюджета, нехватка частных инвестиций;

– правовые: пробелы в правовой базе, запутанность процедур согласования проектов социального партнерства, недостатки в разработке коммерческих контрактов для партнерских отношений, нарушение договоренностей;

– организационные: сложность поддержания баланса интересов по таким направлениям, как коммерческая успешность, экологическая безопасность, соблюдение сроков реализации проекта, отсутствие квалифицированных муниципальных кадров, излишний бюрократизм, свойственный органам власти, информационная закрытость власти и отсутствие эффективной поддержки практик социального партнерства власти и бизнеса в средствах массовой информации. Отмечается низкий уровень доверия власти и бизнеса, отсутствие у предпринимателей заинтересованности в участии в проектах социального партнерства.

Для активизации туристской деятельности на муниципальном уровне туризм должен быть одним из приоритетных направлений в стратегии развития муниципальных образований. Местным органам власти следует принимать участие в формировании туристских продуктов, создании и продвижении бренда территории, что будет способствовать как привлечению частных инвесторов, так и повышению активности местного сообщества. Кроме того, создание на муниципальном уровне проектных офисов развития туризма может послужить катализатором в продвижении туристского потенциала территории и привлечению бизнеса к реализации проектов в рассматриваемой сфере.

В условиях кризиса укреплению партнерства органов местного самоуправления, бизнеса и общественности может помочь формирование на территории муниципальных образований музейно-туристских кластеров. Кластерный подход в развитии туристской индустрии обеспечит мультипликативный эффект. Совместное использование туристских ресурсов, наличие единых приоритетов, кооперация и сотрудничество между всеми субъектами кластера будет способствовать формированию доверия между ними.

В *таблице* систематизированы меры по преодолению барьеров социального партнерства власти и бизнеса в сфере туризма. Финансовая недостаточность местных бюджетов актуализирует меры организационного характера, кото-

Меры по преодолению барьеров социального партнерства власти и бизнеса в сфере туризма

Барьеры	Меры
Организационные	Концентрация усилий муниципалитетов на обеспечении информационной открытости стратегий взаимодействия бизнеса и власти, предоставлении широкого доступа потенциальных инвесторов к информации, масштабном освещении готовящихся проектов в региональной и муниципальной прессе; консалтинговая поддержка муниципалитетами представителей бизнес-сообщества для участия в проектах социального партнерства, в т. ч. с помощью создания проектных офисов и привлечения квалифицированных специалистов в данной сфере; проведение системы мониторинга проблем предпринимательства, диагностики эффективности программ поддержки бизнес-сектора; освещение в СМИ деятельности предпринимателей, участвующих в разработке местных туристских продуктов и услуг, строительстве и эксплуатации объектов туристской инфраструктуры
Финансовые	Активизация использования муниципального имущества, предоставление инвесторам объектов инфраструктуры на льготных условиях с целью создания новых туристических точек притяжения; создание музейно-туристических кластеров
Правовые	Совершенствование правовой базы, процедур согласования проектов социального партнерства; включение в локальные нормативно-правовые акты / законодательные инициативы местных властей направлений/проектов социального партнерства в туризме
Источник: составлено авторами.	

рые не несут серьезных расходов. Преодоление правовых барьеров требует углубленного изучения нормативно-правовой базы и разработки законодательных инициатив, что может стать предметом отдельных научных исследований.

Повышение уровня заинтересованности бизнеса в участии в проектах социального партнерства предполагает реализацию ряда предложений. На основе осуществленного анализа авторам видится целесообразным проведение целенаправленной информационной политики, которая включала бы в себя создание единого информационного портала, консолидирующего информацию о потенциальных и реализуемых проектах социального партнерства, базу данных успешных практик и отзывов непосредственных участников проектных работ. Также возможны подготовка информационных поводов и их освещение в СМИ; формирование информационного контента о проектах социального партнерства и его транслирование в виде социальной рекламы, наружной рекламы и пр. Устранение информационного вакуума позволит бизнес-структурам определить для себя границы возможного участия в проектах социального партнерства. Следующим предложением выступает совершенствование процедуры правового консультирования представителей бизнес-структур, в том числе правовое сопровождение бизнеса в проектах социального партнерства. Такой подход поможет повысить уровень доверия коммерческого сектора к проектам социального партнерства, открытость и прозрачность правовых основ организации партнерских проектов. На основе указанных

выше предложений предполагается обеспечить рост уровня заинтересованности бизнеса в участии в проектах социального партнерства.

В условиях ограниченности финансовых возможностей большинства муниципальных образований ресурсом повышения заинтересованности бизнеса в проектах социального партнерства может стать эффективное использование муниципального имущества. Его применение на принципах экономики сотрудничества позволит привлечь дополнительных инвесторов, способных не только создать новые объекты туристического показа, но и сохранить объекты культурного наследия территории. Особое значение при этом приобретает информационная поддержка. Со стороны органов власти необходимо более активно осуществлять деятельность по созданию интернет-порталов, коммуникационных платформ, способных объединить всех заинтересованных сторон для развития туристической привлекательности российских территорий. Популяризация туристических дестинаций муниципальных образований в социальных сетях, а также посредством интернет-технологий, даст возможность обеспечить конкурентные преимущества территории для развития ее туристической привлекательности.

Таким образом, представленные направления по совершенствованию деятельности органов местного самоуправления позволят создать необходимые условия для формирования туристической привлекательности муниципальных образований на основе социального партнерства.

Литература

1. Квашнина Е.Б. Метод оценки мультипликативного эффекта инвестиций в туристскую индустрию региона // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2012. № 2 (74). С. 70–73.
2. Kryukova E.M., Khetagurova V.S.H. Cluster approach in the development of social tourism in Russia. *Contemporary Problems of Social Work*, 2019, vol. 5, no. 4 (20), pp. 4–14.
3. Higgins-Desbiolles F. Socialising tourism for social and ecological justice after COVID-19. *Tourism Geographies*, 2020. DOI: 10.1080/14616688.2020.1757748
4. Jang Y., Lee W.J., Hadley B. Interactive effects of business environment assessment and institutional programs on opportunity entrepreneurship. *Sustainability*, 2020, no. 12 (13). DOI: 10.3390/su12135280
5. Remington T.F., Yang P. Public-private partnerships for skill development in the United States, Russia, and China. *Post-Soviet Affairs*, 2020, no. 36 (5–6), pp. 495–514. DOI: 10.1080/1060586X.2020.1780727
6. Yang A.M., Liu W.L., Wang R. Cross-sector alliances in the global refugee crisis: An institutional theory approach. *Business Ethics-A European Review*, 2020, vol. 29 (3), pp. 646–660. DOI: 10.1111/beer.12288

7. Broegaard R.B. Rural destination development contributions by outdoor tourism actors: A Bornholm case study. *Tourism Geographies*, 2020. DOI: 10.1080/14616688.2020.1795708
8. Ly T.P., Zhang C.Z. Why public-private cooperation is not prevalent in national parks within centralised countries. *Asia Pacific Journal of Tourism Research*, 2019, no. 24 (12), pp. 1109–1125. DOI: 10.1080/10941665.2019.1666154
9. Beynon M.J., Jones P., Pickernell D., Huang S.F. Growth and innovation of SMEs in local enterprise partnerships regions: A configurational analysis using fsQCA. *International Journal of Entrepreneurship and Innovation*, 2020, no. 21, vol. 2, pp. 83–100. DOI: 10.1177/1465750319846827
10. Gonzalez-Morales O., Talavera A.S. CSR as a strategy for public-private relationships in protected island territories: Fuerteventura, Canary Islands. *Island Studies Journal*, 2019, no. 14 (1), pp. 147–162. DOI: 10.24043/isj.83
11. Androsova I.V., Melnichuk A.V., Bondaletov V.V., Vinichenko M.V., Duplij E.V. On the issue of state support of agriculture: Regional aspect. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 2016, no. 6 (S1), pp. 114–119.
12. Rogach O.V., Frolova E.V., Ryabova T.M., Morozova L.S., Litvinova E.V. Management of potential tourist development of municipalities in Russia. *International Journal of Advanced and Applied Sciences*, 2020, vol. 7, no. 8, pp. 43–52. DOI: 10.21833/ijaas.2020.08.006
13. Medvedeva N.V., Frolova E.V., Rogach O.V., Ryabova T.M. Public participation in shaping the tourist attractiveness of Russian territories at the turn of the XIX-XX centuries. *Bylye Gody*, 2019, vol. 52, no. 2, pp. 838–847. DOI: 10.13187/bg.2019.2.838
14. Qi S., Nguyen D. Government connections and credit access around the world: Evidence from discouraged borrowers. *Journal of International Business Studies*. DOI: 10.1057/s41267-020-00341-x
15. Кусакина О.Н., Трухачев В.В. Организационно-функциональная архитектура механизма координации взаимодействия властных и предпринимательских структур на региональном и муниципальном уровнях // *Terra Economicus*. 2012. № 10 (3-3). С. 135–139.
16. Marques I., Remington T., Bazavliuk V. Encouraging skill development: Evidence from public-private partnerships in education in Russia's regions. *European Journal of Political Economy*, 2020, vol. 63. UNSP 101888. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2020.101888
17. Volokhova N. Government and business interaction in Eastern Europe: Specific features of the public-private partnership. *Economic Annals-XXI*, 2020, vol. 180, no. 11–12, pp. 31–39. DOI: 10.21003/ea.V180-04
18. Киселев В.И. Взаимодействие власти и бизнеса: конфликтологический аспект // *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 7. С. 174–178.
19. Рой О.М. Бизнес и власть: стратегии взаимодействия // *Вестник Омского университета*. Серия «Экономика». 2019. № 3. С. 150–160.
20. Huang C., Yi H.T., Chen T., Xu X.L., Chen S.Y. Networked environmental governance: Formal and informal collaborative networks in local China. *Policy Studies*, 2020. DOI: 10.1080/01442872.2020.1758306
21. Гомилевская Г.А. Практические аспекты бюджетного финансирования туристской инфраструктуры (на примере Приморского края) // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 118–122.
22. Праздников Н.Н., Прудникова Н.Г., Стрижева О.С. Анализ развития сферы туризма в Алтайском крае // *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. 2017. № 9 (155). С. 53–60.
23. Гусева М.С., Амеликина Д.В. Взаимодействие государства и бизнеса в развитии внутреннего и въездного туризма // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2017. Т. 9. № 2. С. 217–236. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-2-217-236
24. Maksanova L., Bardakhanova T., Ayusheeva S. *A Toolkit for Assessing the Use of Public-Private Partnerships in Tourism*. 2019. DOI: 10.2991/icsdcbr-19.2019.196
25. Магомедова Н.И. Аспекты развития государственно-частного партнерства в туризме РФ в условиях санкций // *УЭПС: управление, экономика, политика, социология*. 2016. № 3. С. 42–49.
26. Дзялошинский И. Гражданские коммуникации и гражданское общество // *Бизнес. Общество. Власть*. 2010. № 4. С. 143–197.
27. Wong E. L.Y., Yeoh E., Chau P. Y.K., Yam C. H.K., Cheung A. W.L., Fung H. How shall we examine and learn about public-private partnerships (PPPs) in the health sector? Realist evaluation of PPPs in Hong Kong. *Social Science & Medicine*, 2015, p. 147.

28. Ollerenshaw A., Murphy A., McDonald K. Leading the way: The integral role of local government within a multisector partnership delivering a large infrastructure project in an Australian growth region. *Local Government Studies*, 2017, vol. 43, is. 2, pp. 291–314. DOI: doi.org/10.1080/03003930.2016.1274259
29. Frolova E.V., Rogach O.V., Ryabova T.M. Tourism attraction in Russian regions in cyberspace: New tendencies of tourism media marketing. *Humanities and Social Sciences Reviews*, 2019, vol. 7, no. 4, pp. 1313–1318.
30. Frolova E.V., Rogach O.V. Staffing of local authorities in modern Russian conditions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, 2018, no. 4, pp. 369–385. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.19>
31. Jones G., Stewart J. Local government: The past, the present and the future. *Public Policy and Administration*, 2012, vol. 27, no. 4, pp. 346–367.
32. Nared J. Local self-government reforms in Slovenia: Discourse on centrality and peripherality. In: *Pelc S., Koderman M. (eds) Nature, Tourism and Ethnicity as Drivers of (De)Marginalization. Perspectives on Geographical Marginality*, 2018, vol. 3, pp. 243–256. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-59002-8_17
33. Fábíán A. Local self-government in Hungary: The impact of crisis. In: *Nunes Silva C., Buček J. (eds) Local Government and Urban Governance in Europe*. Springer, Cham, 2017. Pp. 71–87. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-43979-2_4

Сведения об авторах

Елена Викторовна Фролова – доктор социологических наук, профессор, Российский государственный социальный университет (129226, Российская Федерация, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1; e-mail: FrolovaEV@rgsu.net)

Ольга Владимировна Рогач – кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный социальный университет (129226, Российская Федерация, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1; e-mail: RogachOV@rgsu.net)

Татьяна Михайловна Рябова – кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный социальный университет (129226, Российская Федерация, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1; e-mail: RjabovaTM@rgsu.net)

Наталья Владимировна Медведева – кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный социальный университет (129226, Российская Федерация, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1; e-mail: MedvedevaNV@rgsu.net)

Frolova E.V., Rogach O.V., Ryabova T.M., Medvedeva N.V.

Limitations of Social Partnership between Authorities and Business in Forming Tourist Attractiveness of Municipalities of the Russian Federation

Abstract. Social partnership between authorities and business is a strategic factor of a territory's socio-economic development and increase of the level of competitiveness among local tourist products and services. The purpose of the study is to identify the key limitations in the formation of social partnership between government and business in the context of solving the issues of developing the tourist attractiveness of municipalities of the Russian Federation. The authors used general scientific research methods (generalization, systematization, etc.) and analytical procedures based on comparative and system analysis methods. The key method was a questionnaire survey of experts – heads of municipalities (N = 306). The study was conducted in 2019. As a result of the survey, we identified the key problems of implementing social partnership projects in the tourism sector that do not allow local authorities to form sustainable interaction strategies with business: lack of interest among business, unfavorable investment climate, lack of efficient support for projects in mass media, etc. The authors justified the expediency of using municipal property on the principles of the cooperation economy as a tool for the development

of social partnership in the tourism area. By summarizing successful practices of business participation in the development of municipal tourism and analyzing the survey results, we developed the areas for improving activities of local authorities to create conditions for the formation of tourist attractiveness based on social partnership (creation of museum and tourist clusters, branding of the territory, active informational support and popularization of tourist destinations in mass media, organization of project offices for tourism development, etc.). The authors conclude that the institutional environment for the development of social partnership in the tourism area is currently at the formation stage. It requires further study.

Key words: municipality, social partnership, local community, local government, business, tourist attraction.

Information about the Authors

Elena V. Frolova – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Russian State Social University (build. 1, 4, Wilhelm Pieck Street, Moscow, 129226, Russian Federation; e-mail: FrolovaEV@rgsu.net)

Olga V. Rogach – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Russian State Social University (build. 1, 4, Wilhelm Pieck Street, Moscow, 129226, Russian Federation; e-mail: RogachOV@rgsu.net)

Tatyana M. Ryabova – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Russian State Social University (build. 1, 4, Wilhelm Pieck Street, Moscow, 129226, Russian Federation; e-mail: RjabovaTM@rgsu.net)

Natalia V. Medvedeva – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Russian State Social University (build. 1, 4, Wilhelm Pieck Street, Moscow, 129226, Russian Federation; e-mail: MedvedevaNV@rgsu.net)

Статья поступила 06.11.2020.

Социально-демографические характеристики и качество занятости платформенных работников в России и мире*

**Екатерина Алексеевна
ЧЕРНЫХ**

Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: chernykh.ekaterina108@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6970-487X; ResearcherID: M-8255-2013

Аннотация. Под воздействием цифровизации всех сфер жизни, технологических, демографических, социальных и других драйверов развития в мире растут масштабы и глубина проникновения платформенной занятости. Появление цифровых платформ стало одним из самых заметных вызовов в организации и структурировании рынка труда. Платформы изменяют не только существующие бизнес-парадигмы, но и саму модель занятости. Платформенная занятость становится, по сути, новым институциональным механизмом на рынке труда. В процессе исследования использовались общенаучные методы: системный анализ, сравнение, описание, обобщение, систематизация, формализация, и специальные методы: анализ источников, SWOT-анализ, метод экспертных оценок и др. Цель исследования заключалась в выделении и изучении социально-демографических характеристик платформенных работников в России и мире, их сравнении и выявлении влияния этих характеристик на качество и устойчивость занятости платформенных работников. В статье проанализированы, систематизированы и обобщены результаты недавних европейских и американских исследований социально-демографических характеристик платформенных работников, сделана попытка оценить аналогичные характеристики для российских работников (фрилансеров) по социологическим опросам и интервью. Выявлены основные признаки этого вида занятости и их влияние на качество трудовой жизни работников. Проведено сравнение характеристик российских и зарубежных платформенных работников. Сделан вывод

* Исследование выполнено в рамках государственного задания «Компоненты, социальные стандарты и индикаторы уровня и качества жизни населения в современной России: качественная идентификация и количественное оценивание в условиях социально-экономического неравенства» (№ 0137-2019-0032).

Для цитирования: Черных Е.А. Социально-демографические характеристики и качество занятости платформенных работников в России и мире // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 172–187. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.11

For citation: Chernykh E.A. Socio-demographic characteristics and quality of employment of platform workers in Russia and the world. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 172–187. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.11

о том, что преимущества и недостатки платформенной работы распределяются неравномерно, опыт платформенных работников поляризован. Это создает реальные проблемы для одних работников и открывает большие возможности для других. Обозначены риски платформенной занятости, являющиеся следствием ее неустойчивости, намечены направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: цифровые платформы труда, платформенная занятость, платформенные работники, регулирование платформенной занятости, качество занятости, статус занятости, неустойчивая занятость, труд с множеством исполнителей, работа по требованию.

Введение

Актуальность исследования определяется тем фактом, что под воздействием многочисленных экономических и социальных вызовов за последние десятилетия в мире увеличиваются масштабы платформенной занятости и растет ее влияние на экономику. Цифровые платформы труда (ЦПТ) изменяют и по-новому структурируют рынки труда, меняя не только методы ведения бизнеса, но и саму модель занятости. ЦПТ определяются как цифровые сети, которые алгоритмически координируют транзакции трудовых услуг. Платформы позиционируют себя в качестве посредников или технологических сервисов, оптимизирующих равновесие между спросом и предложением. Однако в реальности они обладают значительной властью, имея возможность напрямую определять ключевые параметры труда и условия занятости для формально самостоятельных работников. Платформенная занятость становится новой реальностью на рынке труда и требует глубокого переосмысления его институтов. Понятие «занятость на цифровых платформах» не полностью зафиксировано, так как нет нормативных критериев для его определения, а трактовка некоторых терминов отличается в разных странах. ЦПТ работают за пределами национальных границ, предоставляя людям больше возможностей для оказания профессиональных и непрофессиональных трудовых услуг из всех точек мира, за исключением услуг, предоставляемых локально. Очень часто работники, оказывающие услуги в онлайн-режиме, ведут свою деятельность в странах с низким уровнем дохода, а заказчики их услуг преимущественно находятся в странах с высоким уровнем дохода. Таким образом, различия в занятости и социальных показателях внутри государства могут сокращаться, а под-

верженность работников глобальной конкуренции – возрастать.

Платформенная занятость находится в сфере интересов зарубежных исследователей [1–7] и крупных международных организаций (Eurofound [8], McKinsey Global Institute [9], OECD [10], BCG [11], European Parliament [12], ILO [13; 14] и др.), но публикаций российских авторов по этой теме еще довольно мало [15; 16; 17]. Исследователи в основном анализируют терминологический аппарат, обосновывают признаки и свойства платформенной занятости. Материалы опросов работников платформ, проведенные международными организациями, представляют несомненный интерес с точки зрения получения статистических данных, потому что новая форма занятости не отражается в статистике практически ни одной страны мира.

По экспертным и статистическим оценкам [11; 13] платформенная работа часто выполняется вне основной трудовой деятельности, то есть является дополнительным источником заработка. Законодательный пробел в отношении работников платформ отражается в том, что доходы, получаемые с помощью этой формы труда, не всегда направляются в налоговую систему страны, что приводит к снижению налоговых поступлений и налоговой базы, а также поднимает вопрос о необходимости адаптировать систему социального обеспечения и социальной защиты к новым реалиям. До сих пор стоит вопрос, относятся ли платформенные работники к категории наемных работников или их нужно считать самозанятыми. В некоторых странах лиц, занятость которых основывается на цифровых платформах, выделили в отдельную группу, однако вопрос, стоит ли создавать новые категории работников, остается дискуссионным.

Цель исследования заключается в выявлении и изучении социально-демографических характеристик платформенных работников в России и мире, их сравнении и рассмотрении влияния этих характеристик на качество и устойчивость занятости платформенных работников.

Объектом статьи выступают цифровые платформы труда и платформенная занятость. Предметом статьи являются социально-демографические характеристики платформенных работников в России и мире, а также иные социально-экономические аспекты занятости посредством онлайн-платформ.

В процессе исследования использовались общенаучные методы: системный анализ, сравнение, описание, обобщение, систематизация, формализация и др., и специальные методы: анализ источников, SWOT-анализ, метод экспертных оценок и др.

В рамках работы мы рассматривали платформенную занятость через призму социально-демографических и иных качественных и количественных характеристик платформенных работников, определяющих качество занятости. Качество занятости является многомерной концепцией, характеризующейся многочисленными аспектами или измерениями, которые связаны с удовлетворением потребностей человека различными путями [18]. В частности, в международной практике выделяется семь измерений качества занятости [19]: 1) безопасность и этика; 2) доход и льготы; 3) продолжительность рабочего времени и сочетание трудовой деятельности и личной жизни; 4) стабильность занятости и социальная защита; 5) социальный диалог; 6) повышение квалификации и профессиональное обучение; 7) связанные с занятостью отношения и трудовая мотивация. Качество занятости нельзя анализировать вне показателей достойного труда, выделенных Международной организацией труда¹. В ходе исследования платформенная занятость была проанализирована в контексте данных измерений и их влияния на степень ее неустойчивости.

¹ Измерение достойного труда на основе рекомендаций Трехстороннего совещания экспертов по измерению достойного труда. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---integration/documents/meetingdocument/wcms_192844.pdf (дата обращения 15.03.2021).

Результаты исследования

Информационная база исследования

Оценки состава платформенных работников в США приводятся по данным портала The Gig Economy Data Hub² – совместного проекта Института Аспена «Инициатива будущего труда» и Школы ILR Корнельского университета.

Оценки состава платформенных работников в ЕС были сделаны по ряду исследований:

1. Пилотное исследование COLLEEM, ставшее одной из первых попыток предоставить количественные данные о работниках платформ, осуществленное в 2017 году Joint Research Centre. Обследование охватило ЦПТ в 14 государствах – членах ЕС [20].

2. Исследование Бостон Консалтинг Групп (BBG) 2018 года [11]. Выборка составила 11000 человек из 11 стран (1000 чел. в каждой стране).

3. Опрос Европейского Парламента (2017 год). Осуществлено 50 интервью в восьми европейских странах, опрошены 1200 работников платформ [12].

4. Опросы платформенных работников Международной организации труда (МОТ). Проведено два опроса: в 2015 году (1167 и 677 чел.) на платформах Amazon Mechanical Turk (AMT) и CrowdFlower, и в 2017 году (2350 чел.) на пяти платформах: AMT, CrowdFlower, Clickworker, Microworkers и Prolific [13; 14].

Оценки, касающиеся состава платформенных работников в России, были сделаны по следующим опросам:

1. Данные портала Workspace, на котором в декабре 2019 – феврале 2020 гг. опрошено 3000 фрилансеров из собственной базы³.

2. «Исследование заказчиков услуг фрилансеров 2020» — социологическое исследование ИТ-холдинга TalentTech, НИУ «Высшая школа экономики» и российской биржи фриланса FL.ru [21]. Исследование проводилось с января по июль 2020 года, в нем приняли участие 225 человек, которые пользовались услугами фрилансеров и взаимодействовали с ними как представители организаций или частные лица в течение последнего года.

² Gig Economy Data Hub. Available at: <https://www.gigeconomydata.org/> (дата обращения 15.03.2021).

³ Проблемы и радости типичного фрилансера в 2020 году. URL: <https://workspace.ru/blog/the-challenges-and-joys-of-a-typical-freelancer-in-2020/> (дата обращения 15.03.2021).

3. Данные опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), посвященных мнению россиян о фрилансерах и их деятельности (март 2020 г.)⁴.

4. 16 экспертных интервью, проведенных автором с платформенными работниками (преимущественно в сфере оказания услуг репетиторов) в период с 1 сентября по 1 декабря 2020 года. Среди опрошенных 10 женщин и 6 мужчин. Возраст опрошенных варьируется от 27 до 64 лет, 14 человек живут в Москве, 1 – в Екатеринбурге, 1 – за границей.

Охват платформенной занятости

Достоверно оценить количество платформенных работников в мировом масштабе на сегодняшний день очень сложно ввиду неоднозначности используемого понятийного аппарата и критериев отнесения работающих к этой категории. Оценки масштабов платформенной занятости в мире подробно рассмотрены в [2; 7; 8; 17; 20]. В целом доля занятых на платформах в США и европейских странах в 2016–2019 гг. оценивалась в 1–5% от общей занятости. В развивающихся странах масштабы платформенной экономики гораздо больше, особенно если учитывать работников, которым платформенная занятость дает дополнительный, а не основной доход [11]. Данные о количестве платформ по странам Европы варьируются еще сильнее: от 5 (Кипр) до 300 (Франция) [8]. Пандемия 2020 года внесла коррективы в эти цифры. Седьмое ежегодное исследование Upwork (сентябрь 2020 года), в ходе которого было опрошено более 6000 американских рабочих старше 18 лет, показало, что за последние 12 месяцев в платформенной занятости участвовали 59 миллионов американцев (36% рабочей силы США), т. е. на 2 миллиона больше, чем в 2019 году⁵. По данным британской платформы для фрилансеров PeoplePerHour, с начала 2020 года количество подписчиков сервиса выросло на

513% в Японии, на 329% в Испании и на 300% в Великобритании⁶.

Оценки по ЕС показывают, что в среднем 10% взрослого населения когда-либо использовали онлайн-платформы для предоставления некоторых видов трудовых услуг (*работники с незначительной долей платформенной занятости*). Менее 8% выполняют эту работу с определенной частотой, менее 6% тратят на нее значительное количество времени (не менее 10 часов в неделю) или получают от нее значительный доход (не менее 25% от всего дохода) — это *работники со значительной долей платформенной занятости*. Основные работники платформ — те, кто зарабатывает 50% или более своего дохода на платформах и/или работает на платформах более 20 часов в неделю. Они составляют в среднем около 2% взрослого населения. Самая высокая частота работы на платформе в Великобритании. Странами с высокими относительными значениями платформенной занятости являются Германия, Нидерланды, Испания, Португалия и Италия. Напротив, Финляндия, Швеция, Франция, Венгрия и Словакия характеризуются очень низкими значениями по сравнению с остальными государствами [20].

По России нет обобщенных данных о количестве и составе платформенных работников, поэтому мы можем использовать информацию от компаний, находящуюся в открытом доступе, а также результаты отдельных социологических исследований. Масштабы платформенной занятости в России можно оценить только косвенным путем, отдельно рассматривая каждую из категорий, составляющих понятие «платформенный работник».

В России платформенные работники принадлежат к нескольким категориям (эти категории могут пересекаться): самозанятые; фрилансеры; индивидуальные предприниматели; незарегистрированные нигде работники; наемные работники, для которых ЦПТ дают вторичный доход; школьники и студенты (в статистике незанятые, экономически неактивные); физические лица, выполняющие работу на основании гражданско-правового договора, предметом которого является выполнение работ и

⁴ Россияне полюбили фриланс. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10183> (дата обращения 15.03.2021).

⁵ New Upwork Study Finds 36% of the U.S. Workforce Freelance Amid the COVID-19 Pandemic. Available at: <https://www.upwork.com/press/releases/new-upwork-study-finds-36-of-the-us-workforce-freelance-amid-the-covid-19-pandemic> (дата обращения 15.03.2021).

⁶ Как пандемия повлияла на работу и перспективы независимых работников. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2020/09/07/838503-pandemiya-povliyala>

(или) оказание услуг, договора авторского заказа. Кроме того, используются термины «плательщики налога на профессиональный доход», «лица, самостоятельно обеспечивающие себя работой», «работающие не по найму» и другие. Это создает проблему неопределенности их статуса занятости на рынке труда.

Законодательно термин «самозанятый» еще не определен, но ФНС разъясняет⁷, что самозанятость — это форма занятости, при которой гражданин получает доход от его профессиональной деятельности, например оказание услуг или работ, реализация произведенных им товаров, при осуществлении которых он не состоит в трудовых отношениях с работодателем, не зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя и не привлекает наемных работников.

В российской практике также нет устоявшейся методологии в определении термина «фрилансер», что подтверждают результаты социологических исследований⁸. По мнению опрошенных, фрилансер — тот, кто самостоятельно находит себе работу, свободный, вольнонаемный работник (15%), а также тот, кто работает на себя (5%) или удаленно (5%). В этих трактовках смешаны формы занятости, типы трудовых отношений и способы выполнения работы. Работа фрилансером действительно означает труд вне штата компаний. Фрилансер сам находит клиентов, выполняет работу и получает за это деньги. Способов поиска клиентов много, но в основном фрилансеры предлагают свои услуги на специализированных онлайн-ресурсах (ЦПТ, онлайн-биржах) или через личные связи. Фриланс особенно распространен в таких областях деятельности, как журналистика (и другие формы деятельности, связанные с написанием текстов), юриспруденция, программирование, архитектура, дизайн (реклама, веб-дизайн, дизайн интерьера и т. д.), перевод, фото- и видеосъемка, экспертная и консультационная деятельность, часто встречается в строительной области. Фриланс — это

механизм, суть которого заключается в том, что некое частное лицо или фирма нанимает для выполнения определенной задачи человека, не зачисляя его в штат фирмы. Работник может находиться в другом городе или даже другой стране, но может работать и в офисах заказчика. Российские заказчики в качестве важных преимуществ фрилансеров отметили невысокую стоимость их услуг и разнообразные формы сокращения издержек по сравнению со штатными сотрудниками [21].

На данный момент на известной цифровой площадке Avito насчитывается 1 млн предложений услуг⁹. Платформа YouDo показывает предложения более 1,5 млн исполнителей¹⁰. Число официально регистрирующихся в сервисе YouDo в качестве *самозанятых* россиян с начала 2020 года возросло в 8 раз¹¹. На платформе PROFI.RU зарегистрировано более 1 млн специалистов по 900 видов услуг в более 1000 городов присутствия сервиса¹². Сервис подбора репетиторов *repetitor.ru* использует труд более 15 тыс. репетиторов, причем с марта 2020 года он работает с клиентами по всему миру¹³. Очевидно, что многие платформенные работники регистрируются сразу на нескольких платформах, что затрудняет оценку масштабов данного вида занятости. Согласно опросу ВЦИОМ¹⁴, каждый десятый россиянин (11%) может назвать себя фрилансером или самозанятым.

Что касается компании Uber, то всего в ней работает более 22 тысяч человек в более чем 700 городах¹⁵. В России Uber на сегодняшний день присутствует в 17 городах, включая Екатеринбург, Казань, Новосибирск и Воронеж¹⁶. Коли-

⁹ <https://www.avito.ru/company> (дата обращения 15.03.2021).

¹⁰ <https://youdo.com/> (дата обращения 15.03.2021).

¹¹ Как пандемия повлияла на работу и перспективы независимых работников. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2020/09/07/838503-pandemiya-povliyala> (дата обращения 15.03.2021).

¹² <https://profi.ru/about/> (дата обращения 15.03.2021).

¹³ <https://repetitor.ru/about> (дата обращения 15.03.2021).

¹⁴ Россияне полюбили фриланс. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10183> (дата обращения 15.03.2021).

¹⁵ О компании. URL: https://www.uber.com/ru/newsroom/o_компании/ (дата обращения 15.03.2021).

¹⁶ Города России и страны, где работает такси Убер. URL: <https://taxivopros.ru/klientam-uber/gde-rabotaet.html> (дата обращения 15.03.2021).

⁷ <https://npd.nalog.ru/#questions> (дата обращения 15.03.2021).

⁸ Россияне полюбили фриланс. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10183> (дата обращения 15.03.2021).

чество подключенных к платформе водителей в России исчисляется десятками тысяч, но точных оценок в открытом доступе нет.

Социально-демографические характеристики платформенных работников

Платформенные работники в США¹⁷, Европе [20] и России¹⁸ в среднем на 10 лет моложе традиционных работников. Если распределение *по возрасту* обычных работников имеет нормальный характер, то для платформенных работников оно смещено в сторону молодых, причем с ростом интенсивности платформенной занятости возраст уменьшается.

По исследованию MOT [13], средний возраст краудворкеров составил 33,2 года в 2017 году и 34,7 года в 2015 году. Он отличался для разных платформ. Индийские работники оказались в среднем моложе (31,8 года), чем американские (35,5 года). Возраст большинства краудворкеров – от 25 до 40 лет; 10% – старше 50 лет, причем самым старшим респондентам было 83 и 71 год в 2015 и 2017 годах соответственно.

По оценкам Еврофонда [8], среди европейских платформенных работников доля лиц моложе 35 лет значительно выше, чем среди традиционных работников. В среднем всего 5% работников платформ находятся в возрасте 56–65 лет (в Австрии 13%, в Эстонии 6%, в Чехии 4% в возрасте от 45 до 59 лет и 1% старше 60 лет).

Что касается распределения *по полу*, по мере увеличения интенсивности работы на платформе представительство женщин в ЕС постепенно уменьшается [20]. В частности, женщины составляют 47,5% офлайн-работников, 40,2% незначимых работников платформ, 31,2% значимых, но не основных работников платформ и только 26,3% основных и очень значимых работников платформ. Представленность женщин среди работников платформ сильно различается по странам. Если посмотреть на пол и возраст в совокупности, мы заметим еще более резкое разделение, доля пожилых женщин по-

степенно снижается по мере усиления интенсивности работы на платформе: 34,2% работающих в офлайн-деятельности – женщины в возрасте 35 лет и старше. Эта доля почти вдвое снижается (до 18,7%) среди тех, кто время от времени предоставляет услуги через онлайн-платформы, 15,2% респондентов, работающих на какой-либо платформе, и только 10,6% среди тех, для кого работа на ЦПТ представляет собой основной источник дохода. Напротив, доля молодых мужчин с ростом интенсивности работы на платформе существенно возрастает: с 12,7% среди работников офлайн до 37,8% среди работников, получающих основной доход на ЦПТ.

По более ранним (2015 и 2017 гг.) данным MOT [13], женщины и мужчины представлены на платформах в соотношении один к трем. В развивающихся странах гендерный баланс особенно неравномерный: только одна из пяти работающих – женщина.

Данные Еврофонда [8] также показывают, что мужчины берутся за работу на платформах чаще, чем женщины. В Австрии мужчины составляют 57% работников платформ, в Нидерландах – 60%. В исследовании пяти восточноевропейских стран было обнаружено, что 58% работников платформ были мужчинами. В Чехии 8% мужчин и 5% женщин имеют опыт работы на платформе. В Эстонии около 26% мужчин по сравнению с 13% женщин в прошлом хотя бы раз выполняли работу на платформе.

Что касается США, то распределение рабочей силы по полу зависит от вида обследования: мужчины и женщины участвуют в различных видах платформенной работы¹⁹. Мужчины значительно чаще, чем женщины, задействованы в онлайн-работе на ЦПТ и заняты на полный день. Женщины с большей вероятностью получают от ЦПТ дополнительный доход и работают неполный рабочий день.

Такой гендерный дисбаланс имеет в своей основе дискриминационные основания. Есть исследования, например [2], показывающие, что женщины подвергаются статистической дискриминации: они с меньшей вероятностью будут наняты на работу, в которой преимуще-

¹⁷ Who participates in the gig economy? Available at: <https://www.gigeconomydata.org/basics/who-participates-gig-economy#age> (дата обращения 15.03.2021).

¹⁸ Проблемы и радости типичного фрилансера в 2020 году. URL: <https://workspace.ru/blog/the-challenges-and-joys-of-a-typical-freelancer-in-2020/> (дата обращения 15.03.2021).

¹⁹ Who participates in the gig economy? Available at: <https://www.gigeconomydata.org/basics/who-participates-gig-economy#age> (дата обращения 15.03.2021).

ственно заняты мужчины (например, программирование), и с большей вероятностью будут приняты на работу в тех отраслях, где преимущественно заняты женщины (например, обслуживание клиентов).

Согласно российскому опросу²⁰, женщин и мужчин среди фрилансеров примерно поровну — 46,8 и 53,2%. Авторские экспертные интервью также показывают гендерный баланс в среде репетиторов, но эти данные нерепрезентативны и не могут быть распространены на всю совокупность занятых.

Статус занятости работников платформы является одним из наиболее актуальных вопросов с точки зрения качества и неустойчивости занятости. Оценки, полученные в ходе опроса COLLEEM, показывают, что 68,1% занятых на платформах назвали себя «работниками» (employee), а 7,6% — самозанятыми (self-employed). Эти ответы можно объяснить по-разному. Либо работники платформы имеют постоянную занятость в качестве наемных работников или самозанятых и поэтому подпадают под действие стандартного законодательства о занятости, либо они не совсем уверены в статусе занятости и считают себя работниками только потому, что регулярно предоставляют определенный тип услуг через платформу. Это является противоречием, потому что в большинстве случаев поставщики трудовых услуг через платформы формально выступают независимыми подрядчиками, а не наемными работниками. Положение работников платформы на рынке труда остается неясным даже для них самих.

Согласно данным опроса фрилансеров²¹, в России половина опрошенных на конец февраля 2020 года работала без оформления, самозанятыми были 16,6%, по ГПХ работали 9,8%, ИП — 23,7%. При этом 2/3 опрошенных зарабатывают на жизнь только фрилансом, а 1/3 имеет основную работу и использует фриланс как источник дополнительного заработка. Лишь 10% организаций оформляют официальный договор с фрилансерами, треть полагается на инструменты бирж удаленной работы, такие как

безопасные сделки и др., а более половины заказчиков никак формально не фиксируют свои взаимоотношения с фрилансерами [21].

Платформенные работники в среднем более образованны, чем традиционные работники. Среди основных работников ЦПТ 55% имеют высокий *уровень образования*, по сравнению с 35,3% для среднего традиционного работника в ЕС [20]. Согласно [13], работники платформ хорошо образованы: 37% имели степень бакалавра, 20% — магистра. Среди обладателей степеней 57% имели специальность в области науки и техники (12% — естественные науки и медицина, 23% — инженерное дело и 22% — информационные технологии), 25% специализировались на экономике, финансах и учете. Данные опроса [11] также показывают высокий уровень образования платформенных работников.

Для предоставления услуг через платформу необходимо быть опытным пользователем интернета, а использование интернета обычно коррелирует с высшим образованием. Кроме того, многие типы работ, выполняемых с помощью онлайн-платформ, требуют более высокого уровня навыков, следовательно, платформы могут стать инструментом улучшения распределения высококвалифицированных работников для выполнения высококвалифицированных задач. Указанный факт также может быть связан с тем, что некоторые молодые и образованные работники сталкиваются с трудностями в поиске постоянной работы, поэтому прибегают к занятости на платформе.

В США, согласно большинству опросов, платформенная рабочая сила в целом лишь немного более образованна, чем традиционная рабочая сила. Фрилансеры чаще, чем традиционные работники, имеют ученую степень. И наоборот, у временных работников и работников по вызову часто нет даже диплома средней школы²². В российской выборке профильное высшее образование есть у 35,4%²³.

²² Who participates in the gig economy? Available at: <https://www.gigeconomydata.org/basics/who-participates-gig-economy#education-levels> (дата обращения 15.03.2021).

²³ Проблемы и радости типичного фрилансера в 2020 году. URL: <https://workspace.ru/blog/the-challenges-and-joys-of-a-typical-freelancer-in-2020/> (дата обращения 15.03.2021).

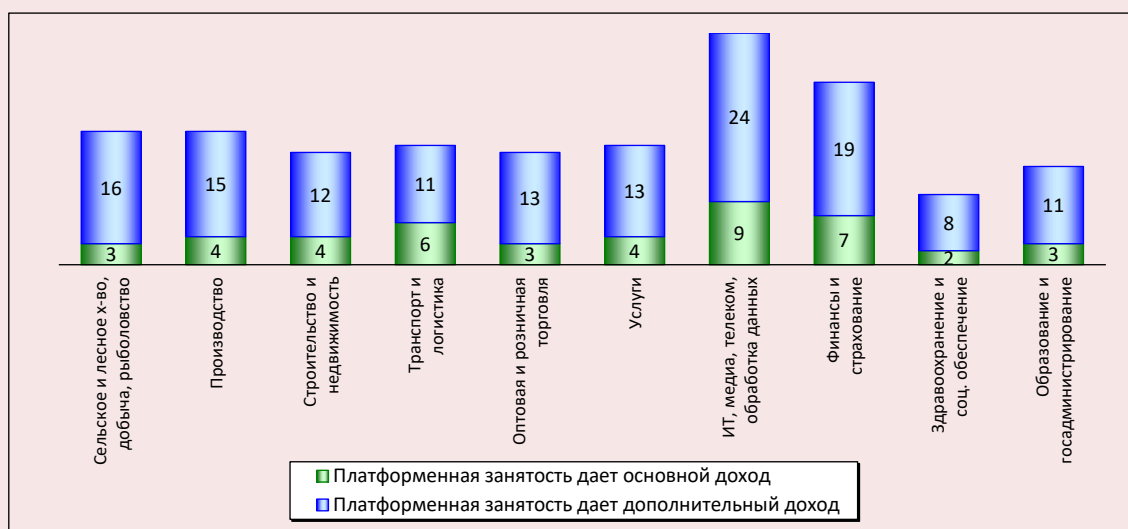
²⁰ Проблемы и радости типичного фрилансера в 2020 году. URL: <https://workspace.ru/blog/the-challenges-and-joys-of-a-typical-freelancer-in-2020/> (дата обращения 15.03.2021).

²¹ Там же.

Платформенная занятость представлена практически во всех *отраслях* экономики и приносит для большей части занятых не основной, а дополнительный доход. На *рисунке 1* показано распределение работающих на платформах по отраслям в соответствии с исследованием Бостон Консалтинг Групп (BCG).

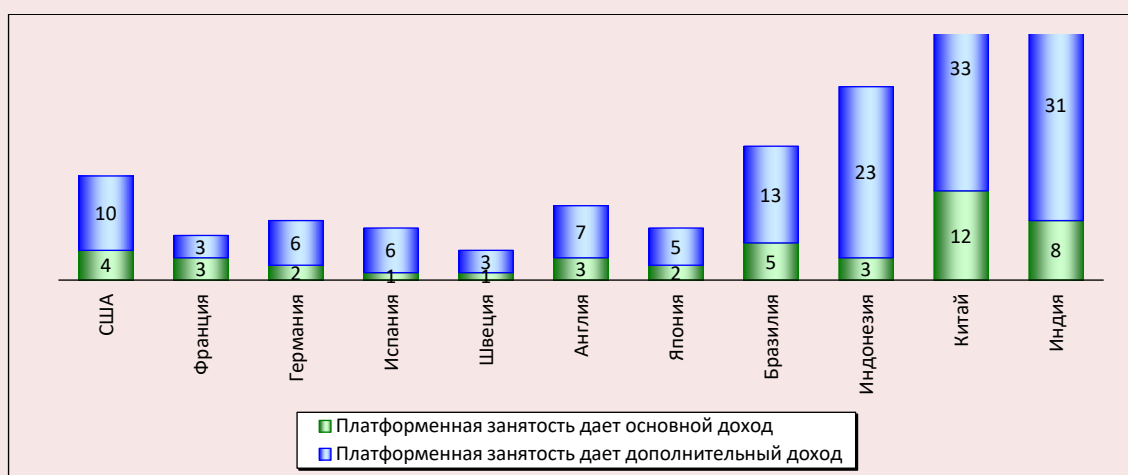
Из *рисунка 1* следует, что платформенная занятость чаще представлена в сфере ИТ, медиа, телеком, обработки данных, а также в финансах и страховании. Во всех обследованных видах деятельности платформенная занятость приносила преимущественно не основной, а дополнительный доход (*рис. 2*).

Рисунок 1. Распределение работающих на платформах по отраслям, BCG, 2018 г., % от общего количества респондентов

Источник: Wallenstein J., de Chalendar A., Reeves M., Bailey A. The New Freelancers: Tapping Talent in the Gig Economy. BCG Henderson Institute, 2019.

Рисунок 2. Распределение работающих на платформах по странам, BCG, 2018 г., % от общего количества респондентов

Источник: Wallenstein J., de Chalendar A., Reeves M., Bailey A. The New Freelancers: Tapping Talent in the Gig Economy. BCG Henderson Institute, 2019.

В среднем половина всех европейских работников платформ предоставляет как цифровые, так и локальные услуги. Это говорит о том, что многие работники выполняют более одного типа задач на ЦПТ.

С российскими фрилансерами активно сотрудничают компании из самых разных сфер [21]. Наиболее частые клиенты – организации, занимающиеся разработкой программного обеспечения, разработкой, поддержкой и продвижением веб-сайтов, работающие в сфере дизайна, маркетинга, PR, рекламы; а также торговые

и промышленные организации (на каждую из этих сфер приходится по 10–13% опрошенных). Для 23% заказчиков привлечение фрилансеров является неотъемлемым элементом бизнес-модели, 19% указали, что фрилансеры играют важную роль в деятельности организации.

Во время пандемии COVID-19 в разных отраслях российской платформенной экономики наблюдаются разнонаправленные тенденции. На *рисунке 3* представлена динамика спроса и предложения услуг в сферах платформенной занятости.

Рисунок 3. Отраслевая динамика платформенной занятости в России в пандемию (спрос и предложение)

Источник: Названы самые популярные профессии на самоизоляции. URL: <https://www.m24.ru/news/obshchestvo/19052020/118331>

Согласно исследованию COLLEEM, для большинства работников условия работы на платформах гибкие и безопасные: такая деятельность позволяет решать, когда и сколько часов работать, какие задачи выполнять. Тем не менее есть значительная доля работников платформ, считающих свою работу стрессовой и рутинной. В то время как все три категории работающих на ЦПТ характеризуются похожими значениями с точки зрения гибкости и безопасности, плохие условия имеют тенденцию к росту с увеличением интенсивности работы на платформе. Более половины «значительных» и «основных» работников платформ считают свою работу часто стрессовой и рутинной, однако они с большей вероятностью считают, что их работа оплачивается справедливо.

Респонденты, которые преимущественно предоставляли профессиональные услуги, в целом получают более высокую заработную плату, но также чаще сталкиваются со стрессовыми ситуациями. Непрофессиональная работа на платформе связана с более рутинными задачами и меньшими возможностями для обучения, но и с менее стрессовыми ситуациями. Локальная работа на платформе, как правило, дает работнику меньший выбор для выполнения задач и меньше возможностей для обучения, но она менее рутинная.

Одним из основных параметров условий труда (компонент качества занятости) являются часы работы. В опросе COLLEEM работников платформы спросили, сколько часов они работают в целом и сколько конкретно на платформах. Для всех работников ЦПТ общее количество рабочих часов (включая работу на платформе и не на платформе) удивительно мало: почти треть работает менее 10 часов в неделю, более 50% — менее 30 часов в неделю, и только 15% — 40 часов в неделю. Если мы посмотрим на часы работы на платформах, то значения еще меньше: 42% работают на платформах менее 10 часов в неделю, а три четверти — менее 30 часов в неделю. Однако существуют значительные различия по категориям работников платформ: у «незначимых» работников, как правило, очень мало часов работы, у «основных» и «значимых» работников ближе к показателям обычных работников. Почти 24% работников платформ (онлайн и офлайн) заняты 40 часов

в неделю, еще 24% — от 30 до 39 часов в неделю и только 5% — менее 10 часов в неделю, при этом 12% всех «основных» работников — более 60 часов в неделю.

Согласно [13], у платформенных работников занятость нестандартная: 36% регулярно работали семь дней в неделю; 43% сообщили о работе в ночное, а 68% — вечернее время (с 18:00 до 22:00) либо из-за наличия задачи (и разницы в часовых поясах), либо из-за других обязательств. Многие женщины совмещали работу с обязанностями по уходу за детьми (у каждой пятой работающей женщины в выборке были маленькие дети от 0 до 5 лет). Тем не менее эти женщины проводили на платформе 20 часов в неделю, что всего на пять часов меньше, чем по выборке в целом; многие работали по вечерам и ночам.

Несколько иная ситуация у российских фрилансеров²⁴: 30,5% работают менее 6 часов в день, 28,7% — больше 8 часов в день, а 4,1% — больше 12 часов. При этом 35,7% несколько раз в месяц заняты по субботам и воскресеньям, всего 6,7% отдыхают в выходные.

Мнение россиян о среднем количестве рабочих часов в неделю у платформенных работников (самозанятых или фрилансеров) в сравнении с постоянными работниками примерно соответствует реальности²⁵: четверть опрошенных считает, что самозанятые работают больше, чем люди с постоянной работой, четверть — столько же, еще четверть затруднились ответить (по 28% соответственно). О том, что самозанятые работают больше, чаще сообщают мужчины (31%) и 45–59-летние россияне (32%), а также те, кто положительно относится к фрилансерам (36%). Представители молодого поколения 18–24 и 25–34 лет чаще считают, что среднее количество рабочих часов у самозанятых равняется значению рабочих часов у людей с постоянной работой (41 и 39% соответственно). Только 16% россиян предполагают, что фрилансеры работают меньше. Особенно такое мнение присуще молодым людям (28%).

²⁴ Проблемы и радости типичного фрилансера в 2020 году. URL: <https://workspace.ru/blog/the-challenges-and-joys-of-a-typical-freelancer-in-2020/> (дата обращения 15.03.2021).

²⁵ Россияне полюбили фриланс. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10183> (дата обращения 15.03.2021).

Вопрос количества отработанных на платформах часов в контексте качества занятости имеет два следствия. Если работники работают меньше стандартной нормы в 40 часов в неделю, потому что это соответствует их образу жизни, желанию соблюдать баланс работа – досуг, или их деятельность настолько эффективна, что они выполняют задания быстрее, чем предполагается заказчиками, – это положительно характеризует качество их занятости. Если же сокращение рабочих часов возникает из-за отсутствия спроса на их труд или невозможности найти работу через ЦПТ, то это свидетельствует о рисках платформенной занятости. Исследования МОТ [14] показывают, что спрос на такой труд часто превышает предложение: 89% опрошенных работников, занятых трудом с множественным исполнителем, сообщают о том, что они хотели бы выполнять больший объем подобной работы, чем в настоящее время, хотя 44% из них имеют доступ к более чем одной платформе. 49% считают, что «объем работы является недостаточным», 22% говорят о недостаточности высокой заработной плате.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что условия занятости на платформах более поляризованы, чем у обычных работников.

В США более двух третей платформенных работников сообщают, что они довольны условиями работы²⁶. Так же, как и в ЕС, работники ценят контроль в отношении своего времени и гибкость планирования. Доход, получаемый от ЦПТ, помогает сглаживать нестабильность дохода от традиционной работы, справляться с финансовыми трудностями, удовлетворять основные потребности и оплачивать счета, а также путешествия и другие разовые расходы.

Что касается мотивов или причин занятости на ЦПТ, то для европейских работников [13; 20] наиболее значимыми являются гибкость в отношении выбора, где и когда работать, возможность сбалансировать работу и семейные обязательства и быть себе начальником, а также характеристики самой деятельности (интересная работа, привлекательная плата). Менее часто упоминаемые мотивы – трудности

с поиском постоянной работы, проблемы со здоровьем, желание трудиться неполный рабочий день. Для женщин основной причиной работать удаленно выступает необходимость осуществлять обязанности по уходу за маленькими детьми. В опросе МОТ [13] 10% респондентов указали на проблемы со здоровьем (платформы дают им возможность продолжать работать и получать доход).

Для американских работников важным мотивом является низкий барьер для доступа в ЦПТ. Некоторые виды платформенной работы доступны для людей, которые в ином случае не могут выйти на рынок труда (например, иммигрантов или недавно вышедших из тюремного заключения)²⁷.

Половина опрошенных российских фрилансеров²⁸ основным мотивом назвали желание работать по гибкому графику; 35,9% не хотят работать в офисе, а 30,3% хотят иметь больше времени на себя. Больше четверти опрошенных фрилансеров (26,8%) – интроверты, на удаленной работе им комфортнее. Другие причины платформенной занятости связаны с профессиональным развитием: 12,5% опрошенных скучно работать на одного и того же работодателя, а 11,9% хотели добиться профессионального роста. Главные преимущества фриланса, по мнению самих фрилансеров, – возможность работать удаленно из любого места (78,5%) и гибкий график работы (74,8%); 44,6% довольны тем, что работают только на себя и сами влияют на свой доход. У 39,3% благодаря фрилансу остается больше времени на себя и семью.

Возможности повышения квалификации и карьерного роста являются важными показателями для оценки качества платформенной занятости в текущий момент и качества занятости работника в течение всей трудовой жизни. Одним из признаков платформенной работы, признаваемым международными организациями и исследователями, выступает фрагментация труда [8], то есть разбиение рабочих процессов на конкретные простые рутинные задачи (микрозадачи), при выполнении которых работ-

²⁷ Там же.

²⁸ Проблемы и радости типичного фрилансера в 2020 году. URL: <https://workspace.ru/blog/the-challenges-and-joys-of-a-typical-freelancer-in-2020/> (дата обращения 15.03.2021).

²⁶ What are the experiences of gig workers? Available at: <https://www.gigeconomydata.org/basics/what-are-experiences-gig-workers> (дата обращения 15.03.2021).

нику сложно повысить свою квалификацию. О карьерном и профессиональном росте может идти речь лишь для высококвалифицированных фрилансеров, предоставляющих свои услуги (веб-разработка, креативные тексты и переводы, графический дизайн, бухгалтерские и юридические консультации) на специализированных платформах, часто сотрудничающих с международными корпорациями и известными компаниями (платформенный аутсорсинг). Например, AppJobber сотрудничает с Nestlé, Sony, Telefonica. Clickworker предоставляет аутсорсинг рабочей силы для Deutsche Telekom, Honda, Sharewise. Такие платформы, как Upwork, Peopleperhour, 99Designs, iWriter, используют более 5 млн компаний, включая Accenture, AirBnB, UCLA [7].

Негативными аспектами работы на ЦПТ как для европейских, так и американских работников являются трудности в прогнозировании заработка, что приводит к психологическому стрессу и экономическим проблемам; отсутствие доступа к льготам, включая медицинское страхование и пенсионные планы; незащищенность перед заказчиками. Результаты опроса MOT [14] показывают, что работники с опытом более шести месяцев сталкиваются с существенным количеством отказов: у 43% респондентов было отклонено не менее 5% результатов их работы, у 32% уровень отказов составил не менее 10% их труда. Ряд платформ имеет положения об отказе (например, AMT, Clickworker, Microworkers), которые позволяют клиентам/заказчикам отклонить полученную работу как неудовлетворительную с небольшим обоснованием или вовсе без него.

Главные недостатки фриланса, по мнению самих фрилансеров, это нестабильный доход (65,7%), малоподвижный образ жизни (54,5%), жесткая конкуренция на рынке (41,9%), недостаток общения (32,8%), плохая самодисциплина (30,2%) и частые переработки (25,8%).

Во время интервью респонденты отмечали такие негативные моменты, как «вторжение» работы в личную жизнь и, по сути, круглосуточное пребывание на сайте агрегатора (ответ на запросы клиентов, поиск новых учеников, отправка отчетов и чтение отзывов о своей работе), расходы на организацию дистанционного

рабочего места (интернет, покупка оборудования и специальных компьютерных программ), социальная изоляция и отсутствие даже подобия трудового коллектива.

Для оценки качества этого вида занятости важно учесть, компенсируют ли плюсы платформенной работы ее недостатки. В рамках экспертных интервью респонденты (репетиторы) говорили о том, что, несмотря на все сложности, платформенная работа стала оптимальным решением для сочетания оплачиваемой деятельности, профессионального развития и выполнения семейных обязательств. Для половины опрошенных респондентов работа через агрегаторы являлась основной (женщины с маленькими детьми, женщины и мужчины пенсионного возраста), для другой половины — дополнительной (люди среднего возраста).

Согласно европейскому исследованию [20], в выборке работающих на ЦПТ гораздо больше людей с низким *доходом*, чем среди населения в целом, но чем большее количество часов работник посвящает этой деятельности, тем ниже вероятность получения низкого дохода.

В ряде исследований [13; 14] показано, что работники, занятые трудом с множеством исполнителей, получают низкую зарплату по стандартам промышленно развитых стран. Доходы варьируются в зависимости от платформы и страны: CrowdFlower и Microworkers являются платформами с самым низким уровнем оплаты труда (в среднем 2 долл. США в час). Prolific Academic и Amazon Mechanical Turk (AMT) остаются самыми высокооплачиваемыми платформами, на которых работники получают в среднем 4,4 и 3,6 долл. США в час соответственно. 75% работников США, занятых на платформах, зарабатывали меньше, чем предусмотрено уровнем федеральной почасовой минимальной заработной платы. Совокупный низкий уровень оплаты труда можно частично объяснить значительным объемом времени, которое тратится на неоплачиваемую работу (поиск задач, прохождение квалификационных испытаний, поиск данных о клиентах), а также малым количеством отработанных часов, о чем было сказано выше.

Что касается российских фрилансеров, 72,3% «без денег не бывают», однако стабильным свой доход могут назвать только 34,5%.

При этом 69,9% фрилансеров получают средства, равные средним зарплатам в своем регионе или выше, 71,3% фрилансеров хотят зарабатывать больше. 71,4% опрошенных до 21 года и 73,38% опрошенных старше 50 лет получают до 40000 рублей в месяц, 68,8% опрошенных от 30 до 40 лет зарабатывают до 80000 рублей в месяц. Заметна разница в доходах фрилансеров без правового статуса и оформленных как ИП. Более 100000 рублей в месяц зарабатывает 41,5% ИП и лишь 10,3% неоформленных фрилансеров, что указывает на определенную степень *поляризации* в распределении доходов разных категорий работников платформ.

Интересно сравнить эти данные с мнением граждан РФ о заработках фрилансеров²⁹: 31% россиян считают, что фрилансеры зарабатывают больше, чем постоянные сотрудники; 26% — столько же; 12% говорят, что заработок фрилансеров меньше.

Социальная защищенность платформенных работников более подробно рассмотрена нами ранее [16]. Поскольку большинство ЦПТ классифицируют работников как независимых подрядчиков, работники несут исключительную ответственность за выплату взносов на социальное страхование, а также исключаются из других форм социальной защиты. Согласно всем проанализированным исследованиям, охват социальной защитой платформенных работников очень низкий: по опросам МОТ [13], только шесть из десяти респондентов в 2017 году имели медицинское страхование, только 35% — пенсионный план. В большинстве случаев эта защита предоставлялась на основной работе респондентов в офлайн-экономике, была связана со льготами членов их семей или финансировалась государством в рамках универсальных пособий. Около 16% основных работников платформ охвачены пенсионным страхованием, по сравнению с 44% тех, для кого работа на платформе не является основным источником дохода. Согласно [14], в случае 56% работников, для которых платформенная работа является основной, лишь 55% из них имеют доступ к медицинскому обслуживанию и только 24% платят взносы в систему медицинского стра-

²⁹ Россияне полюбили фриланс. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10183> (дата обращения 15.03.2021).

хования. Эти доли еще ниже в отношении пенсионного обеспечения: только 25% работников имеют доступ к системе пенсионного обеспечения и лишь 15% могут выплачивать взносы на него. Работники в Западной Европе охвачены социальной защитой лучше, чем работники в странах Восточной Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

Возможности платформенных работников состоять в *социальном диалоге*³⁰, определяющем участие работников, работодателей и правительств в процессе принятия решений в сфере занятости и включающем переговоры, консультации и обмен информацией между представителями этих групп относительно общих интересов в области социально-экономической политики и политики в сфере труда, сильно ограничены. Многие платформы специально запрещают работникам вступать в любые профсоюзы и вести коллективные переговоры. В Европе предпринимаются активные действия, направленные на решение этого вопроса [16]. Решением для российских работников могло бы стать создание «цифрового профсоюза» [22] в виде набора сервисов, доступного каждому работнику вне зависимости от формы занятости.

Выводы

Характеристики платформенных работников отличаются от характеристик обычных работников. Однако как не существует «усредненного» традиционного работника, так же невозможно вывести формулу «усредненного» платформенного работника. Тем не менее можно выделить признаки качества занятости платформенных работников, влияющие на устойчивость занятости.

Результаты сравнительного исследования говорят о том, что российские и зарубежные платформенные работники обладают многими схожими социально-демографическими характеристиками. В целом можно утверждать, что

³⁰ Международная конференция труда, 102-я сессия, 2013 г. Доклад VI: Социальный диалог. Периодическое обсуждение в соответствии с Декларацией МОТ о социальной справедливости в целях справедливой глобализации. Международное бюро труда, Женева. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_210128.pdf (дата обращения 15.03.2021).

платформенные работники более молодые и образованные. Среди работников платформ присутствует гендерное смещение в сторону мужчин. Существенные различия проявляются у работников в зависимости от того, работают ли они локально или онлайн. Качество занятости онлайн-работников в целом лучше. Возможно, это связано с тем, что они выполняют более квалифицированную работу, требующую более высокого уровня образования и дающую возможность для профессионального роста.

Преимущества и недостатки платформенной работы распределяются неравномерно. Работа, к которой одни обращаются, чтобы сгладить или дополнить свой доход, является источником высокой финансовой нестабильности для других. То, что приносит гибкость и свободу одним (матери с маленькими детьми, инвалиды, пенсионеры, школьники и студенты, проживающие в удаленных районах, и др.), становится причиной нестабильности и небезопасности для других (водители такси, микрораздачные работники, домашний персонал, строители). Потребности фрилансера высокой квалификации в корне отличаются от потребностей работника, занятого полный рабочий день. Исследователи должны продолжить изучение характеристик платформенных работников, чтобы лучше понять спектр потребностей этой группы занятых.

Архитектура и модель ЦПТ может подразумевать обмен трудом, который характеризуется высоким уровнем взаимозаменяемости или стандартизации, и стать каналом для эксплуата-

ции работников (Uber, CrowdFlower, AMT) либо предоставлять пространство для оказания специализированных услуг и формирования сети профессионалов (Toptal, 99Designs, iWriter), что имеет важные последствия для автономии работников, условий их труда и доходов.

Что касается статуса занятости платформенных работников, нам представляется нецелесообразным вводить в понятийный аппарат отдельную категорию «занятые на цифровых платформах труда», поскольку они могут быть отнесены либо к экономически зависимым исполнителям и подрядчикам, либо к самозанятым. В российском законодательстве необходимо определить особенности правового статуса самозанятых в целом, разработать правила для экономически зависимых исполнителей и подрядчиков (зависимых самозанятых), а также создать положения, отражающие специфику занятости на цифровых платформах труда.

Для рассмотренной нами новой формы занятости требуются новые решения в сфере оплаты труда, сохранения и документирования опыта работника, повышения квалификации и переобучения, защиты трудовых прав [16]. С точки зрения социальной защиты может потребоваться внедрение моделей страхования, не основанных на статусе занятости.

Важным шагом в изучении качества занятости российских платформенных работников стали бы проведение широкомасштабных опросов на государственном уровне, введение показателей платформенной занятости в опросы Росстата, Роструда и других ведомств.

Литература

1. De Stefano V. The rise of the “just-in-time workforce”: On-demand work, crowdwork and labour protection in the “gig-economy”. In: *Conditions of Work and Employment Series*, 2016, no. 71.
2. Bogliacino F., Codagnone C., Cirillo V., Guarascio, D. Quantity and quality of work in the platform economy. *GLO Discussion Paper*, 2019, no. 420. Global Labor Organization (GLO), Essen. Available at: <http://hdl.handle.net/10419/205800> (дата обращения 26.12.2020).
3. Choudary S.P. The architecture of digital labour platforms: Policy recommendations on platform design for worker well-being. In: *ILO Future of Work Working Paper Series*, 2018. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_630603.pdf (дата обращения 26.12.2020).
4. Codagnone C., Karatzogianni A., Matthews J. *Platform Economics: Rhetoric and Reality in the «Sharing Economy»*. Emerald Publishing Limited, 2018. Pp. 169–199. Available at: <https://doi.org/10.1108/978-1-78743-809-520181009> (дата обращения 26.12.2020).
5. De Stefano V., Aloisi A. *European Legal Framework for Digital Labour Platforms*, European Commission, Luxembourg, 2018. DOI: 10.2760/78590 (дата обращения 26.12.2020).

6. Schwellnus C., Geva A., Pak M., Veiel R. Gig economy platforms: Boon or bane? Organisation for economic co-operation and development. *Economics Department Working Papers*, 2019, no. 1550 (дата обращения 26.12.2020).
7. Engels S., Sherwood M. *What if We All Worked Gigs in the Cloud? The Economic Relevance of Digital Labour Platforms*. European Commission Directorate-General for Economic and Financial Affairs. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. Available at: https://ec.europa.eu/info/publications/economic-and-financial-affairs-publications_en. DOI:10.2765/608676 (дата обращения 26.12.2020).
8. Mandl I. *New Forms of Employment: 2020 Update*. New forms of employment series. Publications Office of the European Union. Luxembourg, 2020.
9. *Independent Work: Choice, Necessity and the Gig Economy*. McKinsey Global Institute, 2016.
10. *An Introduction to Online Platforms and Their Role in the Digital Transformation*. OECD Publishing. Paris, 2019. DOI: <https://doi.org/10.1787/53e5f593-en>
11. Wallenstein J., de Chalendar A., Reeves M., Bailey A. *The New Freelancers: Tapping Talent in the Gig Economy*. BCG Henderson Institute, 2019.
12. *The Social Protection of Workers in the Platform Economy*. Study for the EMPL Committee. IP/A/EMPL/2016-11. European Parliament, 2017. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/supporting-analyses> (дата обращения 26.12.2020).
13. Berg J., Furrer M., Harmon E., Rani U., Silberman M. *Digital Labour Platforms and the Future of Work: Towards Decent Work in the Online World*. Geneva, 2018.
14. Качество рабочего места в платформенной экономике, Женева, МОТ, 2018 URL: https://www.ilo.org/global/topics/future-of-work/publications/issue-briefs/WCMS_618382/lang--en/index.htm (дата обращения 26.12.2020).
15. Гелисханов И.З., Юдина Т.Н., Бабкин А.В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 6. С. 22–36. DOI: 10.18721/JE.11602
16. Черных Е.А. Качество платформенной занятости: неустойчивые (прекаризованные) формы, практики регулирования, вызовы для России // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. № 3. С. 82–97. DOI: <https://doi.org/10.19181/lspr.2020.16.3.7>
17. Бобков В.Н., Черных Е.А. Платформенная занятость: масштабы и признаки неустойчивости // Мир новой экономики. 2020. № 14 (2). С. 6–15. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-2-6-15
18. Качество и уровень жизни населения в новой России (1991–2005 гг.) / В.Н. Бобков (рук. авт. кол.) [и др.]. М.: ВЦУЖ, 2007.
19. *Measuring Quality of Employment*. Country Pilot Reports. Geneva, 2010.
20. Pesole Annarosa et al. *Platform Workers in Europe. Evidence from the COLLEEM Survey*. JRC Science for Policy Report. Available at: <https://ec.europa.eu/jrc/en/publication/eur-scientificand-technical-research-reports/platform-workers-europe-evidence-colleem-survey> (дата обращения 26.12.2020).
21. Исследование заказчиков услуг фрилансеров 2020. ИТ-холдинг TalentTech, Высшая школа экономики, биржа фриланса FL.ru URL: https://freelance.hb.bizmrg.com/freelance_customer_research_2020.pdf (дата обращения 26.12.2020).
22. Локтюхина Н.В., Черных Е.А. Динамика и качество платформенной занятости в эпоху коронавируса: вызовы для России // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. № 4. С. 80–95. DOI: 10.19181/lspr.2020.16.4.7

Сведения об авторе

Екатерина Алексеевна Черных – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения, ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: chernykh.ekaterina108@gmail.com)

Chernykh E.A.

Socio-Demographic Characteristics and Quality of Employment of Platform Workers in Russia and the World

Abstract. Digitalization of all spheres of life, technological, demographic, social, and other development drivers of the world contribute to the growing scale and depth of platform employment spread. Emergence of digital platforms was a major challenge for organizing and structuring the labor market. Platforms change not only existing business-paradigms, but the employment model. Platform employment in fact becomes a new institutional mechanism on the labor market. We used general scientific methods in the research: system analysis, comparison, description, generalization, systematization, formalization, and special methods – source analysis, SWOT-analysis, expert evaluation method, etc. The purpose of the research is to select and study socio-demographic features of platform workers in Russia and in the world, to compare them and reveal impact of these features on quality and stability of employment among platform workers. The article analyzes, systematizes, and sums up the results of recent European and American studies on socio-demographic features of platform workers. We attempt to assess similar characteristics among Russian workers (freelancers) analyzing sociological surveys and interviews. The author reveals primary signs of this employment type and their impact on quality of workers' labor, compare the features of Russian and foreign platform workers, and conclude that pros and cons of platform workers are unevenly distributed, and experience of platform workers is polarized. It creates real problems for some workers and provides opportunities for others. Moreover, we designate risks of platform employment, which is a consequence of its instability, and propose areas for further studies.

Key words: digital labor platforms (DLP), platform employment, platform workers, regulation of platform employment, quality of employment, employment status, precarious employment, work with multiple performers, work on demand.

Information about the Author

Ekaterina A. Chernykh – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, Russian Federation, 117218; e-mail: chernykh.ekaterina108@gmail.com)

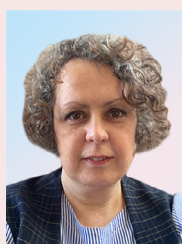
Статья поступила 08.02.2021.

Социально-психологическая поддержка пар при лечении бесплодия (на примере польского исследования)

**Лилия
СУХОЦКАЯ**

Университет имени Яна Кохановского в Кельце
Кельце, Польша
e-mail: liliasuchocka@ibnps.eu
ORCID: 0000-0003-0474-3955

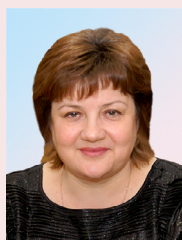
**Малгожата
ПАСЭК**

Государственная высшая профессиональная школа в Тарнове
Тарнов, Польша
e-mail: malgorzata_pasek@wp.pl
ORCID: 0000-0002-5638-5582

**Магдалена
БЛИХАЖ**

Негосударственное медицинское учреждение ООО «Ремедиум»
Новы-Сонч, Польша
e-mail: blicharzmagda95@gmail.com

**Галина Валентиновна
ЛЕОНИДОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: galinaleonidova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0361-2099; ResearcherID: I-7139-2016

Для цитирования: Социально-психологическая поддержка пар при лечении бесплодия (на примере польского исследования) / Л. Сухоцкая, М. Пасэк, М. Блихаж, Г.В. Леонидова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 188–200. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.12

For citation: Suchocka L., Pasek M., Blicharz M., Leonidova G.V. Social and psychological support of couples in treating infertility (case study of the Polish research). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 188–200. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.12

Аннотация. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, около 60–80 миллионов пар в мире страдают бесплодием, не способны зачать ребенка без медицинской помощи. Бесплодие является актуальной медико-социальной, социально-психологической, а также демографической проблемой, которая негативно влияет на демографическую ситуацию в мире. В связи с этим на помощь приходят вспомогательные репродуктивные технологии. Диагностика и лечение бесплодия – очень долгий и утомительный процесс, во время которого пациентам необходима социально-психологическая поддержка. Целью исследования является анализ ситуации с лечением бесплодных пар с помощью вспомогательных репродуктивных технологий в Республике Польша и Российской Федерации в контексте восприятия оказываемой парам социально-психологической поддержки (на примере польского исследования). Использованы социологические методы, в частности разработанный авторами опросник и тестовая психологическая методика Р. Шварцера и У. Шульца, предназначенная для оценки субъективного восприятия социально-психологической поддержки респондентов. В исследовании приняли участие 39 пар, лечившихся от бесплодия. Большая часть респондентов состояла в браке (27 пар; 69%). Большинство опрошенных женщин (32 человека, 82%) и мужчин (31 человек, 79%) не имели детей. Результаты показали, что женщины нуждаются в поддержке больше мужчин: по шкале «поиск поддержки» женщины набрали больше статистически значимых баллов, чем мужчины. Высокие оценки получила поддержка семьи и непосредственно партнера. Выявлено, что социально-психологическая поддержка при бесплодии приводит к положительному эффекту, который выражается в принятии болезни (бесплодия), снижении стресса и чувства потери. Следует отметить, что социально-психологическая поддержка оказывает значительное влияние на профилактику психических расстройств у людей, лечащихся от бесплодия. Сделан вывод о важности социально-психологической поддержки пациентов с соответствующей проблемой.

Ключевые слова: бесплодие, лечение бесплодия, восприятие поддержки, социальная поддержка.

Введение. Демографический аспект проблемы

Развитые страны переживают в настоящее время устойчивую тенденцию, выражающуюся в росте количества бесплодных семей. Распространенность бесплодия в европейских странах в среднем составляет около 14%. В современных реалиях эта проблема приобретает все большую актуальность и предстает перед исследователями, скорее, как демографическая, чем медико-социальная и социально-психологическая. Ее демографическое наполнение заключается в том, что бесплодие обуславливает общее снижение рождаемости, уменьшение народонаселения в целом и трудовых ресурсов в частности.

Суммарный коэффициент рождаемости в Республике Польша составляет 1,45 (2020 г.), тогда как в конце XX века он равнялся 2,28 (1980 г.). В странах Европейского союза – 1,61. В России показатель равен 1,489 (2020 г.), демонстрируя снижение по отношению к предыдущим пяти годам (1,76 в 2016 г.) и практический возврат к значениям середины 90-х гг. XX века.

Как для Польши, так и для России характерна тенденция к повышению возраста рождающих (смещение в сторону возрастных категорий женщин 25–29 и 30–34 лет) [1]. Отнесение планирования первой беременности на третью-четвертую декаду жизни женщины является одной из основных причин развития нарушений фертильной функции и снижения рождаемости.

Ухудшение репродуктивных характеристик населения в XXI веке достигло уровня, способного ограничить рождаемость в обществе. По оценке Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), 60–80 млн пар в мире не способны зачать ребенка без медицинской помощи. В Польше эта проблема затрагивает 1,2–1,3 млн пар [2; 3], в России 15–18% (примерно 4,5–5,0 млн)¹. Высокую долю бездетных пар необходимо рассматривать как «резерв рождения желанных детей», а также как возможность «увеличения репродуктивного

¹ Овсепян Н. Основы вымирания: почему в России растет число бесплодных пар. URL: <https://www.ridus.ru/news/287438> (дата обращения 15.04.2021).

потенциала населения»². Такая ситуация становится проблемной для многих индустриальных государств и выступает одной из приоритетных задач национальных программ. Смена традиционного типа воспроизводства населения современным актуализирует проблему, связанную с реализацией индивидуальных репродуктивных возможностей [4, с. 69]. Она выходит сегодня на первый план демографической политики многих стран. В этих условиях мерой, способствующей росту рождаемости, становится использование потенциала бесплодных пар путем лечения бесплодия с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (например, экстракорпорального оплодотворения).

Целью исследования является анализ ситуации с лечением бесплодных пар с помощью вспомогательных репродуктивных технологий в Республике Польша и Российской Федерации в контексте восприятия оказываемой парам социально-психологической поддержки (на примере польского исследования).

Социально-психологический и медико-социальный аспекты проблемы лечения при бесплодии

Согласно методологическому подходу Всемирной организации здравоохранения, бесплодием считается отсутствие наступления беременности в течение года при регулярной половой жизни [5].

В зависимости от времени возникновения конкретных причин выделяются разные типы бесплодия. Учитывая время, когда женщина не может забеременеть, бесплодие делят на первичное и вторичное. Первичное бесплодие обозначает отсутствие беременности или трудности с зачатием. Вторичное же бесплодие возникает, когда женщина не может забеременеть после рождения первого ребенка. Еще один тип классификации: женское, мужское, комбинированное, а также идиопатическое бесплодие³ [6; 7].

Причинами бесплодия являются, в частности, хронические заболевания или «болезни цивилизации», например онкология, социальные

и культурные изменения. Все больше женщин откладывает начало материнства на более поздний срок, что также может снизить шансы на рождение детей. К другим важным факторам относятся нездоровый образ жизни и привычки: неправильное питание, малая физическая активность или неспособность справиться со стрессом и напряжением [7; 8].

Женское бесплодие, на которое влияет, в том числе, психонейроэндокринная система, заключается в невозможности забеременеть или выносить ребенка до срока [2]. Учитывая этиологию, женское бесплодие может быть вызвано эндокринными (различные органические и функциональные нарушения), анатомическими, шеечными (воспалительные заболевания, иммунологическое бесплодие) факторами и фактором неясного генеза.

Мужское бесплодие может быть связано с идиопатическими (неясного генеза), эндокринными, инфекционными факторами, а также обтурационными и другими причинами [7]. Мужское бесплодие можно разделить на врожденное и приобретенное [8; 9].

Всего ВОЗ выделяет 22 фактора женского и 16 факторов мужского бесплодия. При этом имеет место и сочетанное действие факторов физического нездоровья, социального и психологического неблагополучия [10].

Диагноз «бесплодие» — чрезвычайно трудный опыт для супружеской пары, который можно сравнить с кризисной или травматической ситуацией, особенно для женщин. В последние годы в психологических и медицинских исследованиях активно изучаются стратегии поведения женщин, страдающих бесплодием. Их можно классифицировать следующим образом:

1. *Переживание бесплодия как критической жизненной ситуации.* Процесс переживания этой проблемы включает в себя четыре типа критических ситуаций (стресс, фрустрация, конфликт, кризис). «Для многих супружеских пар бесплодие является одним из главных жизненных кризисов и психологически стрессовым событием» [9]. Стресс от бесплодия негативно влияет на личную жизнь каждого партнера, сохранность семейных отношений, усиливает чувство тревоги и вины, снижает самооценку и настроение в целом. Американские исследо-

² Социальные аспекты бесплодия. URL: <https://www.uroweb.ru/article/db-article-sotsialnye-aspekty-besplodiya> (дата обращения 15.04.2021).

³ Идиопатическое бесплодие — это неспособность пары зачать ребенка при невыясненных причинах нарушения фертильности.

ватели выяснили, что для женщин характерны такие виды переживания, как избегание разговоров о бесплодии, поиск скрытых смыслов в этой ситуации, погружение в свои собственные переживания, стремление разделить с кем-нибудь груз проблемы [10].

2. *Преодоление неблагоприятных последствий стресса (копинг-стратегии, используемые женщинами при переживании бесплодия)* [13]. Базисными копинг-стратегиями, согласно теории копинг-поведения Р. Лазаруса и С. Фолкман [14; 15], выступают «разрешение проблем», «поиск социальной поддержки», «избегание»⁴.

Из-за неудачных попыток завести детей все больше пар обращается за медицинской помощью. Лечение бесплодия ради беременности и рождения здорового ребенка начинается с тщательной диагностики и зависит от диагностируемой причины бесплодия [16]. В лечении бесплодия также очень важны здоровый образ жизни, правильное питание, оптимальный индекс массы тела (ИМТ), отказ от курения, снижение потребления алкоголя и кофеина. В случае эндокринных проблем крайне важно сбалансировать уровень гормонов.

Увеличивается потребность во вспомогательных репродуктивных технологиях (ВРТ). В современной медицине их достаточно много: экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), ИКСИ (инъекция сперматозоида в цитоплазму ооцита (яйцеклетки)), криоконсервация половых клеток, эмбрионов и тканей репродуктивных органов, использование донорских эмбрионов, суррогатное материнство и т. д. Наиболее эффективным методом вспомогательной репродукции является ЭКО с последующим переносом эмбриона (ПЭ) [6].

Доступность ВРТ оценивается количеством их циклов на 1 млн человек населения. В Европе сегодня этот показатель составляет в среднем 1500 циклов ЭКО на 1 млн человек населения (в Дании – 3000, в Чехии – 2500 и т. д.), в результате которых возникает 3–6% от общего числа беременностей.

Эффективность таких технологий по 26 европейским странам в среднем составляет 36,5% (для сравнения, в мире 15–20%). При этом в Польше – 29%, что несколько ниже общеевро-

⁴ Encyklopedia Zdrowia, PWN, Warszawa, 2011.

пейской статистики⁵, в России, согласно данным отчета регистра ВРТ Российской ассоциации репродукции человека (РАРЧ) за 2016 год, 38,5%.

Социально-психологическая поддержка при лечении бесплодия

Бесплодие становится все более распространенной и серьезной проблемой. Это связано с хроническими и цивилизационными болезнями, загрязнением окружающей среды и социокультурными изменениями. Неспособность иметь ребенка – это биологическая, психологическая и социальная проблема [2]. Многие авторы говорят об отчуждении бесплодных людей и его последствиях, например стигматизации, которая приводит к депрессии и изоляции [2; 17; 18; 19], в связи с чем неспособность иметь детей может обуславливать снижение самооценки, ощущение потери, отсутствие принятия и чувство бессмысленности, ухудшение отношений между партнерами и с другими людьми. Все это, в свою очередь, повышает уровень тревоги, депрессии и стресса. В исследованиях отмечается, что женщины и мужчины по-разному реагируют на новости о своем бесплодии и по-разному относятся к лечению. Общими симптомами для женщин и мужчин являются повышенная тревожность и склонность к депрессии, а также пониженная самооценка. Более того, такие пациенты, как правило, испытывают потерю своей идентичности; они чувствуют, что не способны нормально жить и строить отношения [20].

Именно поэтому тех, кто лечится от бесплодия, следует рассматривать как людей, переживающих кризис и нуждающихся в серьезной поддержке и профессиональной помощи [21; 22]. Лечение бесплодия – это комплексный, длительный и сложный процесс, в ходе которого пары испытывают сильные эмоции. Исследования, проведенные различными авторами, показывают, что социальная поддержка играет важную роль в профилактике посттравматического стрессового расстройства и последствий хронического стресса у пациентов с бесплодием [23].

⁵ Неудовлетворенный спрос // Здоровоохранение: тематическое приложение к газете «Коммерсантъ». № 189 от 16.10.2018. С. 16. URL: file:///C:/Users/gwl/AppData/Local/Temp/KOM_189_161018.PDF (дата обращения 28.03.2021).

Чрезвычайно важны в лечении бесплодия общение между партнерами, их готовность понять друг друга. Искренняя поддержка и взаимопонимание повышают удовлетворенность отношениями, а также положительно влияют на успешность зачатия. Ключевую роль играет социальная и эмоциональная поддержка. Она уменьшает стресс и тревогу, которые могут негативно повлиять на фертильность или поддержание беременности.

Помимо диагностических и лечебных мероприятий, крайне нужна поддержка, оказываемая медицинским персоналом, т. к. психическое состояние обоих партнеров может сильно влиять на эффективность, продолжительность и перспективы лечения [23].

В литературе часто отмечается, что бесплодие воспринимается не как болезнь, а как отсутствие желаемого состояния. Следовательно, у бесплодия существует социальная сторона, и оно становится причиной стрессовой ситуации для тех, кто столкнулся с проблемой. Благодаря оказываемой поддержке бесплодные пары могут ощутить сочувствие и понимание со стороны родственников и получить профессиональную помощь от специалистов [23].

Социальная поддержка — это многомерное понятие, поэтому попытки ее определения часто основаны на конкретных составляющих ее элементах. На практике под этим обычно понимается поддержка человека в трудной, стрессовой или критической ситуации со стороны близких людей (родственников, знакомых, друзей), общества (работников организаций, например медицинских), рабочего коллектива (коллег по работе) и т. д., социальных предприятий (фондов, профсоюза, НКО и т. п.). Социальная поддержка включает материальную, информационную, психологическую или эмоциональную помощь [24; 26].

Психологическая помощь осуществляется в рамках репродуктивной психологии, одно из направлений которой составляет проблематика, связанная с использованием вспомогательных репродуктивных технологий⁶.

⁶ Филиппова Г.Г. Репродуктивная психология: психологическая помощь бесплодным парам при использовании вспомогательных репродуктивных технологий // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика. 2014. № 3 (5). С. 6. URL: <http://medpsy.ru/climp> (дата обращения 31.03.2021).

Наиболее часто выделяемый тип поддержки — эмоциональная помощь. Она включает проявление сочувствия, понимания, сохранение и поддержание спокойствия либо выражение беспокойства и зависит от характера отношений между индивидом и его окружением [27; 28].

Информационная (когнитивная) поддержка помогает человеку понять сложную ситуацию. Она заключается в предоставлении информации или рекомендаций, которые могут помочь решить проблему, а также информации о том, как, куда и к кому стоит обратиться за помощью [28].

Материальный вид поддержки подразумевает возможность осуществления процедуры ЭКО в рамках ОМС (например, в России такая мера действует с 2013 года).

Эффективность психологической помощи для женщин и пар, имеющих трудности с зачатием, подтверждена многими научными исследованиями в разных странах. Важность данной проблемы поддерживается и на наднациональном уровне. Так, в составе Европейского общества репродукции человека и эмбриологии (ESHRE) действует Секция по психологии и консультированию. Ее основными целями являются повышение знаний специалистов о потребностях пациентов в психологической помощи и решение их психосоциальных проблем. В ряде европейских стран внедрена система психологической поддержки пациентов в программах ЭКО. Например, в Великобритании часть такой помощи включена в стандарт лечения, что достоверно улучшает его результаты.

В России до недавнего времени превалировал преимущественно медицинский подход к лечению бесплодия⁷. Однако сегодня практически во всех репродуктивных клиниках работают психологи. Об эффективности психологической поддержки свидетельствуют российские исследования [29]. В ходе обследования более 350 россиянок, обратившихся в Национальный медицинский исследовательский центр акушерства, гинекологии и перинатологии имени

⁷ Соловьева Е.В. Об эффективности психологической помощи при лечении бесплодия (обзор исследований). URL: www.psymama.ru/biblioteka/stati/drugoe/ob-effektivnosti-psihologicheskoy-pomoshhi-pri-lechenii-besplodiya-obzor-issledovaniy/ (дата обращения 15.04.2021).

акад. В.И. Кулакова для проведения ЭКО, было выявлено, что при психокоррекции у пациенток снижается уровень эмоциональных переживаний и достоверно улучшаются результаты лечения. Так, в группе женщин, посещавших занятия с психологами, частота наступления беременности оказалась выше, чем в контрольной группе: 39% против 26 соответственно. То есть грамотная психокоррекционная работа позволяет не только достичь улучшения в эмоциональной сфере пациенток, но и повысить частоту наступления беременности.

Аналогичные результаты получены и в польском исследовании, проведенном А. Малиной и Д. Сувальской-Баранцевич [30] на группе из 98 респондентов с проблемой бесплодия. Оно свидетельствует, что чем выше уровень воспринимаемой социальной поддержки, тем выше статистически значимый показатель психического благополучия пациентов со стороны разных его аспектов (акцептация себя, личностное развитие, жизненная цель, автономия, контроль над окружающей средой и позитивные отношения с другими людьми). Это исследование дополнительно выявило зависимость психического благополучия респондентов, проходящих лечение, от эмоциональной поддержки: чем выше ее уровень, тем лучше психологическое состояние человека.

Важность поддержки для благополучия беременных женщин из группы высокого риска отмечают в аналогичном обследовании польские ученые И. Косс, А. Рудник, М. Бидзан [31].

Материалы и методы

Для оценки восприятия социальной поддержки авторами сформулированы следующие гипотезы:

Г. 1. Пары, лечатся от бесплодия, высоко ценят поддержку со стороны своей семьи, партнера и чувствуют ее.

Г. 2. Уровень поддержки, получаемой от медицинского персонала, оказывает важное влияние на то, как она воспринимается.

Г. 3. Женщины нуждаются в поддержке больше, чем мужчины.

Г. 4. Пары различаются по степени вовлечения в поиск поддержки.

Мы использовали следующие исследовательские инструменты:

1) индивидуальный опросник и анкету-опросник, разработанные авторами;

2) *Берлинские шкалы социальной поддержки (БШСП)* Р. Шварцера и У. Шульца [26].

Исследование проводилось среди пар, лечившихся от бесплодия. Диагностические онлайн-тесты размещались на интернет-форумах, посвященных поддержке бесплодных пар. Респонденты были проинформированы о том, как пройти тесты, анонимности исследования и использовании результатов лишь в исследовательских целях. В исследовании приняли участие 39 пар детородного возраста. В зависимости от возраста респонденты были разделены на четыре группы (*табл. 1*).

Большинство респондентов женского пола (41%) моложе 30 лет, вторую по количеству группу составили люди в возрасте 30–35 лет (14 женщин, 36%). Пять женщин (13%) – в возрасте 36–40 лет, четыре (10%) – старше 40 лет.

В группе мужчин-респондентов большинство (17 человек, 44%) – в возрасте 30–35 лет, люди моложе 30 лет составили 28% (11 респондентов). Пяти респондентам (12%) было 36–40 лет, а шестерым (15%) – больше 40 лет.

Большинство пар, участвовавших в исследовании, состояли в браке (27 пар, 69%).

В *таблице 2* приведены данные о наличии у респондентов до начала лечения бесплодия детей. У большинства пациентов женского (82%) и мужского (79%) пола не было детей до начала

Таблица 1. Распределение респондентов в зависимости от возраста

Возраст, лет	Женщины		Мужчины	
	Чел.	%	Чел.	%
< 30 лет	16	41,03	11	28,21
30–35	14	35,90	17	43,59
36–40	5	12,82	5	12,38
> 40 лет	4	10,26	6	15,38
Общее	39	100	39	100

Источник здесь и далее: данные исследования, проведенного в Республике Польша (N = 78 чел.).

Таблица 2. Наличие у респондентов детей до начала лечения бесплодия

Предыдущие дети	Женщины		Мужчины	
	Чел.	%	Чел.	%
Да	7	17,95	8	20,51
Нет	32	82,05	31	79,49
Общее	39	100	39	100

лечения бесплодия. Примерно пятая часть как женщин (18%), так и мужчин (21%) уже имели детей.

Результаты

Результаты исследования показали, что большинство пар (24 пары, 62%) в исследуемой группе страдали бесплодием от 1 до 5 лет, одна треть респондентов (28%) – более пяти лет. Самая короткая продолжительность бесплодия (менее шести месяцев) отмечена у четырех пар (10%). Ни одна исследуемая пара не указала период от шести месяцев до одного года (табл. 3).

Другим важным аспектом анализа является определение причины бесплодия (табл. 4). Итоги обследования супружеских пар свидетельствуют, что у большинства респондентов наблюдается идиопатическое бесплодие (31%). Следует отметить, что в современном обществе,

в условиях высоких стрессогенных факторов, плохой экологии, проблема идиопатического бесплодия, то есть бесплодия неясной этиологии, весьма актуальна. Оно диагностируется после прохождения супружеской парой полного обследования и невозможности установить причины проблемы.

На втором месте, согласно результатам опроса, находится женское бесплодие (28%), следом бесплодие мужское (26%). Меньшая доля пар, принявших участие в исследовании (15%), лечилась от бесплодия обоих партнеров.

Как было сказано ранее, лечение бесплодия – это длительный процесс, занимающий от нескольких месяцев до более чем десятка лет (например, в среднем 0,5–15 лет для женщин и 0,5–12 лет для мужчин) [26]. В таблице 5 представлены данные о продолжительности лечения бесплодия у обследованных пар.

Таблица 3. Длительность бесплодия в исследуемой группе

Длительность бесплодия	Кол-во пар	%
До 6 месяцев	4	10,26
От 6 месяцев до 1 года	0	0,00
От 1 до 5 лет	24	61,54
Более 5 лет	11	28,21
Общее	39	100

Таблица 4. Диагноз супружеских пар в исследуемой группе

Причина бесплодия	Кол-во пар	%
Мужское бесплодие	10	25,64
Женское бесплодие	11	28,21
Бесплодие обоих партнеров	6	15,38
Идиопатическое бесплодие	12	30,77
Общее	39	100

Таблица 5. Продолжительность лечения бесплодия

Продолжительность лечения	Кол-во пар	%
До 6 месяцев	12	30,77
От 6 месяцев до 1 года	8	20,51
От 1 до 5 лет	18	46,15
Более 5 лет	1	2,56
Общее	39	100

Исследование показало, что 18 пар лечились от бесплодия от одного до пяти лет (46%). Самый короткий период лечения бесплодия (до шести месяцев) характерен для 12 пар (31%). Восемь пар (21%) лечились от бесплодия от шести месяцев до одного года. Самый длительный период лечения бесплодия (более 5 лет) был отмечен у одной пары (3%).

Для лечения бесплодия большинство пар (56%) в исследуемой группе прибегало к такой вспомогательной репродуктивной технологии, как ЭКО-ИКСИ. В остальных случаях (44%) использовалась внутриматочная инсеминация.

Исходя из результатов исследования, можно констатировать, что 62% респондентов женского пола и 64% мужского убеждены в том, что экстракорпоральное оплодотворение является инновационным и эффективным методом лечения бесплодия (табл. 6). Примерно треть женщин и столько же мужчин (33% в каждой группе) считают, что ЭКО эффективно, но спорно. Только две женщины (5%) и один мужчина (3%) признают его инновационным методом, который противоречит их убеждениям.

Исследование показывает (табл. 7), что более трети респондентов высоко оценивают поддержку семьи при лечении бесплодия (31% женщин и 28% мужчин дали оценку 5 баллов из 5 возможных). Еще 16 человек (7 женщин и

9 мужчин) оценили ее как высокую четыремя баллами (18 и 23% соответственно). Суммированная оценка положительного восприятия – 49% у женской половины респондентов и 51% у мужской.

Средний уровень поддержки отметили 26% женщин и 41% мужчин, а низкие баллы были выставили 18% респондентов женского и 5% мужского пола. При этом 8% женщин и 3% мужчин заявили, что не получают никакой поддержки от семьи.

Сравнивая уровень восприятия поддержки семьи в мужской и женской группах, можно сделать вывод о том, что большинство женщин (31%) отмечает очень высокий уровень поддержки от семьи (5 баллов), в то время как 41% мужчин воспринимают его как средний (3 балла). Это свидетельствует о гендерных особенностях восприятия поддержки: мужчины, испытывая переживания, как правило, пытаются сдерживать их, стремясь самостоятельно справиться с проблемой.

На основе полученных результатов можно утверждать, что поддержка очень важна для каждого партнера, переживающего сложную ситуацию лечения бесплодия. Недостаточная или слабая поддержка может увеличить уровень стресса, чувство неуверенности и ощущение неэффективности лечения (табл. 8).

Таблица 6. Отношение респондентов к экстракорпоральному оплодотворению

Суждения об ЭКО	Женщины		Мужчины	
	Чел.	%	Чел.	%
Это инновационный и эффективный метод лечения бесплодия	24	61,54	25	64,10
Это эффективный, но спорный метод лечения бесплодия	13	33,33	13	33,33
Это инновационный метод, но он противоречит моим убеждениям	2	5,13	1	2,56
Общее	39	100	39	100

Таблица 7. Восприятие поддержки семьи

Уровень поддержки	Женщины		Мужчины	
	Чел.	%	Чел.	%
1 – отсутствует	3	7,69	1	2,56
2 – низкий	7	17,95	2	5,13
3 – средний	10	25,64	16	41,03
4 – высокий	7	17,95	9	23,08
5 – очень высокий	12	30,77	11	28,21
Общее	39	100	39	100

Таблица 8. Восприятие поддержки партнера

Уровень поддержки	Женщины		Мужчины	
	Чел.	%	Чел.	%
1 – отсутствует	0	0,00	0	0,00
2 – низкий	5	12,82	0	0,00
3 – средний	5	12,82	6	15,38
4 – высокий	7	17,95	13	33,33
5 – очень высокий	22	56,41	20	51,28
Общее	39	100	39	100

Большинство респондентов (56% среди женщин и 51% среди мужчин) заявили об очень высоком уровне поддержки партнера (5 баллов). Семь женщин (18%) и 13 мужчин (33%) назвали уровень поддержки партнера высоким (4 балла). Только пять женщин (13%) и шесть мужчин (15%) утверждали, что уровень поддержки партнера оказался средним (3 балла), в то время как пять женщин (13%) оценили его как низкий (2 балла).

Уровень и качество поддержки партнера, который является самым близким человеком, чрезвычайно важны, особенно в случае лечения бесплодия. Они формируют чувство безопасности и уверенности, тем самым позволяя лучше справляться со стрессом от лечения. Отсутствие поддержки или слабая поддержка усиливают чувство стресса и беспомощности.

Проведенный анализ, основанный на указанных в *таблице 9* результатах, относится к субъективному восприятию поддержки, полученной от медицинского персонала. 11 женщин (28%) и 15 мужчин (38%) оценили уровень этой поддержки как очень высокий, тогда как 12 женщин (31%) и 13 мужчин (33%) – как просто высокий. О среднем уровне помощи и поддержки со стороны медицинского персонала сказали 12 женщин (31%) и девять мужчин (23%). Двое мужчин (5%) низко оценили

уровень поддержки медицинского персонала, четыре женщины (10%) заявили, что не получили никакой поддержки.

Большинство пар, принявших участие в исследовании, замечают и ценят поддержку, которую им оказывают. Однако некоторые люди не замечают ее или преуменьшают ее значение. Доверие к медицинскому персоналу и медицинским процедурам, используемым при лечении бесплодия, позволяет пациентам принять ситуацию и повышает их уверенность в том, что они способны справиться с проблемой [31]. Медсестры, акушерки и врачи, ухаживающие за лечающимися от бесплодия парами, должны обращать внимание на качество оказываемой помощи и поддержки, так как это влияет на чувство безопасности пациента и его лечение [25].

Результаты исследования свидетельствуют (*табл. 10*), что среднее значение оценки потребности в поддержке в группе респондентов-мужчин составило 10,93 (мин. = 7, макс. = 14), в то время как у респондентов-женщин – 12,43 (мин. = 7, макс. = 14). Следовательно, женщины больше нуждаются в поддержке в трудной жизненной ситуации, что подтверждает выдвинутую гипотезу.

Преыдушие выводы дополнены в *таблице 11*, где указана значимость результатов для потребности в поддержке у респондентов

Таблица 9. Восприятие респондентами поддержки со стороны медицинского персонала

Уровень поддержки	Женщины		Мужчины	
	Чел.	%	Чел.	%
1 – отсутствует	4	10,26	0	0,00
2 – низкий	0	0,00	2	5,13
3 – средний	12	30,77	9	23,08
4 – высокий	12	30,77	13	33,33
5 – очень высокий	11	28,21	15	38,46
Общее	39	100	39	100

Таблица 10. Потребность в поддержке в оценке мужчин и женщин, проходящих лечение от бесплодия

Переменная	Т-тест для зависимых образцов (рабочий лист 83) Заметные различия существенны, когда $p < 0,05000$				
	Среднее значение	Стандартное отклонение	Существенное отклонение	Разница	Разница в стандартном отклонении
Потребность в поддержке у мужчин	10,92308	2,144572			
Потребность в поддержке у женщин	12,43590	2,149601	39	-1,51282	2,683986
Источник: расчеты авторов.					

Таблица 11. Потребность в поддержке у мужчин и женщин, статистическая значимость

Переменная	Т-тест для зависимых образцов (рабочий лист 83) Заметные различия существенны, когда $p < 0,05000$				
	t	df	p	Уверенность -95,000%	Уверенность + 95,000%
Потребность в поддержке у мужчин и женщин	-3,51997	38	0,001139 **	-2,38287	-0,642773
Источник: расчеты авторов.					

Таблица 12. Поиск поддержки во время лечения бесплодия среди женщин и мужчин

Пара переменных	Т-тест для зависимых образцов (рабочий лист 83) Заметные различия существенны, когда $p < 0,05000$			
	N Значимость	T	Z	P
Поиск поддержки у мужчин и женщин	32	149,5000	2,141029	0,032272 *
Источник: расчеты авторов.				

в зависимости от пола. На основе статистического анализа выявлено, что респонденты женского пола, по сравнению с мужчинами показали значительно более высокую потребность в поддержке как со стороны семьи и партнера, так и со стороны медицинского персонала во время лечения бесплодия ($p = 0,001$).

В таблице 12 представлены данные о поиске поддержки во время лечения бесплодия в исследуемой группе.

Статистический анализ показывает, что женщины-респонденты более склонны обращаться за поддержкой к семье, партнеру и медицинскому персоналу ($p = 0,03$).

Обсуждение и выводы

Законы демографии говорят о том, что каждый случай бесплодия – это потери потенциальных рождений. Это проблема не только семьи, но и общества в целом [33], поэтому инвестиции во вспомогательные репродуктивные технологии становятся одним из способов улучшения демографической ситуации в странах.

Результаты исследований показали, что пары, лечившиеся от бесплодия, высоко оценивают поддержку со стороны своей семьи и партнера и ощущают ее. Можно также сделать вывод о том, что уровень поддержки, получаемой от медицинского персонала, существенно влияет на ее восприятие.

В такой сложной ситуации, как лечение бесплодия, женщины-респонденты показывают статистически более высокую потребность в поддержке ($p = 0,001$), чем мужчины, чаще пользуются социальной поддержкой. Это связано с тем, что женщины склонны чаще ее замечать.

Пары, участвующие в исследовании, различаются и по степени вовлеченности в поиск социальной поддержки. Женщины-респонденты ищут ее значительно чаще ($p = 0,03$). Анализ исследований и литературы показывает, например, что степень поиска поддержки у пар, получающих лечение от бесплодия ($M = 13,96$), ниже, чем у онкологических больных ($M = 15,34$) [23]. Это может быть связано с тем, что женщины чувствуют больше ответственности за решение

проблемы бесплодия, чем их партнеры. С другой стороны, именно женщины зачастую привлекают больше внимания со стороны тех, кто оказывает поддержку. К тому же именно женщин чаще изучают ученые, рассматривающие потребности пар, которые лечатся от бесплодия [19; 24; 25]. Репродуктивное здоровье – важнейшая составляющая здоровья общества в целом [34], в связи с чем требуется своевременно выявлять и оперативно решать существующие в этой сфере проблемы.

Подводя итог, следует отметить, что социальная поддержка оказывает значительное влияние на профилактику психических расстройств у людей, лечащихся от бесплодия. Она позволяет бесплодным парам принять диагноз и примириться с ним, что, в свою очередь, облегчает лечение. Следовательно, крайне важно, чтобы пациентам оказывалась социальная поддержка, а медицинский персонал устанавливал с ними терапевтический контакт [17].

Литература

1. Kashnitsky I., Schöley J. Regional population structures at a glance. *The Lancet*, 2018, 392 (10143), pp. 209–210.
2. *Rodzina Wobec Niepłodności. Przegląd Metod i Analiza Zagadnienia w Świetle Współczesnej Medycyny Prokreacyjnej*. Instytucja rodziny wczoraj i dziś Perspektywa interdyscyplinarna. Volume 2. Politechnika Lubelska, Lublin, 2012.
3. Jaroszewicz K., Dominik I. (red.) *Jak tu Począć?* Wydawnictwo Agora, Warszawa, 2015.
4. Русанова Н.И. Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 1. С. 69–86.
5. *WHO Definition of Health*. New York: Official Records of the World Health Organization, 1948, 2: 100.
6. Niewiadomska A. Najczęstsze przyczyny niepłodności. *Raport – Niepłodność*, 2005, vol. 1, pp. 38–40.
7. Orzeszyna J. *Teologiczno-Moralny Aspekt Niepłodności w Matżeństwie*. Wydawnictwo Uniwersytetu Papieskiego Jana Pawła II w Krakowie, Kraków, 2005.
8. Stanowisko zespołu ekspertów polskiego. Towarzystwa ginekologicznego dotyczące diagnostyki i metod leczenia endometriozy. *Ginekol Pol*, 2012, 11 (83), pp. 871–876.
9. Wiśniewska-Roszkowska K. *Zbudować Matżeńskie Szczęście*. Michaelinum, Marki, 1995.
10. Ланцбург М.Е., Крысанова Т.В., Соловьева Е.В. Исследования психосоматических аспектов гинекологических и андрологических заболеваний и бесплодия: обзор современных зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 2. С. 67–77.
11. Olivius C., Friden B., Borg G. et al. Why do couples discontinue in vitro fertilization treatment? A cohort study. *Fertil Steril*, 2004, vol. 81, pp. 258–261.
12. Davis D.C., Dearman C.N. Coping strategies of infertile women. *J. of Obstetrics, Gynecological and Neonatal Nursing*, 1991, vol. 20, no. 3, pp. 221–228.
13. Адамян Л.В., Филиппова Г.Г., Калинская М.В. Переживание бесплодия и копинг-стратегии женщин фертильного возраста // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2012. № 3. С. 101–105.
14. Lazarus R.S., Folkman S. *Stress, Appraisal and Coping*. New York, Springer Publishing Company, 1984.
15. Folkman S. Stress: Appraisal and coping. *Encyclopedia of Behavioral Medicine*, 2013, pp. 1913–1915. DOI: 10.1007/978-1-4419-1005-9_215
16. Bączkowski T., Kurzawa R. Diagnostic and treatment of infertility in outpatient clinic. *Przewodnik Lekarza/Guide for GPs*, 2012, no. 15 (1), pp. 154–158.
17. Jastrzębska J. Psychologiczne aspekty niepłodności z perspektywy różnic międzyplciowych i uwarunkowań kulturowych. Problematyka płodności i prokreacji. *Kwartalnik Naukowy*, 2017, vol. 1 (29), pp. 227–239.
18. Bielanoska-Batorowicz E. *Psychologiczne Aspekty Prokreacji*. Wydawnictwo „Śląsk”, Katowice, 2005.
19. Makara-Studzińska M., Wdowiak A., Bakalczuk G., Bakalczuk S., Kryś K. Problemy emocjonalne wśród par leczonych z powodu niepłodności. *Seksuologia Polska*, 2012, vol. 10 (1), pp. 28–35.
20. Deka K., Sarma S. Psychological aspects of infertility. *BJMP*, 2010, vol. 3 (3), pp. 336.

21. Szlachta E. Problemy definicyjne wsparcia społecznego. *Przegląd Psychologiczny*, no. 2009, 52 (4), pp. 433–451.
22. Dembińska A. Rola nadziei w pomocy psychologicznej kobietom leczącym niepłodność. *Sztuka Leczenia*, 2013, vol. 1–2, pp. 9–20.
23. Jarzabek-Bielecka G., Radomski D., Nowaczyk A., Sowińska-Przepiera E., Warchoń-Biedermann K., Paluszkiwicz A. Analiza stężeń prolaktyny u dziewcząt bez cech endokrynopatii z zaburzeniami miesiączkowania i stresem w wywiadzie. *Ginekol. Prakt*, 2010, vol. 18(1), pp. 46–53.
24. Łuszczynska A., Kowalska M., Mazurkiewicz M., Schwarzer R. Berlin Social Support Scales (BSSS): Polish version of bass and preliminary results on its psychometric properties. *Studia Psychologiczne*, 2006, vol. 44, pp. 17–27.
25. Przybył I. Naznaczanie społeczne i samonaznaczanie osób niepłodnych (Blaski i cienie życia rodzinnego). *Roczniki Socjologii Rodziny*, 2003, vol. XV, pp. 47–61.
26. Szadowska-Szlachetka Z., Janczaruk M., Dziurko J., Starosławska E., Stanisławek A. Analiza zapotrzebowania na wsparcie oraz wsparcia otrzymanego przez kobiety z rakiem piersi. *Journal of Education, Health and Sport*, 2015, vol. 5 (2), pp. 246–259.
27. Filipiak G. *Funkcja Wsparcia Społecznego w Rodzinie*. Wydawnictwo UAM, Poznań, 2010.
28. Kasperczyk A. *Wsparcie Społeczne w Instytucjach Opieki Paliatywnej i Hospicyjnej*. Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź, 2006.
29. Опыт работы психотерапевтических групп для женщин, страдающих психологическим бесплодием / Ж.Р. Гарданова [и др.] // Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии. 2018. № 11. С. 39–43.
30. Malina A., Suwalska-Barancewicz D. The importance of social support for the mental well-being of people being treated for infertility. In: *Polish Psychological Forum*, 2020, vol. 25, no. 4, pp. 417–430. DOI: 10.14656/PFP20200403
31. Koss J., Rudnik A., Bidzan M. *Experiencing Stress and Getting Support Social Problems Caused by High-Risk Pregnant Women*. Preliminary reports. *Family Forum*, 2014, pp. 183–201.
32. Żuralska R., Sein Anand J., Majkowicz M., Rózyk D. Spostrzeganie wsparcia społecznego przez studentów II roku Pielęgniarstwa Gdańskiego Uniwersytetu Medycznego. *Przegląd Lekarski*, 2013, vol. 70 (8), pp. 569–571.
33. Бесплодный брак: версии и контраверсии / под ред. чл.-корр. РАН В.Е. Радзинского. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2020. 421 с.
34. Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Репродуктивное здоровье как фактор качества воспроизводства населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2009. № 3 (7). С. 73–81.

Сведения об авторах

Лилия Сухоцкая – PhD психологии, ассистент профессора, Университет имени Яна Кохановского в Кельце (25-029, Польша, г. Кельце, ул. Краковская, д. 11; e-mail: liliasuchocka@ibnps.eu)

Малгожата Пасэк – PhD медицины, ассистент профессора, Государственная высшая профессиональная школа в Тарнове (33-100, Польша, г. Тарнов, ул. Мицкевича, д. 8; e-mail: malgorzata_pasek@wp.pl)

Магдалена Блихаж – магистр медицины, Негосударственное медицинское учреждение ООО «Ремедиум» (33-300, Польша, г. Новы-Сонч, ул. Понятовского, д. 2; e-mail: blicharzmagda95@gmail.com)

Галина Валентиновна Леонидова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Suchocka L., Pasek M., Blicharz M., Leonidova G.V.

Social and Psychological Support of Couples in Treating Infertility (Case Study of the Polish Research)

Abstract. According to the World Health Organization (WHO), nearly 60–80 million couples worldwide struggle with infertility – inability to conceive a child without medical assistance. Infertility is a relevant medical, social, socio-psychological, and demographic problem that negatively affects the demographic situation across the world. In this regard, assisted reproductive technologies help. Infertility diagnosis and treatment is a lengthy and burdensome process, and patients need socio-psychological support while going through it. The purpose of the study is to analyze the situation with the treatment of infertile couples using assisted reproductive technologies in the Republic of Poland and the Russian Federation in the context of the perception of socio-psychological support provided to couples (case study of the Polish research). We used sociological methods: in particular, the author’s own questionnaire and R. Schwarzer and U. Schulz’s test psychological methodology for assessing a respondent’s subjective perception of socio-psychological support. The study involved 39 couples treated for infertility. The majority of respondents (27 couples; 69%) were married. Most female (32 women; 82%) and male (31 men; 79%) respondents did not have children. The results showed that women need more support than men: women received more statistically significant points on the “support-seeking” scale. According to the study, support of a family and a partner were assessed highly. It was revealed that social and psychological support during infertility leads to a positive effect that provides acceptance of the disease (infertility) and reduces stress and a feeling of a loss. Moreover, social and psychological support has a significant impact on the prevention of mental disorders among people treated for infertility. We conclude that socio-psychological support is important for patients diagnosed with this problem.

Key words: infertility, infertility treatment, perception of support, social support.

Information about the Authors

Lilia Suchocka – PhD in Psychology, Assistant Professor, Jan Kochanowski University of Kielce (11, ul. Krakowska, Kielce, 25-029, Poland; e-mail: liliasuchocka@ibnps.eu)

Małgorzata Pasek – PhD in Medicine, Assistant Professor, University of Applied Sciences in Tarnow (8, ul. Mickiewicza, Tarnow, 33-100, Poland; e-mail: malgorzata_pasek@wp.pl)

Magdalena Blicharz – Master of Medicine, Non-Government Medical Institution OOO “Remedium” (2, ul. Poniatowskiego, Nowy Sącz, 33-300, Poland; e-mail: blicharzmagda95@gmail.com)

Galina V. Leonidova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Head of Laboratory, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Статья поступила 28.01.2021.

Психическое здоровье населения в период пандемии COVID-19: тенденции, последствия, факторы и группы риска

**Юлия Евгеньевна
ШМАТОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: ueshmatova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1881-0963; ResearcherID: R-1021-2018

Аннотация. Цель исследования — анализ потерь психического здоровья населения в период пандемии COVID-19. На основе систематизации зарубежных и российских исследований влияния пандемии на психическое здоровье зафиксированы два основных бремени (психоневрологическое и психоэмоциональное) и три уровня проявлений нездоровья (физиологические, психические и поведенческие нарушения). В качестве метода использовался анализ статей из международных электронных баз данных по теме утраты психического здоровья вследствие пандемии новой коронавирусной инфекции и других эпидемий. Научная новизна исследования заключается в выделении психоэмоционального и психоневрологического бремени пандемии, определении трехуровневой структуры проявлений психического нездоровья и комплексном подходе к анализу потерь (включает характеристику возникающих нарушений психического здоровья, факторов и групп риска, а также поиск направлений их профилактики). Результаты: психоневрологическое бремя выражается в повреждениях центральной и периферической нервной системы, психоневрологических и цереброваскулярных осложнениях, изменениях психического статуса вследствие нейротоксичного воздействия вируса SARS CoV-2. Психоэмоциональное бремя пандемии COVID-19 проявляется на физиологическом уровне — в соматических реакциях на стрессовую ситуацию. На психическом уровне наблюдается дебют или рецидив панических, тревожных, депрессивных расстройств, расстройства адаптации, возникают симптомы посттравматического стрессового расстройства. Поведенческий уровень связан с ростом случаев

Для цитирования: Шматова Ю.Е. Психическое здоровье населения в период пандемии COVID-19: тенденции, последствия, факторы и группы риска // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 201–224. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.13

For citation: Shmatova Yu.E. Mental health of population in the COVID-19 pandemic: trends, consequences, factors, and risk groups. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 201–224. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.13

домашнего насилия, различных аддикций, суицидального и защитного поведения, изменением пищевых привычек и др. Сделан вывод о предотвратимости большинства негативных последствий. Практическая значимость работы заключается в подготовке перечня нарушений психического здоровья в период пандемии, групп и факторов риска его утраты. Выводы о группах и факторах риска позволят обосновать структуру дальнейшего социологического исследования. Полученные результаты (в т. ч. перечень направлений снижения бремени) могут быть использованы органами власти при разработке программ укрепления психического здоровья населения, включая группы повышенного риска. Их внедрение позволит снизить нагрузку на медицинскую сеть, повысить качество жизни населения, сохранить трудовой потенциал и социальную стабильность в обществе, необходимые для восстановления экономики после пандемии, а также предотвратить психоэмоциональное бремя будущих эпидемий. Перспективы исследования: межстрановое сравнение психоэмоционального бремени пандемии и его зависимости от проводимой государствами противоэпидемической политики (введение жестких мер самоизоляции, локдаун, деятельность СМИ, обязательное тестирование и другие).

Ключевые слова: пандемия COVID-19, психическое здоровье, психоэмоциональное бремя, психические расстройства, психоневрологические нарушения, суицид, депрессия, тревога, домашнее насилие, инфодемия.

Введение

Минувший 2020 год прошел под знаком борьбы с новой коронавирусной инфекцией. Сдерживание распространения SARS CoV-2 привело к введению жестких ограничений в передвижении и применению мер социального дистанцирования. В результате пандемия COVID-19 нанесла серьезный удар по здоровью людей, системе здравоохранения и экономике.

Введенный во многих странах локдаун ряд ученых называет психологическим [1, с. 46] (или психосоциальным [2]) экспериментом, крупнейшим из всех когда-либо проводившихся, результаты которого еще только начинают анализировать.

Неясная, невидимая угроза ранее неизвестного вируса в сочетании с невозможностью предпринять понятные активные действия усиливает страх и тревогу, может спровоцировать дебют или рецидив тревожного, депрессивного, обсессивно-компульсивного и другого психического расстройства, патологические зависимости и суицид. Некоторые авторы говорят даже о риске массовых психозов. Запуску психозов при переживании страха и дистресса большой группой способствуют механизмы подражаемости и внушаемости, в обычном состоянии необходимые для эффективной регуляции социального поведения [3]. Академик РАЕН д-р мед. наук И. Гундаров в своих многочисленных выступлениях в средствах массовой

информации называет сложившуюся ситуацию «социальным шизоидным психозом». Н. Соловьева, говоря о психических расстройствах, спровоцированных пандемией, вводит понятие «коронавирусный синдром», который затронет до 10% населения, вовлеченного в пандемию. По ее мнению, ситуация и ее последствия схожи с теми, что наблюдались в России в период перестройки, т. к. причинами психических нарушений являются не конкретная локализованная во времени травма, а длительные невротизирующие переживания, выходящие за рамки обычного опыта, изменение социальных связей и жизненных планов, нестабильность и неопределенность будущего, а также большое количество неконструктивной тревожной информации в СМИ [4].

Для успешной борьбы с нынешними и будущими пандемиями мы должны больше узнать о влиянии COVID-19 на психическое здоровье населения.

Цель нашего исследования – анализ потерь психического здоровья населения вследствие воздействия как самого вируса SARS CoV-2, так и предпринятых мер по борьбе с ним, поиск возможностей их снижения.

Задачи исследования:

1) рассмотреть основные составляющие психоэмоционального и психоневрологического бремени пандемии COVID-19;

2) выявить предикторы негативных психологических исходов при вспышке новой коронавирусной инфекции и наиболее уязвимые группы людей;

3) определить направления снижения потерь психического здоровья населения вследствие пандемии COVID-19.

Объект изучения – зарубежные и российские научные исследования психического здоровья населения в периоды эпидемий и чрезвычайных ситуаций. **Предмет** – психическое здоровье человека в период пандемии COVID-19.

Методология исследования

Сбор информации осуществлялся в электронных базах данных PubMed, Elibrary и Siberleninka с помощью поисковых терминов «COVID-19», «психическое здоровье», «психические расстройства», «неврология», «суицид», «депрессия», «тревога», «стресс», «фактор риска» на английском и русском языках в разных сочетаниях. В общей сложности получено более четырех тысяч зарубежных и более тысячи русскоязычных ссылок. Большинство из них носит теоретический обзорный характер различных аспектов изучаемой проблемы. На период подготовки статьи (конец декабря 2020 года) в базах данных были представлены результаты 647 кросс-секционных и двух лонгитюдных исследований, посвященных негативному воздействию пандемии COVID-19, а также различных эпидемий и чрезвычайных ситуаций на общественное психическое здоровье. Для подготовки обзора использовано 165 статей (на английском, китайском, итальянском, немецком, французском, индийском языках).

Всего рассмотрено 74 исследования влияния пандемии на ковид-положительных пациентов (в РФ на момент подготовки обзора – лишь единицы [5]), психически больных, медицинских работников, студентов и другие группы, а также население в целом. Среди них 18 отражали случай-контроль по сравнению с нормой, в то время как в остальных не было контрольных групп. Два ретроспективных исследования основаны на анализе нескольких миллионов электронных медицинских карт.

Некоторые результаты этих обследований неоднородны из-за различий в местах и сроках проведения, используемых методах (в основном это анонимные онлайн-опросы, самоотчеты пациентов). Сбор данных о психоэмоциональ-

ном состоянии в них осуществлялся с помощью следующих методик: Госпитальная шкала тревоги и депрессии A.S. Zigmond и R.P. Snaith (HADS), Шкала генерализованного тревожного расстройства (GAD-7), Шкала Zung для самооценки депрессии (SDS) и тревоги (SAS), Beck Depression Inventory (BDI) и Beck Anxiety Inventory (BAI), Шкала депрессии, тревоги и стресса (DASS21), Шкала воспринимаемого стресса (PSS), Опросник стрессовой реакции (SRQ), Стэнфордский опросник острой стрессовой реакции (SASR), Опросник здоровья пациента (PHQ-9 и PHQ-4), Онлайн-опросная шкала событий пересмотренная (IES-R), Питтсбургский индекс качества сна (PSQI), индекс тяжести бессонницы (ISI), Шкала оценки социальной поддержки (SSRS), Симптоматический опросник (SCL-90-R). Большинство исследований являются кросс-секционными, а их результаты предварительными, а значит, подкрепленными хорошо разработанными лонгитюдными исследованиями [6]. Тем не менее они заслуживают должного внимания, т. к. позволяют оценить риски как самого вируса, так и предпринятых мер по борьбе с ним для психического здоровья населения.

Мы опирались на тот факт, что появление COVID-19 похоже на вспышки близкородственных коронавирусов острого респираторного синдрома в 2003 году (ТОРС, SARS или «атипичная пневмония») и ближневосточного респираторного синдрома в 2012 году (БВРС, MERS). По мнению большинства ученых, стоит ожидать схожих эмоциональных и поведенческих реакций населения. Также нами анализировались статьи, отражающие психоэмоциональные исходы вследствие других эпидемий (Эбола, «испанка», «свиной грипп» и др.) и чрезвычайных ситуаций (природные катаклизмы и теракты).

Главный плюс некоторых зарубежных журналов высокого уровня, например «The Lancet Psychiatry», заключается в оперативности публикации новейших исследований (сначала онлайн, затем в печатной версии), что позволяет всему миру своевременно знакомиться с их результатами, не потерявшими актуальность в условиях быстро развивающейся ситуации пандемии. В связи с этим значительную часть представленного обзора составляют именно зарубежные источники информации.

Научная новизна работы заключается в авторском понимании психоэмоционального бремени пандемии и его структуры, основанной на трех уровнях реакций/изменений (физиологические, психические и поведенческие); обобщении и структурировании зарубежного и отечественного опыта исследования группы коронавирусов именно с точки зрения их психоневрологического и психоэмоционального бремени; комплексном подходе к анализу проблемы – изучение негативных последствий (вируса SARS CoV-2 и мер по его сдерживанию), факторов и групп риска, направлений по укреплению психического здоровья.

Практическая значимость работы состоит в подготовке перечня нарушений общественно-психического здоровья в период пандемии, групп и факторов риска его утраты. Сделанные выводы позволят обосновать структуру дальнейшего социологического исследования данной проблемы.

Полученные результаты (включая перечень направлений снижения бремени) могут использоваться органами власти при разработке программ укрепления здоровья населения, в т. ч. среди групп повышенного риска (медицинских сотрудников, переболевших COVID-19 граждан, лиц с хроническими заболеваниями). Реализация программ будет способствовать снижению нагрузки на медицинскую сеть, сокращению числа случаев и продолжительности временной и стойкой нетрудоспособности, сохранению трудового потенциала, необходимого в последующий период восстановления экономики, и социальной стабильности в обществе, что в комплексе приведет к снижению бремени болезни. Выводы о группах и факторах риска позволят обосновать структуру дальнейшего социологического исследования данной проблемы, запланированного Вологодским научным центром РАН в 2021 году.

Результаты исследования

Принимая во внимание исследования, посвященные различным негативным последствиям вспышки новой коронавирусной инфекции для психического здоровья населения, мы можем разделить бремя пандемии на два типа: психоэмоциональное и психоневрологическое. Под психоневрологическим бременем пандемии COVID-19 мы понимаем поврежде-

ния ЦНС, спровоцированные нейротоксичным вирусом SARS-CoV-2, под психоэмоциональным бременем – психоэмоциональные расстройства, вызванные самим вирусом и/или мерами по его сдерживанию. Учитывая, что психоэмоциональное состояние – это комплекс изменений, происходящих в теле и психике, включающий также поведенческие реакции на ситуацию, мы будем изучать проявления нарушения психики на трех уровнях: физиологическом, психическом и поведенческом. Рассмотрим их подробнее.

Первый уровень – физиологический. В данный блок мы включили не только «классические» телесные реакции на стрессовую ситуацию (учащение сердцебиения, повышение артериального давления, уровня сахара в крови, нарушение аппетита, нарушение сна, головная боль, боли в теле, эндокринные нарушения и др.), но и психоневрологические нарушения, возникшие вследствие воздействия вируса SARS CoV-2, т. к. они проявляются именно на уровне физиологии и влияют на психическое благополучие.

Давно известно, что инфекция, не связанная с центральной нервной системой (ЦНС), может вызывать нервно-психические проявления. Эпидемия испанского гриппа 1918–1919 гг. спровоцировала резкий рост заболеваемости постэнцефалитическим паркинсонизмом [7]. Близкородственные COVID-19 коронавирусы являются биологически нейротропными и клинически нейротоксичными, вызывая неврологические расстройства [8; 9; 10]. Новая коронавирусная инфекция, помимо изменений в легких, приводит к различным поражениям всех систем организма¹ [11]: тромботическим осложнениям, дисфункции миокарда (кардиомиопатии) и аритмии, острым коронарным синдромам, острому повреждению почек, желудочно-кишечным симптомам, гипергликемии, кетозу, васкулитам, поражению глаз и кожи, а также неврологическим расстройствам.

¹ The British Psychological Society. Meeting the psychological needs of people recovering from severe coronavirus (Covid-19). Available at: <https://www.bps.org.uk/sites/www.bps.org.uk/files/Policy/Policy%20-%20Files/Meeting%20the%20psychological%20needs%20of%20people%20recovering%20from%20severe%20coronavirus.pdf> (дата обращения 21.01.2021).

Но особое значение имеет такое последствие COVID-19, как цереброваскулярные осложнения, т. е. острые нарушения мозгового кровообращения (инсульты). Они наблюдаются при некоторых острых тяжелых вирусных заболеваниях (например, при гриппе [12; 13]). Основными предикторами их развития являются артериальная гипертензия, сахарный диабет, ишемическая болезнь сердца и заболевания дыхательной системы [14; 15].

Другой причиной поражения головного мозга при COVID-19 может быть энцефалопатия различной этиологии, что также характерно для вирусных инфекций [16; 17]. В качестве механизма развития энцефалопатии при коронавирусе рассматривается цитокиновый шторм [18; 19].

Ряд авторов отмечает возможную связь между коронавирусами человека и развитием рассеянного склероза [20; 21].

Поражения ЦНС чаще наблюдаются в группе «тяжелых» пациентов. Так, по данным ретроспективного исследования в г. Ухане, 36% госпитализированных пациентов имели симптомы расстройства ЦНС, в группе «тяжелых» – 45% [22]. Rogers были получены доказательства наличия у пациентов отделения интенсивной терапии делирия (65%) и возбуждения (69%). У каждого пятого реанимационного пациента было диагностировано измененное сознание (впоследствии все они погибли) [23].

Проведенное группой ученых под руководством Varatharaj исследование «тяжелых» госпитализированных ковид-положительных пациентов в Великобритании выявило, что у 62% из них наблюдалось нарушение мозгового кровообращения (преимущественно ишемический инсульт – 3/4 случаев). У трети госпитализированных был выявлен измененный психический статус (из них 23% – с неуточненной энцефалопатией, 18% – с энцефалитом, остальные 59% – с нервно-психическими расстройствами). Подавляющему большинству последних (92%) диагноз (психоз, нейрокогнитивный синдром, аффективное расстройство) был поставлен впервые [24].

Также вирус SARS-CoV-2 способен приводить к поражениям периферической нервной системы (в два раза чаще встречается при легком течении заболевания [15]). К ним отно-

сится поражение обонятельных нервов, что наблюдалось и при воздействии родственного коронавируса SARS-CoV-1 [25]. Более того, по мнению большинства исследователей, потеря обоняния может быть единственным клиническим проявлением COVID-19² [26]. Интересными также являются данные об изменении вкуса [15] и поражении глазодвигательного нерва у ковид-положительных пациентов [27].

У переболевших ковидом в течение двух месяцев и более сохраняются такие физиологические симптомы, как слабость (53,1%), одышка (43,2%), боль в суставах, мышцах (27,3%), боль в груди (21,7%), а также кашель, потеря обоняния, сухость глаз и слизистой рта, насморк, красные глаза, нарушение вкуса, головная боль, потливость, потеря аппетита, першение в горле, головокружение, диарея [28].

Таким образом, острые психоневрологические реакции организма на нейротоксичный вирус COVID-19 зачастую приводят к тяжелым осложнениям (постковидные инсульты, инфаркты, энцефалопатии и др.), соматогенным психическим и невротическим расстройствам, утрате трудоспособности и даже гибели пациента, а значит отражают и расширяют спектр бремени болезни.

Второй уровень – психический. Распространение новой коронавирусной инфекции и принятые меры по ее сдерживанию способствуют возникновению тревожных и депрессивных расстройств (паническое расстройство, генерализованное тревожное расстройство, фобии, панические атаки), составляющих группу самых распространенных сопутствующих патологий при различных эпидемиях и чрезвычайных ситуациях [29].

Крайне отрицательно на душевном благополучии людей сказывается принудительная изоляция. В настоящее время появляется все больше данных о нарастании симптомов дистресса в течение и после карантина. Так, С. Wang с коллегами обнаружили, что 53,8% находящихся в вынужденной изоляции считают, что их психологическое состояние серьезно ухудшилось [30].

² ENT UK. Loss of sense of smell as marker of COVID-19 infection. Accessed March 30, 2020. Available at: [https://www.entuk.org/sites/default/files/files/Loss of sense of smell as marker of COVID.pdf](https://www.entuk.org/sites/default/files/files/Loss%20of%20sense%20of%20smell%20as%20marker%20of%20COVID.pdf) (дата обращения 29.01.2021).

Общая распространенность среди населения Китая в период пандемии, по результатам одного из лонгитюдных исследований, тревожных симптомов составила 35% (5% в 2019 году), депрессивных симптомов – 20% (3,6% в 2019 году), нарушения сна – 18% [31; 32].

В США в первый месяц пандемии выросло число выписанных рецептов на анксиолитические (снижающие уровень тревоги) препараты (на 34%), антидепрессанты (на 19%) и снотворные средства (на 15%)³.

В Италии спустя три недели локдауна у населения выявлены симптомы посттравматического стрессового расстройства (ПТСР; 37%), выраженного стресса (22,8%), расстройства адаптации (21,8%), тревоги (20,8%), депрессии (17,3%) и бессонницы (7,3%) [28].

Каждый второй британец и американец в конце марта 2020 года испытывал значительный уровень тревожности⁴.

Возникшие нарушения психики могут оказаться пролонгированными. Так, каждый десятый человек, находившийся в очаге эпидемии SARS в 2003 году, спустя год соответствовал диагностическим критериям ПТСР [33; 34].

На основе систематического анализа литературы можно отметить, что среди населения в Китае, Великобритании, США, Испании, Италии, Индии, Дании, Турции, Иране и Непале в период борьбы с пандемией зафиксированы относительно высокие показатели симптомов тревоги (от 6 до 51%), депрессии (от 15 до 48%), посттравматического стрессового расстройства (от 7 до 54%), психологического дистресса (от 34 до 38%) и стресса (от 8 до 82%) [35].

В России в 2020 году было проведено несколько кросс-секционных исследований по оценке психоэмоционального состояния населения. Согласно результатам одного из них клинические значения тревоги и депрессии вы-

явлены у 9,3 и 6,1% респондентов, субклинические – у 12,6 и 15,1% соответственно [36].

По итогам исследования сотрудников Научного центра психического здоровья [37] 22,3% респондентов (а среди жителей столицы – каждый третий [38, с. 116]) ощущали потребность в психологической помощи. У них значительно выше уровень фобических реакций, соматизации, суицидального риска, но ниже уровень представленности снижающих уровень стресса копинг-стратегий. Причем наблюдается статистически значимый тренд роста депрессивной симптоматики по мере развития пандемии COVID-19 (с 0,75 до 0,93 по шкале SCL-90R) [39]. Одновременно с этим отмечается отрицательная динамика способности объективно оценивать происходящее и утешать себя, что мешает противостоять стрессу [38, с. 118]. Авторы делают вывод о том, что увеличение продолжительности пандемии приведет к нарастанию неэффективных способов снижения психопатологической симптоматики, а именно агрессивного поведения.

Третий уровень – поведенческий. На начальном этапе поведенческими реакциями на стрессовую ситуацию пандемии могут стать повышенное беспокойство, невнимательность, медлительность действий, частый гнев. Впоследствии снижается способность решать проблемы, полноценно трудиться, критично воспринимать информацию (что подвергает человека риску кибермошенничества), возникают защитное (избегающее) поведение [40], панические покупки, постоянный мониторинг новостей [41], курение, злоупотребление алкоголем, агрессивное поведение, игромания, суицидальные мысли и попытки и др. [42]. Причем все эти реакции появляются не только в период пандемии, они становятся «долгоиграющим» бременем, растянутым на годы и даже всю жизнь человека [43]. Рассмотрим наиболее опасные типы деструктивных поведенческих реакций в период пандемии COVID-19.

Вынужденная изоляция, материальные трудности, злоупотребление алкоголем становятся причиной возросшего **домашнего насилия**, что, в свою очередь влечет угрозу не только физическому, но и психическому здоровью [44; 45, 46]. Люди в замкнутом пространстве вымещают тревогу и раздражение на своих близких, прежде всего женщинах, детях и стариках.

³ Luby T. Anti-anxiety medication prescriptions up 34% since coronavirus. CNN, Published online April 16, 2020. Available at: <https://edition.cnn.com/2020/04/16/health/anti-anxiety-medication-us-demand-coronavirus/index.html> (дата обращения 29.01.2021).

⁴ Schwartz B.J. New Poll: COVID-19 Impacting Mental Well-Being: Americans Feeling Anxious, Especially for Loved Ones. APA News releases. March 25, 2020. Available at: <https://www.psychiatry.org/newsroom/news-releases/new-poll-covid-19-impacting-mental-well-being-americans-feeling-anxious-especially-for-loved-ones-older-adults-are-less-anxious> (дата обращения 21.01.2021).

Так, в китайской провинции Хубэй число обращений в полицию за время карантина выросло втрое. Во Франции только за первую неделю карантина количество случаев бытовой агрессии увеличилось на треть, в Великобритании число звонков на телефон доверия организации по борьбе с бытовым насилием — на четверть [47]. В Австралии на 75% чаще люди стали забивать в поисковой строке Google запрос «что делать в ситуации домашнего насилия», в Бразилии — на 50% [46]. В Дании, Испании, на Кипре женщины тоже стали чаще обращаться за помощью⁵. По данным омбудсмена в РФ, за апрель количество жертв и случаев насилия в семье увеличилось в 2,5 раза.

Все больше данных свидетельствуют о корреляции между психическими заболеваниями и домашним насилием [48; 49]. Около четверти совершивших семейные убийства контактировали с психиатрическими службами в течение года до совершения преступления, а треть имели психиатрические симптомы в момент его совершения [50]. Эта корреляция в большей степени обусловлена влиянием алкоголя и психоактивных веществ (ПАВ) [43] и доказывает острую необходимость непрерывности оказания квалифицированной поддержки как психически больным, так и потенциальным жертвам домашнего насилия даже в период введения карантинных мер и самоизоляции.

Продолжая тему алкогольной зависимости, добавим, что, по мнению команды ученых под руководством J. Rehm, на первом этапе борьбы с COVID-19 был более вероятен сценарий снижения уровня *употребления алкоголя* вследствие сокращения его физической и экономической доступности. Однако в США уже в феврале — марте отмечалось увеличение продаж алкоголя [51; 52], в июне — более 13% респондентов сообщали, что начали или увеличили употребление наркотиков, чтобы справиться со стрессом или эмоциями, связанными с COVID-19, причем среди лиц моложе 24 лет — каждый четвертый, а в возрастной группе 25–44 лет — каждый пятый [53].

Усиление психологического дистресса на фоне финансовых трудностей, социальной изо-

ляции и чувства неуверенности, по мнению Rehm, может еще больше усугубить употребление алкоголя и увеличить связанный с этим вред в среднесрочной и долгосрочной перспективе [54; 55].

Так, спустя год после пандемии SARS в Китае около 5% мужчин и 15% женщин говорят о возросшем употреблении алкоголя [56]. Особенно высоки риски среди медицинских работников. У тех сотрудников, которые либо находились на карантине, либо работали в «красной зоне», риск расстройств употребления алкоголя даже спустя три года после вспышки «атипичной пневмонии» был примерно в 1,5 раза выше, чем у остальных сотрудников больниц [57].

Любое увеличение потребления алкоголя в нынешней ситуации не только увеличит обычное бремя болезней, связанных с ним [54; 55], но и повысит риски заражения COVID-19 посредством ослабления иммунной системы [58].

Несмотря на низкий уровень смертности от вируса SARS-CoV-2, страх перед исходом, стигма, финансовые потери часто заставляют людей страдать, что приводит к импульсивным решениям [59]. Пандемия, будучи хроническим явлением с неопределенными и устойчивыми биопсихосоциальными последствиями в течение нескольких месяцев, может способствовать росту *суицидального поведения* [59; 60]. Есть данные о росте уровня самоубийств во время эпидемий бубонной чумы [61], «испанки» [62], «атипичной пневмонии» [63], Эболы [64]. Сообщения о самоубийствах поступают из Китая, Индии, Бангладеш, Италии и Соединенных Штатов Америки [65–68].

По данным онлайн-опроса, проведенного в США в конце июня, каждый десятый (10,7%) респондент серьезно задумывался о самоубийстве в течение последнего месяца. Значительно выше удельный вес таковых в группах 18–24 лет (25,5%), не имеющих образования (30%), расовых / этнических меньшинств (15,1–18,6%), лиц, осуществляющих бесплатный уход за взрослым (30,7%), и среди работающих (21,7%). Причем лишь 22–24% из них наблюдались у специалиста ранее по поводу тревоги или депрессии, 44% — в связи с посттравматическим расстройством [53].

В обзоре Torales [69] сообщалось о возросших мыслях о самоповреждении у медиков, работающих по линии COVID-19 [70].

⁵ Назарова Н. Заперты вместе. Как живут жертвы домашнего насилия в условиях карантина. 7 апреля 2020. Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-52184701>

В пакистанском исследовании зафиксировано 29 случаев самоубийств, 16 из них были непосредственно связаны с COVID-19. Большинство самоубийств, по мнению авторов, произошло из-за экономического спада, обусловленного блокировкой. Страх перед инфекцией оказался вторым фактором, способствующим самоубийству [71].

Исследование, проведенное в Канаде, спрогнозировало рост безработицы в 2020–2021 гг., которая приведет к увеличению числа самоубийств до уровня 11,6–14,0 случаев на 100 000 человек в 2020 году и до 13,6 в 2021 году. В результате в 2020–2021 гг. произойдет 2114 «лишних» самоубийств [72].

Эти результаты показывают, что предотвращение самоубийств в контексте безработицы, связанной с COVID-19, является важнейшим приоритетом. Кроме того, срочно необходимы своевременный доступ к психиатрической помощи, финансовому обеспечению и программам социальной/трудовой поддержки, а также оптимальное лечение психических расстройств.

Отечественные исследования суицидального поведения не столь многочисленны. Так, сотрудники Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского в апреле 2020 года осуществили сравнительное исследование частоты суицидов в пяти субъектах РФ. Оно показало, что смертность от самоубийств даже снизилась по сравнению с аналогичным периодом 2019 года. По мнению авторов, это обусловлено «мобилизацией внутренних резервов организма, направленных на сохранение человечества как биологического вида» [73, с. 4].

Сотрудники Научного центра психического здоровья выявили статистически значимое увеличение частоты суицидальных мыслей россиян по мере развития пандемии (если в конце марта частота серьезных намерений была отмечена у 4,5%, то в конце июня – у каждого десятого). Рост выраженности суицидальных мыслей отстает по времени от роста депрессивной симптоматики. Вероятно, суицидальные идеи появляются или усиливаются не сразу, а выступают в качестве отложенного эффекта стресса [39, с. 12], который не объясняется «объективной» угрозой заражения и страхами за жизнь, а переживается как «неопределенная» тревога, связан-

ная с мерами противодействия пандемии – ограничениями социального взаимодействия, одиночеством, неопределенностью [39].

По мнению Е.Б. Любова и его коллег из Московского НИИ психиатрии, стоит ожидать «роста самоубийств в регионах России с относительно малыми показателями суицидов. В рецессивных регионах с хронической экономической стагнацией и депопуляцией „вклад коронавируса“, напротив, может быть не столь заметен вследствие адаптации к стрессовым событиям („не жили богато – не придется и привыкать“), малой доступности медицинской помощи и эпидемиологического учета. Специалисты полагают, что показатели смертности и уровень самоубийств могут быть повышены ряд лет, а региональные показатели могут быть повышены отставлено, по миновании острой фазы пандемии, особо в группах риска» [74, с. 36].

Среди факторов суицида в период пандемии можно выделить две группы:

1. **Психологические:** социальная изоляция, тревога, страх и неуверенность (заражение / заражение других / доступность специфического лечения или вакцинации в ближайшем будущем), плохое качество сна и пищевые привычки [75], диагностированные ранее проблемы психического здоровья, рецидив заболевания из-за нарушения соблюдения режима лечения и ограничений доступа к помощи, употребления алкоголя и психоактивных веществ [76].

2. **Социальные:** финансовый кризис, безработица, ограниченные поставки товаров первой необходимости, бытовое насилие, закрытие школ, пребывание в уязвимых группах (бездомные / безработные / дети / пожилые люди), наличие диагноза COVID-19, госпитализация в отделения интенсивной терапии COVID-19, выгорание у фронтовых медицинских работников, гибель членов семьи, стигматизация и дискриминация в связи со вспышкой болезни, ограничения на участие в религиозных собраниях или посещение религиозных мест и «инфодемическое» явление [77–80].

Более высокому риску суицида подвергаются медицинские работники, пожилые люди, мигранты, бездомные, экономически уязвимые, а также лица с уже существующими психическими расстройствами, токсикоманией и семейным анамнезом самоубийств.

Еще одной поведенческой реакцией на проблему COVID-19 может стать *«избегающее» или защитное поведение*. После окончания периода карантина многие участники продолжают вести себя так, чтобы избежать его повторения. Более половины сторонятся тех, кто кашляет или чихает, четверть не посещает места скопления людей, а каждый пятый избегает всех общественных мест в течение нескольких недель после периода карантина [81]. Для некоторых возвращение к нормальной жизни было отложено на многие месяцы.

Другим типом поведенческой реакции на ситуацию пандемии ряд ученых называет *изменения в привычках*. Так, итальянское исследование выявило, что у трети респондентов в течение периода локдауна был повышен аппетит, у 18%, напротив, уменьшен. В результате почти половина участников исследования ощутила увеличение веса. Около 3% курильщиков бросили курить в этот период, вероятно, из-за страха перед повышенным риском респираторного дистресса и смертности от COVID-19 [82].

Таким образом, мы обобщили возможные нарушения организма (физиологические, в т. ч. психоневрологические изменения вследствие воздействия вируса), и психики (психические и поведенческие) человека, в большей степени вызванные введенными мерами борьбы с пандемией, которые характеризуют ущерб психическому здоровью, нанесенный пандемией COVID-19.

Проанализируем основные *факторы, провоцирующие неблагоприятные психологические исходы* у некоторых групп населения.

1. Заболевание COVID-19, согласно результатам большинства исследований, может привести к психологической нестабильности [23; 83–88]. В период острого заболевания вследствие воздействия как самого вируса, так и страха за свою жизнь, одиночества, вынужденной изоляции, плохого самочувствия наблюдается более тяжелая симптоматика: спутанность сознания (в среднем у 28% пациентов), подавленное настроение (33%), тревога (36%), нарушение памяти (34%), бессонница (42%) [23]. В одном из исследований уровень посттравматических стрессовых симптомов (ПТСС) у ковид-положительных в начальный период болезни был крайне высоким (96,2%) [89].

В постболезненной стадии (после перенесенных коронавирусных инфекций, например SARS и MERS) симптомы менее выражены, но сохраняются. Бессонница была обнаружена у 12%, раздражительность – у 13%, депрессивное или тревожное расстройство – у 15%, ухудшение памяти и усталость – у 19%, травматические воспоминания – у 30%, симптомы ПТСП – у каждого третьего [23].

По данным другого ретроспективного анализа более 60 тысяч электронных медицинских карт ковид-положительных пациентов, проведенного М. Taquet с коллегами в 2020 году, частота любого психиатрического диагноза спустя 0,5–3 месяца после положительного теста на COVID-19 составила 18% (треть из которых – впервые поставленный диагноз). Наиболее частым было тревожное расстройство (особенно расстройство адаптации и генерализованное тревожное расстройство, реже – паническое и посттравматическое стрессовое расстройство) [84].

Есть данные, что пациенты, перенесшие COVID-19 в отделениях интенсивной терапии, имеют многочисленные неврологические, когнитивные и психологические симптомы [90]. Но следует отметить, что высокие показатели посттравматических симптомов тревоги и депрессии были зарегистрированы и у клинически стабильных людей, выписанных из больницы после выздоровления от COVID-19 [91].

2. Психиатрические предикторы. Психическое расстройство в анамнезе – значимый фактор риска рецидива в период пандемии [92–95]. Лица с уже существующими проблемами психического здоровья сообщают об усилении симптомов и ухудшении доступа к услугам и поддержке с момента начала пандемии COVID-19 [68; 96–99].

К тому же исследования свидетельствуют о том, что значительное число людей в период введения карантинных мер имеют недиагностированные заболевания, в т. ч. и психиатрического спектра [100]. Так, в период локдауна в Великобритании в марте 2020 года было зарегистрировано снижение обращений по поводу проблем с психическим здоровьем на 50% по сравнению с ожидаемым спросом. В свою очередь диагностические задержки у пациентов, например, с депрессией могут вызывать рост смертности, в т. ч. от суицидов [101].

Причины уязвимости группы душевнобольных в период пандемии могут заключаться в следующем: (1) такие люди более подвержены эмоциональным откликам в силу высокой чувствительности к стрессу в сравнении с общей популяцией; (2) нейротоксичный вирус SARS-CoV-2 может вызывать нарушение регуляции системы стресса [102]; (3) психические расстройства (особенно синдром дефицита внимания и гиперактивности, биполярное расстройство, депрессия и шизофрения [103]) могут повышать риск заражения SARS-CoV-2 [68; 104–109] (в 1,6 раза [84]), развития пневмонии [68], смертельного исхода [110; 111] (в 2–3 раза чаще [112]); (4) физическое дистанцирование снижает доступность многих видов лекарственной, семейной, социальной и психиатрической поддержки [68; 98; 113; 114]; (5) серьезные функциональные нарушения препятствуют обращению за медицинской помощью, соблюдению предписаний врача [115; 116]; даже пациент с депрессией примерно в три раза чаще не следует рекомендациям по лечению [117]; (6) стационарные психиатрические учреждения зачастую устаревшие; (7) ресурсы отвлекаются от пациентов с хроническими заболеваниями (в т. ч. психическими расстройствами) на борьбу с COVID-19; (8) большинство врачей первичной медицинской помощи по линии COVID-19 не умеют работать с нейрокогнитивными и психическими расстройствами.

Особенно уязвимы в группе душевнобольных пациенты с деменцией, болезнью Альцгеймера, люди, находящиеся в суицидальном кризисе, пациенты с обсессивно-компульсивным расстройством [33], паническими атаками и другими тревожными расстройствами, расстройствами пищевого поведения [118] и аутистического спектра [119; 120; 121].

3. Профессионально-трудовые факторы риска. Работа на передовой, особенно в медицинских учреждениях, в непосредственной близости к заболевшим, является основным фактором риска возникновения психоэмоциональных проблем в период пандемии. На так называемых фронтовых медицинских работников могут влиять страх заражения, нехватка защитного снаряжения, смерть пациентов и коллег, неукомплектованность штата сотрудников, необходимость принимать крайне сложные ре-

шения, в т. ч. и с этической точки зрения [122], разлука с семьями, одиночество и физическая усталость.

Они испытывают большую стигматизацию, чувство беспомощности, вины, одиночества, страха, гнева, истощения, отстраненность, беспокойство, раздражительность, бессонницу, отмечают плохую концентрацию внимания и нерешительность, ухудшение производительности труда, нежелание работать. В будущем они чаще демонстрируют «избегающее» поведение [122; 123].

Большинство исследований психического здоровья медицинских работников в период предыдущих пандемий также свидетельствует о росте у них дистресса, депрессии, тревоги и посттравматического стресса⁶ [124–127].

Согласно результатам китайского исследования, в пандемию COVID-19 симптомы тревожного расстройства были выявлены у 36% медицинских работников, депрессивного – у 20%, плохого сна – у 24% [32]. Как показали итоги другого исследования, распространенность депрессии и тревожности еще выше (51 и 45% соответственно), бессонницы – 36%, сопутствующих стрессу симптомов – 74% [128]. Эти симптомы чаще встречались у младшего медперсонала женского пола, непосредственно занимающегося диагностикой и лечением COVID-19 [129].

В целом, по данным различных исследований, симптомы депрессии испытывали от 9 до 51% медицинских работников, тревоги – 15–45%, нарушений сна – 8–36%, чрезмерного воздействия стресса – 7–72%, ПТСР – 8–50%⁷. Даже спустя три года после вспышки атипичной пневмонии у данной группы сохранялись симптомы посттравматического стресса [57], депрессии и алкогольной зависимости [130].

⁶ Murphy J., Spikol E., McBride O., et al. The psychological wellbeing of frontline workers in the United Kingdom during the COVID-19 pandemic: first and second wave findings from the COVID-19 Psychological Research Consortium (C19PRC) Study. *PsyArXiv Preprints*. Available at: <https://psyarxiv.com/dcynw/> (дата обращения 29.01.2021).

⁷ Рекомендации для медицинских работников, находящихся в условиях повышенных психоэмоциональных нагрузок в период пандемии COVID-19. М., 2020. URL: https://edu.rosminzdrav.ru/fileadmin/user_upload/specialists/COVID-19/dop-materials/13-5-20/Rekomendacii_dlja_medrabotnikov.pdf (дата обращения 21.01.2021).

Однако в трех исследованиях не выявлено увеличения психических расстройств среди медицинских работников из-за COVID-19 по сравнению с общей популяцией⁸ [131].

Ряд ученых полагает, что усиление дистресса у медиков в разгар пандемии может являться временным, не носить патологический характер. Дистресс возможно нормализовать с помощью поддержки сверстников, раундов Шварца и активного мониторинга, а не формальных психиатрических вмешательств [132]. Эти выводы были повторены в 2020 году в Ухане, где медицинские работники сообщили о необходимости адекватного отдыха и средств индивидуальной защиты, а не вмешательства в психическое здоровье [124]. Исследования доказали, что полноценные перерывы на еду и сон влияют на психическое благополучие больше, чем количество отработанных часов [133].

Другими факторами риска для медработников выступают отсутствие социальной поддержки и коммуникации, неадаптивные стратегии совладения и недостаточная подготовка [129]. В свою очередь негативные эмоции, испытываемые сотрудниками, лечащими инфицированных, оцениваются ими как триггерные события, которые влекут ошибки и задержки в оказании помощи пациентам [134], что также увеличивает бремя COVID-19.

4. Финансово-экономические предпосылки. Утрата материальной стабильности во время пандемии вследствие введенной самоизоляции и карантина создает серьезные социально-экономические предпосылки развития симптомов психологических расстройств, гнева и тревоги не только в данный период, но и спустя несколько месяцев [71; 135–139].

Так, в России, по данным нескольких опросов общественного мнения, проведенных в конце июня различными организациями,

⁸ Jia R., Ayling K., Chalder T., et al. *Mental health in the UK during the COVID-19 pandemic: early observations*. *BMJ medRxiv*, 2020 (preprint published online May 19). DOI: <https://doi.org/10.1101/2020.05.14.20102012>. Available at: <https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.05.14.20102012v1.full.pdf> (дата обращения 29.01.2021); Kwong A.S.F., Pearson R.M., Adams M.J., et al. *Mental health during the COVID-19 pandemic in two longitudinal UK population cohorts*. *BMJ medRxiv*, 2020 (preprint published online June 18). DOI: <https://doi.org/10.1101/2020.06.16.20133116>. Available at: <https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.06.16.20133116v1> (дата обращения 29.01.2021).

экономические проблемы крайне актуальны. Около 84% респондентов испытывали тревогу из-за сопряженного с пандемией экономического кризиса⁹. Угрозу пандемии как значительную для экономики России оценивали семь из десяти опрошенных, для личного материального положения – более 40%¹⁰. 42% респондентов отметили ухудшение материального положения их семьи за последние три месяца, причем каждый третий из них вынужден был брать займы, а каждый пятый – кредиты. Треть сообщила об урезании заработной платы, четверть – о сокращениях на работе¹¹. И ожидания у населения достаточно пессимистичные (63% ожидают дальнейшего ухудшения материального положения). Более половины убеждены, что в текущей ситуации государство принимает недостаточные меры для материальной поддержки населения¹².

Важность экономического фактора отмечается и в зарубежных исследованиях. Так, среди потерявших работу и доход в США более ½ сообщили о беспокойстве или стрессе; люди с более низким доходом чаще говорят о серьезных негативных последствиях для психического здоровья.

По данным Ригсе, в домохозяйствах с самым низким доходом средний уровень психического расстройства составлял 13,9 балла (среди лиц с высоким доходом – 12,0); среди безработных – 15,0; экономически неактивных – 15,3 (работающие по найму – 12,5 или пенсионеры – 11,1). Хотя показатели психических расстройств оказались выше у людей, которые до изоляции были безработными или выполняли другие экономически неактивные роли, наибольший рост показателя зафиксирован среди тех, кто до пандемии работал [131].

К тому же многочисленные теоретические модели связывают прогнозируемый рост безработицы и финансовый кризис с ростом самоубийств [140–143]. Так, вследствие безработицы в 2010–2011 гг. (после экономического кризиса 2008 года) уровень самоубийств был повышен на 20–30% [144].

⁹ Данные Всероссийского центра изучения общественного мнения.

¹⁰ Данные мониторинга РАНХиГС.

¹¹ Данные Левада-Центра.

¹² Данные мониторинга РАНХиГС.

Российские экономисты, политики и эксперты также сходятся в мнении, что последствия кризиса 2020 года будут драматичнее, чем кризиса 2008–2009 гг.¹³ Они прогнозируют проблему массовой безработицы. Ее уровень может подскочить до 8–10% от рабочей силы (пессимистичный сценарий), пострадать или потерять работу могут около 15 млн россиян¹⁴. Предварительные оценки, сделанные Международной организацией труда, указывают на то, что рост глобальной безработицы может составить от 5,3 млн (низкий сценарий) до 24,7 млн человек (высокий сценарий)¹⁵.

Учитывая, что, по данным ВОЗ, каждое самоубийство в популяции сопровождается более чем 20 его попытками, в скором будущем можно ожидать возрастания нагрузки на службы психического здоровья [144]. Готовность медицинских учреждений на всех уровнях может иметь жизненно важное значение для ее понимания и предотвращения.

5. Медийные (инфодемические) предикторы. Большинство людей по всему миру в настоящее время имеет легкий доступ к информации благодаря подключению к интернету и электронным СМИ, что помогает обмениваться информацией, в т. ч. о пандемии. Значительная часть исследователей говорит о параллельно идущей инфодемии (т. е. переизбытке информации (как точной, так и нет)). Подобно эпидемии, она распространяется между людьми через цифровые и физические информационные системы [145]. Как и в предыдущие пандемии SARS (2003), H1N1 (2009) и MERS (2012), СМИ внесли значительный вклад в инфодемиику COVID-19 [146; 147], спровоцировав всплеск многочисленных слухов, мистификаций, теории заговора и дезинформации относительно этиологии, исходов, профилак-

тики и лечения этой болезни. Распространение дезинформации маскирует здоровое поведение и способствует ошибочным практикам, которые увеличивают распространение вируса и в конечном итоге приводят к разрушению психического здоровья [148]. СМИ позиционируют COVID-19 как, скорее, исключительную угрозу, что усугубляет панику и стресс в общей популяции, провоцирует дебют или рецидив тревожного, обсессивно-компульсивного и посттравматического стрессового расстройства [149].

Немалую роль в явлении инфодемии играют социальные сети [19]. Их потребление увеличивает шансы тревоги (в 1,7 раза) и депрессии (в 1,9 раза) [150]. Так, высокая распространенность проблем с психическим здоровьем (депрессии – 48,3%, тревоги – 22,6%) во время вспышки новой коронавирусной инфекции в г. Ухане коррелировала с частым использованием именно социальных сетей (около 80% из тех, кто имеет проблемы) [150]. Согласно другому исследованию лиц с дисфункциональной тревогой (возникшей на фоне пандемии), каждый пятый проводил за просмотром новостей 3–5 часов ежедневно, четверть – 5–7 часов, еще 20% – более 7 часов. При этом две трети из них никогда ранее не страдали таким недугом и не обращались за лечением от тревоги [151].

Ряд исследований демонстрирует, что массированность телевизионного воздействия может провоцировать не только повышение уровня стресса [152], развитие симптомов ПТСР и риска самоубийства [153], но и новых сердечно-сосудистых заболеваний в течение 2–3 лет после стрессового события [152].

Тревога и неуверенность, вызванные инфодемией, в свою очередь способны привести к дополнительному потреблению СМИ, создавая порочный замкнутый круг. Дистресс, подпитываемый СМИ, может негативно влиять на систему здравоохранения (например, провоцируя рост обращений и посещений отделений неотложной помощи) [6].

Роль СМИ и коммуникаций в области общественного здравоохранения должна быть понята и изучена далее, поскольку они станут важным инструментом борьбы с COVID-19 и будущими вспышками [146]. Большинство исследователей подчеркивают важность достоверности информации, распространяемой

¹³ Дынкин А., Телегина Е. Танец черных лебедей: мировая премьера. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/rossijskie-spetsialisty-ob-ekonomicheskikh-aspektah-pandemii> (дата обращения 21.01.2021).

¹⁴ О среднесрочном прогнозе развития российской экономики в условиях пандемии коронавируса и возможного кризиса мировой экономики. Отчет Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. URL: <http://www.forecast.ru/Forecast/fore052020.pdf> (дата обращения 21.01.2021).

¹⁵ URL: <https://www.interfax.ru/business/703088> (дата обращения 21.01.2021).

через СМИ и социальные сети, а также поиска жизнеспособных стратегий борьбы с дезинформацией во время пандемии [19; 145; 147; 150]. Ответные меры на пандемию COVID-19 и связанную с ней инфодемию требуют быстрых, регулярных, систематических и скоординированных действий со стороны различных секторов общества и правительства, должны контролироваться регулируемыми и правоохранительными органами наряду с обеспечением телемедицинских услуг, предоставляющих точную информацию о COVID-19 [148].

6. Социально-демографические предпосылки ухудшения психического здоровья неоднозначны. Согласно большинству исследований, более уязвимы к воздействию пандемии на психику молодые городские женщины [32; 131; 154; 155]. Например, в Великобритании в последние годы наметилась устойчивая тенденция роста уровня психоэмоциональных расстройств среди населения в целом (с 16,7% в 2014–2015 гг. до 18,9% в 2018–2019 гг.), значительно более выраженная в 2020 году, особенно среди женщин в возрасте 16–24 лет (с 32% в 2017–2018 гг. до 44% в апреле 2020 года) [131]. Психоэмоциональную уязвимость молодых женщин в кризисные периоды подтверждают и результаты предыдущих исследований [156–159].

Ряд авторов отмечает возрастающее число проблем с психическим здоровьем в детском и подростковом возрасте на фоне пандемии [77; 160; 162]. Во время предыдущих пандемий дети, помещенные в карантин, чаще страдали от острого стрессового расстройства, расстройств адаптации и горя, чем те, кто не был помещен в карантин [163]. Сообщалось также об увеличении числа молодых людей, обращающихся по телефону доверия с симптомами тревоги¹⁶.

Тем не менее, в исследованиях Y. Wang и его коллег обнаружен повышенный риск тревожности у людей, напротив, старше 40 лет (на 40% выше, чем у более молодых) [42]. Учитывая, что пожилые люди подвергаются особенно высокому риску тяжелого течения COVID-19 и связанных с ним последствий для психического здоровья (некоторые когнитивные нарушения), им

¹⁶ Weale S. Sharp rise in number of calls to ChildLine over coronavirus. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/27/sharp-rise-in-number-of-calls-to-childline-over-coronavirus> (дата обращения 21.01.2021).

также должно оказываться значительное внимание со стороны специалистов по психическому здоровью в период пандемии [113].

В части исследований не найдена корреляция неблагоприятных психологических исходов пандемии с полом и возрастом.

Более высокие баллы уровня психического неблагополучия зафиксированы и среди людей одиноких или не проживающих совместно с партнером, а также имеющих одного маленького ребенка [131]. По результатам другого исследования, наличие одного ребенка в семье способствует дистрессу в период пандемии коронавируса, а наличие более трех детей, напротив, повышает психологическую устойчивость [154].

Дополнительным стрессором в период пандемии, разумеется, является карантин, особенно в случае его длительности. Люди испытывают *страх заражения своих родных, скуку, разочарование, недостаток запасов продуктов, стигматизацию, трудности дистанционного формата обучения, чувство несвободы и ограничения собственных прав, переживают за свое здоровье*.

Учитывая рассмотренные нами факторы повышенного риска, можно выделить основные наиболее уязвимые к психосоциальным и психоэмоциональным последствиям пандемии группы населения:

- заразившиеся COVID-19 и члены их семей, находящиеся на карантине;
- родственники погибших вследствие коронавируса;
- люди с ранее существовавшими психиатрическими проблемами, в т. ч. зависимые от алкоголя и ПАВ;
- медицинские работники, оказывающие помощь инфицированным;
- люди с низким уровнем дохода, финансовой нестабильностью, рабочие-мигранты, безработные;
- жертвы домашнего насилия;
- одинокие;
- социально изолированные группы (заключенные, бездомные, беженцы и др.);
- пожилые люди;
- дети и подростки;
- больные с сопутствующими соматическими заболеваниями;
- лица с ограниченными возможностями.

Изучив и обобщив результаты многочисленных исследований относительно психоэмоционального бремени пандемии COVID-19, представим **ряд основных направлений укрепления психического здоровья** в этот кризисный период:

1) создание официальной, интегрированной, единой платформы консультирования по вопросам психического здоровья во время пандемии;

2) интеграция служб психического здоровья в систему оказания помощи по линии COVID-19;

3) обеспечение трудовой занятости и материальной поддержки населения;

4) разработка стратегии обоснованной политики СМИ в отношении сообщений о пандемии;

5) мероприятия, направленные непосредственно на уязвимые группы;

6) пропаганда здорового образа жизни;

7) смягчение негативного воздействия карантина на психику людей;

8) проведение дальнейших научных исследований.

Необходима слаженная работа представителей всех наук о психическом здоровье в междисциплинарном формате с привлечением людей, имеющих живой опыт решения проблем. Следует понимать и изучать психоневрологическое и психоэмоциональное бремя пандемии не только в настоящий период, но и в будущем. Результаты непосредственных исследований могли бы помочь в разработке мер реагирования на будущие волны инфекции с точки зрения предотвращения наносимого ими психическому благополучию населения ущерба и снижения бремени болезни.

Заключение и выводы

К концу 2020 года в электронных базах данных насчитывались тысячи статей о различных аспектах негативного воздействия COVID-19 на психическое здоровье населения. Их итоги порой противоречивы вследствие различий в применяемых методиках. Некоторые из них основаны на результатах кросс-секционных исследований, малая часть — лонгитюдных. В части работ рассматривается биологическое влияние самого вируса на нервную систему человека. Другие, аналогично представленной вашему вниманию работе, носят обзорный характер и посвящены многим аспектам.

Тем не менее нам не встретилось ни одно исследование, в котором все трансформации, происходящие вследствие распространения вируса COVID-19 и предпринятых мер по борьбе с ним (психоневрологические, психоэмоциональные, поведенческие) и влекущие утрату психического здоровья, характеризуются как «психоэмоциональное бремя пандемии». В нашей работе это сделано впервые. Также в три основных блока были структурированы возможные негативные проявления утраты психического здоровья: физиологический, психический и поведенческий, что является вкладом автора в развитие теоретической науки.

В результате бремя пандемии новой коронавирусной инфекции с точки зрения утраты психического здоровья можно выразить в следующих показателях:

1. На физиологическом уровне:

а) телесные реакции на стрессовую ситуацию (учащение сердцебиения, повышение артериального давления, уровня сахара в крови, нарушение аппетита, сна, головная боль, боли в теле, эндокринные нарушения);

б) рост повреждений центральной и периферической нервной системы, психоневрологических и цереброваскулярных осложнений (инсульты, энцефалопатии), изменение психического статуса (а также нарушение деятельности сердечно-сосудистой, пищеварительной, эндокринной систем организма) вследствие нейротоксичного воздействия вируса SARS CoV-2.

2. На психическом уровне:

а) повышение уровня тревоги, беспокойства, страха, гнева;

б) дебют или рецидив панических, тревожных, депрессивных расстройств, расстройства адаптации, появление симптомов ПТСР.

3. На поведенческом уровне:

а) рост агрессивного поведения (всплеск домашнего насилия);

б) аутодеструктивное поведение (алкогольная и наркотическая зависимость, суицидальное поведение);

с) интернет- и компьютерные аддикции;

д) избегающее (защитное) поведение;

е) изменение пищевых привычек;

ф) панические покупки, панические обращения в службу неотложной помощи и др.

Данные нарушения в организме, психике и поведении неминуемо приводят к значительному ухудшению психического состояния пострадавших, снижению качества их жизни, утрате трудоспособности и даже гибели. Это влечет возрастание нагрузки на систему здравоохранения, отвлекая столь ограниченные ресурсы, необходимые для борьбы с пандемией. Вдобавок кризис здравоохранения привел к большому числу потенциально пропущенных или отсроченных диагнозов заболеваний, которые несут в себе высокий риск, если их своевременно не диагностировать и эффективно не лечить. Службы первичной и вторичной медицинской помощи должны быть готовы к большому наплыву пациентов, утяжелению их диагнозов [77; 100; 164].

Все это повлечет прямые и косвенные экономические издержки общества (на лечение и реабилитацию, сокращение доли трудоспособного населения), расширяя бремя болезни. Важно, что государство при этом теряет трудовой и человеческий потенциал, необходимый в период восстановления разрушенной пандемией экономики.

Подавляющее большинство последствий пандемии для психического здоровья являются предотвратимыми в случае разработки системы ранней диагностики проблем психического здоровья (особенно в учреждениях по линии COVID-19), психологической поддержки населения и групп риска (переболевших коронавирусом и членов их семей; медицинских работников; лиц, страдающих психическими расстройствами и в суицидальном кризисе; одиноких; утративших доход и работу; жертв домашнего насилия; пожилых; детей и подростков; социально изолированных групп населе-

ния; лиц с сопутствующими соматическими заболеваниями и ограниченными возможностями). Крайне важным является профилактика социально-экономических последствий пандемии.

Необходимы дальнейшие исследования, как можно смягчить психоэмоциональное бремя пандемии сейчас и в будущем, т. к. последствия для психического здоровья будут проявляться дольше и достигнут своего пика позже, чем сама пандемия. По мере развития экономических последствий изоляции, когда отпуска превращаются в увольнения, истекают налоговые и ипотечные каникулы и вступает в силу рецессия, стоит ожидать не только устойчивого дистресса и клинически значимого ухудшения психического здоровья [131] у некоторых людей, но и появления хорошо описанных долгосрочных последствий экономического спада для психического здоровья, включая рост числа самоубийств [165]. Согласно заключениям экспертов, до 70% населения земного шара потенциально может нуждаться в психологической помощи в период распространения COVID-19¹⁷.

Тем не менее ряд исследователей отмечает и новый позитивный опыт людей во время вспышки коронавируса. Это гордость за то, что проявили жизнестойкость и справились с трудностями, чувство общности против одной беды, глубокое удовлетворение вследствие помощи друг другу. Также отмечается снижение стигматизации психических расстройств. Многие в данный период испытывают психологические проблемы, о которых стало не стыдно говорить, что, по мнению специалистов, должно способствовать их более раннему выявлению и лечению, а значит снижению бремени болезни.

Литература

1. Дэнурт Л. Крупнейший психологический эксперимент // В мире науки. Scientific American. 2020. № 8–9. С. 44–53.
2. Shader R. COVID-19 and depression. *Clin Ther*, 2020, vol. 42 (6), pp. 962–963. DOI: 10.1016/j.clinthera.2020.04.010
3. Помощь пациентам, имеющим поведенческие и психологические проблемы, получающим лечение от коронавирусной инфекции (COVID-2019) в условиях пандемии / М.Н. Мальцева, А.А. Шмонин,

¹⁷ Axelrod J. Coronavirus may infect up to 70% of world's population, expert warns. March 2, 2020. Available at: <https://www.cbsnews.com/news/coronavirus-infection-outbreakworldwide-virus-expert-warning-today-2020-03-02/> (дата обращения 21.12.2020).

- Е.В. Мельникова, Г.Е. Иванова // Вестник восстановительной медицины. 2020. № 97 (3). С. 105–109. DOI: <https://doi.org/10.38025/2078-1962-2020-97-3-105-109>
4. Соловьева Н.В., Макарова Е.В., Кичук И.В. «Коронавирусный синдром»: профилактика психотравмы, вызванной COVID-19 // РМЖ. 2020. № 9. С. 18–22.
  5. Последствия COVID-19 для психического здоровья общества: постановка проблемы, основные направления междисциплинарных исследований / А.И. Цветков [и др.] // Уральский медицинский журнал. 2020. № 6 (189). С. 95–101.
  6. Holmes E.A., O'Connor R.C., Perry V.H. et al. Multidisciplinary research priorities for the COVID-19 pandemic: A call for action for mental health science. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7, pp. 547–560.
  7. McCall S., Vilensky J.A., Gilman S., Taubenberger J.K. The relationship between encephalitis lethargica and influenza: A critical analysis. *J Neurovirology*, 2008, vol. 14, pp. 177–185.
  8. Li Y.C., Bai W.Z., Hirano N., Hayashida T., Hashikawa T. Coronavirus infection of rat dorsal root ganglia: Ultrastructural characterization of viral replication, transfer, and the early response of satellite cells. *Virus Res*, 2012, vol. 163, pp. 628–635.
  9. Li K., Wohlford-Lenane C., Perlman S., et al. Middle East respiratory syndrome coronavirus causes multiple organ damage and lethal disease in mice transgenic for human dipeptidyl peptidase 4. *J Infect Dis*, 2016, vol. 213, pp. 712–722. DOI: [10.1093/infdis/jiv499](https://doi.org/10.1093/infdis/jiv499)
  10. Xu J., Zhong S., Liu J., et al. Detection of severe acute respiratory syndrome coronavirus in the brain: Potential role of the chemokine mig in pathogenesis. *Clin Infect Dis*, 2005, vol. 41, pp. 1089–1096. DOI: [10.1086/444461](https://doi.org/10.1086/444461)
  11. Wade D.M., Brewin C.R., Howell D., et al. Intrusive memories of hallucinations and delusions in traumatized intensive care patients: An interview study. *Br J Health Psychol*, 2015, vol. 20, pp. 613–631.
  12. Madjid M., Casscells S.W. Of birds and men: Cardiologists' role in influenza pandemics. *Lancet*, 2004, vol. 364 (9442), 1309. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(04\)17176-6](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(04)17176-6)
  13. Manjunatha N., Math S.B., Kulkarni G.B., Chaturvedi S.K. The neuropsychiatric aspects of influenza / swine flu: A selective re-view. *Ind Psychiatry J*. 2011, vol. 20 (2), pp. 83–90.
  14. Новая коронавирусная инфекция (COVID-19) и поражение нервной системы: механизмы неврологических расстройств, клинические проявления, организация неврологической помощи / Е.И. Гусев [и др.] // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2020. № 120 (6). С. 7–16. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro20201200617>
  15. Mao L., Jin H., Wang M., et al. Neurologic manifestations of hospitalized patients with coronavirus disease 2019 in Wuhan, China. *JAMA Neurol*, 2020, vol. 77 (6), pp. 683–690. DOI: <https://doi.org/10.1001/jamaneurol.2020.1127>
  16. Abdelrahman H.S., Safwat A.M., Alsagheir M.M. Acute necrotizing encephalopathy in an adult as a complication of H1N1 infection. *BJR Case Rep*, 2019, vol. 5 (4), 20190028. Available at: <https://www.birpublications.org/doi/10.1259/bjrcr.20190028>. DOI: <https://doi.org/10.1259/bjrcr.20190028>
  17. Острый некротический энцефалит, ассоциированный с вирусом гриппа, у взрослых / И.Е. Лунева и др. // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2020. № 120 (4). С. 101–105.
  18. Koh J.C., Murugasu A., Krishnappa J., Thomas T. Favorable outcomes with early interleukin 6 receptor blockade in severe acute necrotizing encephalopathy of childhood. *Pediatr Neurol*, 2019, vol. 98, pp. 80–84. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pediatrneurol.2019.04.009>
  19. Lin Y.Y., Lee K.Y., Ro L.S., et al. Clinical and cytokine profile of adult acute necrotizing encephalopathy. *Biomed J*, 2019, vol. 42 (3), pp. 178–186. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bj.2019.01.008>
  20. Desforges M., Le Coupanec A., Stodola J.K., et al. Human coronaviruses: Viral and cellular factors involved in neuroinvasiveness and neuropathogenesis. *Virus Res*, 2014, vol. 194, pp. 145–158. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.virusres.2014.09.011>
  21. Arbour N., Day R., Newcombe J., Talbot P.J. Neuroinvasion by human respiratory coronaviruses. *J Virol*, 2000, vol. 74 (19), pp. 8913–8921. DOI: <https://doi.org/10.1128/jvi.74.19.8913-8921.2000>
  22. Mao L., Wang M., Chen S., et al. Neurological manifestations of hospitalized patients with coronavirus disease 2019 in Wuhan, China. *JAMA Neurol*, 2020, vol. 77 (6), pp. 683–690. DOI: [10.1001/jamaneurol.2020.1127](https://doi.org/10.1001/jamaneurol.2020.1127)
  23. Rogers J.P., Chesney E., Oliver D., et al. Psychiatric and neuropsychiatric presentations associated with severe coronavirus infections: A systematic review and meta-analysis with comparison to the COVID-19 pandemic. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7, pp. 611–627.

24. Varatharaj A., Thomas N., Ellul M.A., et al. Neurological and neuropsychiatric complications of COVID-19 in 153 patients: A UK-wide surveillance study. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7 (10), pp. 875–882. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30287-X](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30287-X)
25. Netland J., Meyerholz D.K., Moore S., et al. Severe acute respiratory syndrome coronavirus infection causes neuronal death in the absence of encephalitis in mice transgenic for human ACE2. *J Virol*, 2008, vol. 82 (15), pp. 7264–7275. DOI: <https://doi.org/10.1128/JVI.00737-08>
26. Gane S.B., Kelly C., Hopkins C. Isolated sudden onset anosmia in COVID-19 infection. A novel syndrome? *Rhinology*, 2020, vol. 58 (3), pp. 299–301. DOI: 10.4193/Rhin20.114
27. Wei H., Yin H., Huang M., Guo Z. The 2019 novel coronavirus pneumonia with onset of oculomotor nerve palsy: A case study. *J Neurol*. 2020, vol. 267, pp. 1550–1553. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00415-020-09773-9>
28. Rossi R., Socci V., Talevi D., et al. COVID-19 pandemic and lockdown measures impact on mental health among the general population in Italy. *Frontiers in Psychiatry*, 2020, vol. 11, p. 790. DOI: <https://doi.org/10.1101/2020.04.09.20057802>
29. American Psychiatric Association. *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM-5®)*. American Psychiatric Pub., 2013. 991 p. DOI: <https://doi.org/10.1176/appi.books.9780890425596>
30. Wang C., Pan R., Wan X. et al. Immediate psychological responses and associated factors during the initial stage of the 2019 coronavirus disease (COVID-19) epidemic among the general population in China. *Int J Environ Res Public Health*, 2020, vol. 17 (5), p. 1729. DOI: 10.3390/ijerph17051729
31. Huang Y., Wang Y., Wang H., et al. Prevalence of mental disorders in China: A cross-sectional epidemiological study. *The Lancet Psychiatry*, 2019, vol. 6(3), pp. 211–224. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(18\)30511-X](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(18)30511-X)
32. Huang Y., Zhao N. Mental health burden for the public affected by the COVID-19 outbreak in China: Who will be the high-risk group? *Psychology, Health & Medicine*, 2021, vol. 26, no. 1, pp. 23–34. DOI: <https://doi.org/10.1080/13548506.2020.1754438>
33. Mak I.W.C., Chu C.M., Pan P.C., et al. Long-term psychiatric morbidities among SARS survivors. *Gen. Hosp. Psychiatry*, 2009, vol. 31 (4), pp. 318–326.
34. Lee S.W., Yang J.M., Moon S.Y., et al. Association between mental illness and COVID-19 susceptibility and clinical outcomes in South Korea: A nationwide cohort study. *Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7 (12), pp. 1025–1031. DOI: 10.1016/S2215-0366(20)30421-1
35. Xiong J., Lipsitz O., Nasri F., et al. Impact of COVID-19 pandemic on mental health in the general population: A systematic review. *J Affect Disord*, 2020, vol. 277, pp. 55–64. DOI: 10.1016/j.jad.2020.08.001
36. Опекина Т.П., Шипова Н.С. Семья в период самоизоляции: стрессы, риски и возможности совладания // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26. № 3. С. 121–128. DOI <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-3-121-128>
37. Психологическое состояние людей в период пандемии COVID-19 и мишени психологической работы / О.М. Бойко и др. // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 70. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 24.12.2020).
38. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 / С.Н. Ениколопов [и др.] // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12. № 2. С. 108–126.
39. Анализ динамики депрессивной симптоматики и суицидальных идей во время пандемии COVID-19 в России / Т.И. Медведева, С.Н. Ениколопов, О.М. Бойко, О.Ю. Воронцова // Суицидология. 2020. № 11 (3). С. 3–16. DOI: 10.32878/suiciderus.20-11-03(40)-3-16
40. Tian F., Li H., Tian S., et al. Psychological symptoms of ordinary Chinese citizens based on SCL-90 during the level I emergency response to COVID-19. *Psychiatry Res*, 2020, vol. 288, 112992. DOI: 10.1016/j.psychres.2020.112992/
41. Dixit A., Marthoenis M., Arafat S., et al. Binge watching behavior during COVID 19 pandemic: A cross-sectional, cross-national online survey. *Psychiatry Res*, 2020, vol. 289, 113089. DOI: 10.1016/j.psychres.2020.113089
42. Wang Y., Di Y., Ye J., Wei W. Study on the public psychological states and its related factors during the outbreak of coronavirus disease 2019 (COVID-19) in some regions of China. *Psychology, Health & Medicine*, 2020, vol. 26 (1), pp. 13–22. DOI: <https://doi.org/10.1080/13548506.2020.1746817>
43. Bhavsar V., Kirkpatrick K., Calcia M., Howard L.M. Lockdown, domestic abuse perpetration, and mental health care: Gaps in training, research, and policy. *The Lancet Psychiatry*, 2020. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30287-X](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30287-X)

0366(20)30397-7/ Available at: [https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366\(20\)30397-7/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366(20)30397-7/fulltext) (дата обращения 21.01.2021).

44. Van Gelder N., Peterman A., Potts A. et al. COVID-19: Reducing the risk of infection might increase the risk of intimate partner violence. *EClinicalMedicine*, 2020, vol. 21, 100348. DOI: 10.1016/j.eclinm.2020.100348
45. Bavel J.J., Baicker K., Boggio P.S., et al. Using social and behavioural science to support COVID-19 pandemic response. *Nat. Hum. Behav.*, 2020, vol. 4, pp. 460–471. DOI: 10.1038/s41562-020-0884-z
46. Usher K., Bhullar N., Durkin J., et al. Family violence and COVID-19: Increased vulnerability and reduced options for support. *Int. J. Ment. Health Nurs*, 2020, vol. 29, pp. 549–552. DOI: 10.1111/inm.12735
47. Bradbury-Jones C., Isham L. The pandemic paradox: The consequences of COVID-19 on domestic violence. *J. Clin. Nurs*, 2020, vol. 29, pp. 2047–2049. DOI: 10.1111/jocn.15296
48. Oram S., Trevillion K., Khalifeh H., et al. Systematic review and meta-analysis of psychiatric disorder and the perpetration of partner violence. *Epidemiol Psychiatr Sci*, 2013, vol. 23, pp. 361–376.
49. Yu R., Nevado-Holgado A.J., Molero Y. et al. Mental disorders and intimate partner violence perpetrated by men towards women: A Swedish population-based longitudinal study. *PLoS Med*, 2019, vol. 16 (12), 16e1002995.
50. Oram S., Flynn S.M., Shaw J., et al. Mental illness and domestic homicide: A population-based descriptive study. *Psychiatr Serv.*, 2013, vol. 64, pp. 1006–1011.
51. Clay J.M., Parker M.O. Alcohol use and misuse during the COVID-19 pandemic: A potential public health crisis? *Lancet Public Health*, 2020, vol. 5, e259.
52. Sher K., Bhullar N., Durkin J., et al. Family violence and COVID-19: Increased vulnerability and reduced options for support. *Int J Ment Health Nur*, 2020, vol. 29 (4), pp. 549–552. DOI: 10.1111/inm.12735
53. Czeisler M.E., Lane R.I., Petrosky E., et al. Mental health, substance use, and suicidal ideation during the COVID-19 pandemic – United States, June 24–30, 2020. *MMWR Morb Mortal Wkly Rep.*, 2020, vol. 69 (32), pp. 1049–1057. DOI: 10.15585/mmwr.mm6932a1
54. Rehm J., Gmel G., Gmel G., et al. The relationship between different dimensions of alcohol use and the burden of disease—an update. *Addiction*, 2017, vol. 12, pp. 968–1001. DOI: 10.1111/add.13757
55. Shield K.D., Manthey J., Rylett M., et al. National, regional, and global burdens of disease from 2000 to 2016 attributable to alcohol use: A comparative risk assessment study. *Lancet Public Health*, 2020, vol.5, pp. 51–61.
56. Lau J.T., Yang X., Pang E., et al. SARS-related perceptions in Hong Kong. *Emerg Infect Dis*, 2005, vol. 11, pp. 417–424.
57. Wu P., Liu X., Fang Y., et al. Alcohol abuse/dependence symptoms among hospital employees exposed to a SARS outbreak. *Alcohol and Alcoholism*, 2008, vol. 43, pp. 706–712. DOI:10.1093/alcalc/agn073
58. Molina P.E., Happel K.I., Zhang P., et al. Focus on: Alcohol and the immune system. *Alcohol Res Health*, 2010, vol. 33, pp. 97–108.
59. Banerjee D., Kosagisharaf J.R., Rao T.S. «The dual pandemic» of suicide and COVID-19: A biopsychosocial narrative of risks and prevention. *Psychiatry Res*, 2020, Nov 18, 113577. DOI: 10.1016/j.psychres.2020.113577. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32302816/>
60. Devitt P. Can we expect an increased suicide rate due to Covid-19? *Irish J. Psychol. Med*, 2020, vol. 37 (4), pp. 264–268. DOI: <https://doi.org/10.1017/ipm.2020.46>
61. Benedictow O.J. *The Black Death 1346–1353: The Complete History*. Woodbridge and Rochester, Boydell Press, 2004. 451 p.
62. Wasserman I.M. The impact of epidemic, war, prohibition and media on suicide: United States, 1910–1920. *Suicide Life-Threat. Behav*, 1992, vol. 22 (2), pp. 240–254.
63. Cheung Y.T., Chau P.H., Yip P.S. A revisit on older adults' suicides and Severe Acute Respiratory Syndrome (SARS) epidemic in Hong Kong. *Int. J. Geriatr. Psychiatry*, 2008, vol. 23 (12), pp. 1231–1238.
64. Bitanirwe B.K.Y. Monitoring and managing mental health in the wake of Ebola. *Ann. dell'Istituto Super. Sanita*, 2016, vol. 52 (3), pp. 320–322.
65. Mamun M.A., Griffiths M.D. First COVID-19 suicide case in Bangladesh due to fear of COVID-19 and xenophobia: Possible suicide prevention strategies. *Asian J. Psychiatry*, 2020, vol. 51, 102073. DOI: 10.1016/j.ajp.2020.102073
66. Thakur V., Jain A. COVID 2019-suicides: A global psychological pandemic. *Brain Behav. Immun.*, 2020, vol. 88, pp. 952–953. DOI: 10.1016/j.bbi.2020.04.062

67. Montemurro N. The emotional impact of COVID-19: From medical staff to common people. *Brain Behav. Immun*, 2020, vol. 87, pp. 23–24. DOI: 10.1016/j.bbi.2020.03.032
68. Yao H., Chen J.-H., Xu Y.-F. Patients with mental health disorders in the COVID-19 epidemic. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7 (4), e21. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30090-0](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30090-0)
69. Torales J., O’Higgins M., Castaldelli-Maia J.M., Ventriglio A. The outbreak of COVID-19 coronavirus and its impact on global mental health. *Int. J. Soc. Psychiatry*, 2020, vol. 66 (4), pp. 317–320. DOI: 10.1177/0020764020915212
70. Reger M.A., Stanley I.H., Joiner T.E. Suicide mortality and coronavirus disease 2019 – a perfect storm? *JAMA Psychiatry*, 2020, vol. 77 (11), pp. 1093–1094. DOI:10.1001/jamapsychiatry.2020.1060
71. Mamun M.A., Ullah I. COVID-19 suicides in Pakistan, dying off not COVID-19 fear but poverty? The forthcoming economic challenges for a developing country. *Brain Behav Immun*, 2020, vol. 87, pp. 163–166. DOI: 10.1016/j.bbi.2020.05.028
72. McIntyre R.S., Lee Y. Projected increases in suicide in Canada as a consequence of COVID-19. *Psychiatry Res*, 2020, vol. 290, 113104. DOI: 10.1016/j.psychres.2020.113104
73. Суициды в период пандемической самоизоляции / З.И. Кекелидзе [и др.] // Российский психиатрический журнал. 2020. № 3. С. 4–13. DOI: 10.24411/1560-957X-2020-10301
74. Любов Е.Б., Зотов П.Б., Положий Б.С. Пандемии и суицид: идеальный шторм и момент истины // Суицидология. 2020. № 11 (1). С. 3–38. DOI: [doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01\(38\)-3-38](https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-3-38)
75. Sher L. COVID-19, anxiety, sleep disturbances and suicide. *Sleep Medicine*, 2020, vol. 70, p. 124. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sleep.2020.04.019>
76. Joseph S.J., Shoib S., Thejaswi S.G., Bhandari S.S. Psychological concerns and musculoskeletal pain amidst the COVID-19 lockdown. *Open Journal of Psychiatry and Allied Sciences*, 2020, vol. 11 (2), pp. 137–139.
77. Gunnell D., Appleby L., Arensman E., et al. Suicide risk and prevention during the COVID-19 pandemic. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7 (6), pp. 468–471. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30171-1](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30171-1)
78. Joseph S. J., Bhandari S.S., Ranjitkar S., Dutta S. School closures and mental health concerns for children and adolescents during the covid-19 pandemic. *Psychiatria Danubina*, 2020, vol. 32 (2), pp. 309–310.
79. Joseph Sh.J., Bhandari S.S. Dealing with the rising tide of suicides during the COVID-19 pandemic: Strengthening the pillars of prevention and timely intervention. *International Journal of Social Psychiatry*, 2020. DOI: <https://doi.org/10.1177/0020764020962146>. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0020764020962146>
80. Sher L. The impact of the COVID-19 pandemic on suicide rates. *QJM: An International Journal of Medicine*, 2020, vol. 113 (10), pp. 707–712. DOI: <https://doi.org/10.1093/qjmed/hcaa202>
81. Reynolds D.L., Garay J.R., Deamond S.L., et al. Understanding, compliance and psychological impact of the SARS quarantine experience. *Epidemiol Infect.*, 2008, vol. 136, pp. 997–1007.
82. Di Renzo L., Gualtieri P., Pivari F., et al. Eating habits and lifestyle changes during COVID-19 lockdown: An Italian survey. *J. Transl. Med*, 2020, vol. 18, no. 229.
83. Helms J., Kremer S., Merdji H., et al. Neurologic features in severe SARS-CoV-2 infection. *N Engl J Med*, 2020, vol. 382, pp. 2268–2270.
84. Taquet M., Luciano S., Geddes J.R., Harrison P.J. Bidirectional associations between COVID-19 and psychiatric disorder: Retrospective cohort studies of 62 354 COVID-19 cases in the USA. *The Lancet Psychiatry*, 2021, vol. 8 (2), pp. 130–140. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30462-4](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30462-4)
85. Paz C., Mascialino G., Adana-Diaz L., et al. Anxiety and depression in patients with confirmed and suspected COVID-19 in Ecuador. *Psychiatry Clin Neurosci*, 2020, vol. 74, pp. 554–555.
86. Gennaro M., De Lorenzo R., Conte C., et al. Anxiety and depression in COVID-19 survivors: Role of inflammatory and clinical predictors. *Brain Behav Immun*, 2020, vol. 89, pp. 594–600.
87. Halpin S.J., McIvor C., Whyatt G., et al. Postdischarge symptoms and rehabilitation needs in survivors of COVID-19 infection: A cross-sectional evaluation. *J Med Virol*, 2021, vol. 93, pp. 1013–1022. DOI: <https://doi.org/10.1002/jmv.26368>
88. Zhang J., Lu H., Zeng H., et al. The differential psychological distress of populations affected by the COVID-19 pandemic. *Brain Behav Immun*, 2020, vol. 87, pp. 49–50.
89. Vindegaard N., Benros M.E. COVID-19 pandemic and mental health consequences: Systematic review of the current evidence. *Brain Behav Immun*, 2020, vol. 89, pp. 531–542.

90. Rawal G., Yadav S., Kumar R/ Post-intensive care syndrome: An overview. *J Transl Int Med*, 2017, vol. 5, pp. 90–92.
91. Bo H.-X., Li W., Yang Y., et al. Posttraumatic stress symptoms and attitude toward crisis mental health services among clinically stable patients with COVID-19 in China. *Psychol Med*, 2020. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0033291720000999>
92. Seminog O.O., Goldacre M.J. Risk of pneumonia and pneumococcal disease in people with severe mental illness: English record linkage studies. *Thorax*, 2013, vol. 68, pp. 171–176.
93. Roberts A.R. *Crisis Intervention Handbook: Assessment, Treatment, and Research*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2005. 872 p.
94. Wang J., Lloyd-Evans B., Giacco D., et al. Social isolation in mental health: A conceptual and methodological review. *Soc Psychiatry Psychiatr Epidemiol*, 2017, vol. 52, pp. 1451–1461. DOI: [10.1007/s00127-017-1446-1](https://doi.org/10.1007/s00127-017-1446-1)
95. Cacioppo J.T., Hughes M.E., Waite L.J., Hawkley L.C., Thisted R.A. Loneliness as a specific risk factor for depressive symptoms: Cross-sectional and longitudinal analyses. *Psychol Aging*, 2006, vol. 21, pp. 140–151. DOI: [10.1037/0882-7974.21.1.140](https://doi.org/10.1037/0882-7974.21.1.140)
96. Hao F., Tan W., Jiang L., et al. Do psychiatric patients experience more psychiatric symptoms during COVID-19 pandemic and lockdown? A case-control study with service and research implications for immunopsychiatry. *Brain Behav Immun*, 2020, vol. 87, pp. 100–106.
97. Chevance A., Gourion D., Hoertel N., et al. Ensuring mental health care during the SARS-CoV-2 epidemic in France: A narrative review. *Encephale*, 2020, vol. 46 (3), pp. 193–201.
98. Kozloff N., Mulsant B.H., Stergiopoulos V., Voineskos A.N. The COVID-19 global pandemic: Implications for people with schizophrenia and related disorders. *Schizophr Bull.*, 2020, vol. 46 (4), pp. 752–757. DOI: <https://doi.org/10.1093/schbul/sbaa051>
99. Duan L., Zhu G. Psychological interventions for people affected by the COVID-19 epidemic. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7 (4), pp. 300–302.
100. Williams R., Jenkins D.A., Ashcroft D.A., et al. Diagnosis of physical and mental health conditions in primary care during the COVID-19 pandemic: A retrospective cohort study. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 5 (10), pp. 543–550. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(20\)30201-2](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(20)30201-2)
101. Ghio L., Gotelli S., Marcenaro M., et al. Duration of untreated illness and outcomes in unipolar depression: A systematic review and meta-analysis. *J Affect Disord*, 2014, vol. 152–154, pp. 45–51.
102. Steenblock C., Todorov V., Kanczkowski W., et al. Severe acute respiratory syndrome coronavirus 2 (SARS-CoV-2) and the neuroendocrine stress axis. *Mol Psychiatry*, 2020, vol. 25 (8), pp. 1611–1617. DOI: [10.1038/s41380-020-0758-9](https://doi.org/10.1038/s41380-020-0758-9)
103. Wang Q., Xu R., Volkow N.D. Increased risk of COVID-19 infection and mortality in people with mental disorders: Analysis from electronic health records in the United States. *World Psychiatry*, 2020, vol. 20 (1), pp.124–130. DOI: [10.1002/wps.20806](https://doi.org/10.1002/wps.20806)
104. Cohen S. Keynote presentation at the Eight International Congress of Behavioral Medicine: The Pittsburgh common cold studies: Psychosocial predictors of susceptibility to respiratory infectious illness. *Int J Behav Med*, 2005, vol. 12, pp. 123–131.
105. Zhu Y., Chen L., Ji H., et al. The risk and prevention of novel coronavirus pneumonia infections among inpatients in psychiatric hospitals. *Neurosci Bull*, 2020, vol. 36, pp. 299–302.
106. Walker E.R., McGee R.E., Druss B.G. Mortality in mental disorders and global disease burden implications: A systematic review and meta-analysis. *JAMA Psychiatry*, 2015, vol. 72, pp. 334–341.
107. Kola L. Global mental health and COVID-19. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7, pp. 655–657.
108. Momen N.C., Plana-Ripoll O., Agerbo E., et al. Association between mental disorders and subsequent medical conditions. *N Engl J Med*, 2020, vol. 382, pp. 1721–1731.
109. Moreno C., Wykes T., Galderisi S., et al. How mental health care should change as a consequence of the COVID-19 pandemic. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7, pp. 813–824.
110. Nicholson A., Kuper H., Hemingway H. Depression as an aetiologic and prognostic factor in coronary heart disease: A meta-analysis of 6362 events among 146 538 participants in 54 observational studies. *Eur Heart J*, 2006, vol. 27, pp. 2763–2774.
111. Shen H.N., Lu C.L., Yang H.H. Increased risks of acute organ dysfunction and mortality in intensive care unit patients with schizophrenia: A nationwide population-based study. *Psychosom Med*, 2011, vol. 73, pp. 620–626.

112. Seung W.L., Jee Yang J.Y., Moon S.Y., et al. Association between mental illness and COVID-19 susceptibility and clinical outcomes in South Korea: A nationwide cohort study. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7 (12), pp. 1025–1031. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30421-1](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30421-1)
113. Brown E.E., Kumar S., Rajji T.K., Pollock B.G., Mulsant B.H. Anticipating and mitigating the impact of the covid-19 pandemic on Alzheimer’s disease and related dementias. *The American Journal of Geriatric Psychiatry*, 2020. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jagp.2020.04.010>. Available at: <https://psycnet.apa.org/record/2020-28743-001>
114. Cluver L., Lachman J.M., Sherr L. et al. Parenting in a time of COVID-19. *Lancet*, 2020, vol. 395, e64.
115. Teasdale S.B., Ward P.B., Samaras K., et al. Dietary intake of people with severe mental illness: Systematic review and meta-analysis. *Br J Psychiatry*, 2019, vol. 214, pp. 251–259.
116. Evans S., Banerjee S., Leese M., Huxley P. The impact of mental illness on quality of life: A comparison of severe mental illness, common mental disorder and healthy population samples. *Qual Life Res*, 2007, vol. 16, pp. 17–29.
117. DiMatteo M.R., Lepper H.S., Croghan T.W. Depression is a risk factor for noncompliance with medical treatment: Meta-analysis of the effects of anxiety and depression on patient adherence. *Arch Intern Med*, 2000, vol. 160, pp. 2101–2107.
118. Fernandez-Aranda F., Casas M., Claes L., et al. COVID-19 and implications for eating disorders. *Eur Eat Disord Rev*, 2020, vol. 28 (3), pp. 239–245.
119. Cortese S., Asherson P., Sonuga-Barke E. et al. ADHD management during the COVID-19 pandemic: Guidance from the European ADHD Guidelines Group. *Lancet Child Adolesc Health*, 2020, vol. 4, pp. 412–414.
120. Garriga M., Agasi I., Fedida E., et al. The role of mental health home hospitalization care during the COVID-19 pandemic. *Acta Psychiatr Scand.*, 2020, vol. 141, pp. 479–480.
121. Narzisi A. Handle the autism spectrum condition during coronavirus (COVID-19) stay at home period: Ten tips for helping parents and caregivers of young children. *Brain Sci*, 2020, vol. 10 (4), 207.
122. Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., et al. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence. *Lancet*, 2020, vol. 395, pp. 912–920. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30460-8)
123. Bai Y., Lin C.C., Lin C.Y, et al. Survey of stress reactions among health care workers involved with the SARS outbreak. *Psychiatr Serv*, 2004, vol. 55, pp. 1055–1057. DOI: 10.1176/appi.ps.55.9.1055
124. Chen Q., Liang M., Li Y., et al. Mental health care for medical staff in China during the COVID-19 outbreak. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7, pp. 15–16.
125. Tang H.H., Lu X.Y., Cai S.X., et al. Investigation and analysis on mental health status of frontline nurses in Wuhan during COVID-19 epidemic. *Int Infect Dis*, 2020, vol. 9, pp. 296–297.
126. Xiao H., Zhang Y., Kong D., et al. The effects of social support on sleep quality of medical staff treating patients with coronavirus disease 2019 (COVID-19) in January and February 2020 in China. *Med Sci Monit*, 2020, vol. 26, e923549.
127. Kisely S., Warren N., McMahon L., et al. Occurrence, prevention, and management of the psychological effects of emerging virus outbreaks on healthcare workers: Rapid review and meta-analysis. *BMJ*, 2020, vol. 369, m1642.
128. Liu S., Yang L., Zhang C., Xiang Y., Liu Z., Hu S., Zhang B. Online mental health services in China during the COVID-19 outbreak. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7 (4), e17–e18. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30077-8](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30077-8)
129. Lai J., Ma S., Wang Y., et al. Factors associated with mental health outcomes among health care workers exposed to coronavirus disease 2019. *JAMA Netw Open*, 2020, vol. 3, e203976.
130. Liu X., Kakade M., Fuller C.J., et al. Depression after exposure to stressful events: Lessons learned from the severe acute respiratory syndrome epidemic. *Compr Psychiatry*, 2012, vol. 53, pp. 15–23. DOI: 10.1016/j.comppsy.2011.02.003
131. Pierce M., Hope H, Ford T., et al. Mental health before and during the COVID-19 pandemic: A longitudinal probability sample survey of the UK population. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7 (10), pp. 883–892. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30308-4](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30308-4)

132. Lamb D., Greenberg N., Stevelink S., Wessely S. Mixed signals about the mental health of the NHS workforce. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7 (12), pp. 1009–1011. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30379-5](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30379-5)
133. Firth-Cozens J., What I learnt from studying doctors' mental health over 20 years-an essay by Jenny Firth-Cozens. *BMJ*, 2020, vol. 369, m1374.
134. Son H., Lee W.J., Kim H.S., et al. Examination of hospital workers' emotional responses to an infectious disease outbreak: Lessons from the 205 MERS Co-V outbreak in South Korea. *Disaster Med Public Health Prep.*, 2019, vol. 13, pp. 504–510. DOI: <https://doi.org/10.1017/dmp.2018.95>
135. Greenberg N., Docherty M., Gnanapragasam S., Wessely S. Managing mental health challenges faced by healthcare workers during covid-19 pandemic. *BMJ*, 2020, vol. 368, m1211.
136. Andrew A., Cattan S., Dias M.C., et al. *How are Mothers and Fathers Balancing Work and Family under Lockdown?* Institute of Fiscal Studies, London, 2020.
137. Townsend E., Nielsen E., Allister R., Cassidy S.A. Key ethical questions for research during the COVID-19 pandemic. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7, pp. 381–383.
138. Restubog S.L.D., Ocampo A.C.G., Wang L. Taking control amidst the chaos: Emotion regulation during the COVID-19 pandemic. *J. Vocat. Behav*, 2020, vol. 119, 103440. DOI: [10.1016/j.jvb.2020.103440](https://doi.org/10.1016/j.jvb.2020.103440)
139. Dsouza D.D., Quadros S., Hyderabadwala Z.J., Mamun M.A. Aggregated COVID-19 suicide incidences in India: Fear of COVID-19 infection is the prominent causative factor. *Psychiatry Res*, 2020, vol. 290, 113145. DOI: [10.1016/j.psychres.2020.113145](https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113145)
140. Kawohl W., Nordt C. COVID-19, unemployment, and suicide. *The Lancet Psychiatry*, 2020, vol. 7 (5), pp. 389–390.
141. Moser D.A., Glaus J., Frangou S., Schechter D.S. Years of life lost due to the psychosocial consequences of COVID19 mitigation strategies based on Swiss data. *Eur. Psychiatry*, 2020, vol. 63 (1), e58.
142. Conejero I., Berrouiguet S., Ducasse D., et al. Épidémie de COVID-19 et prise en charge des conduites suicidaires: Challenge et perspectives. *Encéphale*, 2020, no. 46, pp. S66–S72. DOI: [10.1016/j.encep.2020.05.001](https://doi.org/10.1016/j.encep.2020.05.001)
143. Vandroos S., Avendano M., Kawachi I. The association between economic uncertainty and suicide in the short-run. *Soc. Sci. Med*, 2019, vol. 220, pp. 403–410. DOI: [10.1016/j.socscimed.2018.11.035](https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2018.11.035)
144. Nordt C., Warnke I., Seifritz E., Kawohl W. Modelling suicide and unemployment: A longitudinal analysis covering 63 countries, 2000–11. *The Lancet Psychiatry*, 2015, vol. 2, pp. 239–245.
145. Tangcharoensathien V., Calleja N., Nguyen T., et al. Framework for managing the COVID-19 infodemic: Methods and results of an online, crowdsourced WHO technical consultation. *J Med Internet Res*, 2020, vol. 22 (6), e19659. DOI: [10.2196/19659](https://doi.org/10.2196/19659)
146. Anwar A., Malik M., Raees V. Role of mass media and public health communications in the COVID-19 pandemic. *Cureus*, 2020, vol. 14, no. 12(9): e10453. DOI: [10.7759/cureus.10453](https://doi.org/10.7759/cureus.10453)
147. Rathore F.A., Farooq F. Information overload and infodemic in the COVID-19 pandemic. *J Pak Med Assoc.*, 2020, no. 70 (5), pp. 162–165. DOI: [10.5455/JPMA.38](https://doi.org/10.5455/JPMA.38)
148. Tasnim S., Hossain M., Hoimonty Mazumder H. Impact of rumors and misinformation on COVID-19 in social media. *J Prev Med Public Health*, 2020, vol. 53 (3), pp. 171–174. DOI: [10.3961/jpmph.20.094](https://doi.org/10.3961/jpmph.20.094)
149. Shuja K.H., Aqeel M., Jaffar A., Ahmed A. COVID-19 pandemic and impending global mental health implications. *Psychiatr Danub*, 2020, vol. 32 (1), pp. 32–35. DOI: [10.24869/psyd.2020.32](https://doi.org/10.24869/psyd.2020.32)
150. Gao J., Zheng P., Jia Y., Chen H., et al. Mental health problems and social media exposure during COVID-19 outbreak. *PLoS One*, 2020, vol. 15 (4), e0231924. DOI: [10.1371/journal.pone.0231924](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0231924)
151. Sherman A.L. Coronavirus Anxiety Scale: A brief mental health screener for COVID-19 related anxiety. *Death Studies*, 2020, vol. 44 (7), pp. 1–9. DOI: [10.1080/07481187.2020.1748481](https://doi.org/10.1080/07481187.2020.1748481)
152. Holman E.A., Garfin D.R., Lubens P., Silver R.C. Media exposure to collective trauma, mental health, and functioning: Does it matter what you see? *Clinical Psychological Science*, 2020, vol. 8, pp. 111–124. DOI: <https://doi.org/10.1177/2167702619858300>
153. Garfin D.R., Silver R.C., Holman E.A. The novel coronavirus (COVID-2019) outbreak: Amplification of public health consequences by media exposure. *Health Psychol*, 2020, vol. 39 (5), pp. 355–357. DOI: [10.1037/hea0000875](https://doi.org/10.1037/hea0000875)
154. Hawryluck L., Gold W.L., Robinson S., Pogorski S., Galea S., Styra R. SARS control and psychological effects of quarantine, Toronto, Canada. *Emerg Infect Dis*, 2004, vol. 10, pp. 1206–1212. DOI: [10.3201/eid1007.030703](https://doi.org/10.3201/eid1007.030703)

155. McGinty E.E., Presskreischer R., Han H., Barry C.L. Psychological distress and loneliness reported by US adults in 2018 and April 2020. *JAMA*, 2020, vol. 324 (1), pp. 93–94.
156. Bebbington P.E., McManus S. Revisiting the one in four: The prevalence of psychiatric disorder in the population of England 2000–2014. *Br J Psychiatry*, 2020, vol. 216, pp. 55–57.
157. Marmot M. *Health Equity in England: The Marmot Review 10 Years On*. London: The Institute of Health Equity, 2020. 172 p.
158. McManus S., Bebbington P.E., Jenkins R., et al. Data resource profile: Adult Psychiatric Morbidity Survey (APMS). *Int J Epidemiol*, 2020, vol. 49 (62e), 361.
159. McManus S., Gunnell D., Cooper C., et al. Prevalence of non-suicidal self-harm and service contact in England, 2000–14: Repeated cross-sectional surveys of the general population. *The Lancet Psychiatry*, 2019, vol. 6, pp. 573–581.
160. Fan F., Long K., Zhou Y., Zheng Y., Liu X. Longitudinal trajectories of post-traumatic stress disorder symptoms among adolescents after the Wenchuan earthquake in China. *Psychol Med*, 2015, vol. 45, pp. 2885–2896. DOI: 10.1017/S0033291715000884
161. Cheng S.K.-W., Wong C.W., Tsang J., Wong K.C. Psychological distress and negative appraisals in survivors of severe acute respiratory syndrome (SARS). *Psychol Med*, 2004, vol. 34, pp. 1187–1195. DOI: 10.1017/S0033291704002272
162. Fegert J.M., Vitiello B., Plener P.L., Clemens V. Challenges and burden of the Coronavirus 2019 (COVID-19) pandemic for child and adolescent mental health: A narrative review to highlight clinical and research needs in the acute phase and the long return to normality. *Child Adolesc Psychiatry Ment Health*, 2020, vol. 14, no. 20. DOI: 10.1186/s13034-020-00329-3
163. Sprang G., Silman M. Posttraumatic stress disorder in parents and youth after health-related disasters. *Disaster Med Public Health Prep*, 2013, vol. 7, pp. 105–110.
164. Chang S.-S., Stuckler D., Yip P., Gunnell D. Impact of 2008 global economic crisis on suicide: Time trend study in 54 countries. *BMJ*, 2013, vol. 347, f5239.
165. Barr B., Taylor-Robinson D., Scott-Samuel A., et al. Suicides associated with the 2008–10 economic recession in England: Time trend analysis. *BMJ*, 2012, vol. 345, e5142.

Сведения об авторе

Юлия Евгеньевна Шматова – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ueshmatova@mail.ru)

Shmatova Yu.E.

Mental Health of Population in the COVID-19 Pandemic: Trends, Consequences, Factors, and Risk Groups

Abstract. The purpose of the study is to analyze the mental health losses of population during the COVID-19 pandemic. Based on the systematization of foreign and Russian studies regarding the pandemic impact on mental health, two major burdens (neuro-psychiatric and psycho-emotional) and three levels of ill health manifestations (physiological, mental, and behavioral disorders) were revealed. We used the method of analyzing articles from international electronic databases on the topic of mental health loss due to the new coronavirus pandemic and other epidemics. The scientific novelty of the study consists of the identification of psycho-emotional and psycho-neurological burden of the pandemic, determination of a three-level structure of mental ill health manifestations, and a comprehensive approach to the analysis of losses (includes the characterization of emerging mental health disorders, risk factors and groups, as well as the search for its prevention areas). We achieved the following results: neuropsychiatric burden is manifested in damages to the central and peripheral nervous system, neuropsychiatric and cerebrovascular complications, and changes of mental status due to the neurotoxic effects of the SARS

CoV-2 virus. The psycho-emotional burden of the COVID-19 pandemic reveals itself physiologically – in somatic reactions to a stressful situation. At the mental level, there is a debut or relapse of panic, anxiety, depressive disorders, adaptation disorders, and symptoms of post-traumatic stress disorder. The behavioral level is associated with an increase in cases of domestic violence, various addictions, suicidal and protective behavior, changes of food habits, etc. The authors conclude that most negative consequences are preventable. The practical significance of the research is to prepare a list of mental health disorders during the pandemic, groups, and risk factors for its loss. Findings about groups and risk factors will allow substantiating the structure of further sociological research. The results obtained (including a list of ways of reducing the burden) can be used by authorities in the development of programs to strengthen population's mental health, including high-risk groups. Their implementation will reduce the burden on the medical network, improve population's quality of life, preserve the labor potential and social stability of society necessary for the post-pandemic economic recovery, and prevent the psycho-emotional burden of future epidemics. Research perspectives are cross-country comparison of the psycho-emotional burden of the pandemic and its dependence on the anti-epidemic policies implemented by governments (introduction of strict self-isolation measures, lockdown, media activities, mandatory testing, etc.).

Key words: COVID-19 pandemic, mental health, psychoemotional burden, mental disorders, neuropsychiatric disorders, suicide, depression, anxiety, domestic violence, infodemic.

Information about the Author

Yuliya E. Shmatova – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ueshmatova@mail.ru)

Статья поступила 29.01.2021.

Рецензия на: Демографическая ситуация и демографическое поведение населения Вологодской области: I региональный демографический доклад

А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова, А.В. Короленко, А.П. Будилов, А.Н. Гордиевская; под ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ВолНЦ РАН, 2020. 122 с.

Екатерина Леонидовна

МОТРИЧ

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения
Российской академии наук
Хабаровск, Российская Федерация
ResearcherID: K-2988-2018

В региональном научном докладе дан объемный научный анализ формирования и развития демографической ситуации Вологодской области за первое десятилетие XXI века. Авторами отмечено, что отличительной особенностью региона является депопуляция, складывающаяся под воздействием миграционной и естественной убыли населения. Примечательно, что в работе подробно проанализированы демографические процессы в разрезе муниципальных образований Вологодской области. Это дает представление о тенденциях развития любой территории. Приводится сравнение развития демографических процессов Вологодской области и Российской Федерации в целом,

что позволяет определить место и роль региона в развитии народонаселения страны. Описывая происходящие демографические процессы в области, авторы иллюстрируют их графически, что усиливает восприятие демографической ситуации. Вполне логично, что подробный анализ демографической ситуации позволил исполнителям доклада сделать выводы относительно перспектив динамики народонаселения Вологодской области до 2035 г.

К объяснению демографических процессов, происходящих в Вологодской области, авторы подошли на основе социологических исследований репродуктивного и миграционного поведения населения. И это справедливо,

---

Для цитирования: Мотрич Е.Л. Рецензия на: Демографическая ситуация и демографическое поведение населения Вологодской области: I региональный демографический доклад / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова, А.В. Короленко, А.П. Будилов, А.Н. Гордиевская; под ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ВолНЦ РАН, 2020. 122 с. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 225–226. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.14

For citation: Motrich E.L. A review of the report: Demographic situation and demographic behavior of the population of the Vologda Oblast: 1st regional demographic report. A.A. Shabunova, O.N. Kalachikova, A.V. Korolenko, A.P. Budilov, A.N. Gordievskaya; ed. A.A. Shabunova. Vologda: VolRC RAS, 2020, 122 p. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 225–226. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.14

поскольку понимание этих аспектов дает возможность для решения проблем в области формирования демографического потенциала территории.

Логичным продолжением данного аспекта исследования в представленном докладе является обобщение мероприятий по формированию демографического потенциала в Вологодской области на основе государственной социально-демографической политики. Отмечая позитивные результаты принятых мероприятий, авторы справедливо отмечают нерешенные проблемы. Вполне логично, что в работе сделан переход от анализа мероприятий демографической политики на федеральном уровне к анализу социально-демографической политики на региональном уровне с акцентированием внимания на ее значительной роли в достижении общей цели преодоления депопуляции в стране. При этом авторы доклада справедливо обращают внимание на «сильные» и «слабые» стороны социально-демографической политики в регионе и высказывают свое мнение о государственной политике, в частности в области рождаемости, на основе оценки населения по результатам социологического исследования.

Проведенное исследование демографической ситуации и демографического поведения населения Вологодской области позволило исполнителям доклада сформулировать рекомендации в части совершенствования социально-демографической политики как на федеральном, так и на региональном уровне.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что в докладе недостаточное внимание уделено анализу миграционной ситуации в Вологодской области. Конечно, очень важно, что представлен социологический анализ миграционной мотивации населения Вологодской области, но при каких условиях будут осуществляться привлечение и закрепление мигрантов, говорится недостаточно.

Несмотря на высказанное замечание, доклад «Демографическая ситуация и демографическое поведение населения Вологодской области» весьма полезен управленческим и административным структурам рассматриваемой территории, ученым, занимающимся проблемами формирования населенческого потенциала территорий, всем интересующимся демографическим развитием и демографической политикой государства и отдельных регионов Российской Федерации.

Сведения об авторе

Екатерина Леонидовна Мотрич – доктор экономических наук, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: motrich@ecrin.ru)

Motrich E.L.

A Review of the Report: Demographic Situation and Demographic Behavior of the Population of the Vologda Oblast: 1st Regional Demographic Report

A.A. Shabunova, O.N. Kalachikova, A.V. Korolenko, A.P. Budilov,
A.N. Gordievskaya; ed. A.A. Shabunova. Vologda: VolRC RAS, 2020, 122 p.

Information about the Author

Ekaterina L. Motrich – Doctor of Sciences (Economics), Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: motrich@ecrin.ru)

Статья поступила 17.03.2021.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (апрель 2021 г.), а также за период с февраля 2020 по апрель 2021 г. (последние 6 опросов).

Дается сопоставление результатов исследований с данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2018–2020 гг.²

За период с февраля по апрель 2021 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился. Доля положительных оценок составляет 50–52%, отрицательных – 31%.

Уровень одобрения деятельности главы государства в апреле 2021 г. несколько хуже (на 2 п. п.), чем в феврале 2020 г., когда удельный вес положительных оценок составлял 54%. Доля отрицательных суждений в апреле 2021 г. по сравнению с февралем 2020 г. существенно не изменилась (31%)³.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vsecc.ac.ru>.

² В 2020 году было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения Covid-19.

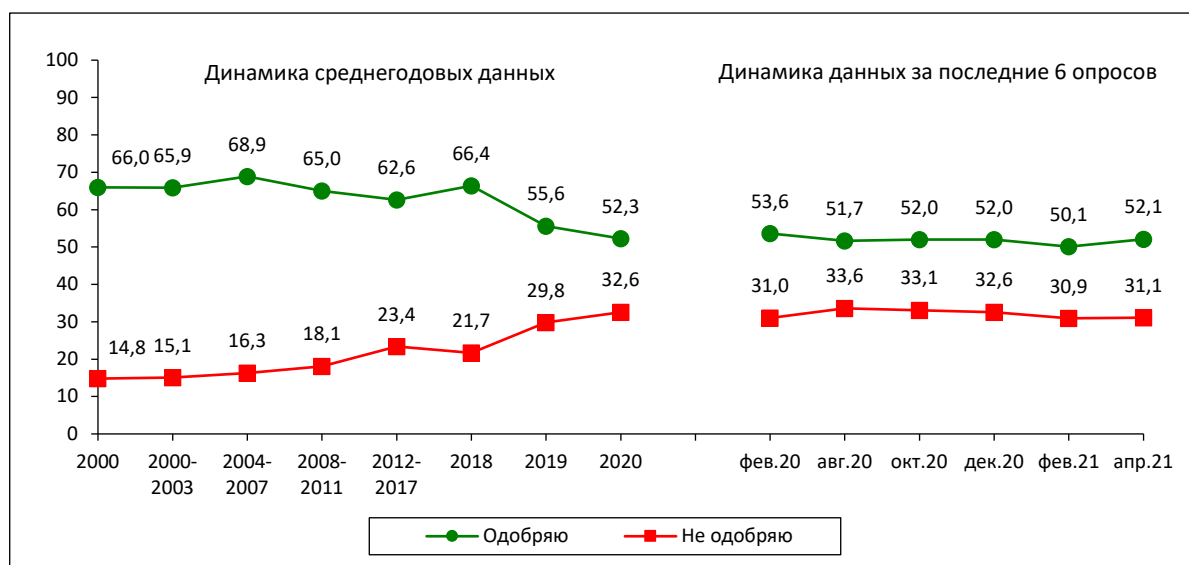
³ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в апреле 2021 г., с результатами «волны» мониторинга, проведенной в феврале 2020 г. (последний опрос перед введением карантинных ограничений).

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)*

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных							Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), апр. 2021 к фев. 2020
	2000	2007	2011	2012	2018	2019	2020	Фев. 2020	Авг. 2020	Окт. 2020	Дек. 2020	Фев. 2021	Апр. 2021	
Президента РФ														
Одобрю	66,0	75,3	58,7	51,7	66,4	55,6	52,3	53,6	51,7	52,0	52,0	50,1	52,1	-2
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	21,7	29,8	32,6	31,0	33,6	33,1	32,6	30,9	31,1	0
Председателя Правительства РФ**														
Одобрю	-**	-**	59,3	49,6	48,0	41,1	38,7	37,9	38,9	38,8	39,1	37,6	38,8	+1
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	31,6	38,4	40,4	40,9	40,9	40,8	38,8	38,8	38,3	-3
Губернатора области														
Одобрю	56,1	55,8	45,7	41,9	38,4	35,7	35,0	36,2	35,2	35,5	32,9	33,9	36,3	0
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	37,6	40,2	42,5	41,8	41,9	42,1	44,2	42,4	41,3	0

* Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..?»
 Согласно методике проведения исследования ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются или считаются незначительными; в таблицах они выделены синим цветом. Позитивные изменения выделены зеленым цветом, негативные – красным.
 ** Вопрос задается с 2008 г. В 2020 г. первый опрос проходил в период с 24 января по 12 февраля. Действующий Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин только вступил в свою новую должность (16 января 2020 г.), поэтому у респондентов спрашивалось мнение относительно деятельности бывшего премьер-министра Д.А. Медведева.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?
 (в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)*

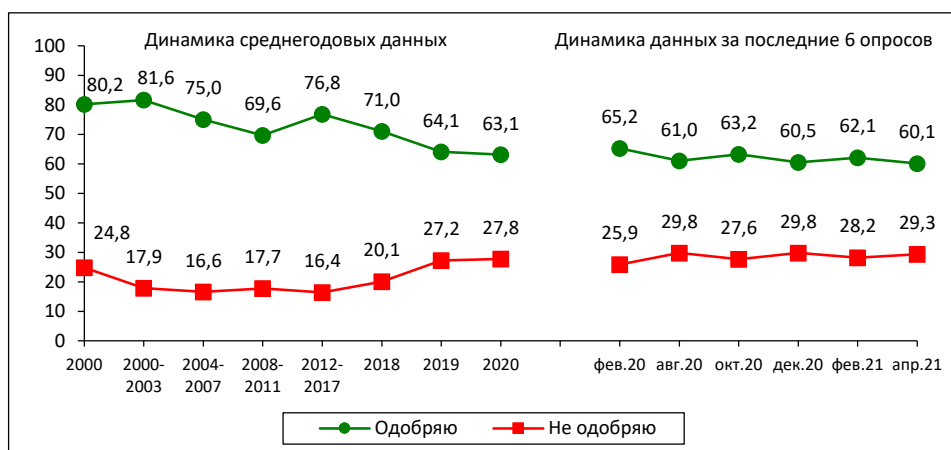
* Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2018, 2019, 2020 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Для справки:

По данным ВЦИОМ за февраль – первую половину апреля 2021 г.⁴ уровень одобрения деятельности Президента РФ составил 61–62%, доля негативных суждений – 28–29%.

По последним данным Левада-Центра (февраль – март 2021 г.)⁵ оценка деятельности главы государства немного ухудшилась: доля положительных суждений уменьшилась на 2 п. п. (с 65 до 63%), отрицательных – осталась на уровне 34–35%.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)*

Годовая динамика (апрель 2021 г. к февралю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Одобрению	-5
Не одобряю	+3

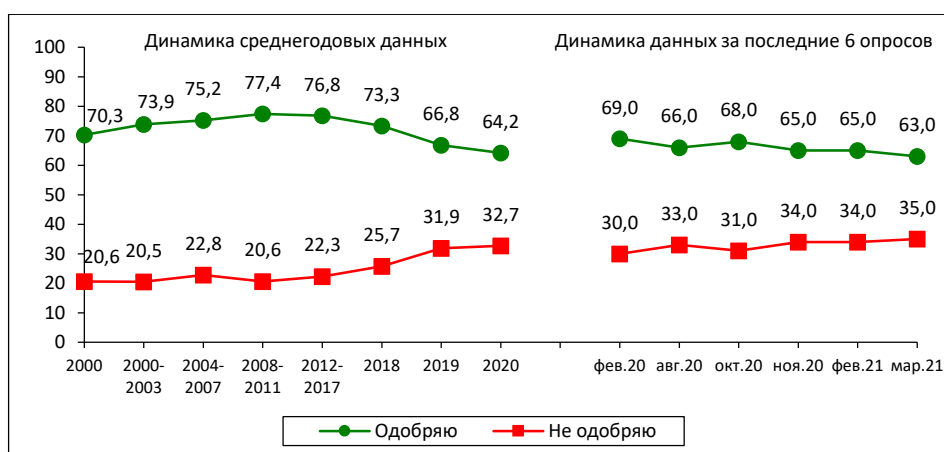
* Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?»

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru>

Данные за февраль 2021 г. – среднее за два опроса: от 07.02.2021 и 14.02.2021.

Данные за апрель 2021 г. – среднее за два опроса: от 04.04.2021 и 11.04.2021.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра)*

Годовая динамика (март 2021 г. к февралю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Одобрению	-6
Не одобряю	+5

* Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента (премьер-министра) России?»

Источник: данные Левада-Центра. URL: <https://www.levada.ru> (данные за декабрь 2020 г. отсутствуют).

⁴ На момент подготовки материала последние данные ВЦИОМ – от 11 апреля 2021 г. Источник: ВЦИОМ. Рейтинги. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-gosudarstvennykh-institutov>

⁵ Последние данные – март 2021 г. Источник: Левада-Центр. Индикаторы. URL: <https://www.levada.ru/indikatory>

С февраля по апрель 2021 г. существенно не изменилась доля жителей области, считающих успешными действия главы государства по укреплению международных позиций России (46%), а также защите демократии и укреплению свобод граждан (31–32%).

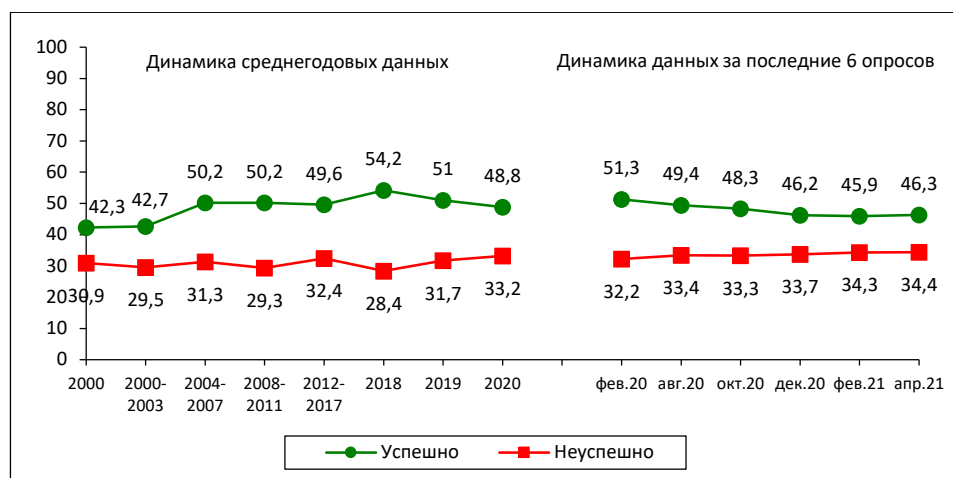
В то же время негативные изменения отмечаются в оценке успешности решения Президентом проблемы наведения порядка в стране (доля положительных суждений за последние два месяца снизилась на 4 п. п., с 41 до 37%) и роста благосостояния населения (удельный вес негативных суждений возрос на 2 п. п., с 61 до 63%).

По сравнению с февралем 2020 г. доля положительных оценок успешности работы Президента снизилась фактически по всем ключевым проблемам:

- ✓ укрепление международных позиций России – на 5 п. п. (с 51 до 46%);
- ✓ наведение порядка в стране – на 7 п. п. (с 44 до 37%);
- ✓ защита демократии и укрепление свобод граждан – на 4 п. п. (с 35 до 31%);
- ✓ подъем экономики и рост благосостояния граждан – на 3 п. п. (с 26 до 23%).

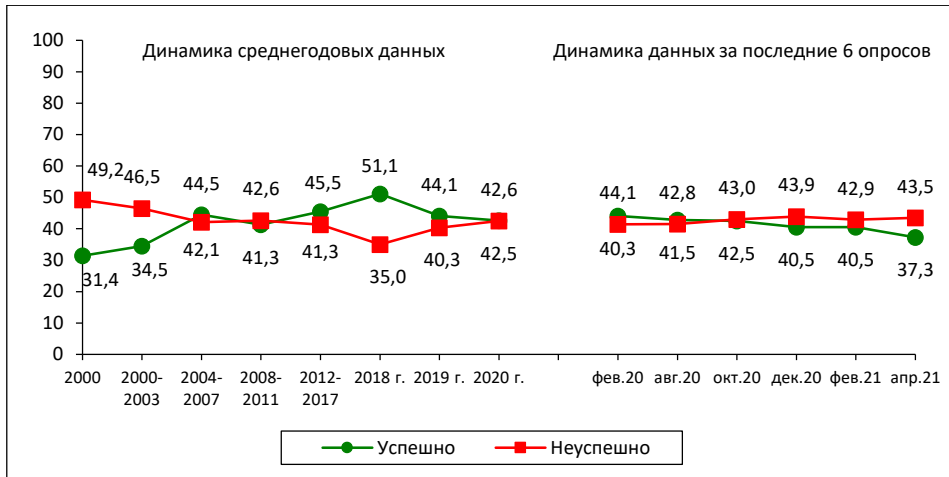
Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Укрепление международных позиций России

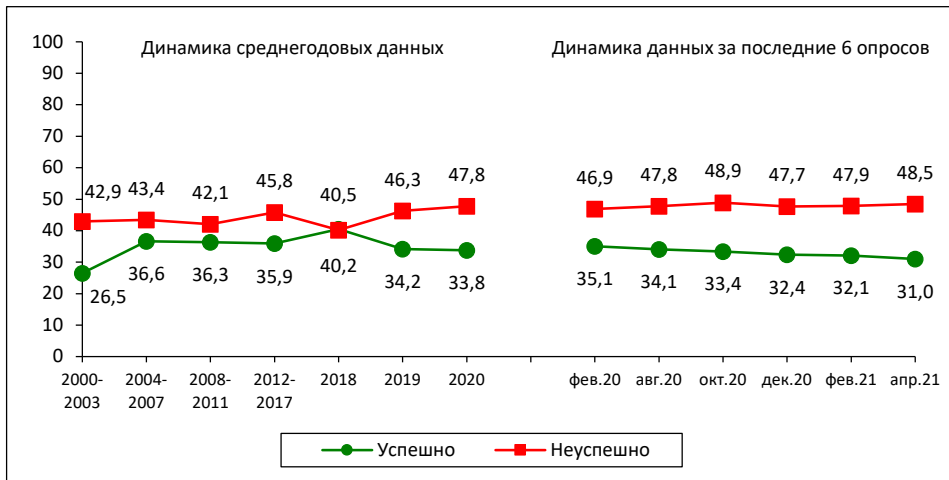
Годовая динамика (апрель 2021 г. к февралю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	-5
Неуспешно	+2

Наведение порядка в стране

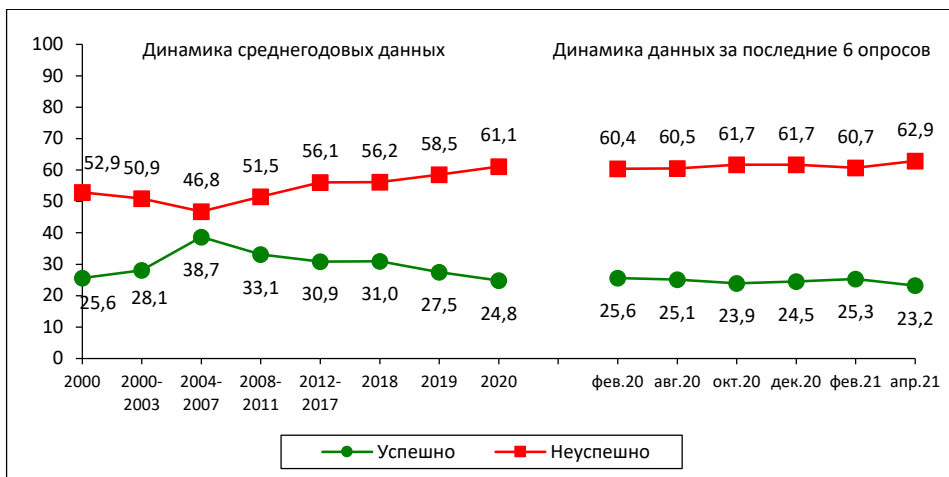
Годовая динамика (апрель 2021 г. к февралю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	-7
Неуспешно	+2

Защита демократии и укрепление свобод граждан

Годовая динамика (апрель 2021 г. к февралю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	-4
Неуспешно	+2

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Годовая динамика (апрель 2021 г. к февралю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Успешно	-2
Неуспешно	+3

Ощутимых изменений в структуре партийно-политических предпочтений жителей Вологодской области за период с февраля по апрель 2021 г. не произошло. В ней по-прежнему доминирует «Единая Россия» (доля ее сторонников составляет 31–32%), поддержка остальных партий значительно меньше: 9–10% – ЛДПР, 8–9% – КПРФ, 3–4% – «Справедливая Россия».

Более трети населения региона (36%) считает, что ни одна из политических сил, представленных на сегодняшний день в Государственной Думе, не отражает их интересы.

Аналогичная структура партийно-политических предпочтений наблюдалась в феврале 2020 г., а также в среднем за 2019 и 2020 гг.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных										Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), апр. 2021 к фев. 2020
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2019	2020	Фев. 2020	Авг. 2020	Окт. 2020	Дек. 2020	Фев. 2021	Апр. 2021	
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	33,8	31,5	33,2	30,9	31,1	30,9	30,5	31,5	-2
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,8	8,4	8,9	8,6	8,8	7,3	8,3	8,7	0
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,1	9,5	9,9	9,3	9,4	9,5	10,1	9,9	0
Справедливая Россия	-	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	3,4	4,7	4,7	4,8	4,3	5,0	3,6	2,6	-2
Другая	0,9	1,8	1,9	-	2,1	0,3	-	0,7	0,3	0,5	0,6	0,4	0,3	0,7	0,2	0,1	0
Никакая	29,6	17,8	29,4	-	31,3	29,4	-	28,5	33,7	34,2	34,0	33,6	33,8	35,3	35,9	36,4	+2
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	-	11,7	12,0	-	11,2	11,0	11,1	8,7	12,4	12,2	11,2	11,3	10,9	+2

За последние два месяца улучшились показатели социального самочувствия населения:

✓ доля людей, положительно характеризующих свое эмоциональное состояние, с февраля по апрель 2021 г. увеличилась на 3 п. п. (с 60 до 63%);

✓ удельный вес тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», – на 4 п. п. (с 70 до 74%).

В то же время остается стабильно высокой доля людей, субъективно причисляющих себя к категории «бедных и нищих» жителей области (48% против 40% тех, кто относит себя к людям «среднего достатка»).

При этом в феврале – апреле 2021 г. несколько снизился индекс потребительских настроений (на 2 пункта, с 85 до 83 п.), что говорит о росте пессимистических суждений населения в отношении прогнозов развития экономической ситуации в стране и своего личного материального благополучия.

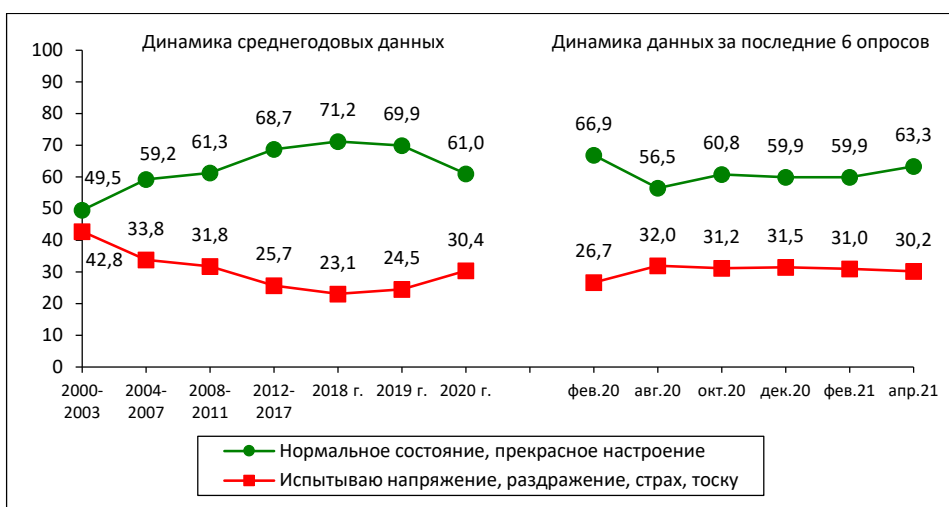

По сравнению с февралем 2020 г. ухудшились показатели социального настроения (доля положительных оценок уменьшилась на 4 п. п., с 67 до 63%), заметно снизился индекс потребительских настроений (на 8 пунктов, с 91 до 83 п.).

Доля людей, считающих, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», существенно не изменилась (74–75%), как и удельный вес людей, относящих себя к категории «бедных и нищих» жителей области (48–49%).

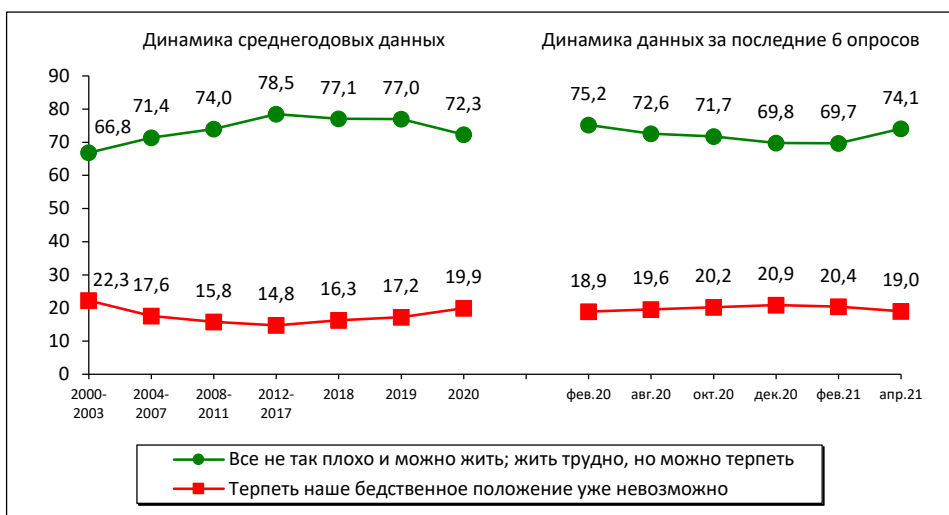
Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Социальное настроение

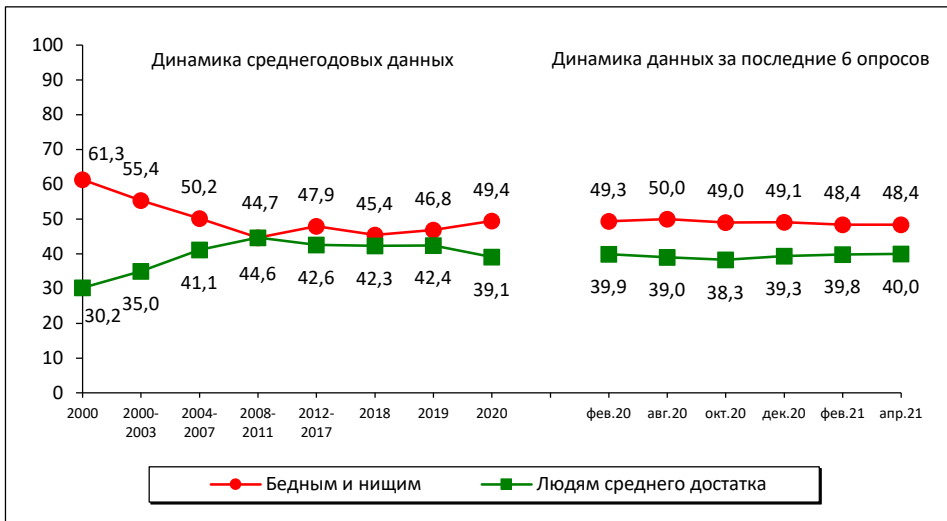
Годовая динамика (апрель 2021 г. к февралю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Нормальное состояние, прекрасное настроение	-4
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	+4

Запас терпения

Годовая динамика (апрель 2021 г. к февралю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	-1
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	0

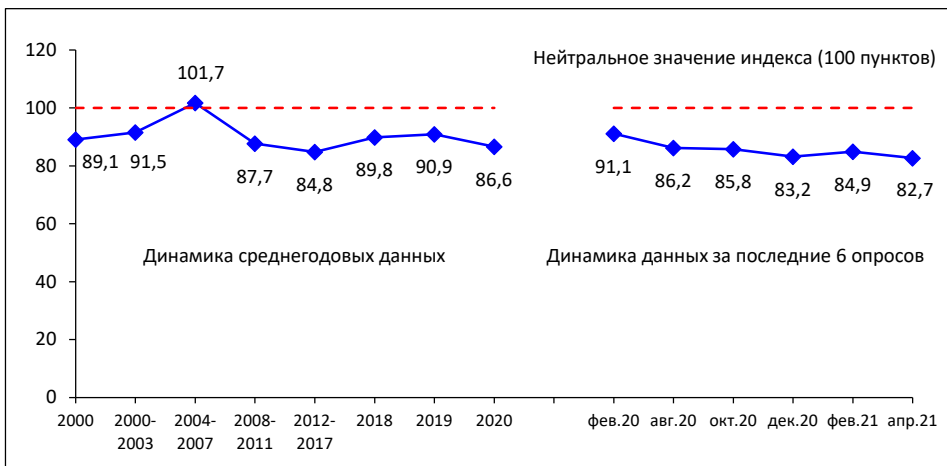
Социальная самоидентификация*

Годовая динамика (апрель 2021 г. к февралю 2020 г.)	
Вариант ответа	Изменение (+ / -)
Доля считающих себя людьми среднего достатка	0
Доля считающих себя бедными и нищими	-1

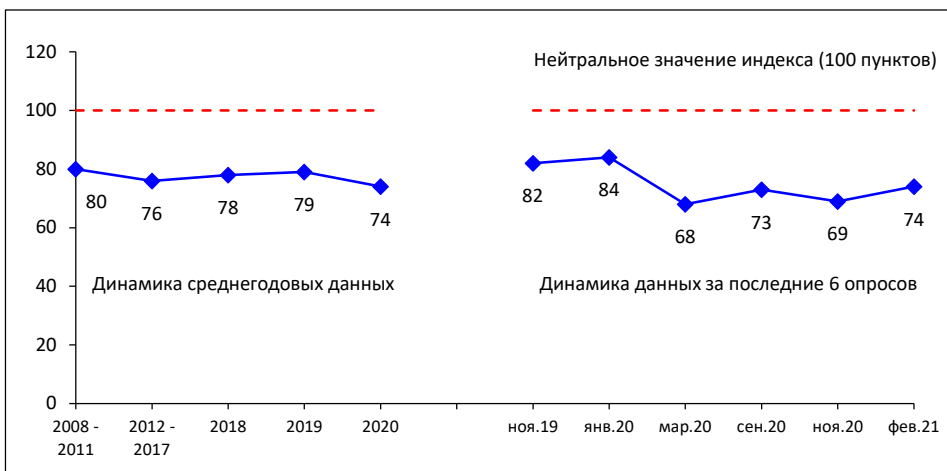
* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

Индекс потребительских настроений (ИПН, в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

Годовая динамика (апрель 2021 г. к февралю 2020 г.)	
ИПН	Изменение (+ / -)
Значение индекса, в пунктах	-8

Индекс потребительских настроений (ИПН, в пунктах; данные Левада-Центра* по России)

Годовая динамика (февраль 2021 г. к январю 2020 г.)	
ИПН	Изменение (+ / -)
Значение индекса, в пунктах	-10

* Индекс рассчитывается с 2008 г.

Источник: данные Левада-Центра. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>
 Последние данные – на февраль 2021 г. Данные за период с апреля по август 2020 г. отсутствуют.

За период с февраля по апрель 2021 г. доля людей, характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние преимущественно позитивно, увеличилась в большинстве (в 9 из 14) социально-демографических групп, особенно среди людей в возрасте до 30 лет (на 6 п. п., с 61 до 67%), а также тех, кто по самооценке собственных доходов относится к группе 60% средне-обеспеченных жителей области (на 6 п. п., с 60 до 66%).

Нельзя не отметить рост доли положительных оценок социального настроения в группе тех, кто по самооценкам своих доходов относится к категории 20% наименее обеспеченных граждан (на 6 п. п., с 44 до 50%).

Негативные изменения за последние два месяца наблюдаются только среди людей, которые по самооценкам собственных доходов относятся к категории 20% наиболее обеспеченных слоев населения (на 5 п. п., с 76 до 71%).

В то же время более выраженные негативные изменения отмечаются в динамике с февраля 2020 по апрель 2021 г. За этот период настроение ухудшилось в 9 из 14 социально-демографических категорий населения. Особенно ярко отрицательные изменения проявились среди жителей Вологды (доля позитивных оценок уменьшилась на 10 п. п., с 67 до 57%), а также среди людей, по самооценкам доходов относящихся к категории 20% наиболее обеспеченных граждан (на 8 п. п., с 79 до 71%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных							Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), апр. 2021 к фев. 2020
	2000	2007	2011	2012	2018	2019	2020	Фев. 2020	Авг. 2020	Окт. 2020	Дек. 2020	Фев. 2021	Апр. 2021	
Пол														
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	72,8	70,1	60,8	67,0	55,6	60,7	60,0	60,8	61,3	-6
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	69,8	69,6	61,2	66,9	57,3	60,8	59,8	59,2	64,9	-2
Возраст														
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	80,0	81,1	67,6	71,7	69,0	64,6	65,2	60,9	67,4	-4
30–55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	72,6	71,2	61,8	67,5	56,2	62,5	60,9	64,4	65,5	-2
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	65,2	63,3	57,4	64,3	51,9	56,9	56,5	54,1	59,1	-5
Образование														
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	64,8	63,2	56,1	63,1	51,7	56,9	52,6	56,2	56,9	-6
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	72,2	72,7	63,5	69,0	59,1	63,5	62,5	60,9	64,3	-5
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	76,8	73,4	63,3	68,6	58,6	61,4	64,6	62,7	68,7	0
Доходные группы														
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	57,3	53,2	43,4	48,4	40,4	46,0	38,9	44,3	49,8	+1
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	65,3	68,7	71,9	71,4	62,6	68,4	56,6	61,9	63,3	60,1	65,8	-3
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	82,9	81,8	75,6	79,1	76,4	70,6	76,3	76,0	70,8	-8
Территории														
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	71,0	68,6	60,9	66,9	57,0	61,0	58,7	55,8	57,0	-10
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	75,8	71,2	60,4	67,3	54,4	59,3	60,7	64,4	68,1	+1
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	68,7	69,8	61,4	66,8	57,5	61,4	60,0	59,7	64,0	-3
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	71,2	69,9	61,0	66,9	56,5	60,7	59,9	59,9	63,3	-4

РЕЗЮМЕ

Очередной этап мониторинга, проведенный в апреле 2021 г., показал ряд разнонаправленных изменений в динамике общественного мнения за последние два месяца.

С одной стороны, улучшились показатели социального самочувствия населения:

- ✓ доля положительных оценок социального настроения в целом по области увеличилась на 3 п. п. (с 60 до 63%). При этом в отдельных социально-демографических категориях позитивные изменения еще более выражены. Так, на 6 п. п. увеличилась доля положительных оценок социального настроения среди людей в возрасте до 30 лет (с 61 до 67%) и тех, кто по самооценке собственных доходов относится к группе 60% среднеобеспеченных жителей области (с 60 до 66%);

- ✓ удельный вес людей, считающих, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», вырос на 4 п. п. (с 70 до 74%).

С другой стороны, некоторые показатели мониторинга свидетельствуют о том, что за этот же период (с февраля по апрель 2021 г.) заметно ухудшилась самооценка людьми текущего состояния и перспектив своего материального положения:

- ✓ так, на 2 п. п. (с 61 до 63%) увеличилась доля жителей области, считающих, что Президент РФ неуспешно справляется с проблемой подъема экономики и роста благосостояния населения;

- ✓ на протяжении фактически всего 2020 г. и в 2021 г. сохраняется стабильный удельный вес тех, кто субъективно относит себя к «бедным и нищим» слоям населения (48–49%, для сравнения, доля людей «среднего достатка» составляет 40%);

- ✓ в апреле 2021 г. в очередной раз снизился (на 2 п. п., с 85 до 83 п.) и достиг минимального значения за весь период измерений индекс потребительских настроений (ИПН). С 2008 г. ИПН остается на уровне ниже 100 пунктов, что свидетельствует о преобладании пессимистических прогнозов в оценке людьми будущего экономики и своего личного материального положения. При этом пессимизм населения усиливается, о чем говорит ухудшающаяся динамика ИПН как в годовой динамике (в 2019 г. ИПН составлял 91 п., в 2020 г. — 87 п.), так и в краткосрочной ретроспективе (в феврале 2020 г. ИПН равнялся 91 п., в апреле 2021 г. — 83 п.).

Ухудшению оценок социального настроения препятствует ряд нематериальных факторов:

- ✓ продолжающаяся вакцинация населения и, как следствие, снижение числа заболеваний и смертей от коронавируса (в то время как в ряде стран Европы отмечается «третья волна» эпидемии);

- ✓ достаточно четкая, решительная и отражающая национальные интересы страны позиция России в международных политических отношениях (которые существенно обострились после победы Д. Байдена на президентских выборах в США и последовавшей вслед за этим эскалацией конфликта в Украине);

- ✓ немаловажен также и сезонный фактор, поскольку наступление весны традиционно позитивно влияет на оценки эмоционального самочувствия. Во многом поэтому за весь период измерений в феврале — апреле никогда не отмечалось ухудшение социального настроения, при этом рост позитивных оценок на 3–4 и более процентных пунктов — явление весьма распространенное: такие изменения, например, наблюдались в периоды 1999–2003, 2007–2008, 2011, 2014–2016, 2018 гг.

Вместе с тем наличие достаточно весомых нематериальных факторов, препятствующих резкому ухудшению оценок социального самочувствия, в некотором смысле компенсируется наиболее уязвимыми аспектами, обуславливающими характер общественных настроений, а именно вопросами, связанными с уровнем и качеством жизни, существенно обострившимися в 2020–2021 гг. из-за пандемии коронавируса.

Возможно, поэтому в динамике уровня одобрения деятельности федеральных и региональных органов власти пока не наблюдается существенных позитивных изменений, несмотря на то что государство продолжает активно принимать меры по поддержке социально уязвимых групп в сложных условиях преодоления последствий эпидемиологического кризиса.

Вопросам внутреннего развития, в частности поддержания уровня и качества жизни людей в постковидный период, было посвящено очередное Послание Президента Федеральному Собранию РФ, состоявшееся 21 апреля 2021 г. Глава государства озвучил конкретные поручения правительству и руководителям субъектов РФ, анонсировал ряд мер прямой финансовой поддержки отдельным категориям населения, которые, безусловно, будут с воодушевлением восприняты значительной частью российского общества.

Насколько эффективно будут исполняться решения главы государства — вопрос неоднозначный и, в то же время, приобретающий особую важность в условиях усиливающейся напряженности международной политической обстановки, массовых протестных акций, которые продолжает организовывать несистемная оппозиция, а также приближающихся выборов в Государственную Думу РФ (сентябрь 2021 г.).

Пожалуй, на этом фоне вопрос эффективности реализации как всегда четких и конкретных поручений Президента приобретает статус фактора национальной безопасности, поскольку отсутствие ощутимых для большинства населения сдвигов в этом направлении будет автоматически означать обострение градуса социальной напряженности в стране, что имеет особое значение в преддверии нового политического цикла.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.М. Бахвалова, Е.Э. Леонидова

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscs.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи

1. Поля.

Правое – 1 см, остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5r1tkb73ae013ofk4g8nr1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится пронумерованный список библиографических источников.

Список литературы составляется в том же порядке, в котором источники упоминались в тексте статьи, а не по алфавиту (используется ванкуверский стиль оформления).

Если статья имеет doi, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹ (приложение 5).

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____, (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ВолНЦ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____
_____
Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____
_____
Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

АКТ
приёма-передачи произведения

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «**Лицензиат**», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «**Лицензиар**», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «**Сторона/Стороны**», составили настоящий акт о том, что Лицензиар предоставил Лицензиату Произведение _____ в печатной/электронной версии для использования в соответствии с подписанным сторонами Лицензионным договором № _____ от « ____ » _____ 20__ года.

Передал
Лицензиар:

Принял
От Лицензиата:

_____ / _____
подпись   ф. и. о. полностью

_____ / _____ / _____
подпись

М. П.

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);

2) на сайте <http://www.akc.ru>;

3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 28.04.2021.
Дата выхода в свет 30.04.2021.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 28,6. Тираж 500 экз. Заказ № 61.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru